ГРУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ГЕРОИ

Виталий Никольский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Генерал-майор Виталий Никольский в своей книге впервые подробно рассказал о деятельности оперативной агентурной разведки, которой он посвятил большую часть своей работы в ГРУ. Сначала оперативной агентурой Никольский занимался в центральном аппарате разведупра генштаба Красной Армии, где служил с 1938 по 1941 год, выполнял задания на фронте в первые месяцы великой отечественной, создавая разведгруппы в городах, которые могли быть захвачены противником, занимался агентурой в разведывательных отделах 10-й армии, западного и сталинградского фронтов (1941 - 1943), затем вновь в центральном аппарате ГРУ (1943-1947). В 1944-1945 гг. готовил разведчиков для работы в тылу врага в московском серебряном бору. Виталий Александрович в своих «записках» называет имена и описывает деятельность многих героев «невидимого фронта», большую часть которых он знал лично.

- Виталий Никольский
  -
  - ГЛАВА 1. Начало службы в разведке
  - ГЛАВА 2. Оперативная агентурная разведка в предвоенные годы
  - ГЛАВА 3. Война. Создание разведки в ходе боевых действий
  - ГЛАВА 4. Армейское звено оперативной разведки в первые месяцы войны
  - ГЛАВА 5. Работа 2-го отделения разведотдела штаба Западного фронта
  - ГЛАВА 6. Работа в РО штаба Сталинградского фронта. Ликвидация оперативной агентурной разведки
  - ГЛАВА 7. Работа в Центре (январь 1943 - май 1945 г.)
  - ГЛАВА 8. Материально-техническое обеспечение разведчиков
  - ГЛАВА 9. Конец войны. Польша. 1944-1945 гг.
  - ГЛАВА 10. Итоги деятельности агентурной оперативной разведки в годы войны
  - ГЛАВА 11. Служба в Центральной группе войск в Австрии (1947-1955)
  - ГЛАВА 12. Типы австрийцев
  - ГЛАВА 13. Работа западных разведок в Австрии
  - ГЛАВА 14. Деятельность разведки ЦГВ. Помогала притягательная идея

- ГЛАВА 15. Несение оккупационной службы войсками
- ГЛАВА 16. ГДР - Группа советских войск в Германии (1956-1958 гг.)
- ГЛАВА 17. Денежная реформа в ГДР в 1957 году
- ГЛАВА 18. ГДР (1956-1958 гг.). Встречи и наблюдения
- ГЛАВА 19. Глазами военного атташе
- ГЛАВА 20. Ассоциация военных атташе
- ГЛАВА 21. Шпиономания
- ГЛАВА 22. Текущая работа военного атташе
- ГЛАВА 23. Досадные просчеты, ошибки, упущения
- ГЛАВА 24. Коротко о вооруженных силах Швеции
- ГЛАВА 25. Некоторые вопросы гражданской обороны Швеции
- ГЛАВА 26. Стиг Веннерстрем

Виталий Никольский

ГРУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ГЕРОИ НЕВИДИМОГО ФРОНТА

Генерал-майор Виталий Никольский в своей книге впервые подробно рассказал о деятельности оперативной агентурной разведки, которой он посвятил большую часть своей работы в ГРУ. Сначала оперативной агентурой Никольский занимался в центральном аппарате разведупра генштаба Красной Армии, где служил с 1938 по 1941 год, выполнял задания на фронте в первые месяцы великой отечественной, создавая разведгруппы в городах, которые могли быть захвачены противником, занимался агентурой в разведывательных отделах 10-й армии, западного и сталинградского фронтов (1941 - 1943), затем вновь в центральном аппарате ГРУ (1943-1947). В 1944-1945 гг. готовил разведчиков для работы в тылу врага в московском серебряном бору. Виталий Александрович в своих «записках» называет имена и описывает деятельность многих героев «невидимого фронта», большую часть которых он знал лично.

ГЛАВА 1. Начало службы в разведке

Летом 1937 года закончилась моя учеба в Военно-химической академии (ВХА).

Основная масса выпускников, получив воинское звание воентехника I ранга, что соответствовало званию старшего лейтенанта, уезжала служить в войска на должности помощников начальников химической службы стрелковых дивизий по технической части. Некоторые командиры направлялись на полигоны и склады, а отдельные товарищи выдвигались на посты, о которых они не имели даже представления (работа в НКВД и разведке, парторгами заводов, комиссарами НИИ и др.). Это было связано с тем, что в связи с массовыми репрессиями в громадном государственном, партийном и военном аппарате ощущалась острая нехватка кадров, которую надо было срочно устранить. Но заполнение вакуума проводилось зачастую без учета деловых качеств людей, на основании лишь анкетных данных (основной упор делался на пролетарское происхождение и партийность). В связи с этим создавались благоприятные условия для проникновения в руково дящие государственные и партийные органы и звенья карьеристов, перестраховщиков, стяжателей и просто невежд, которые любой ценой стремились закрепиться на своих престижных постах.

В начале 1937 года, когда мы работали над дипломными проектами, меня вызвали в Разведывательное управление (РУ) РККА к комбригу Стигге[1] и предложили, после окончания академии, работать в военной разведке. Из беседы я понял, что вопрос о зачислении в разведку практически решен, требуется лишь мое добровольное согласие на это.

Стигга вместе с комбригом Туммельтау[2] обрисовали сложность моей будущей профессии, ее важность для государства. Они говорили о доверии, которое оказывается мне, и так умело подействовали на мои патриотические чувства, что я без колебания согласился служить в разведке. Заполнив несколько анкет, я вышел из особняка в районе Гоголевского бульвара уверенным в правильности принятого мною решения.

К моему удивлению, после окончания академии я был назначен на должность помощника начальника химической службы 43-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в Великих Луках. В РУ РККА мне сказали, что это временное явление и что я должен ехать к месту службы, оставив жену в Москве.

Вероятнее всего принятое решение было связано с моей

проверкой и с тем, что в этот период времени не было стабильности в самом РУ. Последовательно репрессировались его начальники комкоры Я.К. Берзин, С.П. Урицкий, А.М. Никонов (в последующем С.Г. Гендин, А.Г. Орлов и И.И. Проскуров), а также липа, предлагавшие нам службу в разведке. Получилось так, что с этими «врагами народа» мы были косвенно связаны.

Я уже стал забывать о встречах и беседах со Стиггой и Туммельтау (позже стало известно - они были расстреляны), как весной 1938 года состоялся приказ о назначении меня и К.Л. Ефремова[3] состоящими в распоряжении РУ РККА, хотя несколькими днями позже, приказом НКО, я был зачислен в адъюнктуру ВХА. Однако моя научная «карьера» не состоялась, и я приступил к службе в военной разведке, которая затянулась на треть столетия.

К середине 1938 года в РУ РККА, как уже отмечалось, произошли большие перемены. Командование управления, руководители отделов, многие оперативные работники были отстранены от должностей и репрессированы. Большинство этих опытных разведчиков отлично знали свое дело, владели иностранными языками, многие из них неоднократно выезжали нелегально за рубеж. Это были чуткие и требовательные люди, пользовавшиеся большим авторитетом и уважением. И вдруг их обвинили в измене, арестовали, многих уничтожили. Репрессировали и агентов, которыми они руководили. Почти вся разведывательная сеть за рубежом была ликвидирована. Сохранившиеся агенты и разведчики находились под подозрением. Поступавшей ценной информации от таких, как Р. Зорге, патриотов-разведчиков не верили. Данные о подготовке Германии к войне с нами рассматривались как дезинформация.

Кадры РУ формировались как бы заново. На руководящие должности приходили новые, в большинстве своем хорошо образованные и преданные нашему делу командиры. Но многие из них не были подготовлены в специальном отношении. У оставшихся руководителей разведки не было уверенности в том, что завтра они не будут арестованы как враги народа, а это подавляло их инициативу, вело к перестраховке, они ограждали себя всевозможными визами и резолюциями, исходящими от руководителей НКО и т. д. Особенно непримиримым показал себя начальник политотдела РУ (позднее начальник РУ) И.И. Ильичев. Всех старых сотрудников разведки он рассматривал как потенциальных врагов народа, а агентурную сеть, созданную ими, - как враждебную, подлежащую уничтожению.

В конце тридцатых годов происходила замена и среднего звена оперативных работников разведки. Это были молодые

неопытные командиры, выпускники различных академий, не имевшие ни разведывательной подготовки, ни оперативного опыта работы. Так, в 4-м отделе[4] военно-технической разведки, где нам с Ефремовым предстояло проходить службу, начальником был А.А. Коновалов, окончивший ВХА двумя годами раньше нас. Начальниками отделений были: бронетанковой техники - выпускник Бронетанковой академии М.Ф. Ленгник, артиллерийского - А.Д. Зубанов, авиационного - П.П. Мелкишев, связи - В.И. Артемкин, военно-химического - А.Х. Вахитов и т. д. Все они были хорошо подготовленными в инженерном отношении, старательными, инициативными, исполнительными, но, как уже отмечалось, не имевшими разведывательной подготовки командирами.

В ту пору в РУ среди оперативных работников еще много было евреев (некоторые из них носили русские фамилии): Л.С. Эпштейн, С.И. Бумштейн, М.А. Мильштейн, Н.С. Соркин, З.М. Гутин, М.С. Герценштейн, М.И. Полякова и другие. Следует отметить, что все они имели хорошую разведывательную подготовку, практический опыт работы в разведке, владели иностранными языками, часто выезжали с заданиями за р убеж и для нас, новичков, казались асами разведки. Многие из них успешно работали в РУ до окончания Великой Отечественной войны.

Вскоре меня и Ефремова направили на годичные разведывательные курсы, в так называемую Центральную школу подготовки командиров штаба (ЦШПКШ). Учебные группы курсов в целях конспирации размешались на «точках» за пределами Москвы. Группы не были связаны между собой и базировались на автономные хозяйства. Слушатели ЦШПКШ готовились как для работы в официальных загранаппаратах, так и для нелегальной деятельности.

«Точка» в Малаховке, где учился я, находилась в огороженном высоким дощатым забором особняке. Здесь были учебные классы и кабинеты, лаборатории, спортплощадка, пищеблок на полтора десятка человек и даже свое подсобное хозяйство.

Учебным отделением командовал полковник Егоров - старый кавалерист, не имевший понятия об агентурной разведке и изучавший этот предмет вместе с нами.

Никаких таинственных детективных дисциплин, так необходимых «рыцарям плаща и кинжала», мы не проходили. Главными нашими предметами были спецподготовка, которую вела М.И. Полякова (опытная разведчица, работавшая еще при Берзине), страноведение (изучалась та или иная страна в

зависимости от планов нашего дальнейшего оперативного использования) и иностранные языки. Изучали мы также оперативную технику - фотодело, криптографию, принципы радиосвязи и т. д., которые в то время чрезмерной сложностью не отличались.

Труднее всего было с изучением иностранного языка, так как академия давала слабую языковую подготовку. Хотя занимались мы в ЦШПКШ по 5 часов ежедневно (из них 2-3 часа с преподавателем), результаты были не блестящими. Видимо, поэтому лишь немногие из нас попали на нелегальную работу.

С общественными дисциплинами все было проще (большинство из нас только закончили военные академии). Такие дисциплины, как топография, тактика и т. д., не преподавались вообще, так как считалось, что все они были прочно освоены в академиях.

Работали слушатели в высшей степени ответственно и напряженно. Все мы находились на казарменном положении, увольнение в город проводилось только в выходные дни. Об учебе в школе запрещалось говорить не только друзьям, но и родственникам, и это неукоснительно выполнялось. Жили мы по гражданским паспортам, с измененными фамилиями, но в нашем учебном отделении все знали истинные фамилии и биографии друг друга. Там введенная командованием конспирация не срабатывала.

В ноябре 1938 года наша подготовка в ЦШПКШ закончилась. Все мы были направлены в оперативные отделы, по линии которых проводился наш первоначальный отбор. Во время учебы оперативные работники отделов держали нас под пристальным вниманием, встречались с нами, изучали нас как своих будущих подчиненных. Теперь наст упала пора про явить себя на практической работе.

Три командира из нашей группы (К.Л. Ефремов, М.В. Макаров, Н.М. Трусов) приступили к дополнительной подготовке по индивидуальным планам как будущие нелегалы, два человека определены на штатные должности, а остальные, в том числе и я, направлены в распоряжение аппарата РУ, где мы были зачислены в резерв (состоящими в распоряжении). Нас прикомандировали к различным отделам. Занимались мы подбором кандидатов на зачисление в разведку, обобщали информационные материалы и выполняли другие поручения различного, в том числе оперативного, характера.

ГЛАВА 2. Оперативная агентурная разведка в предвоенные годы

С начала 1939 года мне довелось работать в центральном аппарате военной разведки на западном направлении в должности старшего помощника начальника отделения. До 1940 года отделение входило в состав отдела военно-технической разведки, которым руководил инженер 2-го ранга А.А. Коновалов. Отдел имел задачу подбирать, готовить, направлять за рубеж в официальный заграничный аппарат и на нелегальную работу советских разведчиков и осуществлять весь комплекс мероприятий, связанных с получением информации о планах и намерениях наших вероятных противников в области развития во енной техники. В 1940 году, в связи с реорганизацией техническо го отдела, меня перевели в отдел приграничной разведки в отделение, ведавшее деятельностью разведорганов приграничных западных, особых, как их тогда называли, военных округов. Отдел занимался укомплектованием кадрами, техникой, материальными средствами, разработкой мобилизационных мероприятий на случай войны в приграничных разведорганах. В обязанности его входила также инспекция боевой готовности этих органов и анализ информации, поступающей от добывающего аппарата за рубежом. Отделом руководил полковник И.В. Виноградов, отделение возглавлял майор Н.В. Шерстнев.

Несмотря на то что по условиям конспирации каждый из сотрудников того или иного направления должен был знать только то, что ему положено по службе, все же общая картина надвигающейся военной опасности для всех работников разведки была ясна. Назревали грозные события. Германия неудержимо рвалась к господству над миром и после захвата почти всей Западной Европы, располагая мощным военно-промышленным потенциалом, отмобилизованной хорошо вооруженной армией, направила свои агрессивные устремления против первого в мире социалистического государства. Информация о подготовке нацистов к нападению на СССР начала поступать по различным каналам из нелегальных резидентур разведки, официального зарубежного аппарата, приграничных округов.

Необходимо отметить, что при достаточно хорошо налаженной работе по получению нужных нашему правительству сведений о планах и намерениях капиталистических стран и в первую очередь Германии в отношении нашей страны разведка,

даже ее ответственные работники, была весьма слабо информирована 6 планируемых акциях собственного правительства.

Так, освобождение западных областей Украины и Белоруссии, заключение с Германией договора о дружбе и границе были неожиданностью для разведки, которая не смогла даже дать указания на передислокацию наиболее ценной агентуры из бывших восточных областей Польши на запад, и она при стремительном продвижении Красной Армии к Бугу скоро оказалась в нашем глубоком тылу.

После заключения с Германией договора о ненападении резко уменьшилась острота антифашистской пропаганды среди советского народа, активно проводившаяся до этого по всем доступным каналам: печать, радио, кино, устные доклады и лекции. В библиотеках, даже разведывательного управления, изымались антифашистские книги, журналы и другие печатные материалы, в учебниках немецкого языка вырезались адаптированные статьи из рассказов немецких писателей-антифашистов, бичевавших нацизм, исчезали с экранов антифашистские фильмы, такие как «Профессор Мамлок» и др.

В прессе и публичных докладах больше внимания уделялось разоблачению политики западных империалистов, пытавшихся натравить Германию на СССР, но «благодаря дальновидности политики» Советского правительства потерпевших фиаско. В газетах и официальных публикациях проскакивали нотки злорадства по отношению к англичанам и французам, якобы тщетно пытавшимся втянуть в войну с Германией и СССР.

Несмотря на крутой поворот во взаимоотношениях с Германией, подавляющее большинство советских людей слепо верило в мудрость сталинских предначертаний, мощь своей армии, желание правительства сохранить мир любой ценой.

Твердое убеждение, что немецкий пролетариат не будет воевать с первым в мире социалистическим государством и что первый день войны с СССР будет последним днем фашизма, являлось господств ующим во всех слоях советского общества, и от него с тяжелыми жертвами пришлось постепенно избавляться уже в ходе войны.

Благодаря легким победам над панской Польшей и освобождению украинцев и белорусов в сентябре 1939 года, присоединению почти без потерь Бессарабии и Северной Буковины в июне 1940 года (с образованием в августе того же года Молдавской ССР), победе наших войск над японскими захватчиками в районе Халхин-Гола в августе 1940 года у многих от успехов закружилась голова. Присоединение к стране

социализма в течение неско льких месяцев без потерь республик и больших территорий Западной Украины и Белоруссии было предметным доказательством првильности сталинской внешней и внутренней политики.

Гремели речи, марши, песни: «Если завтра война, / Если завтра в поход…», «Любимый город может спать спокойно…», «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, / И первый маршал в бой нас поведет…» и другие подобные произведения.

В освобожденных областях устанавливалась советская власть. При этом не всегда учитывались собственные ошибки во внутренней политике, которая считалась всеми, в том числе непосредственно осуществлявшими ее, абсолютно непогрешимой.

Общий подъем несколько омрачали события на Карельском перешейке, где с 30 ноября 1939 года по 13 марта 1940 года «войска Ленинградского военного округа», поддержанные соединениями из ряда внутренних округов, вели войну с финнами. Расчеты на то, что созданное из числа финских коммунистов правительство поведет за собою весь народ Финляндии, не оправдались. Поддержанные в первую очередь гитлеровской Германией, показавшей в так называемом финском вопросе удивительное единство со своими врагами Англией и Францией, финны упорно сопротивлялись и были сломлены лишь ценой больших жертв и трехмесячных кровопролитных боев.

Государственное руководство страной, казалось, любой ценой пыталось избежать большой войны. Эти стремления отвечали чаяниям народа, который верил своему правительству, партии, вождю.

Тем временем в Разведуправление продолжали стекаться со всего мира тревожные сведения. Фашистская Германия в генерал-губернаторстве (так оккупанты назвали Польшу), Чехословакии (разделенной на протекторат Чехии и Моравии и Словакию), Румынии, Венгрии и Болгарии концентрировала свои войска открыто и под видом многочисленных миссий и советников. РО штабов приграничных военных округов доносили о концентрации немецких войск в приграничной полосе, превышающей все допустимые в мирное время нормы между соседними странами. То, что нападение фашистов неизбежно, становилось все яснее. Поступали сведения о сроках начала войны. Как в последующем оказалось, они были реальными и отличались друг от друга на несколько недель и даже дней.

Вся эта масса информации обрабатывалась, систематизировалась, докладывалась руководству РУ и Генштаба, которое, зная отрицательное мнение Сталина о возможности нападения Германии на СССР, изощрялось в стремлении охаять

источники этих правдивых сведений, которые наши замечательные люди-патриоты и интернационалисты-иностранцы добывали в разных точках земного шара с риском для жизни. Разведка неохотно рекламирует своих героев, но уже сейчас известны имена Рихарда Зорге, Льва Маневича, Владимира Заимова, Ивана Винарова, Алексея Коробицына, добывавших ценную информацию в предвоенный период и во время войны в Японии, Италии, Бельгии, Германии, Румынии и других странах. Заслуги героев-разведчиков, как и таланты гениев, зачастую становятся известны лишь после их смерти.

Информация продолжала поступать. Умолчать о ней было невозможно. Ее докладывали руководству, но начальники управления генерал-лейтенант Голиков Ф.И., а в последующем генерал-майор А.П. Панфилов снабжали ее комментариями и резолюциями, сводящими на нет существо донесений.

Так, на одном солидном докладе, содержащем расчеты и даты предполагаемого нападения, начальник РУ Панфилов начертал резолюцию: «Английские инсинуации, имеющие целью столкнуть нас лбами с Германией».

Понятно, что донесения, обработанные таким образом, соответствовали внутреннему убеждению Сталина, они действовали успокаивающе, не могли вызвать нежелательной реакции, а все знали, насколько решительна и остра она могла быть. То, что источников такой правдивой информации стали относить к числу двойников, предателей, врагов народа, карьеристов не интересовало.

В сентябре 1939 года из Варшавы прибыл в РУ бывший военный атташе (ВАТ) СССР в Польше генерал-майор П.С. Рыбалко, который настоятельно рекомендовал усилить разведку против немцев. В ответ Панфилов бестактно заявил ему, что в разведке дуракам нет места, и откомандировал его в войска. Говорят, что в 1943 году генерал-майор Панфилов был назначен командиром танковой бригады в корпус генерал-лейтенанта Рыбалко, и последний не без иронии напомнил Панфилову, что служить ему с дураком будет, очевидно, нелегко. Но в корпусе оставил.

Понятно, что от такого рода руководителей было трудно ожидать объективности, партийной принципиальности и государственной мудрости.

А события нарастали с катастрофической быстротой. Из РО приграничных военных округов, от многочисленных разведчиков и агентов в различных точках земного шара продолжали поступать сотни донесений, одно тревожнее другого. Они докладывались с соответствующими комментариями руководству,

добросовестно учитывались и подшивались к делу. На полноте и убедительности докладываемой правительству информации о намерениях Германии напасть на СССР губительно сказывалась децентрализация добывающего разведывательного аппарата за рубежом и двух самостоятельных органов - РУ РККА и НКВД. Зарубежный аппарат, подчиненный Берии, также получал данные о подготовке Германии к агрессии, но всесильный Лаврентий Павлович, зная недоверчивость и всемерное стремление Сталина любой ценой оттянуть столкновение с немцами, успокаивал его и убеждал в нереальности войны с ними. Менее влиятельное руководство РУ не столько следило за объективностью полученных сведений и своевременностью их мотивированного доклада, сколько за тем, чтобы не разгневать этими сведениями члена политбюро ЦК ВКП(б) Берию и не вызвать, в лучшем случае, с его стороны строгих организационных, а может быть, и внесудебных санкций. А насколько они были строги, было известно в достаточной мере.

Весной 1941 года в РУ РККА было созвано совещание начальников РО штабов приграничных военных округов, на котором была вскрыта вопиющая беспечность в подготовке разведорганов к войне. Участники совещания выступали с дельными конкретными предложениями по повышению боевой готовности разведки в будущей схватке с немцами, в возникновении которой ни у кого из присутствующих сомнений не имелось. Предлагалось развернуть РО по штатам военного времени, обеспечить техникой, экипировкой, подготовить соответствующие базы на своей территории на глубину до 400 км на случай вынужденного отхода и ряд других. Руководство РУ и Генштаба отнеслось к этому сбору, как к обычному плановому мероприятию. На таком важном совещании никто из руководства НКО и ГШ не присутствовал, а начальник РУ генерал-лейтенант Ф.И. Голиков прибыл лишь на заключительное заседание, на котором прочел обычную речь о повышении бдительности в общем плане, далеком от предвоенной обстановки. Более того, некоторые особо ретивые сторонники срочной подготовки в специальном отношении своего тыла были деликатно предупреждены о необходимости преодоления паники, граничащей с пораженчеством, поскольку воевать в соответствии с нашей доктриной мы должны были только на территории противника.

14 июня официально было опубликовано сообщение ТАСС, категорически опровергающее слухи о возможности войны, объявлявшее их провокационными.

Это была чудовищная дезинформация народа, в том числе и

военных работников, отвечающих за обороноспособность страны, боеготовность ее армии. Каковы были причины и основания такого чреватого для страны национальной катастрофой заявления, до сего времени противоречиво и безуспешно пытаются объяснить историки.

Создалось парадоксальное положение, когда в Разведуправлении все оперативные сотрудники ожидали войны и боялись даже друг другу открыто сказать об этом.

Официально декларированное потепление отношений с Германией привело в действительности к такому накалу обстановки на границах с нею, что военное руководство вынуждено было отдать известные противоречивые указания о повышении боевой готовности с бессмысленной оговоркой «На провокации не поддаваться».

ГЛАВА 3. Война. Создание разведки в ходе боевых действий

В атмосфере строжайшей секретности в РУ РККА в ночь на 22 июня проводилось штабное учение, на котором прорабатывались вопросы организации разведки при возможном нападении Германии. А на рассвете всем участникам игры, не расходившимся по домам, стало известно о вторжении немецких войск на нашу территорию на трех направлениях и бомбардировке ряда городов. Так игра превратилась в действительность. Началась война.

Нет необходимости останавливаться на описании тех первых грозных дней в Москве. Это сделано многими. Следует лишь еще раз подчеркнуть поразительное единство и готовность всех трудящихся защищать свою Родину. Тысячи и тысячи добровольцев юношей, девушек, людей зрелого возраста и стариков осаждали военкоматы с просьбами направить их на фронт.

Первые дни войны многие, в том числе и в армии, считали, что произошло какое-то недоразумение, немецкие трудящиеся не могли выступить против своих братьев, они повернут оружие против своих капиталистов и через несколько недель с войной будет покончено. На весьма редко попадавших в плен немецких солдат смотрели как на обманутых братьев - жертв фашизма. Экономисты типа Варги предсказывали скорую гибель нацистов из-за недостатка стратегического сырья.

Остро сказывалось отсутствие предварительной работы по воспитанию ненависти к немецкому фашизму как к злейшему врагу человечества. Сказалась двойственная политика правительства во взаимоотношениях с фашистской Германией перед войной. Ненависть к фашизму рождалась в ходе боев, при виде нацистских зверств над пленными советскими солдатами и мирным населением. Она росла, как снежный ком, захватывала всех - от детей до глубоких стариков, звала их к мести, к бою, к уничтожению ненавистного, жестокого врага. В Разведывательном управлении началась лихорадочная деятельность по подбору и подготовке разведчиков для работы в тылу противника. Наверстывалась беспечность мирного времени за счет ночных бдений, непрерывных поисков лиц со связями в оккупированных немецких районах. Создавались школы по подготовке командиров групп, радистов, рядовых разведчиков. Причем иногда

преподавателей от слушателей отличало лишь служебное положение первых, т.к. ни теоретической, ни тем более практической подготовки они не имели и в обучении руководствовались здравым смыслом и скудными литературными познаниями из мемуаров Макса Ронге, Марты Рише и др. Подбирались добровольцы из числа знающих радиодело моряков Совторгфлота, Севморпути, Гражданского воздушного флота, Осоавиахима. Ставка была на массовость. Обучение продолжалось в зависимости от степени военной и общеобразовательной подготовки, а также предполагаемого использования будущего разведчика в тылу немцев, от нескольких дней до нескольких месяцев. Особенно продолжительным оно было для радистов, которые, помимо знаний материальной части рации («Белка», в последующем «Север»), должны были уметь передавать на ключе и принимать на слух 100-120 знаков в минуту, а для достижения таких нормативов требовалось несколько месяцев упорной работы.

Необходимо отметить, что недостатка в добровольцах вести боевую работу в тылу противника не было. Военкоматы были наводнены рапортами с просьбами направить немедленно на самый опасный участок фронта. Выбор представлялся в большом возрастном диапазоне - от 15-летних юношей и девушек до 70-летних старикоз, участников еще Русско-японской войны. Предложение служить Родине в военной разведке расценивалось как проявление особого доверия командования и, как правило, безоговорочно принималось.

Трогательно и больно вспоминать, с каким безграничным доверием относились к своим «воспитателям» - командирам отобранные кандидаты, какие это были кристально чистые и преданные своей Родине люди, с какой готовностью они шли выполнять свои боевые задания, с которых многие из них не возвращались. Лида Базанова, Мария Жукова, Павел Кот, Иван Анисимов, Аня Петрожицкая, Елизавета Вологодская, Людмила Донская, Иван Ильясов, Хелена Кульман, Софья Осетрова (Дубова), Федор Илюхин, Галина Сущева, Людмила Орлеанская, Лидия Вербовская, Борис Герасимов, Георгий Воронцов, Семен Мазур, Алексей Коробицын, Владимир Артемкин, Павел Кононенко, Вера Волошина, Мария Артемова, Николай Беляев, Владимир Шайкин, Мария Козлова, Порфирий Романенко, Иван Позняк, Иван Банов и сотни, тысячи других патриотов одними из первых вступили на тяжелый путь разведчика.

Переброска отдельных разведчиков и целых партизанских отрядов и групп в первые месяцы войны производилась преимущественно пешим способом в разрывы между наст уп

ающими немецкими войсками. Значительное количество разведчиков, организаторов подпольных групп и партизанских отрядов со средствами связи и запасами боеприпасов, оружия и продовольствия оставляли на направлениях, по которым двигались немецкие войска. Многих из них подбирали буквально накануне захвата населенного пункта немцами из числа местных жителей, которым под наскоро составленной легендой в виде дальних родственников придавали радиста (чаще всего радистку), снабженного паспортом и военным билетом с освобождением от военной службы, обусловливали связь, ставили задачи по разведке или диверсиям, и оставляли до прихода немцев. Через несколько дней, а иногда и часов такие разведывательные, диверсионные группы и одиночки-разведчики оказывались в тылу врага и приступали к работе.

Часть разведчиков, главным образом имеющих родственные связи в глубоком тылу, направлялась на самолетах и выбрасывалась в нужном пункте с парашютами.

Аналогичную работу по подбору, подготовке и заброске разведчиков в тыл врага проводили агентурные и диверсионные отделения РО штабов фронтов. Разведорганы фронтовых и армейских объединений начали развертываться на штаты военного времени уже в ходе боевых действий, когда войска вели тяжелые оборонительные бои, поэтому квалификация офицеров специальных отделений была в первые месяцы войны крайне низкой. Опыт приобретался ценой больших потерь.

Авангардную роль в организации и ведении разведки в период войны всегда играли коммунисты и комсомольцы. Именно они, выполняя ответственные задания командования, показывали образцы мужества, идейной убежденности, непоколебимой веры в правоту дела, за которое они боролись.

Особо следует отметить беззаветный героизм и самоотверженность советской молодежи, в частности девушек-разведчиц, из числа которых многие направлялись в тыл противника прямо со школьной скамьи. Значительную часть радистов-разведчиков составляли женщины, стойко переносившие наряду с мужчинами все тяготы боевой жизни во вражеском тылу. Уже один перелет линии фронта на тихоходных транспортных или учебных самолетах и прыжок ночью с парашютом в неизвестность фактически являлись подвигом, а ведь это было только началом боевой работы, полной непрерывных опасностей.

В течение всей войны разведка носила массовый характер и велась непрерывно. В результате объединенных усилий РО фронтов и Центра уже в первые 6-7 месяцев войны было

заброшено в тыл противника до 10 000 человек, в том числе значительное количество разведчиков с радиостанциями. А противник стремительно продвигался на восток на широком фронте - практически от Белого до Черного моря. Он рвался к Москве. Героические усилия отдельных гарнизонов, частей и соединений не могли сдержать эту бронированную лавину. Да это было и понятно. Помимо внезапности нападения, немцы имели значительное превосходство в танках, авиации. Причем это превосходство было не только численное, но и качественное. Истребители «Ме-109» легко догоняли и сбивали наши «И-16». Наиболее распространенные в то время «Т-26» и «БТ-7» практически защищали лишь от ружейно-пулеметного огня. Сразу сказался недостаток стрелкового и артиллерийского вооружения, т. к. головные склады арттехимущества через несколько недель после нападения оказались в тылу у немцев. Автоматов, составляющих основу стрелкового вооружения у противника, у наших солдат почти не было. Пополнение в части, как и в 1914 году, приходило без оружия. Нет нужды подробно останавливаться на сложности и, казалось, безнадежности обстановки на фронтах, которые все приближались к Москве.

Москва превратилась в прифронтовой город. Частые налеты фашистской авиации хотя и не производили существенных разрушений и не вызывали больших потерь, т. к. на пополнение частей ПВО столицы были брошены значительные силы, тем не менее создавали известное напряжение у ее населения и дезорганизовывали жизнь города. Маскировочная окраска Кремля, снятие некоторых заводских труб, могущих служить ориентиром для авиации, противотанковые ежи из рельсов на окраинах, полное затемнение по вечерам, патрули на улицах, посты на крышах, зенитные батареи на площадях и в парках и серьезные мрачные лица обычно веселых москвичей вызывали горькое чувство. Вспоминалась песня: «Родимый город может спать спокойно…». К ней какой-то остряк с горькой иронией добавил конец: «Граждане, воздушная тревога». До боли обидно было видеть страх детей, стариков и женщин, веривших когда-то нам, военным, как своим надежным защитникам.

Невыносимо тяжело было наблюдать первые жертвы воздушных налетов немцев - разрушенные жилища, разорванных в клочья мирных жителей, толпы людей, спешивших в метро в поисках убежища от фашистских бомб, дезорганизацию многих областей хозяйственной деятельности. Нас, работников центрального аппарата НКО, многие считали счастливчиками, поскольку мы по крайней мере знали, что с нашими семьями, хотя видеть их нам не приходилось, а вскоре по приказу

командования они были эвакуированы за Урал, и моя жена с 10-дневной дочерью 28 июля уехала в Челябинскую область, в товарном эшелоне, так и не успев увидеться и проститься со мною.

Поэтому мы, оперативные работники, особенно часто задумывались: почему все это произошло? Почему не были приняты должные меры, не подготовлено противодействие агрессии, заранее планируемой врагами и известной нам вплоть до ее сроков? Почему, несмотря на большое число сигналов, в том числе и от англичан, о сроках начала войны и очевидной подготовке к ней немцев, она оказалась для нашего народа внезапной? Но искать ответа на этот вопрос было некогда. Нужно было выполнять свой долг, наверстывать упущенное.

В первой половине августа нас, группу оперативных работников РУ, направили в прифронтовую полосу для создания разведывательной сети в городах, которым угрожала опасность захвата противником. Эта работа должна была проводиться нами в помощь фронтовым агентурным и диверсионным отделениям, которые выполняли ее независимо от нас. Командиров разведывательных групп (резидентур), за редкими исключениями, мы должны были подбирать на месте из числа добровольцев-патриотов, не подлежащих призыву в армию: как правило, пожилых людей, имеющих за плечами опыт армейской службы, не известных окружающ им в качестве партийно-советских активистов. С собою мы везли подготовленных радистов, знавших не только свое дело, но и основы агентурной работы, приобретенные в краткосрочной школе при РУ. Эти радисты должны были по нашему замыслу не только являться техниками-связистами, но и зачастую заместителями командира группы, а иногда и создавать группу разведчиков из местных жителей. Такие задачи обычно ставились радистам, имевшим в пункте назначения какие-либо связи. Разведчиков снабжали поношенной гражданской одеждой, обеспечивали деньгами, запасом продуктов, сухим пайком (консервы, сухари, сахар, сало, спирт) месяца на два, оружием, боеприпасами и взрывчаткой в зависимости от поставленных задач. Радисты получали радио «Север» с двумя комплектами батарей БАС-60 и БАС-80 с необходимым количеством элементов ЗС. Всем выдавались соответствующие легенде советские документы (паспорта, военные билеты с отметкой о снятии с воинского учета по какой-либо трудно контролируемой причине, свидетельства об освобождении из мест заключения и др.).

Каждый оперативный работник снабжался удостоверением за подписью заместителя начальника Генерального штаба, где

указывалось, что мы выполняем задание особой важности и все гражданские, военные власти и органы НКВД обязаны оказывать нам всяческое содействие. Люди и грузы, следовавшие с нами, проверке не подлежали.

По замыслу руководства, наши разведчики знали только свои пункты назначения и, хотя обучались вместе, рабочих фамилий и имен, под которыми им предстояло работать, друг другу не открывали. На практике эти нормы иногда нарушались, что приводило нередко к тяжелым последствиям. Совместная подготовка разведчиков при массовом наборе была неизбежным злом, чреватым расконспирацией отдельных групп, при возможных провалах. Анекдотично, но факт. На Брянском фронте для экипировки разведчицы получили партию красных трикотажных предметов женского туалета. Немцам удалось схватить двух разведчиц, одетых в этот трикотаж, после чего в ряде городов проводились облавы, во время которых всех женщин, имевших красные тр усы, забирали в гестапо.

В первую командировку, приказом начальника 2-го отделения 7-го отдела РУ майора Шерстнева Николая Васильевича, мне надлежало 12 августа выехать на грузовой автомашине с разведчиками и радистами для создания в городах Гомель и Брянск разведывательных групп, имеющих целью вскрывать переброску войск противника через эти пункты, в том случае, если они будут остановлены нашими войсками, а сомнений в этом не было, т. к. бои шли уже на подступах к этим городам. Нужно было спешить. Все шоссейные дороги в западном направлении были забиты автомобильным и гужевым транспортом. К фронту перебрасывались незначительные подкрепления, а на восток катил неудержимый поток беженцев, перегонявших своим ходом скот, везущих на телегах детей, плетущихся пешком, измученных, голодных, с во спаленными от бессонницы глазами. Многие из них растеряли в результате непрерывных налетов немецкой авиации своих близких, у многих эти близкие были убиты на глазах. Шли автомашины с ранеными, которые ничего утешительного о положении на фронтах сказать не могли. И над всем этим хаосом в воздухе непрерывно висели немецкие самолеты, которые безнаказанно бомбили толпы беженцев, расстреливали из пулеметов автомашины с ранеными, гонялись за бежавшими по полям и дорогам обезумевшими от ужаса людьми. Картины смерти и разрушен ия в эту благо датную пору го да, когда все плоды человеческого труда в поле ожидали уборки, как-то не укладывались в сознании. Казалось, что это какой-то дурной сон и нужно скорее проснуться. Но вой самолетов, взрывы, трупы на месте только что ушедшей вперед

группы людей, стоны раненых возвращали к действительности.

В Гомель мы прибыли ночью 13.08 без потерь. Но все виденное воздействовало на моих спутников, да и на меня самого, как предметный урок ненависти к немцам. Мы впервые увидели весь ужас войны, и перед нами вновь вставал вопрос: «Кто дал право врагу распоряжаться нашими жизнями?» «Что ему нужно в нашей стране?» Закипала дикая злоба к захватчикам, желание беспощадно мстить за погибших соотечественников.

Город практически к обороне подготовлен не был. Немцы продвигались так стремительно, что западнее Гомеля мы успели только вырыть обычные окопы. В городе, подвергавшемся непрерывной бомбежке, а с 14.08 и прямому артобстрелу, из органов власти практически никого не осталось, и оформить хотя бы задним числом моих людей на работу, подобрать надежных помощников из числа проверенных местных жителей уже было нельзя. Не успевшая или не желавшая бежать часть гражданского населения, уже никем не управляемая, в ужасе ожидала прихода немцев, прячась в подвалах и щелях. Часть предприимчивых молодчиков тащила из магазинов и складов продовольствие, промтовары. В пылающем, стонущем от взрывов городе на них никто не обращал внимания, да и не было нужды. Спасти это имущество все равно было нельзя. Так или иначе, оно досталось бы врагу.

Все мои попытки найти представителей органов НКВД, чтобы воспользоваться хотя бы их кадрами для создания группы, не увенчались успехом. Брать же непроверенных людей было рискованно. А немцы упорно рвались к городу. Во время одного из артобстрелов случайно оказавшийся рядом со мной старик схватил меня за шинель и начал яростно кричать: «А где же наши? Скажи, где они? Неужели так и пропадать тому, за что мы боролись?»

Не найдя, что ответить этому человеку, с чувством стыда, как будто во всех этих несчастьях была и моя вина, я почти бегом направился к своим разведчикам. Они ожидали меня в покинутом домике на восточной окраине города. Автомобиль был оставлен мною на восточном берегу р. Сож.

Группу я вынужден был после проверки надежности связи с Центром оставить на нелегальном положении с переходом в последующем, при невозможности легализоваться, на базу партизан, в лес, чтобы организовать подвижную разведгруппу. Распростившись с товарищами, фамилии которых, к сожалению, не сохранились в памяти, я перешел на другую сторону реки по мосту, который был через несколько минут взорван, т. к. кто-то сообщил, что немецкие танки и мотоциклы прорвались и могут

захватить переправу. Тревога была ложной, но в результате нее несколько наших подразделений оказались отрезанными водной преградой и вынуждены были в панике, вплавь перебираться на восточный берег, бросая оружие.

На берегу какой-то бригадный комиссар тщетно пытался задержать поток бегущих бойцов и организовать на берегу оборону. Я пытался ему помочь, но все было тщетно. Задержанные нами и еще несколькими переплывшими реку командирами солдаты, собранные из разных подразделений, некоторые без оружия, неудержимо стремились назад и не поддавались никаким увещеваниям; немцев еще не было видно, но берег усиленно обстреливался артиллерией. Боязнь танков и окружения в первые месяцы войны превращалась иногда в массовый психоз, от которого мы избавились ценой больших потерь лишь в дальнейшем ходе войны.

Выполнив задание в Гомеле не совсем удачно, из-за недостатка времени, в чем были повинны не зависящие от нас, рядовых работников, обстоятельства, и сообщив начальнику РО штаба Брянского фронта подполковнику М.А. Кочеткову данные о группе, на случай посылки РО связника через линию фронта, мы с оставшимся радистом направились в Брянск. Гомель был занят немцами буквально через несколько часов после нашего отъезда 16.08.1941 г.

Дороги от Гомеля до Брянска также были забиты. На восток эвакуировалось население, сельскохозяйственная техника и скот, отступали войска. Использовались все возможные проселочные дороги. Беспорядочное на первый взгляд перемещение людей и техники шло. как показывало внимательное наблюдение, в одном направлении - в тыл. Над всем этим скоплением отходящих войск и гражданского населения носились самолеты с крестами, сея смерть и разрушение.

В Брянске удалось задержаться на более продолжительный промежуток времени. Там еще работали, в какой-то мере, советские организации, и нам удалось с помощью местных партийных органов подобрать нужных людей, достаточно убедительно легализовать радиста, документируя его как племянника одного из жителей города. С подобранными разведчиками удалось провести более или менее подробный инструктаж: дать им задания, рассказать, как их выполнить, разработать условия связи, проверить рации. В Москву я возвратился в начале сентября.

В октябре в связи с продолжающимся наступлением немцев возникла необходимость срочного создания в Курске и Мценске радиофицированных разведывательных групп, было очевидно, что

эти города будут заняты противником.

20 октября 1941 года я выехал из Москвы, имея с собою двух радистов, для комплектования этих, подразделений вначале в Мценске, уже находившемся в преддверии захвата, а затем в Курске. Во Мценск направлялся молодой, веселый парень - армянин, для легализации в Курске - девушка-полька. Фамилии их, к сожалению, в памяти не сохранились. Кандидатуры были явно не подходящие, поскольку в Мценске - небольшом районном городке Орловской области, вероятно, никогда не жили армяне. Вряд ли была удачно выбрана радистка и для резидентуры в Курске. Девушку выдавал польский акцент и абсолютное незнание советских порядков, поскольку она еще недавно проживала в присоединенных к СССР областях Западной Украины. Легенды у обоих были малоправдоподобные. Кроме энтузиазма и желания помочь делу разгрома немцев, других качеств, нужных разведчику, у них не было, да они и не имели времени приобрести их за короткий срок своей теоретической учебы. Но делать было нечего. Иного выбора мы не имели.

Как и во многих других случаях, радистам разрешалось, в зависимости от обстановки, переходить на нелегальное положение, уходить в партизанские отряды, действовать самостоятельно.

Выехав вечером, мы утром уже были в Мценске. Так же, как и в предыдущем рейсе в Гомель, в пути нам встречались беженцы, автомашины с ранеными и эвакуирующимися, за которыми охотились немецкие самолеты.

В Мценске нас должен был ожидать оперативный работник нашего отдела майор Ларионов, явка с которым была обусловлена в пассажирском зале железнодорожной станции. Ларионов попутным транспортом выехал к месту работы несколькими днями раньше. Он должен был подобрать на месте личный состав группы и подготовить условия легализации радистов.

При въезде в город нас поразило почти полное отсутствие на улицах гражданских лиц. Шли бойцы, командиры, плелись раненые, но спросить, как проехать к вокзалу, было не у кого. Все спешили на восток. Магазины и учреждения были открыты, но в них не было обычных для этого времени посетителей.

Вокзал был пуст, хотя станционные пути плотно забиты порожняком. Не было только паровозов и… людей. У будки одиноко сидел инвалид стрелочник, который на вопрос: «Куда же делось все начальство?» - коротко ответил: «Утекло».

На станции, как и в городе, все свидетельствовало о поспешной, даже панической эвакуации, похожей на бегство.

Порванные провода, костры еще тлеющих бумаг, которые в спешке пытались уничтожить перед уходом, и вместе с этим элеватор, полный зерна, нефтебаза с большим запасом ГСМ. Понятно, что Ларионова на станции не оказалось. Возможно, он погиб в пути. Больше я его не встречал.

Единственное учреждение в городе, которое продолжало напряженно работать, был районный отдел НКВД. В него накануне прибыл из Орла заместитель начальника областного управления, депутат Верховного Совета СССР Ефремов. Этот энергичный волевой человек смог за несколько дней, оставшихся до захвата города немцами, организовать эвакуацию ценностей и в первую очередь хлеба. Под угрозой расстрела самовольно бежавших и угнавших паровозы железнодорожников он потребовал их возврата. Из окрестных деревень были собраны крестьяне для погрузки зерна из элеватора в вагоны. Грузчикам за день работы на станции выдавали мешок пшеницы. Если учесть, что в те времена в колхозе получали по 400-500 граммов хлеба на трудодень, то неудивительно, что по беспроволочному телеграфу в округе стало известно о выдаче хлеба из мценского элеватора почти безвозмездно. Сотни людей устремились на работу в Мценск, и в течение нескольких дней значительная часть зерна была вывезена, пакгаузы и склады освобождены от наиболее ценного груза (кожа, консервы, сахар), нефтебаза минирована.

Так воля, энергия и организаторские способности одного человека спасли от захвата противником очень нужных для фронта материалов и продовольствия, не считая большого количества подвижного состава.

Товарищи из НКВД, проводившие параллельно с нами работу по подготовке подполья в районе Мценска, помогли рекомендациями при подборе нужных для разведки лиц, дали несколько адресов к своим доверенным людям, что значительно облегчило нам выполнение задачи по созданию группы. В основном мы все закончили в 3 дня. Было найдено несколько человек, «изъявивших желание добровольно служить в разведке». Понятно, что подготовить их по всем вопросам их будущей опасной и трудной деятельности можно было лишь в самых общих чертах. Из запасов, сохранившихся в магазинах и на складах, разведчикам оставили примерно на год продовольствия: муки, сахару, консервов и даже вина. Наступало время оставлять радиста на подобранной квартире и уезжать, т. к. немцы уже подходили к городу. Перед отъездом, по имевшейся боевой программе, попытались установить радиосвязь с Центром. Но безуспешно. Тщательная проверка раций показала их полную исправность. По всему диапазону передавались хвастливые

немецкие реляции о победах на восточном фронте, разгроме большевиков, неудержимом продвижении соединений рейха к Москве. Сообщало о тяжелых боях с захватчиками и Совинформбюро. Лишь наш радиоузел хранил гробовое молчание. Это крайне волновало меня и отрицательно сказывалось на настроении радистов. Они были уверены в безотказности своей техники, имели относительно неплохую учебную подготовку по линии связи, морально настроились преодолевать всяческие трудности, но не готовы были к срыву работы по основному профилю работы. Рации являлись их оружием, и вдруг оно оказалось негодным еще у своих. Стал вопрос о целесообразности оставления этих чудесных ребят в тылу немцев, но они оба единодушно заявили, что если радиоузел будет с ними работать, то связь они установят любой ценой. В крайнем случае, останутся для партизанской борьбы с врагом, но обратно не вернутся.

С грустным чувством расстался я с радистом, теряясь в догадках, что же произошло со связью, но сделать уже ничего было нельзя. Ночью мы выехали из Мценска, а утром он был занят немцами. До Курска мы добирались около недели. Двигаться приходилось по разбитым проселочным дорогам, которые раскисли от осенних дождей. Навстречу нам катила лавина наших отходящих войск. В ту пору в ходу была горькая шутка. Немцы, отрицая свое вероломство в нападении на СССР, утверждали, что русские первые начали тщательную подготовку к войне, испортив все дороги. Однако бездорожье причиняло нам не меньше неприятностей, чем противнику.

У немцев имелось в тот период значительно больше, чем у нас, транспортных средств с повышенной проходимостью, в том числе гусеничных, что давало им возможность даже осенью по российскому бездорожью маневрировать своими силами, обходить и окружать наши части и соединения.

В пути наблюдалась все та же общая для того времени картина прифронтовой полосы при беспорядочном отходе войск: неразбериха, бесчинства по полям и дорогам немецкой авиации и, как их следствие, горящие города, села, деревни, трупы наших бойцов, гражданского населения - стариков, женщин, детей.

В Курск мы прибыли 30.10.1941 г. В городе уже не было нормально работающих советских учреждений, кроме оперативной группы НКВД, сотрудники которой порекомендовали мне «родственника» для нашей радистки. Это был уже пожилой человек, в прошлом поручик царской армии, беспартийный. Кроме положительной устной характеристики оперуполномоченного НКВД, никакими материалами на него я не

располагал, но выбора не было, радистка осталась у него в доме в качестве дальней родственницы, эвакуировавшейся из Львова и настигнутой в Курске немцами.

В течение двух дней я пытался внушить «резиденту» основные задачи его предстоящей работы, рассчитывая больше на его житейский опыт, прошлую военную подготовку и личную сообразительность.

Для обеспечения «резидента» и радистки удалось и здесь достать муки, консервов, сахару и даже мануфактуры из магазинов, уже подвергшихся разграблению местными жителями. К сожалению, и из Курска связь с Центром установить не удалось.

2 ноября совершенно случайно я встретил на улице майора Бабина, с которым мы не виделись более 4 лет. Это был мой сослуживец по 43-й стрелковой дивизии, где он работал начальником инженерной службы. Бабин сообщил, что он выполняет особое задание Военного совета 13-й армии по уничтожению, в соответствии с приказом И.В. Сталина, всех военно-промышленных объектов города (электростанции, вокзала, нефтехранилищ, складов, элеватора, казарм, служебных зданий и т. п.). Нужная работа ими была уже проделана, объекты минированы, и к вечеру все они должны были быть взорваны его саперами, отходящими с последними нашими войсками.

Поскольку работа по «легализации» радистки была в основном закончена, мы с водителем, не желая оставаться «единственными» защитниками Курска, забрали на нефтебазе перед ее взрывом 2 бочки бензина и бидон автола и выехали из города. За нами грохотали взрывы. Трудно было понять, то ли город бомбили немцы, то ли начал выполнять заключительную часть своего задания мой друг Бабин.

Настроение было подавленным в связи с общими неудачами на фронте, разрушениями, гибелью людей и сознанием недоработок в выполнении непосредственных служебных задач. Что могли сделать наши чудесные разведчики-добровольцы при такой поспешной подготовке, плохо обеспеченные, наспех заброшенные в незнакомые районы, доверенные малоизвестным людям? Что серьезного могла сделать 19-летняя девушка, оставленная в чужом городе в условиях оккупации, да еще без связи? Почему с конца октября молчит Центр? Какие еще ошибки в подготовке радистов допущены нами? А ведь такую подсадку разведчиков перед наступающим противником в первые месяцы войны проводили многие десятки оперативных работников управления и РО фронтовых штабов. Действовали они теми же методами и средствами, что и я.

Единственная надежда была на массовость проводимой

заброски, оправданной при огромной протяженности фронтов. Некоторые шансы на успешную отдачу давала также неизбежная при колоссальных перемещениях людей, вызванных войной, неорганизованность в тылу противника и невозможность даже немецкой «хваленой» административной машине учесть их всех и сразу наладить контрразведывательную службу. Ориентировка на создание подвижных разведгрупп партизанского типа, при невозможности работать в городах и поселках, также давала основание верить в успех хотя бы части наших людей.

Опыт последующей работы показал, что эти соображения в какой-то степениоправдались. Потери были велики, но разветвленная сеть разведчиков все же сохранилась. Многие выжили, легализовались с помощью советских патриотов, устроились на работу в немецких оккупационных органах, на узловых станциях железных дорог. Из городов, поселков, от лесных групп, возникавших на оккупированной территории партизанских отрядов, через наших радистов начата поступать все более и более полная информация о немецких войсках, сначала об их группировке, перебросках живой силы и техники, а в последующем, по мере укрепления и усиления агентурных кадров, планах и намерениях. Наше возвращение в Москву длилось свыше 10 дней. Вместе с нами отходили на восток наши бойцы. Пешком, на повозках, верхом на отобранных в колхозах и совхозах лошадях без седел ехали и шли пехотинцы, артиллеристы, танкисты, оставившие свои танки, орудия и автомашины в осенней курской грязи из-за отсутствия горючего. Отходили группами, вырвавшись из окружения, зачастую только с личным оружием. Раненых везли на повозках. Вся дорога от Курска до Щигров была усеяна военной техникой, брошенной отходящей 13-й армией. Не было горючего, в то время как в городе саперы подрывали емкости с бензином.

Учитывая отсутствие железнодорожного движения на линии Курск-Щигры, мы двинулись на полуторке по шпалам, пропустив один рельс между колес, и успешно добрались до Щигров. В дальнейшем выбирали дороги в стороне от направления отходящих войск.

Много нелестных замечаний и горьких упреков приходилось выслушивать от крестьян попутных деревень, в которых приходилось останавливаться на ночлег или просить выделить лошадей для извлечения из липкого чернозема завязшей по самый дифференциал автомашины. «Продали Россию», «До Курска даже дурак Николка не пустил немцев», «Вояки, чему же вас учили, только проводить парады», - бросали реплики наиболее агрессивные. Почти все спрашивали: «Как на фронте?»,

«Что же с нами будет?» Женщины плакали, вспоминая своих мужей, сыновей, братьев, служивших в армии, от которых с начала войны не было никаких вестей. Информация у населения была крайне скудная. Сводки Информбюро были неутешительными. Курск давно уже был взят немцами, а бои все еще шли на «курском направлении».

Вражеская пропаганда изощрялась в клевете. В листовках, которые вперемежку с фугасами немцы сбрасывали над нашими городами, селами и войсками, сообщалось о полном разгроме Красной Армии, указывались сроки взятия Москвы и Ленинграда. Фашистские политики пытались играть на националистических чувствах людей, разжечь антисемитизм, неприязнь украинцев к русским и т. д. За Щиграми с немецкого самолета были сброшены в гущу наших отходящих войск несколько евреев и выброшены вымпелы с надписями: «Жиды и комиссары - вот с кем борется германская армия». Фашистские летчики хулиганили, сбрасывали на беженцев и войска тракторные колеса и другой металлолом, который при падении выл, как какие-то необычные бомбы. Над оборонительными рубежами, возводимыми населением, с самолетов рассыпали издевательские листовки с виршами, сочиненными, вероятно, каким-нибудь белоэмигрантом: *Дорогие дамочки! Вы не ройте ямочки. Немецкие таночки. Обойдут те ямочки.* Вся эта неумная пропаганда воздействие на советский народ имела, в основном, диаметрально противоположное тому, которое ожидали немцы. Сбрасывание живых евреев с самолетов не поджигало антисемитизм, а наоборот, вызывало чувство ненависти к изуверам-нацистам. Иллюзии о том, что немцы культурный народ, гуманная нация, проводники технического прогресса, воспитанные на передовых идеях, имевшиеся до войны у многих наших людей, начали исчезать. Народ увидел звериное лицо фашизма во всей его красе, и ненависть к захватчикам росла, как снежный ком.

По пути пришлось видеть много примеров любви нашего народа к армии и ее солдатам. Крестьяне делились с отходящими воинами буквально последним куском хлеба. Были, конечно, и враждебные выпады, вызванные далеко не всегда неприязнью к армии, а зачастую отчаянием, страхом перед неизвестным будущим.

В некоторых колхозах, оставшихся без руководства, крестьяне делили зерно, скот и мелкий инвентарь. Обращало на себя внимание большое количество мужчин призывного возраста. Очевидно, в ряде районов мобилизацию провести не успели или часть отходивших и вышедших из окружения солдат осела в деревнях.

Возвратиться в Москву через Тулу оказалось уже невозможным, т. к. противник подошел вплотную к этому древнему русскому городу, продвинулся на юго-восток, перерезав дорогу Орел-Тула. Пришлось пробираться окольными путями параллельно фронту с выходом через г. Михайлов на шоссе Москва- Рязань. 14.11.1941 г. за Коломной нас с водителем Марчуком удивило большое число легковых автомашин «ЗИС-10» и «»М-1», мчавшихся целыми вереницами на восток. Значительно реже встречались груженные оборудованием полуторки и трехтонки. Это обстоятельство настораживало. Не бегство ли это? Неужели и Москву постигнет участь Минска, Смоленска, Харькова, Курска и многих других городов, разрушенных врагом?

Подъехав к управлению, располагавшемуся в то время на улице Грицевец, д. 19 (бывшем Б. Знаменском переулке), мы обнаружили, что ворота и входные двери наглухо закрыты. Дворник, стоявший у входа, охотно разъяснил нам, что все сотрудники из здания эвакуировались. Осталось лишь несколько человек в доме 6 по Гоголевскому бульвару. По указанному адресу мы нашли своих коллег майоров И. А. Большакова, В. И. Коновалова, П. И. Степанова, военинженера 2 ранга К. Б. Леонтьева, капитана М. И. Полякову. Они представляли собою оперативную группу управления, оставленную «на передовой» для подготовки запасной сети разведчиков на своей территории от столицы до г. Горького включительно. От них я узнал, что управление эвакуировано в Куйбышев, а Центральный радиоузел - в Читу. Понятно, что при поспешной эвакуации связистам было не до круглосуточного дежурства для контроля за работой наших раций, и в то время, когда разведчики-радисты пытались установить связь с Центром, некоторое время их просто никто не слушал. Операторы, очевидно, работали лишь с наиболее важными корреспондентами, находившимися в глубоком тылу противника. Вероятно, панике поддались и некоторые тогдашние руководители нашей службы. Оставшиеся в Москве товарищи рассказывали, что в октябре и начале ноября некоторые московские партийно-советские и хозяйственные работники пытались на служебных автомобилях уехать из столицы, будучи уверенными, что ее неминуемо через 1- 2 дня захватят немцы. Поспешно уничтожались архивы, преступные элементы и вражеская агентура использовали панику в своих целях, сея провокационные, пораженческие слухи о неминуемой победе фашистов. Были случаи, когда паникеров, дезертировавших со своих постов, при выезде из Москвы рабочие избивали и заставляли возвращаться в город. Потребовались решительные меры вплоть до расстрела для наведения порядка в столице.

Характерно, что И.В. Сталин Москвы не покидал и, как известно, присутствовал 7.11.1941 г. на параде войск Московского гарнизона, направившихся прямо с Красной площади на фронт.

В городе было введено осадное положение, установлен комендантский час. Движение по улицам в ночное время и во время воздушных тревог строго ограничивалось особыми пропусками. В небе столицы с вечера выставлялись аэростаты заграждения. По улицам курсировали военные патрули. Ожидали возможной высадки десанта противником и готовились к его отражению. Было введено рационирование продовольствия и промтоваров. Работавшие получали 600 грамм хлеба в день, иждивенцы - 300.

Отчитавшись в проделанной работе перед старшим оперативной группы майором Большаковым, я получил новое задание - совместно с майорами Коноваловым и Степановым организовать и подготовить запасные разведывательные группы в гг. Орехово-Зуеве, Владимире, Коврове, Горьком, подобрав разведчиков из числа местных жителей. Для групп надлежало создать необходимые материально-технические запасы на случай развертывания разведывательно-диверсионных действий, если территория будет оккупирована немцами. Для работы с легальных позиций в этих городах должны были подбираться мужчины и женщины, не подлежащие по состоянию здоровья и возрасту не только мобилизации в армию, но и привлечению к трудовой повинности.

Очевидно, отрицательный опыт подбора и подготовки разведчиков под артогнем противника, а также стремление немцев любой ценой взять Москву вынудили руководителей нашей службы принять решение о создании запасной разведывательной сети до такой глубины с тем, чтобы иметь возможность более солидно подготовить намеченные группы и быть гарантированными в случае прорыва нацистских войск в обход столицы на восток.

К счастью, эта разведывательная сеть не понадобилась. Началось наше зимнее наступление, отбросившее немецко-фашистские войска далеко от Москвы. Тем не менее хотелось сказать несколько теплых слов о наших патриотах - пожилых гражданских людях, изъявлявших желание добровольно, без колебаний служить Родине на опаснейшем участке войны - в разведке. В те тяжелые месяцы 1941 года никто из них не знал об исходе битвы за Москву, не знал о начавшемся наступлении, но все они были уверены в конечной победе советского народа над врагом.

Закончить эту работу мне не пришлось. В конце ноября я был вызван в Москву и назначен на должность старшего помощника начальника РО штаба 10-й армии Западного фронта.

ГЛАВА 4. Армейское звено оперативной разведки в первые месяцы войны

Когда я на попутных автомашинах, идущих к фронту, прибыл 7.11.1941 г. к месту назначения, 10-я армия в составе войск фронта уже перешла в наступление и, развивая его, вела бои за город Михайлов, взятый незадолго до этого немцами.

Западная окраина города была еще в руках противника, а разведотдел штаба армии, вопреки всем положениям, находился уже на восточной его окраине, менее чем в двух километрах от передовой.

Армией в ту пору командовал бывший начальник РУ Генштаба Красной Армии генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, приложивший перед войной немало усилий к тому, чтобы сгладить остроту информации с мест о готовящемся немцами нападении на СССР. Начальником штаба был генерал-майор Н.С. Дронов, которого в конце декабря сменил С.И. Любарский. Членами Военного совета являлись корпусные комиссары Т.Л. Николаев и С.К. Кожевников.

Пребывание командующего армией в прошлом на руководящей работе в РУ сказалось, в известной степени, на комплектовании кадрами штаба армии.

Так, заместителем командующего был бывший заместитель начальника Разведуправления генерал-майор К.С. Колганов - самоотверженный, честный командир, грамотный в оперативном отношении военачальник, незаслуженно сниженный в воинском звании по представлению Мехлиса[5] за какую-то неудачу в первые месяцы войны. Мой непосредственный руководитель - начальник РО штаба армии майор А.Г. Колесов служил в РУ адъютантом у Голикова. Это был смелый командир, боявшийся гнева своего руководства значительно в большей мере, чем противника. Начальник отдела кадров армии майор В.А. Мальков работал ранее в политотделе РУ РККА.

Разведотдел штаба армии был почти полностью укомплектован бывшими сотрудниками РУ, не имевшими, к несчастью, так же, как и начальник, опыта практической работы в войсках. Но это все были молодые, энергичные, смелые командиры, восполнявшие недостаток боевого опыта старанием, готовностью выполнять любые задания, не считаясь с их

трудностью и опасностями. Старший помощник начальника РО по войсковой разведке и информации капитан С.А. Фомин, его коллега капитан Ф.И. Шарафаненко, мои помощники старшие лейтенанты Н.П. Куличкин, И.Я. Корчма, М.Д. Житков являлись в прошлом сотрудниками центрального аппарата разведки, были известны мне по работе в Москве. Таким образом, знакомиться с коллективом необходимости не возникло, да и времени для этого не было. Началась напряженная боевая работа.

Я и три моих помощника со ставляли так называемое 3-е отделение РО, в задачу которого входила добыча информации о планах и намерениях противника, для чего предусматривалось создание агентурной сети в его тылу, производство диверсий, подготовка на случай временного отхода своих войск запасной агентурной сети.

Кадры для проведения всей этой работы мы вчетвером должны были подбирать и готовить из числа местных жителей, военнослужащих, выходивших из окружения, солдат и командиров своих войск, военнопленных и перебежчиков противника. После ускоренной, длившейся иногда всего несколько часов, подготовки, как правило, без достаточной проверки, разведчики переправлялись через линию фронта, с ними обусловливалось время и место встречи по возвращении с задания. Данные, полученные таким образом, систематизировались, предварительно обобщались и направлялись начальнику РО для использования в разведсводках.

Для решения таких сложных и ответственных задач отделение имело в своем распоряжении только 4 оперативников, никакими другими силами и средствами оно не располагало. Отсутствовали штатный обслуживающий персонал, транспорт, средства связи, гражданская экипировка, продовольствие, технические

средства. Не имелось утвержденных положений об оперативной агентурной разведке, и каждый ее сотрудник в решении своих задач руководствовался лишь здравым смыслом и интуицией, т. к. зачастую не было возможности даже посоветоваться со старшим начальником. При решении каждой несложной в принципе операции оперативные работники сталкивались с непреодолимыми трудностями ее материального обеспечения. Автомобиль для перевозки разведчиков рассматривался как роскошь. Автотранспорта не хватало для доставки боеприпасов и эвакуации раненых. Разведчиков зачастую нечем было кормить. Для экипировки предназначенного к отправке в тыл врага нашего военнослужащего приходилось выменивать у местных жителей гражданскую одежду на военную

форму. Лишь в начале 1942 года удалось добиться разрешения получать для питания разведчиков 20-30 солдатских месячных пайков. Без ограничений можно было лишь снабжать наших людей деньгами, но они в прифронтовой полосе и у нас, и у противника практически никакой ценности не имели, а выдача их большими суммами могла стать причиной провала. Агентурных радиостанций в армии не было.

Понятно, что при таком состоянии дел можно было вести лишь пешую маршрутную разведку, что мы и делали, набирая и наскоро подготавливая советских патриотов преимущественно из числа гражданских лиц, знающих отлично местные условия, имевших связи на занятой немцами прифронтовой полосе. После краткого инструктажа такие разведчики (в том числе женщины, старики и даже подростки) переправлялись нами через линию фронта с задачами получения сведений методом наблюдения и осведомления о численности танков, артиллерии, самолетов на прифронтовых аэродромах, передвижении войск и др. Пройдя по определенному маршруту или дойдя до нужного населенного пункта, собрав сведения о войсках врага, такой маршрутник возвращался на оговоренный участок фронта, где его принимал наш работник. Понятно, что в период наступления таким путем решить большинство разведывательных задач было нельзя. Наши лучшие разведчики-маршрутники, подобранные в Михайлове, которых направляли окольными путями в Богородицк, отстоявший от нас на 70- 80 км, должны были пройти скрытно от противника пешком в один конец около 100 км, провести разведку и вернуться обратно. Тем временем наши войска с боями успевали уже далеко продвинуться вперед, вследствие чего разведчик зачастую не мог найти своих начальников, информация обесценивалась. А бывало и так, что стремительно наступающие войска обгоняли наших «ходоков» еще при их движении к месту разведки. Много наших людей гибло и в процессе сбора сведений в прифронтовой полосе и особенно при переходе линии фронта. Таким образом, несмотря на героические усилия наших чудесных советских людей, на том уровне организации и обеспечения агентурной разведки признать ее эффективной было нельзя, и при тех условиях основным средством добывания сведений о противнике в армии была войсковая разведка боем. С началом наступления в полосе армии стали чаше попадаться пленные, которые хотя и про должали вести себя вызывающе, но при умелом допросе сообщали иногда довольно подробные сведения о своих войсках. Весьма редко, но попадались перебежчики, преимущественно из числа антифашистов, обычно сообщавшие неплохие данные о противостоящем противнике.

Армия в незначительной степени использовала авиаразведку, т. к. у немцев было абсолютное превосходство в воздухе, и наши разведывательные самолеты, как правило, сбивались. Связь в армии была на уровне Первой мировой войны и являлась одним из уязвимых звеньев. Радиосредств было недостаточно даже для связи с дивизиями, и они непрерывно терялись. На поиски их по личному указанию командующего направлялись, как правило, офицеры разведывательного и оперативного отделов. Понятно, что поиски дивизий армии на необъятных просторах Московской области не являлись основной задачей разведки того времени, но доказать это командованию майор Колесов не решался и зачастую сам на броневичке отправлялся искать потерявшийся штаб какого-либо соединения. На этом этапе это было, очевидно, важнее поисков дивизий противника, который отходил с упорными боями.

Блуждая по фронтовым дорогам в броневиках, на санях, верхом, а зачастую и пешком в поисках нужных разведке лиц, своих потерянных штабов, стремясь попасть одними *из* первых в освобожденные нашими войсками населенные пункты с целью захвата в разгромленных немецких учреждениях и штабах оперативных документов, бланков удостоверений личности, образцов прописки и т. д., а иногда и просто в поисках трофейного имущества для обеспечения разведчиков, нам воочию пришлось увидеть и пережить все ужасы войны. Пепелища на месте деревень и сел, о существовании которых в прошлом иногда можно было догадаться лишь по торчащим печным трубам, руины маленьких районных городов, через которые трудно было пройти даже пешком, и всюду засыпанные снегом трупы, толпы обезумевших от горя людей, ищущих своих близких, роющихся на месте пожарищ, голодных, обмороженных.

Немцы скрупулезно выполняли приказ фюрера о создании при отходе зоны пустыни. В тот период можно было безошибочно установить, особенно ночью, есть ли в том или ином населенном пункте по ходу нашего продвижения немцы или нет. Если деревня пылала, значит, противник ее только что покинул. Сохранившиеся селения, как правило, имели еще немецкие гарнизоны, которые цепко держались за теплые помещения. При отходе эти гарнизоны постоянно оставляли для уничтожения всех строений команды поджигателей. Одну из таких команд нам с группой разведчиков удалось захватить в деревне под Богородицком. Мотоцикл, на котором поджигатели намеревались догнать свои заблаговременно удравшие войска, отказал, и немцы попали к нам в руки. Один из них пытался схватить автомат и был убит. Захваченной в плен поджигатель - белобрысый

ефрейтор лет 25 - не успел даже бросить факел из пакли, смоченный, очевидно, бензином, который явно изобличал его намерения. Попытки допросить его ни к чему не привели, т. к. он от страха впал в состояние прострации. Мы еще не закончили допроса, как в село прибыл генерал Голиков с группой офицеров штаба и корреспондентом «Красной звезды» К. Симоновым. Такие «гусарские» привычки, сохранившиеся, очевидно, со времен Гражданской войны, были свойственны командующему, как и многим другим нашим военачальникам старой школы. Однако беззаветная личная храбрость в современной войне не всегда компенсировала недостаточный опыт ведения боя, операции против такого врага, каким являлись немцы, и могла привести к неприятностям. В данном случае в селе, кроме десятка конных разведчиков с ручным пулеметом, никакого прикрытия не было. Узнав, что собою представляет наш пленный, командующий махнул рукой и поехал по направлению к Богородицку, где уже шли уличные бои.

Из подвалов и погребов поселка, сохранившегося случайно в результате нашего налета, начали выползать местные жители. Все они наперебой рассказывали о страданиях, которые им пришлось пережить за короткое время оккупации. Оставив поджигателя на их «попечение», мы поехали выполнять свои дальнейшие задачи.

15.12.1941 г. Богородицк был освобожден. Трудно описать волнение, охватившее нас при встрече с жителями города. Со слезами радости они обнимали и целовали солдат и командиров. Старики крестились и крестили проходящие подразделения. Город горел. Едкий дым пожарищ иногда перехватывал горло, а может быть, к этому были и иные причины. Радость победы омрачалась видом разгрома и уничтожения. Войска проходили через центральную площадь, на которой стояла большая виселица в виде буквы П, на которой, тихо раскачиваясь от порывистого зимнего ветра, висели трупы. Их было много. Подростки, женщины, старики. Это были наши советские патриоты, казненные немцами за сопротивление оккупационным властям. Войска проходили мимо виселицы, как бы отдавая воинские почести погибшим бойцам, и не могло быть более убедительной и действенной пропаганды против фашизма, чем вид этих босых обезображенных смертью людей, русских людей, боровшихся с первых дней немецкой оккупации против захватчиков в их глубоком тылу и отдавших за свободу своей Родины жизни.

Ярость, гнев, жажда мести охватывала нас. Они снимали усталость, прибавляли силы, вели неудержимо вперед. Войска двигались к Плавску.

Знают ли сейчас жители Богородицка имена героев, павших

при освобождении их города, знают ли фамилии тех казненных оккупантами патриотов, чтят ли их память, помогают ли престарелым родителям этих героев? Время стирает многое, но не хотелось бы, чтобы оно стерло в памяти народной имена и деяния этих людей.

То, что мы плохо готовились к войне, можно было заметить не только в те горькие дни нашего отступления на всех фронтах, но и в радостные для всего народа и его армии месяцы зимнего наступления под Москвой: в освобожденных районах было много мужчин призывного возраста, что свидетельствовало о том, что в решающий момент они не были мобилизованы и остались у врага. Пополнение в армию в процессе наступления приходило очень плохо вооруженным. Не хватало винтовок, пулеметов, не было автоматов. По армии был приказ всем штабным командирам сдать все автоматы, имевшиеся у многих в качестве нетабельного оружия, необходимого в условиях, когда штабы соединений выдвигались прямо на передовую, а штабные офицеры нередко поднимали бойцов в атаку.

Войска первоначально были плохо обучены, в частности, ведению войсковой разведки. Сказалось это и в наступлении. Упоение первыми успехами вызывало иногда притупление бдительности. Помнится широкое поле перед опушкой леса где-то у Сухиничей. По снежному покрову этого поля группами застыли убитые красноармейцы. Оказывается, шел батальон в походной колонне, без охранения, как в лагерях в столовую, и был почти полностью уничтожен пулеметным и минометным огнем немцев. И опять не могу удержаться: если бы мистификатор Резун побывал в нашей шкуре образца 1941 года, вряд ли бы он стал рекламировать фальшивку Гитлера-Геббельса о том, что Красная Армия собиралась тогда напасть на Германию. Только в процессе войны мы научились бить врага по частям, вести бои в окружении и сами окружать и уничтожать противника.

Дорогой ценой мы расплачивались за бахвальство, нежелание перенимать все полезное, в том числе и в области военного искусства за рубежом, парадную шумиху, подменявшую накануне войны скрупулезную работу по подготовке всей страны и ее армии к отпору врагу.

И, несмотря на это, противник от Москвы отходил, упорно сопротивлялся, но отходил, даже бежал, бросая тяжелое оружие, пушки, автомашины, обозы, оставляя склады.

Малоэффективность агентурной разведки в наступлении, проводимой лишь эпизодически засылаемыми в тыл противника маршрутниками из числа местных жителей и переодетых красноармейцев, вынуждала искать более совершенных методов

получения информации о немецких войсках. Возникала необходимость подготовки постоянных опытных разведчиков с современными средствами связи, для чего нужно было обучать радистов, вербовать агентуру в оперативном тылу немцев, устанавливать контакты с партизанами, готовить диверсии на важнейших направлениях отхода врага.

К концу декабря наше 3-е отделение кое-что сделало в этом направлении. Было закреплено для маршрутной разведки около двенадцати вышедших из окружения, проверенных, грамотных в военном отношении младших командиров. Начали готовить трех радисток. Их планировалось направить в Вязьму, Рославль и Ельню в том случае, если наступление приостановится. Отделение оснастилось за счет немецких трофеев автотранспортом и оружием, пишущими машинками, а также образцами документов, печатями полевых комендатур, полицейскими пропусками, разрешениями на право ношения оружия немецкими полицейскими. Правда, вся документация относилась к освобожденным Красной Армией районам, но она давала возможность как-то легендировать наших маршрутников под беженцев, бывших полицейских и старост, убегающих от «возмездия большевиков». Для полицейских из числа русских изменников этого было вполне достаточно, поскольку гестапо еще не сумело развернуть свою работу на недавно оккупированной территории, а большие перемещения людей, вызванные войной, затрудняли контроль. Оперативные работники отделения приобретали в ходе работы необходимый опыт, создавались перспективы более успешного ведения разведки в дальнейшем. Командование армии непрестанно требовало достоверных сведений о войсках противника в глубине, но, к сожалению, выполнять эти требования удавалось далеко не полностью.

Период подготовки проходил в ходе боев, наряду с рядом других дел, не относящихся к агентурной разведке. Приходилось выполнять обязанности офицеров связи, участвовать в рекогносцировках, различных расследованиях и тому подобном. Тем не менее к концу декабря мы строили планы качественного и количественного улучшения разведки, над чем напряженно работал наш маленький коллектив. Однако эти планы были внезапно сорваны трагическими обстоятельствами.

25 декабря за городом Плавск Тульской области мы остановились в какой-то деревне на пару часов, чтобы накормить людей и немного отдохнуть. Наше отделение всегда двигалось в некотором отдалении от штаба армии и его разведотдела. Имелся категорический приказ, запрещающий в целях сохранения военной тайны размещать разведчиков, готовящихся к работе в

тылу противника, вблизи штабов.

В большом кирпичном доме в центре деревни собрался почти весь наш наличный переменный состав, за исключением находившихся на задании. Хозяйка наварила своей, очевидно, последней картошки, существенной добавки к нашему все еще скудному пайку. Обед обещал быть на славу.

Несмотря на просьбы ребят остаться с ними обедать и большое желание хотя немного утолить голод, который редко покидал нас в то время, я вынужден был уйти: начальник отдела вызывал меня для доклада. Соблазн был велик, но я преодолел его. Через несколько минут после моего ухода в небе послышалось характерное завывание немецких бомбардировщиков, которые сбросили несколько бомб над центром деревни. Когда я туда прибежал, то на месте дома, в котором находились наши люди, дымилась громадная воронка. Прямое попадание крупной авиабомбы не только уничтожило всех наших разведчиков, но и разрушило несколько соседних строений, в которых также находились наши бойцы.

Чувство, близкое к отчаянию, охватило меня. Погибли не только наши товарищи, с которыми мы успели по-боевому подружиться, но и рушились наши планы. Все нужно было начинать сначала. Наступление успешно продолжалось.

30 декабря наши войска окружили город и железнодорожный узел Сухиничи в Калужской области. Взять его с ходу не удалось. Немцы превратили этот населенный пункт в мощный укрепленный район. Поддерживаемые все еще безраздельно господствующей в воздухе авиацией и располагая значительным численным превосходством в танках, они упорно сопротивлялись. Однако было завершено первое в Великой Отечественной войне крупное окружение противника советскими войсками. К сожалению, отсутствие у наступающих численного превосходства в живой силе, недостаток бронетехники, отсутствие авиации не позволили уничтожить окруженную группировку. Наши неоднократные атаки, предпринимавшиеся преимущественно пехотой, неизменно отражались немцами.

Насколько мы были слабо обеспечены техникой, в частности авиацией, в боях за Сухиничи свидетельствует то обстоятельство, что для доставки в город листовок с предложением немцам капитулировать в армии не оказалось самолетов. Листовки, отпечатанные на трофейной пишущей машинке, было приказано расклеить ночью на улицах Сухиничи нашим разведчикам, которые должны были проникнуть туда нелегально через сплошную линию оборонительных сооружений немцев. Задача была поставлена лично командующим, не пожелавшим посылать

парламентеров к командованию окруженной немецкой группировки, а намеревавшимся обратиться через его голову к солдатским массам. Иллюзии о том, что немецкий пролетариат не будет воевать против первого в мире государства рабочих и крестьян, очевидно, имелись не только среди нашего народа, но и в руководящих кругах.

Потеряв при бесплодных попытках проникнуть в город для расклейки обращения нескольких лучших разведчиков, мы убедились в бесполезности дальнейших жертв. Приказ был отменен.

Для удержания кольца вокруг сухинической группировки оставили явно недостаточную блокировочную группу, которая была не в силах уничтожить окруженного противника. Упорные бои за Сухиничи продолжались около месяца с большими для нас потерями.

Тем временем остальные войска армии продолжали наступление и 11 января 1942 года силами одной разведроты 330-й стрелковой дивизии заняли станцию Фаянсовая и районный городок Киров в Калужской области.

Непрерывные попытки окруженной в Сухиничах группировки немцев прорваться на запад и ожесточенные контратаки основных сил противника на этом направлении при поддержке авиации и танков привели к прорыву ими 29 января кольца окружения. Это была большая неудача для армии и ее командования, не сумевшего подтянуть своевременно резервы для усиления блокировочной группы и продвинуться на запад от Сухиничи на удаление, не позволяющее окруженным силам противника выйти из кольца. На фоне удачно развивающегося общего наступления от Москвы и устранения непосредственной угрозы столице на эту неудачу Верховное командование не обратило внимания.

31 декабря был освобожден город Белев в Тульской области. Незадолго до этого мне довелось издали видеть неприглядную картину разрушения своего родного города, с которым было связано так много воспоминаний детства. Сейчас на близких подступах к нему нам приходилось искать слабое место в обороне противника, чтобы переправить в его тыл разведчика. Незадолго перед этим к нам перебежал эльзасец-антифашист, и мы решили использовать его в качестве маршрутника.

Белев, красивый уездный городок на берегу Оки с множеством старинных церквей, двумя монастырями, один из которых основан в XVI веке, лежал в развалинах. Он несколько раз переходил из рук в руки. Странное чувство охватывало меня при виде знакомых мест. Лишь по конфигурации местности можно было узнать, что здесь располагалась деревня Жабынь -

место лагерной стоянки 250-го Белевского стрелкового полка. От населенного пункта осталось несколько домов. Не в лучшем положении была деревня Болото, находившаяся еще в руках немцев.

Через стоявшую на правом высоком берегу Оки деревушку Воронец, в которой много лет учила детей моя мать, проходил передний край обороны немцев. Ее, эту деревушку, буквально стерли с лица земли. На месте большой кирпичной школы сохранилось лишь красное пятно от разбитого бомбами и снарядами в щебень кирпича. Моя бывшая хозяйка Наталья Степановна Маричева, как и остальные колхозники, не успела эвакуироваться и была угнана немцами вместе с невесткой и внуком к Орлу на принудительные работы.

Битые немецкие генералы и их друзья на Западе часто повторяют, что успех русского наступления под Москвой зимой 1941 года объясняется сильными морозами, помогавшими русским, на которых они, лютые морозы, якобы не действовали. Несостоятельность ссылок на «генерала мороза», помогавшего Красной Армии, доказана не только последующими летними поражениями вермахта, но и тем, что зима и бездорожье в равной мере затрудняли передвижения войск той и другой стороны. Мороз безжалостно добивал на поле боя раненых и обмораживал как оборонявшихся, так и наступавших.

Не верны также и ссылки на плохую экипировку немецких солдат, которые пошли воевать чуть ли не в летних френчах, в то время как советские солдаты были будто бы почти все одеты в тулупы и валенки. Зимой 1941/42 года далеко не у каждого нашего бойца был под шинелью ватник и теплые стеганые штаны. Многие носили обычную шинель и кирзовые сапоги. Лишь в ходе наступления войска начали получать теплое зимнее обмундирование.

Перед отправкой на фронт мой бывший начальник майор Шерстнев подарил мне свой нагольный полушубок, который в течение всей зимы был предметом зависти моих коллег-командиров, и все они, капитаны или майоры, были одеты в простые шинели.

Кстати, я не раз с благодарностью вспоминал за этот подарок своего щедрого сослуживца, особенно когда под деревней Болото пришлось пролежать длительное время в снегу под ураганным огнем противника в ожидании темноты.

Не совсем точны также утверждения о значительном численном превосходстве наших войск над противником в живой силе и технике. В зимнем наступлении 1941/42 года перевес в авиации, артиллерии, особенно минометах, был несомненно у

противника.

Нет, успех боев решался не «генералом морозом», который якобы принял нашу сторону, и не численным превосходством Красной Армии, а самоотверженностью и стойкостью наших воинов, боровшихся за свободу и независимость своей Родины.

Несомненно, наши бойцы были выносливее солдат противника. Они могли, ведя справедливую борьбу, переносить большие лишения, трудности боевой жизни, довольствоваться немногим. Их боевой дух не нужно было подогревать шнапсом, они обходились без утреннего кофе. Это были люди качественно другого склада. Перед ними стояла великая цель защиты своего народа, своих близких - жен, детей, родителей.

Перерыв в наступлении нашей армии на этом направлении мы использовали для напряженной работы по подбору нужных нам людей, их подготовке и заброске в тыл противника. Командование требовало данных о противостоящей группировке противника, особенно его интересовал подход немецких резервов, их вооружение и то, что у нас принято называть политико-моральным состоянием солдат и офицеров.

Недостатка в добровольцах для работы в разведке мы и здесь не встречали. Подбор их проходил по различным каналам.

Из лесов и окрестных деревень группами и в одиночку выходили так называемые окруженцы - бойцы и командиры разбитых немцами в период летнего наступления наших частей. Многие из этих бойцов создавали партизанские отряды и громили немецкие тылы. Некоторые разошлись по домам, пристроились в «зятья» и, оказавшись на освобожденной территории, спешили, опасаясь репрессий, явиться в воинские части с просьбой предоставить им возможность сражаться с врагом. Хотя отношение к этой категории военнослужащих было не совсем благожелательным, поскольку немцы пытались засылать под видом «окруженцев» свою агентуру, тем не менее их приходилось брать для восполнения потерь, которые в ходе наступления были весьма велики: в некоторых ротах оставалось 15-20 человек.

В наш штаб непрерывным потоком потянулись военнообязанные из числа жителей Кирова. Среди них мы находили нужных нам людей.

На месте осталось также некоторое количество служащих немецкой администрации, не считавших себя виновными перед согражданами в злодеяниях, которые чинили оккупанты. Среди них был заместитель городской полиции Воронов, несколько полицейских, технические сотрудники магистрата. После проверки через доверенных местных старожилов нам удалось установить, что оставшиеся в городе полицейские, в том числе и

Воронов, предупреждали местных жителей об облавах, обысках и многих спасли от немецких репрессий.

Использовать бывших полицейских в качестве маршрутников было весьма заманчиво. Они имели подлинные немецкие документы и даже разрешения на ношение оружия. Легенда для них была бы весьма простой и естественной: бегство со своими хозяевами. После некоторых колебаний мы взяли к себе Воронова и его двух бывших полицейских - и не ошиблись. Желая реабилитироваться, эти люди без устали курсировали по немецким тылам и доставали весьма ценные сведения о противнике. Через них мы собирались установить контакты с чинами немецкой полиции в Рославле, Вязьме и ряде других крупных пунктов в немецком тылу.

В течение короткого срока пребывания в Кирове нам удалось снова, после трагической потери всего нашего личного состава, подобрать 15 разведчиков с зачислением в кадры РККА. Двух девушек планировалось обучить радиоделу и перебросить в партизанские отряды, создав в них разведывательные пункты.

Поскольку сплошного фронта на нашем направлении не было, маршрутникам удавалось сравнительно просто переходить в районы, контролируемые противником. Немцы зимой избегали располагаться вне населенных пунктов, поэтому через лесные массивы в метель и непогоду разведчикам удавалось пробираться довольно далеко. Каждый день мы отправляли в разведку несколько человек и добились такого положения, что соответственно каждый день производили и прием наших агентов со сведениями о противнике.

Понятно, информация запаздывала на несколько дней, но с учетом стабильного фронта она все же представляла известную ценность. Узнав о возможностях относительно безопасной переброски людей в тыл на нашем направлении, к нам стали присылать группы диверсантов и разведчиков из разведотдела штаба фронта и Особого отдела НКВД. Переброска этих групп за линию нашего боевого охранения и сопровождение в промежутках между немецкими гарнизонами входили в нашу обязанность, и мы втроем с Н.П. Куличкиным и Н.Я. Корчмой все ночи проводили такие операции.

До прибытия в город соответствующих советских органов, которые не спешили с возвращением из эвакуации, опасаясь вторичного перехода Кирова в руки врага, вся полнота военной и гражданской власти сосредоточивалась у начальника гарнизона - командира 1111-го полка и коменданта города майора Зиненкова М.П., которые всемерно помогали нам. В свою очередь, мы держали их в курсе обстановки в тылу врага.

Постепенно в Киров начали возвращаться некоторые советские служащие, скрывавшиеся неподалеку в сельской местности, депутаты горсовета, члены партии. Мы получили возможность хотя бы задним числом перепроверить данные о наших сотрудниках, проживавших в городе. О всех них, в том числе и бывших полицейских, мы получили самые лестные отзывы. Лучшей проверкой, конечно, являлись их боевые дела, свидетельствовавшие о патриотизме, высоком чувстве гражданского долга и самоотверженности подавляющего большинства добровольцев.

Я хочу назвать тех разведчиков, которые особенно отличились при выполнении боевых заданий в тылу врага.

Антон Шелаев - житель Кирова, паренек лет 17-18, почти ребенок. Небольшого роста, худощавый, он выглядел не старше 12-14 лет, но обладал далеко не детской волей, умом, отличной памятью, хладнокровием, рассудительностью, умением владеть собой. В коротком пальтишке и стоптанных валенках он исходил сотни километров до Рославля. Ельни, Дубровки, проникая в расположение немецких частей, выклянчивая милостыню у солдат и офицеров, останавливаясь на ночлег в полицейских участках. Вряд ли мог кто-либо из врагов заподозрить разведчика в этой «жертве войны», разыскивающей своих родных. Ему подавали милостыню, подвозили на попутных машинах. А он смотрел и запоминал число орудий, танков, знаки на автомашинах, значки на погонах солдат, направление движения колонн и железнодорожных эшелонов Сведения, добываемые им, были, как правило, точными, подробными, своевременными. Оказалось, этот паренек, не достигший еще призывного возраста, был прирожденным разведчиком. Позже ему удалось установить связь с партизанами, действовавшими неподалеку от Кирова, и еще больше расширить возможности получения информации. За боевые подвиги Антон Шалаев был удостоен звания Героя Советского Союза.

Петр Семянищев, тоже уроженец и житель Кирова. В противоположность Шалаеву был уже взрослым человеком - ему шел 25-й год. Человек исполинского роста и богатырской силы, он ходил всегда в тельняшке и каком-то подобии матросского бушлата. Перед началом войны Петр, пройдя срочную службу в армии, поступил на работу в какое-то торговое предприятие, совершил растрату казенных денег и попал в тюрьму, откуда был освобожден немцами. Это обстоятельство его страшно угнетало. Он ненавидел своих «освободителей» всей душой и в первый же час нашего прибытия в город явился с просьбой послать его на передовую. Знаток местных условий, природный следопыт,

отлично ориентировавшийся в родных местах, Семянищев был незаменимым проводником и неоднократно ходил с группами в тыл противника.

Позже, когда меня перевели в разведотдел штаба фронта, я узнал, что Петр, проводя разведывательный отряд в тыл противника, в конце февраля 1942 года наткнулся на засаду немцев, которые к этому времени уже начали стягивать свои силы к городу. Он предупредил группу об опасности и, оставшись один, прикрывал отход, отстреливаясь из автомата до тех пор, пока вражеская пуля не оборвала его жизнь.

К сожалению, подвиг Петра неизвестен даже у него на родине, и наград за свою боевую службу он не получил.

Младший лейтенант **Андрей Сизов.** Незаменимый связной с партизанами, много раз ходивший, а в последующем и летавший на «кукурузнике» «ПО-2» в тыл к немцам. При выполнении одного из заданий самолет подбили, объятый пламенем, он упал на ничейной земле. Андрей нашел в себе силы вытащить из кабины пилота, погасить, катаясь по снегу, горящую одежду и вынести под огнем немцев раненого летчика к своим, несмотря на тяжелые ожоги.

Старший лейтенант **Алексей Галюга,** помощник начальника штаба 330-й дивизии по разведке. Отважный офицер, мастер разведывательного поиска. Не раз направлялся Военным советом 10-й армии и Западного фронта к партизанам для координации действий отрядов. В последующем сам командовал крупным партизанским подразделением. Налеты его бойцов на штабы, склады и мелкие гарнизоны немцев в их глубоком тылу сделали старшего лейтенанта грозой оккупантов, которые полагали, что все эти акции совершает опытный военачальник, по меньшей мере генерал-майор. В последующем А. Галюга командовал 8-й партизанской дивизией.

Дальнейшая судьба этого героя сложилась неудачно. В конце 1942 года он был ранен. Самолет, на котором намеревались его вывезти из тыла врага, подбили, и он сел на оккупированной территории. Находящегося в бессознательном состоянии партизанского командира немцы не без основания приняли за важную персону и начали лечить. После выздоровления Галюга назвал себя, но допрашивавшие его старшие немецкие офицеры не могли поверить, что грозный Галюга, хорошо известный им по диверсиям и налетам на их военные объекты, всего-навсего 28-летний молодой человек. Чтобы удостоверить свою личность, Алексей вынужден был перечислить основные операции, проведенные им незадолго до ранения. После того как он с негодованием отверг предложение гитлеровцев перейти к ним на

службу, его направили в один из лагерей. Там Галюга пробыл до окончания войны, пережив все ужасы гитлеровских застенков. После освобождения частями Советской Армии ему пришлось отсидеть известный срок в советском контрольно-фильтрационном лагере, куда обычно направлялись для проверки военнопленные независимо от звания и обстоятельств пленения.

Выйдя оттуда больным, без средств к существованию, А. Галюга пытался по ступить на работу, но ему, как бывшем у в плену, неизменно отказывали. В отчаянии он решил обратиться к Н.А. Булганину, бывшему члену Военного совета Западного фронта, провожавшему когда-то Алексея в тыл врага. К этому времени Булганин стал министром обороны СССР. С трудом добившись приема, Галюга доложил главе военного ведомства о своих злоключениях. К счастью, Булганин вспомнил его и приказал присвоить ему очередное звание, выдать единовременное пособие, направить на длительное санаторное лечение и назначить на должность, вернув все ордена и медали. Однако пребывание в фашистском лагере сказалось на здоровье Алексея, он вынужден был демобилизоваться и вскоре умер.

20 января в город прибыл партизанский обоз из полдюжины саней. Его привел командир одного из отрядов Брянщины Рыжков. С ним добрался к нам сотрудник разведотдела Западного фронта старший лейтенант Орлов Георгий Ильич, направленный ранее в немецкий тыл для установления контактов с командирами наиболее крупных подразделений народных мстителей. Начальство сопровождал десяток рядовых партизан. Одним таким бойцом оказалась девушка Маргарита Протопопова.

Рыжков должен был согласовать свои действия с командованием 330-й стрелковой дивизии и получить оружие и боеприпасы, в чем очень нуждались партизаны. Лесное воинство явилось не с пустыми руками.

Был доставлен «язык», немецкий лейтенант, которого в пути опекала Маргарита. Она отдала ему свой полушубок, так как стреноженный по ногам и рукам «фриц» мог замерзнуть в дороге. Привезли партизаны и трофеи, в которых очень нуждался наш разведотдел, - образцы и чистые бланки немецких документов, печати, подробную разведсводку о войсках противника и обстановке в оккупированных районах и большой мешок, туго набитый советскими денежными знаками и облигациями госзайма, отобранными в немецких учреждениях, у полицейских и старост.

Деньги и ценные бумаги предназначались для сдачи в фонд танкового соединения «Партизан». Общая сумма их была неизвестна. Для подсчета пришлось мобилизовать всех свободных

от службы разведчиков. Времени потратили немало. В мешке оказалось что-то около полумиллиона рублей. Может показаться невероятным, но это факт: начальник финансовой части нашего отдела и глава финотдела армии отказались принять свалившееся им; можно сказать, с неба богатство ввиду отсутствия приходных документов и условий для хранения и перевозки денег.

Бюрократическая возня - от нее нельзя было избавиться даже во фронтовых условиях - продолжалась довольно долго. В конце концов мешок с деньгами и облигациями удалось переслать в штаб фронта с представителем разведотдела полковником Жемчужиным, приезжавшим проверять состояние агентурной работы нашего отделения.

А партизанский обоз мы загрузили трофейным оружием, боеприпасами и продуктами и в ночь на 22 января проводили через линию фронта, обусловив с отрядом Рыжкова связь на будущее. Через несколько недель рейс должен был повториться.

Забота о пленном немецком лейтенанте не прошла даром для Маргариты. Она сильно простудилась и была вынуждена остаться в городе до прибытия очередного партизанского обоза. Поправившись, молодая партизанка возвратилась в свой отряд, пробыла длительное время в тылу противника, получила ранение и за боевые подвиги была награждена.

Много лет спустя Маргарита Протопопова погибла от нелепой случайности: в 1968 году, переходя улицу в Брянске, поскользнувшись, упала и получила смертельную травму головы.

За время пребывания в Кирове наше разведывательно-диверсионное отделение начало систематически давать сведения о противостоящем противнике по донесениям партизан и агентов-маршрутников, что вместе с данными авиационной и войсковой разведок, а также показаниями пленных обеспечивало командование 10-й армии относительно полной информацией. Мы намеревались через некоторое время подготовить и послать к партизанам, первым делом в отряд Рыжкова, радистов, с тем чтобы поступление разведывательных донесений сделать более оперативным.

В конце января для проверки работы разведки в 10-ю армию прибыл в качестве инспектирующего начальник 2-го отделения разведотдела штаба Западного фронта полковник Жемчужин. Это был оригинальный человек, для которого форма всегда и во всем главенствовала над содержанием. Разведку он не знал, боялся ее и, как утверждали злые языки, добился своей по тем временам высокой должности исключительно благодаря родственным связям, если не ошибаюсь, с женой Молотова.

Всю работу Жемчужин провел в основном в штабе армии в

деревне Соболеве в 50 километрах от Кирова на восток, где в то время находился и разведотдел. Он пришел в ужас, когда узнал, что с нами сотрудничают трое бывших полицейских, добрый десяток окруженцев и один осужденный советским судом и отпущенный немцами из тюрьмы арестант Семянищев. Его не интересовало, что сводки разведотдела правдиво информируют о группировке противника, что окруженцы установили связь с партизанскими отрядами, а полицейские всеми силами пытаются загладить свою вину перед Родиной. Налицо был криминал. И вскрыл его, этот криминал, он, Жемчужин. Как представитель высшего штаба, он немедленно сообщил о «засорении агентурной сети разведотдела» в Особый отдел НКВД. доложил начальнику штаба армии и члену Военного совета, после чего выехал в Киров, который к тому времени уже находился под сильным авиационным воздействием противника. Очевидно, это обстоятельство заставило его быстро свернуть проверку на местах. Забрав деньги, о чем я уже говорил выше, и сообщив о том, что претензий у него к нам нет, он, не пробыв у нас и суток, убыл в штаб армии, заявив, что через несколько дней вызовет туда всех наших сотрудников. На предложение познакомиться лично с вернувшимися из рейдов по немецкому тылу разведчиками, принять участие в переброске большой группы, направлявшейся с диверсионными задачами на безопасном, с нашей точки зрения, направлении, полковник ответил, что он вполне доверяет нам и не считает нужным это делать.

Отправляясь на операции по заброске разведчиков в тыл врага, мы на всякий случай всегда оставляли личные документы в безопасном месте. Так и в тот раз. Свою полевую сумку, где были чистые бланки обязательств и подписок, немецкие штампы и печати и чистая книжка с бланками донесений, я передал старшему лейтенанту Корчме с приказанием переправить ее до моего возвращения во второй эшелон штаба. В сумке также находилось мое удостоверение личности.

Вернувшись после выполнения задания, которое на этот раз продолжалось несколько дней, так как переправлять разведчиков становилось все труднее и труднее из-за концентрации немецких войск у города, я был удивлен требованием немедленно прибыть в штаб. Там уже находились Куличкин, Корчма и Житков, таким образом, в случае прибытия разведчиков принять их и обработать полученную устную информацию было бы некому.

В штабе нам пришлось задержаться на несколько дней. Мне предъявили инспирированное «ревизором» Жемчужиным обвинение в засорении агентурной сети враждебными элементами. Я был привлечен к партийной ответственности.

Полковник в порядке перестраховки так напугал мое руководство, что оно отмежевалось от всех дифирамбов, которые пелись мне, когда шел поток достоверной информации. Были отозваны наградные материалы не только на меня, но и на моих помощников. На заседании партийного бюро штаба, где разбиралось мое персональное дело, кроме комиссара разведотдела, никого не было, и мне за указанное выше «засорение» был объявлен выговор без занесения в учетную карточку. Прямо с заседания бюро меня вызвали к оперуполномоченному Особого отдела НКВД.

Здесь ожидал новый сюрприз. Следователь, с которым мы были весьма близко знакомы по работе, вдруг с серьезным видом достал бланк протокола допроса и начал так называемое дознание. После стереотипных вопросов - фамилия, имя и так далее, ответов, которые ему были отлично известны, он перешел к существу дела.

- Это ваша сумка? - спросил капитан. Сумка была действительно моя.

- Где вы ее потеряли, когда, почему не доложили по команде? Узнав, что я ее не терял, а перед уходом на операцию передал своему помощнику старшему лейтенанту Корчме, следователь вызвал его. Корчма подтвердил все мои показания, но добавил, что в отсутствие начальника ему тоже пришлось выполнять одно срочное задание и он передал злосчастную сумку нашему сотруднику старшему лейтенанту Житкову, отправлявшемуся в то время в разведотдел, дислоцировавшийся в Соболеве.

Следователь приказал пригласить Житкова. Тот, понятно, сильно перетрусил: кто же тогда не боялся всесильного НКВД? Предчувствуя, что его начальник, то есть я, так или иначе будет снят с занимаемой должности, он категорически заявил: никакой сумки не получал и ко всей этой истории отношения не имеет.

Корчма чуть было не накинулся на него с кулаками. Сомневаться в правдивости показаний моего верного помощника следователь не имел оснований, тем более что при проверке помещений, занимавшихся сотрудниками разведотдела, сумка была обнаружена в покинутой избе, где раньше квартировал Житков. Очевидно, при очередной бомбежке деревни мой трусоватый подчиненный, убегая в убежище, просто забыл захватить ее с собой.

Установить владельца сумки не составляло труда: в ней лежало мое удостоверение личности. Кстати, это был единственный документ из числа бумаг, находившихся там, который весьма в отдаленной степени мог быть назван секретным. Однако убедить строгого слугу Фемиды в

никчемности всего дела не удалось. Важно заявив, что в трибунал, возможно, он дело и не передаст, капитан предупредил, что будет настаивать на строгом дисциплинарном наказании за притупление бдительности в боевой обстановке. Ходатайство и мотивировку бдительного стража закона командование удовлетворило, и мне вместо ордена, к которому я был представлен, командующий войсками Западного фронта генерал-полковник Г.К. Жуков объявил выговор, подчеркнув, что ограничивается столь мягким наказанием, только учитывая мои прежние заслуги.

За десять лет пребывания на военной службе мне не раз приходилось вместо ожидаемого поощрения получать взыскания, вызванные, как правило, чрезмерным служебным рвением, но никогда они не были так незаслуженны и обидны, как в этот раз.

Позже мне стало известно о том, что проверяющий из разведотдела штаба фронта полковник Жемчужин, узнав о найденной сумке с личными документами начальника 3-го отделения, рекомендовал строго наказать виновного, даже не ознакомившись с этими документами. Характерно для того времени, что наши прямые начальники, в частности майор Колосов, не сделали ни малейшей попытки, вмешаться во всю эту историю, чтобы внести должную ясность. Он предпочел на это время выехать в одну из дивизий с тем, чтобы не быть косвенно обвиненным в отсутствии бдительности.

В Кирове, где за время нашего отсутствия накопилась масса дел, на меня обрушился новый тяжелый удар: трое наших разведчиков - бывшие полицейские Воронов и двое его помощников в наше отсутствие были арестованы и постановлением тройки НКВД расстреляны.

Оказывается, полковник Жемчужин во время краткосрочного визита в Киров не только расточал нам улыбки и высказывал удовлетворение работой, но и успел навестить только что возвратившегося из эвакуации начальника районного отделения НКВД и договорился с ним об аресте «изменников Родины», пробравшихся в военную разведку.

Трудно передать возмущение, охватившее нас. Беззаконие, самоуправство и вероломство, которые творили некоторые работники НКВД в те времена, расценивались обычно нами как неизбежные издержки борьбы с классовым врагом. Но здесь был образец вопиющего произвола. Уничтожили людей, добросовестно выполнявших опасную боевую службу в разведке.

Спасти их уже было нельзя. Но по крайней мере, может быть, реабилитировать казненных, чтобы не страдали невинно их семьи. С этим предложением я пришел в районный отдел НКВД и

пожаловался на незаконность действий в отношении наших репрессированных агентов. В ответ шеф районной госбезопасности заявил, что вопрос об аресте бывших полицейских, попавших по близорукости начальника 3-го отделения разведотдела в разведку, был согласован с представителем штаба фронта полковником Жемчужиным. В НКВД этих людей рассматривали не как наших агентов, а как предателей, которые в соответствии с приказом о введении в городе осадного положения подлежали расстрелу на месте, что и было сделано. При этом он добавил, что мне повезло: по всем правилам я должен был разделить их участь, поскольку предоставил врагам народа лазейку в святая святых нашей армии - разведку.

Все мои доводы ни к чему не привели. «Старые и проверенные кадры» ведомства Берия шутить не любили.

В тот же день я получил телефонограмму сдать все дела и личный состав капитану Куличкину Н.П. и прибыть в штаб армии для получения назначения к новому месту службы.

С тяжелым чувством я покидал Киров. Жаль было оставлять боевых товарищей, которые тоже были возмущены чудовищной несправедливостью. Многим стало известно об аресте нескольких наших секретных сотрудников, и их

беспокоила собственная судьба. Побывавшие в окружении, а их было большинство, вспоминали волей-неволей немецкую пропаганду, которая утверждала: все попавшие в плен и побывавшие в окружении никогда не будут прощены советской властью.

Но война продолжалась, все эти события, так волновавшие нас и казавшиеся нам значительными, на общем фоне великой битвы, охватившей весь мир, были ничтожно малыми. Возникала мысль жаловаться, но кому и зачем? Кто будет в такое время, когда жизнь человеческая ничего не стоила, пересматривать решения, принятые ответственными людьми?

Тепло распрощавшись со своими ребятами, успокоив их, насколько это было возможно, я уехал в штаб армии.

ГЛАВА 5. Работа 2-го отделения разведотдела штаба Западного фронта

К моему удивлению, в апреле 1942 года меня назначили с повышением на должность старшего помощника начальника 2-го отделения Разведывательного отдела штаба Западного фронта. Отделом руководил полковник Т.Ф. Корнеев, его заместителем был полковник М.А. Мильштейн, а моим непосредственным начальником являлся… полковник М.В. Жемчужин.

2-е отделение разведотдела штаба Западного фронта в феврале 1942 года еще находилось под Москвой. Как и всюду, агентурный аппарат пытались располагать подальше от штаба и, естественно, действующих войск. В данном случае Жемчужин доказал целесообразность оставления его отделения в Москве, в частности недалеко от станции метро «Аэропорт». 3-е отделение РО (диверсионное), которое возглавлял майор А. К. Спрогис, также находилось в столице. В этом, несомненно, был определенный смысл. Многомиллионный город представлял собой неисчерпаемый источник кадров для разведки. Здесь проще законспирировать готовящихся к выполнению заданий людей, организовать их отдых, питание, экипировку, а переброска разведчиков через линию фронта осуществлялась только самолетами с любого из подмосковных аэродромов, а иногда даже и с центрального, который в ту пору действовал на полную мощность. Постоянным сотрудникам оперативных отделений этого высшего звена оперативной разведки уже не надо было лично проводить разведчиков в тыл противника через линию фронта или часами дожидаться их встречи на передовой, опасаясь, чтобы свои не подстрелили в непогожую зимнюю ночь внезапно вынырнувшего из тьмы маршрутника, несущего давно ожидаемые сведения о враге. Москва все еще походила на прифронтовой город, да по существу и являлась им. Соблюдалась весьма строго светомаскировка, но налеты врага уже становились реже, жители привыкли к ним, и очереди у убежищ при воздушных тревогах почти исчезли. Чувствовалась внутренняя собранность всех москвичей - от ребенка до глубокого старика. Во всем были видны уважение к армии, ее воинам и действительно всенародная забота о них. Нередко можно было видеть, как солдатам и командирам уступают места в метро, трамвае,

автобусе, без очереди обслуживают в магазинах, уступают лучшие места на концертах, в кино, театрах, и все это без какого-либо указания свыше, от чистого сердца.

Новый начальник встретил меня чуть ли не с распростертыми объятиями. Очевидно, желая как-то объяснить свою более чем странную «позицию» при проверке работы разведотдела 10-й армии, он заявил: «Все идет по плану. Я добился вашего повышения в качестве поощрения за успешную работу в Кирове. Это вас не должно удивлять. На военной службе успехи и неудачи часто сопутствуют друг другу».

Вспомнив расстрелянных, фактически по его вине, разведчиков, их рыдающих жен и детей, обреченных носить пожизненное клеймо родственников врагов народа, я с трудом удержался,, чтобы не закатить ему оплеуху, и на какой-то миг пожалел, что безвозвратно ушли старые офицерские обычаи, когда подобных негодяев можно было просто пристрелить на поединке.

Нужно отметить, что Жемчужин, являясь вдобавок ко всем своим отрицательным качествам еще и бездельником, умел подобрать себе весьма трудолюбивых, старательных и инициативных помощников, которые тянули всю работу и от начальника ждали только одного - чтобы он им не мешал.

Оперативный состав отделения представлял собою дружный, сплоченный коллектив молодых, но заботливых и умных руководителей, имевших, в противоположность шефу, опыт практической работы на низовых должностях в разведке.

Запомнились следующие оперативные работники отделения, мои коллеги: капитан **Иосиф Топкин** - живой, смелый командир, не раз прыгавший с группами в тыл противника. В 1943 году, командуя партизанским отрядом, он принимал груз, сброшенный ему с парашютами, и при распаковке пачки с капсюлями-детонаторами получил тяжелое ранение и ослеп. Партизаны вывезли

своего командира на Большую землю. Умер он в 1989 году. В ту пору он отдавал весь свой опыт и знания молодым разведчикам, готовя их к выполнению опасных заданий в тылу врага.

Майор **Александр Одинцов** - спокойный, несколько флегматичный командир, с большой силой воли и умением любой ценой добиться своего. После войны он ушел из разведки, командовал дивизией, получил звание генерал-майора, сейчас генерал-полковник в отставке.

Капитан **И.В. Прокошин** - отличный знаток радиодела, неутомимый инструктор-методист, проводивший со своими

радистами почти круглые сутки. Он умер после войны.

Майор **З.М. Гутин**[6], работавший еще до войны в системе разведки. Судьба его мне не известна.

При отделении имелись инструкторы шифровальной и парашютно-десантной службы, свой склад с экипировкой и продовольствием, автотранспорт: Не было лишь своей авиации, и переброску разведчиков в тыл противника осуществляли на самолетах «Ли-2» со случайными экипажами, не имевшими опыта прицельного десантирования людей в заданную точку, из-за чего иногда бывали весьма неприятные ошибки. Однажды вместо района Вязьмы группу выбросили под Рязань, но чаще ошибались в пределах заданного района и выбрасывали людей в 40-50 км от места назначения.

Лишь летом 1942 года РО штаба фронта получил в свое распоряжение эскадрилью специального назначения из двух «Си-47», которая в последующем занималась лишь переброской в тыл людей и грузов., и ее личный состав добился высокого мастерства в выполнении этой работы.

В целом отделение представляло собою самостоятельную разведывательную часть, в которой одновременно проходили подготовку многие десятки разведчиков, некоторые из них предназначались для индивидуальной работы с легализацией на нужных объектах, а многие к действиям в составе агентурно-разведывательных групп - АРГ, действовавших методами партизанской войны. Численность таких групп колебалась от 3 до 10-15 человек. Посылать более многочисленные подразделения было нецелесообразно, т. к. к каждой такой группе, имевшей радиосвязь с Центром, на месте присоединялись многочисленные патриоты из числа гражданского населения и военнослужащих, оставшихся в тылу немцев после боев летом 1941 года, и командирам АРГ приходилось из большого числа добровольцев, желавших активно бороться против врага, выбирать наиболее достойных.

Срок подготовки разведчиков варьировался в зависимости от уровня общей и военной грамотности, а также задач от нескольких недель до нескольких месяцев. Готовились они в основном по индивидуальным программам, раздельно. Особо пытались сохранить в тайне районы предстоящей работы и легенды тех, кто отправлялся на легализацию. Эти люди обычно имели в тылу врага родственников или знакомых, которые могли им помочь устроиться на работу на нужный объект.

Совместные занятия проводились лишь по общим для всех дисциплинам: политическая подготовка, партизанская тактика, вооруженные силы Германии, разведпризнаки объектов,

физподготовка, прыжки с парашютом. В последующем с принятием на вооружение парашюта «ПД-41» тренировку в прыжках, за недостатком времени, не производили.

Уровень грамотности, возраст, пол, национальность наших питомцев были различные, но все эти чудесные советские люди не удержимо рвались в бой с врагом, в бой на тихом фронте, где, однако, риск погибнуть был не меньше, чем на передовой. Нужно было видеть, как огорчались наши разведчики, когда по каким-либо обстоятельствам (отсутствие самолетов, плохая погода) их вылет на задание откладывался на несколько дней, как они верили своим руководителям, которые зачастую были значительно моложе их.

Начальник 2-го отделения разведотдела штаба Западного фронта Жемчужин все хозяйство «своего» отделения устроил под крышу Московского библиотечного института под видом его военного факультета, готовящего библиотекарей во фронтовые части.

Были составлены фиктивные, кодированные расписания, где, например, под библиографией понимался наш предмет - разведпризнаки объектов, иностранной литературой - вооруженные силы Германии и т. д. Понятно, что истинное значение закодированных предметов было известно лишь нашим людям. Для пущей правдоподобности наши разведчики посещали институтские лекции по общественным дисциплинам. Питались наши «студенты, ходившие в военной форме», в общей столовой, участвовали в институтских мероприятиях вплоть до самодеятельности. Понятно, что истинное предназначение этих «библиотекарей» вскоре стало известно студентам.

Нужно было абсолютно не знать своей молодежи, ее пытливости, наблюдательности, общительности, чтобы пойти на выбор такого прикрытия. Вместе с тем это говорило о полном невежестве в вопросах разведки и конспирации как автора идеи, так и лиц, ее санкционировавших.

Наши уже пожилые и зачастую не слишком обремененные гуманитарными науками разведчики мало походили на студентов. Срок овладения науками на факультете в 1-2 месяца при общем четырехлетнем курсе вызывал у профессорско-преподавательского и студенческого состава по меньшей мере недоумение, тем более что на гениев «студенты военного факультета» были далеко не похожи. Периодические ночные выезды в одиночку и группами с последующим исчезновением «студентов» не похожи были на выпуск кадров новых библиографов и никого не могли обмануть. Молодые разведчики и разведчицы, несмотря на строгие запреты руководства,

устанавливали далеко не платонические связи с настоящими студентами, и истина понемногу просачивалась в их среду.

Вскоре на имя начальника военного факультета библиотечного института, которым являлся по той же легенде полковник Жемчужин, посыпались заявления с просьбой зачислить в ряды советских разведчиков. Писали настоящие будущие библиотекари, которых тоже нельзя было упрекнуть в недостатке патриотизма.

Этот конфуз руководство пыталось всемерно скрыть и как-то локализовать, и отделение продолжало работать под скомпрометированным «прикрытием».

Проще, разумнее и удобнее для дела решил этот вопрос начальник 3-го отделения РО штаба фронта майор Спрогис. Старый разведчик, храбрый воин, участник войны в Испании, он не стал мудрить. Зная на опыте, что в военное время самым надежным и не вызывающим подозрения прикрытием разведчиков могут быть лишь воинские части, он занял свободные казармы, с удобством расположил там все свое хозяйство и личный состав, создав прекрасный учебный центр, откуда вышло много славных героев - патриотов разведчиков и партизан.

Началась напряженная работа. Каждый оперативный работник, являясь «универсальным» специалистом по всем вопросам агентурной разведки, вел свою группу от подбора людей до их переброски в тыл противника. Только радисты предварительно проходили подготовку отдельно, поскольку для успешной работы на рациях «Белка» и «Север» требовался срок подготовки не менее 4-5 месяцев. Однако и они обязательно включались в группу примерно за 7-10 дней до ее отправки на задание. При подготовке разведчиков обращалось большое внимание на сколачивание группы, создание в ней атмосферы дружбы и доверия. Незадолго до вылета командира группы и радиста обучали раздельным шифрам, всем выдавали снаряжение, которое состояло из гражданской экипировки, оружия, боеприпасов и продовольствия - 6С (сахар, сухари, сало, спирт, соль, спички), и знакомили с приказом на разведку, который определял основные задачи группы или одиночного разведчика. Этот приказ, в знак принятия к исполнению, все разведчики подписывали в разделах, их касающихся, после чего группа считалась подготовленной и в одну из ночей на самолетах «Ли-2» или «Си-47», в сопровождении инструктора или оперативного работника, переправлялась через линию фронта в заданный район, где разведчики десантировались. Иногда переброска производилась на подготовленные базы партизан или

групп разведчиков, выброшенных ранее. В этом случае на земле разжигались для опознания с самолета сигнальные костры в виде различных фигур (треугольник, ромб, прямоугольник, дорожка, конверт).

На такие заранее подготовленные базы направлять разведчиков было безопаснее, т. к. значительно уменьшался первоначальный риск прыжка в неизвестность, когда у парашютиста абсолютно отсутствуют данные о конкретной обстановке в точке приземления. При прыжке на базу своих товарищей разведчик с первых минут своего пребывания во вражеском тылу мог получить помощь или, по крайней мере, информацию об обстановке, противнике вне зависимости от того, прибыл ли он для постоянной работы в данном отряде или ему надлежало действовать самостоятельно.

Зачастую в тыл направлялись оружие, питание для раций, боеприпасы, продовольствие, взрывчатка, экипировка для обеспечения уже действующих отрядов, групп и отдельных разведчиков. Обычно эти предметы выбрасывались на обусловленные сигналы в грузовых парашютах, причем иногда такие «посылки» сопровождали связники, которые после передачи груза по назначению оставались в распоряжении командира или решали самостоятельные задачи с легализованных позиций, базируясь на этот отряд.

Понятно, что подготовка этих операций также входила в круг наших обязанностей.

Десантирование людей, к сожалению, было для нас делом новым, и нам приходилось приобретать опыт, навыки, вырабатывать правила и положения, тренируясь на живых людях, в боевых условиях, где каждая ошибка и неточность очень дорого стоили, т. к. за них приходилось расплачиваться жизнями наших советских людей.

В работе постоянно сказывалось отсутствие заранее разработанной теории ведения разведки во время войны, наставлений, пособий, средств материального обеспечения. Все зависело от опыта и здравого смысла оперативных работников, их интуиции, а это были не очень прочные основы для быстрого развертывания такой сложной службы боевого обеспечения войск, какой является разведка.

К примеру, хрупкие рации часто разбивались при приземлении разведчиков, пока не догадались крепить их на груди у радистов, а в ответственных случаях давать еще и запасную командиру группы. Легко рвущиеся от динамического удара при открытии парашюта лямки рюкзаков и сумок стали усиливать веревками. Опыт показал, что разведчики, особенно

девушки, при прыжках с парашютом часто теряли сапоги, валенки, шапки, что в условиях зимнего времени

в лесу могло привести к тяжелым последствиям. Пришлось из подручных средств делать соответствующие подвязки. Немалую роль в успехе первых шагов разведчика в тылу играла очередность в прыжках из самолета разведчиков группы. Командир и радист, как правило, прыгали один за другим, т. к. даже при незначительной высоте полета в 800-1000 метров при сильном ветре разнос группы был весьма значительным и в лесу найти друг друга было затруднительно. Разрабатывались и проверялись практикой сигналы сбора людей после приземления, оптимальные нормы обеспечения и др.

Наши питомцы при их снаряжении упорно старались получить возможно больше оружия и боеприпасов, рассчитывая при их наличии все остальное добыть у немцев.

Отсутствие должной предвоенной подготовки по обеспечению разведчиков сказывалось даже на мелочах: недоставало компасов. На группу выдавался обычно только один. Карт было мало, их получали только командиры групп. Ощущался острый недостаток в оружии. Разведчику давали пистолет или автомат. Выдать и то, и другое считалось роскошью. Экипировка была однообразная и совершенно не приспособленная для условий жизни в лесу. Лишь позже разрешили группы, действовавшие по типу партизанских отрядов, одевать в военное обмундирование.

Отправив разведчиков на задание, все мы с нетерпением ожидали от них первой связи, которая при выброске «лесных» групп обычно устанавливалась через несколько часов после приземления и сбора. Однако далеко не всегда это было так. Иногда люди бесследно пропадали, еще не приступив к работе. Гибли радисты от несчастных случаев при приземлении, группы уничтожались немцами и их полицией из числа русских изменников, заметившими наших десантников в момент, когда они бывают наиболее беспомощными - еще в воздухе, выходили из строя рации, терялось питание к ним. Много опасностей подстерегало наших людей в тылу врага. Поэтому потери в личном составе у нас были большие, и далеко не каждая группа давала о себе знать после выброски.

Причиной несчастья могла быть мелочь, пустяк, незначительная оплошность разведчика или оперативного работника, готовившего его.

Помнится, что нам лишь в конце войны стала известна причина провала группы «3-х М». Она состояла из 3 девушек: Марии Козловой, Марии Артемовой и Марии Жуковой (Бондаренко). Командиром этой девичьей группы была юрист

Жукова. По легенде все они направлялись в Смоленск из Вязьмы, откуда якобы бежали в свое время с оборонительных работ. Вначале им способствовал успех. Они благополучно приземлились и, спрятав рацию и все компрометирующие материалы в укромном месте, направились к месту назначения. Почти у цели их задержала местная полиция и «на всякий случай» обыскала. При этом у одной из задержанных в кармане пальто обнаружили полуистертую билетную книжку московского метро, на которых в ту пору проставлялся месяц и год. Это был провал. Девушкам, можно сказать, еще повезло: они всего лишь побывали в одном из лагерей уничтожения где-то в Польше и прошли все круги Дантова ада.

Были не менее трагические случаи, когда наших разведчиков выбрасывали по ошибке на сигнальные костры полиции, разжигавшиеся в лесах с провокационными целями, на аэродромы немецкой авиации, как это было с двумя чудесными девушками немками Роз-Мари и Зигрид Николаевыми. Они были десантированы прямо на Бохумский аэродром. Схваченные гестапо, они согласились передавать нам дезинформацию в расчете на то, что им удастся предупредить Центр о том, что они работают по принуждению, 16- и 18-летние девочки догадались о такой возможности и несколько раз пытались включать в «донесения» немецкие обороты, вызывавшие подозрения у наших оперативных работников.

К сожалению, сигналы неблагополучия было разрешено давать радистам значительно позже. В 1941-1942 годах полагали, что эти сигналы будут отрицательно сказываться на моральном состоянии разведчиков, снижать их стойкость при аресте противником. В случае провала рекомендовалось не даваться живым в руки немцев или, в крайнем случае, все отрицать и настаивать на своей легенде.

Понятно, что при аресте на месте приземления или во время работы на рации многие предпочитали смерть мучениям в гестапо; история разведки и партизанского движения знает много случаев, когда раненые или окруженные врагом советские патриоты кончали жизнь самоубийством. Так, например, поступила Аня Петрожицкая, подорвавшая себя и своих врагов гранатой.

А работать в глубоком тылу противника нашим людям становилось все сложнее. Немцы начинали осваивать оккупированную территорию: создавать разветвленную сеть агентов - провокаторов, полицейских, старост, бургомистров, устанавливать строгую регистрацию населения, вводить свои удостоверения личности, пропуска, бирки. За прием посторонних

лиц устанавливалась жестокая кара, как правило, расстрел или повешение, вводилась система заложников. За помощь партизанам уничтожались целые поселки с детьми и стариками.

То, что мы называли агентурной обстановкой, все больше изменялось к худшему. Особенно трудно было нашим подпольщикам-разведчикам, находившимся непосредственно в логове врага. Но обойтись без рабочей силы местного населения немцы не могли, и этим пользовалась наша служба, внедряя любым путем своих людей в оккупационную администрацию.

Зверства оккупантов, трудности режима в тылу врага заставляли людей идти в лес, к партизанам. АРГ, благополучно приземлившиеся и начавшие работу, как правило, разрастались за счет местных партизан и окруженцев. Учет таких «примкнувших» на месте в группах и в Центре велся крайне неточно. Иногда присоединившиеся к нашим разведчикам местные патриоты оказывали им неоценимые услуги, совершали героические подвиги и погибали безвестными, числясь где-то пропавшими без вести, что в те времена сказывалось далеко не в лучшую сторону на семьях этих лиц. Да и «кадровые» разведчики, направлявшиеся в тыл врага из Центра, учитывались неудовлетворительно. Семьям многих погибших при выполнении заданий разведки еще после войны в течение многих лет высылались справки и сообщения о гибели отцов, мужей, сыновей, братьев и сестер. Бывали случаи, что поспешно подобранный разведчик находился уже в тылу врага, но, не оформленный положенным образом через военкомат, он числился или дезертиром, или пропавшим без вести. В разведотделе не было ответственного лица за учет переменного состава. Эта работа поручалась оперативным сотрудникам, которые были до предела загружены подбором, подготовкой и руководством разведчиками, подбором им легенд, документов, оружия, экипировки, продовольствия.

Подготовка людей и их переброска в тыл противника проводились в таком массовом количестве, что напоминали своеобразный конвейер. После установления связи с каждой группой или отдельным разведчиком начиналась сложная работа по руководству ими, которая осуществлялась в тесном контакте с информационщиками РО, которые ставили дополнительные задания разведчикам и оценивали добываемую ими информацию.

Как в калейдоскопе, менялись люди, задачи, объекты. Немудрено, что при большом количестве направленных за 4 месяца разведчиков в памяти сохранились имена лишь немногих, а ведь большинство отправленных совершали подвиги во имя Родины за ее свободу и независимость.

Титаническими усилиями всего личного состава в период подготовки и проведения битвы под Москвой и летом 1942 года разведка обеспечила командование данными о количестве армий, армейских танковых групп и танковых дивизий, находившихся на советско-германском фронте. Была разведана с достаточной полнотой германская группировка войск «Центр». Из общего количества 80 пехотных, механизированных и танковых дивизий, входивших в эту группировку, разведка не располагала данными лишь об одной механизированной дивизии.

ГЛАВА 6. Работа в РО штаба Сталинградского фронта. Ликвидация оперативной агентурной разведки

Летом 1942 года немцы предприняли попытку прорваться к Кавказу, выйти к Волге и захватить Сталинград. Нет необходимости останавливаться на всех известных положениях о чрезвычайной серьезности стратегической обстановки, создавшейся на юго-востоке страны. Для отпора наступлению противника готовились резервы, создавались новые формирования.

В конце июля 1942 года меня вызвали в Отдел кадров ГРУ и предложили назначение на должность начальника 2-го отделения РО штаба вновь создаваемого Юго-Восточного фронта (7.08.1942 г. Сталинградский фронт был на короткий промежуток времени разделен на два фронта - собственно Сталинградский и Юго-Восточный).

Я с радостью согласился, не столько потому, что это было значительное повышение по службе, но и потому, что дальнейшее пребывание под руководством Жемчужина, повседневное общение с ним, выслушивание его авантюристических, зачастую просто вредных указаний становилось нетерпимым.

Работа же под Сталинградом должна была развертываться заново, должность обеспечивала известную самостоятельность, участок обещал быть боевым. Что же большего в условиях войны может желать молодой командир?

Меня познакомили с будущим начальником РО штаба фронта подполковником Михаилом Андреевичем Кочетковым, который коротко ввел меня в курс событий, снабдил должными полномочиями и инструкциями по подбору необходимого для развертывания заново 2-го и 3-го отделений РО, имущества и улетел в Сталинград. Кочеткова я встречал ранее в Разведуправлении, до войны, потом на Брянском фронте в первые ее месяцы. Он оставлял впечатление знающего и энергичного командира, опытного разведчика, предоставляющего известную самостоятельность и инициативу своим подчиненным.

Поскольку штаб фронта и его подразделения создавались заново, мне надлежало рассчитать необходимое количество материально-технических средств для обеспечения работы 2-го и

3-го отделений, включая узел связи, агентурные рации, парашюты, оружие, взрывчатые вещества, продовольствие, радиопитание, боеприпасы, получить все это в центральных довольствующих органах и на складах и доставить с одним из прямых воинских эшелонов в Сталинград.

Некоторый опыт, приобретенный во время работы во 2-м отделении РО штаба Западного фронта, помог мне относительно правильно учесть потребности вновь создаваемых разведорганов и в короткий срок отбыть с эшелоном, следующим на Сталинградский фронт, к месту назначения. Имущества самых различных наименований собралось на целый пульмановский вагон.

Несмотря на то, что нашему эшелону, как везущему пополнение на фронт, давали «зеленую улицу», путешествие продолжалось более 10 дней, т. к. чем ближе мы подъезжали к Сталинграду, тем сильнее были разрушения железнодорожных сооружений и путей, чаще совершались налеты немецкой авиации. Станции и полустанки были забиты составами. Многие из них пылали после недавних бомбежек. Картина была примерно та же, что и летом 1941 года на западном направлении.

Со мною ехали два оперативных работника будущего 2-го отделения РО Юго-Западного, а в последующем Сталинградского фронта, старшие лейтенанты Фурсов и Пантелеев. В Сталинграде к нам должны были прикомандировать капитана М.А. Смоленкова. Остальной состав отделения надлежало подобрать на месте.

В Борисоглебске наш эшелон подвергся ожесточенной бомбежке. Был разбит полностью один вагон, несколько человек убило, многих ранило. Станция была почти на сутки выведена из строя. Нужно отметить самоотверженную работу железнодорожников, пытавшихся любой ценой растолкать пробку, образовавшуюся в результате налета и привлекавшую новые атаки вражеских самолетов. В ночь на 9.08.42 года мы двинулись дальше, а утром 11.08 наш эшелон окончательно остановился в степи на каком-то полустанке или разъезде, до отказа забитом товарными вагонами, цистернами и платформами. Дальше поезда не ходили, т. к. линия была разбита бомбежкой и заставлена порожняком. До Сталинграда оставалось около 180 километров. Юго-западнее слышался шум боя. Очевидно, линия фронта была недалеко. Часть, при которой мы находились в одном эшелоне, разгрузилась и спешно, своим ходом, направилась на гул орудий. Мы остались одни. Для перевозки нашего имущества нужно было не менее 5 грузовиков «ЗИС-5» - самых мощных, что мы имели в то время,

грузоподъемностью в 3 тонны.

Оставив своих подчиненных на забитом вагонами полустанке охранять груз, я на попутных машинах добрался до Сталинграда, нашел разведотдел и с помощью его начальника подполковника М. А. Кочеткова получил заветные 5 грузовиков. К утру 12.08, к радости моих спутников, считавших меня погибшим, я вернулся к опустевшему эшелону. Едва мы успели перегрузить наше имущество на автомобили и отъехать на полтора-два километра в тень небольшой придорожной рощи, как на полустанок налетела девятка «Ю-88», и через несколько минут товарные вагоны нашего эшелона, залитые потоками горючего из разбитых цистерн, пылали, как громадный костер, а через несколько часов железнодорожная линия на этом участке была перерезана прорвавшимися немецкими танками. Наша спешка оправ дала себя. Несмотря на многократные налеты немецкой авиации в пути, охотившейся и здесь за каждой автомашиной, мы благополучно добрались во фронтовой город, которому второй раз за 24 года пришлось пережить ужасы войны. За этот «рейс» приказом командующего фронтом я был награжден орденом Красной Звезды. С 15.08.1942 г. 2-е отделение РО штаба фронта начало работу.

Сталинград - большой промышленный город, в прошлом купеческий Царицын, насчитывавший свыше 500 000 человек населения, ставший в 30-х годах центром советского тракторостроения, в ту пору имел значительное количество старых деревянных построек, образовывавших целые улицы. Окраины

полностью состояли из одноэтажных обывательских домиков, и лишь в центре вокруг площади Павших Героев да у тракторного завода и других промышленных предприятий возвышались многоэтажные современные здания. Несмотря на близость фронта, в городе оставалось много гражданских лиц. Были открыты магазины, кинотеатры. Несмотря на налеты вражеской авиации, работали на оборону заводы «Красный Октябрь», «Баррикады» и другие. До двухсот тысяч сталинградцев возводили оборонительные сооружения на подступах к городу, тысячи и тысячи вступили в народное ополчение. Массовой эвакуации населения города не производилось. Возможности ее осложнялись отсутствием мостов через Волгу. Все сообщение с левым, тыловым, берегом осуществлялось на баржах и катерах, занятых почти полностью обслуживанием фронтовых переброс ок. Ширина реки у города была более километра.

По опыту, приобретенному в первые месяцы войны на Западном фронте, я отказался от расквартирования постоянного

и переменного состава отделения в центре города и расположился в нескольких хибарках на его окраине. Рядовой и сержантский состав для обслуживания отделения мы без труда подобрали в запасном полку и, не теряя времени, начали поиски людей, которых можно было бы после непродолжительной подготовки, главным образом по радиоделу, направить на разведку в тыл противника.

Подготовка разведчиков и диверсантов, подобранных нами из числа местных жителей, рядового и сержантского состава частей, осуществлялась централизованно во фронтовой разведывательной школе, недавно созданной при РО. Командовали этим учебным заведением майор Шарыгин и батальонный комиссар Цирлин, преподавали - наши офицеры и несколько радиоспециалистов. Начинать все нужно было заново, с нулевого цикла. Не было людей, пособий, материально-технических средств, продовольствия и, самое главное, опыта и теоретической подготовки у большинства командиров-начальников.

Помимо привезенных нами из Москвы парашютов, агентурных раций, небольшого запаса оружия, тола и продовольствия, в РО не имелось ничего. Не было автотранспорта, гражданской экипировки, пайков для текущего довольствия

сравнительно большого количества разведчиков, число которых все увеличивалось. Однако выход был найден. Командование фронтом снабдило нас «чрезвычайными» полномочиями. Нам были выданы мандаты, предоставляющие право отбирать у всех учреждений Сталинградской области, за исключением обкома ВКП(б), легковой и грузовой автотранспорт, забирать для нужд фронта в торговых организациях гражданскую одежду и продовольствие, для переменного состава были выданы красноармейские пайки, и вскоре мы имели все необходимое для развертывания подготовки разведчиков. Правда, не обошлось и без курьезов. 20.08.1942 г., возвращаясь из разведшколы, одно из подразделений которой находилось на левом берегу реки в деревушке Суходол, мы обогнали автомобиль «М-1». Задержали, проверили документы. Владельцем его оказался секретарь Калачского райкома ВКП(б), обеспечивший себя запасами ГСМ, продовольствия, водки и фиктивными документами, свидетельствующими о том, что он якобы является командиром истребительного батальона, однако указать, где находится его подразделение, «командир» не смог. Шофер мошенника, оказавшийся более порядочным, чем его шеф, попросил направить его в какую-либо часть, т. к. ему, по его словам, было

стыдно болтаться в тылу, в то время как его товарищи воюют. Высадив незадачливого районного руководителя, не понявшего своей роли в столь грозное время, мы отобрали его автомобиль для нужд фронта, в чем выдали расписку, как это делали обычно всем.

22.08.1942 г. я внезапно был вызван к члену Военного совета фронта, секретарю Сталинградского обкома ВКП(б) Чуянову. Кратко подготовив доклад о состоянии дел в разведке, я прибыл в указанное время. Каково же было мое удивление, когда Чуянов с места в карьер предъявил мне обвинение в бандитизме и потребовал письменного объяснения, на каком основании мною была отобрана злосчастная «эмка» у районного вельможи. Мандат на право конфискации любого гражданского автотранспорта несколько успокоил члена Военного совета, но он продолжал утверждать, что я, как член партии, из чувства уважения к партийному руководителю не должен был трогать имущество райкома. Меня удивила столь нежная забота о дезертире, пытавшемся удрать с фронта по подложным документам, и я высказал свое мнение о нем, добавив, что такие руководители должны привлекаться к уголовной ответственности по законам военного времени. Приказав вернуть автомашину, Чуянов, не поинтересовавшись работой отдела, его нуждами и задачами, отпустил меня, очевидно, тут же забыв об отданном приказании, которое я даже при желании не мог выполнить, т. к. автомобиль к тому времени был уже разбит при переправе. Мне казалось, что члену Военного совета при громадном объеме ответственности за судьбы фронта, города, людей нужно было выделять из массы вопросов наиболее важные.

23 августа с утра начались массированные налеты на город фашистской авиации. Непрерывный рев моторов, вой бомб, грохот разрывов, рассыпающиеся каменные здания, море огня, охватившего деревянные строения, обезумевшие от ужаса дети, женщины и старики, мечущиеся по улицам, - все это далеко превзошло виденное ранее и на всю жизнь врезалось в память.

Противовоздушную оборону города составляли главным образом зенитки, которые не смогли в должной мере прикрыть его от массированных налетов. Наша авиация почти отсутствовала. Одиночные самолеты «И-16» сбивались немецкими «Ме-109», сопровождавшими пикирующие бомбардировщики, без особого труда, несмотря на самоотверженность наших пилотов, т. к. скорость «Мессеров» значительно превосходила скорость наших истребителей. Все это создавало возможность для немцев безнаказанного полета над городом и прицельного бомбометания. Сотни очагов пожаров, вызванных немецкими

«зажигалками», никто не тушил. Отсутствовали пожарные команды, не работал водопровод. Спасением гражданского населения практически никто не занимался. Оставшиеся в городе местные жители были предоставлены самим себе. Тысячи людей бросились к Волге и пытались под огнем переплыть ее на подручных средствах - лодках, бревнах, досках. И над всем этим адом кружили, как на параде, немецкие бомбардировщики, сбрасывая бомбы и расстреливая людей из пулеметов. В первый же день было совершено свыше 1000 вражеских самолето-вылетов, превративших город и особенно его центр в груду пылающих развалин. Нетронутыми оставались нефтехранилища и элеватор, которые, очевидно, немцы надеялись захватить вместе с содержимым для своих целей.

Тяжелые картины смерти и разрушения можно было видеть повсюду.

Запомнилось крытое убежище на дворе, окруженном деревянными домами. При налете в него набилось множество людей. Дома загорелись и образовали гигантский круговой костер, в центре которого располагалось укрытие с находившимися в нем жителями. Они почувствовали огонь только тогда, когда снаружи, на поверхности, он уже не давал возможности выйти из огненного кольца. Все, пытавшиеся спастись в укрытии, сгорели.

Пылали госпитали с ранеными и больными. Малочисленный медперсонал пытался спасти тех, кто не мог двигаться, и погибал от бомб, пуль, завалов, огня вместе с ними. На одной из улиц нас со Смоленковым остановила плачущая женщина. Она просила помочь, но не ей, а раненому старшему лейтенанту, выползшему из-под развалин горевшего госпиталя. Он был под огнем перенесен мужем этой женщины в подвал, где его семья укрывалась от бомбежки. Раненый был в весьма тяжелом состоянии, и нам удалось определить его на одну из машин, следовавшую за Волгу. Надо было видеть, как благо дарили нас эти чудесные люди. А ведь благодарить, а может быть, и наградить за спасение раненого командира нужно было их.

Трудным было снабжение защитников города. Доставка всего необходимого для боя и эвакуации раненых через Волгу осуществлялась на баржах с буксирами и катерами. Переправы постоянно находились под воздействием авиации противника, а прикрывались, на первых порах, почти одним зенитным огнем. Насколько важным было значение переправ для обороны города, можно судить по тому, что с ноября на них постоянно дежурили заместители командующего фронтом, определявшие очередность движения людей и техники через Волгу. Количество лиц, коим

разрешалось беспрепятственно и вне очереди переправляться в ту и другую сторону, было весьма ограничено, и им выдавались специальные пропуска.

В сентябре в одну из поездок на тыльную сторону, как раз когда наша большая волжская баржа, нагруженная автомашинами и сотнями раненых, медленно буксируемая маленьким катером, находилась где-то посередине реки, на нее налетел немецкий пикировщик. С воем неподалеку падали бомбы, поднимая высокие столбы воды. Среди раненых поднялась паника. Некоторые из них бросались в воду, и среди криков, стонов, воплей терялся слабый голосок медсестры, совсем еще девочки, бегавшей от одной группы раненых к другой и успокаивавшей их. Она хватала ползущих к бортам солдат за руки, уговаривала их, как маленьких детей, хотя каждый из них был значительно старше ее: «Родненькие, успокойтесь, он не попадет, только не прыгайте, все будет хорошо». Эта маленькая девушка, почти ребенок, не видела личной опасности. Она спасала вверенных ей людей, не думая о себе. К счастью, одна из бомб, предназначавшихся нам, попала в стоявшую на отмели баржу с лесом. От взрыва веером разлетелись в стороны бревна и доски. Летчик, решив, очевидно, что его задача выполнена, а может быть, израсходовав весь боекомплект, отвалил в сторону. Только тогда у сестры наступила реакция… Она разрыдалась. «Восемь человек, восемь человек утонули, я же им говорила», - всхлипывала она. У причала к девушке подошел уже пожилой, заросший седой щетиной капитан с завязанной окровавленными бинтами головой и рукой на перевязи. Как бы между прочим он сказал: «Дочка, если бы у меня был орден, я снял бы его и отдал тебе. Спасибо тебе от всех нас!»

В конце августа 1942 года, во время одного из ожесточенных налетов фашистской авиации на Сталинград, наши зенитчики сбили немецкий истребитель «Мессершмитт-109». Выбросившийся с парашютом пилот приземлился на окраине города и был схвачен нашими бойцами. Жители разрушенного, пылающего города в ярости хотели прикончить на месте фашиста - одного из тех, кто был виновен в гибели тысяч мирных жителей - женщин, детей, стариков. С трудом удалось удержать их от этого акта законного возмездия за воздушный бандитизм.

На допросе летчик держал себя крайне высокомерно, давать какие-либо показания отказался, сообщил лишь свою фамилию, добавив, что он является потомком Бисмарка. При этом пленный нагло заявил, что, очевидно, никому из здесь присутствующих имя этого великого немца не известно, поскольку культурный уровень советских командиров настолько низок, что они, кроме

истории своей партии, ничего не знают. Летчик был удивлен, когда я заявил, что имя Бисмарка в СССР хорошо известно хотя бы потому, что он был противником войны Германии с Россией. Пленный оставлял впечатление отъявленного фашистского головореза. Во время допроса вблизи дома, где мы располагались, взорвалась немецкая бомба. Стекла были выбиты, упало несколько досок с потолка. Пленный внешне ничем не показал страха. На замечание, что он может переселиться в «потусторонний мир» от рук своих же друзей, он ответил, что будет от души благодарен им, так как в этом случае нас тоже уничтожат. Для допроса фашистский пилот был направлен в разведотдел штаба фронта.

Позже стало известно, что потомок Бисмарка, находясь в лагере военнопленных, вступил в антифашистскую школу, работал в Комитете «Свободная Германия» и в числе многих генералов и офицеров вермахта подписал воззвание к германским солдатам и офицерам с требованием кончать гибельную для немецкого народа войну.

Когда вопрос о подписании этого воззвания обсуждался на собрании генералов и офицеров гитлеровской армии, многие, в том числе и Паулюс, колебались, ставить ли свои подписи, и даже выступали против этой политической акции, опасаясь за семьи, которые могли быть репрессированы гитлеровцами. Паулюс резко оборвал выступавшего на собрании военнопленных потомка «железного канцлера», заявив, что тот еще молод иметь свое мнение и навязывать его старшим по званию, тогда Айзиндель ответил: «Вы, господин фельдмаршал, в течение ряда лет повиновались безграмотному ефрейтору и безоговорочно выполняли его указания, приведшие Германию к катастрофе. Будьте любезны выслушать советы лейтенанта вермахта, направленные к спасению родины».

Недавно я узнал из наших газет, что он жив, здоров, в июне 1992 года побывал в СССР, чтобы собрать материалы для съемки кинофильма с воспоминаниями о России. Граф написал книгу о незабываемых годах и встречах в годы войны.

ВОЗЗВАНИЕ

Пройти и передай другому! Немецкие летчики, офицеры и солдаты! 30.8.42 года над Сталинградом был сбит летчик истребительной эскадрильи «УДЕТ», лейтенант граф фон

Айзиндель.

Лейтенант Айзиндель происходит из старой дворянской семьи. Его отец - офицер генерального штаба, его брат недавно погиб на фронте, его мать - внучка «железного канцлера» Отто фон Бисмарка.

Лейтенант Айзиндель известен многим солдатам.. Он награжден двумя железными крестами и золотой медалью и представлен к рыцарскому кресту.

Прочитайте написанное им и подумайте над тем, что говорит честный немецкий офицер, который любит свою семью и родину.

4.09.42 г.

Дорогие друзья из истребительной эскадрильи «УДЕТ»!

Я уже пять дней в русском плену, и хотя русские знают, что я раньше состоял в гитлерюгенд и сбил несколько их самолетов, обращаются они со мною

хорошо. Меня не мучили, не били. Сообщите об этом моим родителям и скажите им, чтобы они обо мне не беспокоились, поскольку я после войны, с которой вы должны покончить, вернусь домой здоровым и бодрым.

Я пришел к выводу, что мы такую великую страну, как Россия, победить не сможем.

Поэтому кончайте с войной! Русские солдаты и офицеры, с которыми мне удается беседовать, готовы непоколебимо защищать свою страну до полной победы.

Мой предок Бисмарк был прав, говоря: «Мы не должны никогда начинать войну с Россией».

Мы совершили эту ошибку, и еще пройдет много времени, пока я встречусь с моей матерью и сестрой, как тогда в мае и когда я прощался с ними в нашей квартире перед отъездом в Россию.

Я прошу всех боевых друзей, которые получат это письмо, в качестве листовки переслать его в мое подразделение: полевая почта № Л 35482/Бреслау и моим родителям по адресу: подполковнику графу Айзинделю, Берлин-В, Бамбергерштрассе, 29.

Ваш Генрих граф фон Айзиндель

Наблюдая ужасные картины массовой гибели гражданского населения в Сталинграде, видя страдания беззащитных советских

людей, наши солдаты и командиры преисполнялись чувством жгучей ненависти к врагу, нарушившем у нашу мирную жизнь, и с особым упорством защищали каждую пядь родной земли. Вместе с тем, видя жертвы и страдания нашего народа, иногда возникала мысль, что при лучшей организации можно было спасти от уничтожения многие тысячи и сотни тысяч стариков, женщин и детей при условии их своевременной, возможно, даже принудительной, эвакуации из городов и районов, подвергавшихся опасности превращения в место ожесточенных боев. Оставлять в таких районах было целесообразно лишьминимум самодеятельного населения, необходимого для обслуживания войск.

Практически же, плохо информированные о положении дел на фронтах, жители крупных городов и поселков, не говоря уже о деревнях, не покидали добровольно насиженных мест, а когда становилось очевидным, что эти города станут ареной боевых действий, эвакуация их становилась практически невозможной. Так было в блокированном Ленинграде, где погибло от голода около 600 000 человек, в Минске, Смоленске, Гомеле, Сталинграде и многих других городах, откуда эвакуировали главным образом оборонные предприятия и их рабочих. Естественно, что потери неорганизованного населения, совершенно не подготовленного в вопросах, составляющих теперь то, что мы называем гражданской обороной, были чрезвычайно велики. Боясь паники, военные и гражданские власти всемерно пресекали слухи о продвижении противника. Совет даже родственникам эвакуироваться в тыл мог быть рассмотрен как провокация, происки немецкой агентуры и пораженчество со всеми вытекающими отсюда последствиями. А впрочем, рассматривая те грозные события много лет спустя после их свершения, невольно вспоминается афоризм: «Через десятки лет после поражения каждый ефрейтор знает, что нужно было бы совершить, чтобы одержать победу».

В сентябре фронт вплотную подошел к городу. Непрерывный артобстрел, налеты вражеской авиации сильно затрудняли подготовку людей к отправке в тыл противника. Да и пребывание будущих разведчиков непосредственно в расположении наших войск не отвечало принципам конспирации. Было принято решение перевести 2-е и 3-е отделения РО в город Ленинск, расположенный в 60 километрах от Сталинграда за Волгой.

Всем нашим маленьким коллективом мы упорно работали по подбору и подготовке людей, формированию и сколачиванию разведгрупп. В запасном полку и среди местных жителей было привлечено до ста человек добровольцев, желавших сражаться с

врагом на «тихом фронте». Среди этих патриотов были не только воины, но и девушки, люди более чем зрелого возраста, представители различных профессий. Имелся даже один солист ГАБТ рядовой Варламов А.А. На него мы делали особую ставку, намереваясь заслать его в глубокий тыл к его бывшему другу, оставшемуся у немцев.

С учетом знания местности, обстановки, наличия связей на оккупированной территории были скомплектованы группы, подготовлены по оперативнымзадачам резиденты. Задерживали отправку на задание всей этой массы разведчиков радисты, на обучение которых, при самой интенсивной работе, требовалось 3-4 месяца. Без радиосвязи посылать разведчиков было нецелесообразно. Маршрутные группы и многочисленные одиночки-разведчики, посылаемые в тыл врага через линию фронта, несли чрезмерно большие потери и не выполняли задач из-за большой плотности немецких войск, сконцентрированных на этом направлении.

В спешном порядке работала разведшкола РО фронта (начальник - майор Шарыгин, заместитель по политчасти - батальонный комиссар Цирлин). Тем временем враг вступил в город, вернее, на его развалины. Нужно было на всякий случай создавать запасную сеть разведки на своей территории. С этой целью нами были созданы резидентуры в Бекетовке, Ахтубе, собственно Сталинграде, Ленинске, Черном Яре и многих других пунктах. Их снабжали запасом продовольствия, денег, радиоаппаратурой.

В конце ноября разведотдел планировал начать массовую заброску радиофицированных групп и отдельных разведчиков в глубокий тыл немцев.

В 8-й воздушной армии, которой командовал в ту пору генерал-майор Т.Т. Хрюкин, были подготовлены транспортные самолеты «Ли-2», уточнены задачи, пополнены запасы снаряжения, продовольствия, проверены документы.

Однако буквально накануне начала настоящей работы, которой все мы с нетерпением ожидали, все сорвалось. В штаб фронта 20.11.42 года прибыл из Москвы представитель ГРУ подполковник А.А. Голиков (однофамилец генерала) с приказом Сталина, которым предписывалось ликвидировать второе и третье отделения разведотдела, разведчиков и оперативных работников агентурного аппарата до старших лейтенантов включительно направить в войска, личные дела и все материалы на разведчиков, находящихся в тылу противника, передать для дальнейшей работы в органы СМЕРШ. Радистов, резидентов и оперативных работников от капитана и выше откомандировать в

распоряжение ГРУ. В дальнейшем намечалось вести оперативную агентурную разведку централизованно со специально созданных баз ГРУ квалифицированными силами с достаточно современным материально-техническим обеспечением. Получаемая в тылу противника информация должна была обрабатываться в ГРУ и высылаться в армии и фронты в виде систематизированных сводок и донесений. Разведывательные пункты при армиях этим же приказом расформировывались на тех же основаниях.

Только настоятельные просьбы командующих фронтами заставили Генштаб признать несостоятельность произведенной реорганизации и в апреле 1943 года вновь вернуть агентурные разведорганы фронтам, что также потребовало значительной ломки организационных форм работы, длительного периода становления, потерь в людях, подготовки и расстановки новых кадров оперативного состава, подбора разведчиков для переброски в тыл противника в массовых количествах. И все это в то время, когда войскам требовалась постоянная, достоверная и исчерпывающая информация о планах и намерениях врага. Кстати, армиям агентурный аппарат так и не вернули. Приказ пока оставался приказом. Мне же было поручено ликвидировать то, что было создано упорным трудом всего нашего коллектива и должно было, по нашему глубокому убеждению, помочь командованию в разгроме врага. У всех нас было весьма подавленное состояние. Мы чувствовали всю нелепость предписанных нам действий, но ничего не могли предпринять. Мало того, нам пришлось еще в какой-то мере разъяснять этот приказ на разведывательных пунктах и оперативному составу отделений и школы разведчиков, которая тоже расформировывалась. Если бы не уверенность, что это было проявление обычного недомыслия, можно было заподозрить инспиратора приказа и директивы в глубоко продуманной диверсии.

Для расформирования агентурных органов были даны весьма ограниченные сроки. Нужно было сдать имущество, откомандировать людей не только своих, но и разведпункта 57-й армии, которая в это время, развивая наступление, начавшееся по всему фронту, вела бои за Абганерово.

22.11.42 года, поручив капитану М.А. Смоленкову работу по расформированию разведшколы и подготовку личных дел разведчиков, убывающих в Центр, я, по приказанию начальника РО, направился догонять 57-ю армию, в полосе наступления которой действовал наш разведывательный пункт (РП), возглавлявшийся в ту пору майором В.А. Дубинским. На РП, как и в остальных агентурных разведорганах РО, разведка велась лишь

маршрутниками. Засылка радиофицированных групп ограничивалась отсутствием радистов.

Штаб 57-й армии ориентировочно должен был находиться в поселке Абганерово, только что взятом после упорных боев нашими войсками. Переправившись через Волгу у деревни Черный Яр, мы с водителем Вавилкиным, накрутившим со мною по фронтовым дорогам не одну тысячу километров, ехали, обгоняя бесчисленные колонны наших резервов, двигавшихся к фронту. Свернув несколько в сторону по указателю «На Абганерово», мы попали на малонаезженную дорогу, где движение было значительно меньше и населенные пункты встречались реже.

Вдруг на безлюдном участке пути из придорожного оврага наперерез нам выдвинулось в походной колонне подразделение румын около роты. Впереди шло несколько офицеров. У нас с Вавилкиным мелькнула одна и та же мысль: «Конец». Развернуться по сильно разбитой грунтовой дороге было трудно, так как глубоко прорезанная в грязи колея не позволяла это сделать достаточно быстро. Мы продолжали движение вперед. К нашему изумлению, при виде советской автомашины офицеры и солдаты дружно подняли руки вверх и закричали хором: «Плен, плен», - а один из офицеров подбежал к нам и на ломаном русском языке заявил, что он просит принять пехотную румынскую роту численностью 98 человеке плен. Сдаются они добровольно, так как не намерены умирать за фашистов. Задерживаться мы не имели права, поскольку были весьма ограничены во времени. Задание по самоликвидации по непонятным причинам носило особо срочный характер. Показав румынам дорогу на переправу, мы продолжали свой путь, оглядываясь на толпу вооруженных солдат противника, из которых каждый мог, придя в себя, дать очередь по нашей полуторке. Когда они скрылись из виду, Вавилкин глубокомысленно заявил: «Да, товарищ майор, по ордену сорвали мы с вами у себя с груди. Забрать бы у них оружие в машину, а их провести строем до переправы и сдать коменданту под расписку. Майор Никольский и рядовой Вавилкин взяли вдвоем целую роту румын. Об этом можно было бы и внукам рассказывать». - «Так и рассказывай, кто же тебе запретит», - заметил я. - «Рассказывать все можно, да кто потом без доказательств поверит», - резонно ответил Вавилкин.

При подъезде к Абганерово все напоминало о только что закончившихся ожесточенных боях. Груды изуродованных трупов немцев, румын и наших воинов, множество сгоревших и подбитых немецких и наших танков, разбитых орудий, исковерканных

машин, ящиков покрывали землю.

В Абганерово я доложил начальнику штаба 57-й армии полковнику Кузнецову, бывшему сотруднику ГРУ до войны, о приказе расформировать пункт. Он весьма сожалел о таком решении, но приказ Сталина не допускал задержки в исполнении даже в ходе наступления.

Догнав РП, мы с его начальником с болью в сердце расформировали его, направив оперативных работников, рядовой и сержантский состав в части, а радистов, раненых разведчиков, которых по излечению можно было использовать в оперативной разведке, разместив с трудом на рации типа СЦР и моей полуторке, захватили с собою. Особенно тяжело было передавать дела на маршрутников, находящихся в тылу противника, в органы СМЕРШ. Многие из этих маршрутников неоднократно выполняли задания разведки в тылу противника. Их нужно было бы награждать за боевые подвиги. Сделают ли это по нашей рекомендации и представлениям их новые начальники?

В РО штаба фронта мы двигались уже колонной в две автомашины, нагруженные ранеными и оперативным имуществом. В Черном Яре уже знакомый нам комендант переправы категорически отказался погрузить наши автомобили на готовую к отправке баржу без разрешения дежурившего при нем представителя командующего фронтом. Попросив задержать отправку парома на несколько минут, я подбежал к стоявшему на берегу несколько в стороне от причала молодому, неизвестному мне генерал-майору, представился ему и доложил о выполнении приказа начальника штаба фронта. Не глядя на меня, генерал приказал немедля разгрузить машины и направить их обратно в Абганерово в распоряжение начальника тыла 57-й армии. Мои доводы о том, что демонтировать радиостанцию нельзя, а раненых оставить без медицинской помощи бесчеловечно, ни к чем у не привели. Документы за подписью начальника штаба фронта, по которым люди и грузы, следуемые со мною, проверке не подлежали, специальный пропуск на внеочередную переправу ретивый администратор просто не стал смотреть, да и вряд ли что-либо увидел в них, поскольку еле держался на ногах от «усталости», дополненной наркомовской порцией водки, вероятно, несколько больше ста граммов.

Вернувшись к барже, я обнаружил свои автомашины уже погруженными, поскольку здравомыслящий комендант, перед этим ознакомившийся с моими документами, был уверен в том, что я получу санкцию на переправу. Не став его разуверять, я прыгнул на медленно отваливавшую баржу, и мы поплыли на тыльный берег. Когда шустрый катерок оттащил нас уже метров

на 400, один из солдат комендантской команды заметил: «Кажись, нас догоняет генерал». И действительно, за нами мчался на катере представитель командующего фронтом. Он стоял на корме в расстегнутом кожаном реглане и, казалось, внимательно всматривался в толпившихся на барже людей. Признаюсь, меня охватил страх куда больший, чем при немецких бомбежках и обстрелах. В такой ответственный момент генерал, облеченный несомненно чрезвычайными полномочиями, мог за невыполнение приказа расстрелять на месте или в лучшем случае арестовать и отдать под суд военного трибунала, который, бесспорно, наказал бы ослушника по всей строгости законов военного времени.

Катер приблизился к барже, обогнал ее, и генерал, высадившись на противоположном берегу, быстрыми шагами направился в сторону стоявших в кустарнике палаток. «В медсанбат пошел», - с завистью заметил солдат, который, очевидно, уже успел изучить распорядок дня этого большого начальника.

Камень упал с моих плеч. Дальнейший рейс протекал спокойно, и мы с Дубинским своевременно доложили начальнику РО о выполнении работы по расформированию разведпункта. Объединенными усилиями мы за три дня ликвидировали то, что с большим трудом, затратой крупных материальных средств создавали в течение четырех месяцев. Возникал вопрос: не ошибка ли это, не придется ли все это восстанавливать заново?

Перед отъездом в Москву пришлось еще раз проехать по созданным нами запасным резидентурам для проверки их готовности, хотя успешно развивающееся наступление нашей армии вызывало уверенность в том, что их услуги, очевидно, под Сталинградом не понадобятся.

Возвращаясь из последнего на этом фронте рейса, на той же переправе у Черного Яра, Волгу пришлось переплывать на барже вместе с несколькими сотнями военнопленных румын, среди которых было и некоторое количество немцев. Конвоировали это «войско», напоминавшее своими бараньими шапками мирную толпу мужиков из Прикарпатья, трое наших раненых бойцов во главе с младшим лейтенантом. Было видно, что румыны искренне довольны пленом. Многие из них пытались выразить свою лояльность на ломаном украинском языке, а то и просто всем понятным: «Антонеску - капут, Гитлер - капут».

Баржа медленно тянулась за буксиром. С неба сыпала крупа, по реке плыло «сало». Над переправой уже не висели самолеты противника, и непривычная тишина действовала успокаивающе. Не будь этой многоплеменной толпы, могло бы казаться, что война ушла куда-то далеко.

Вдруг в толпе пленных началось оживление. Местами возникали короткие рукопашные схватки. Затем десятки фигур в серых шинелях полетели за борт. Многие немедленно шли ко дну. Другие в течение нескольких минут пытались плыть в ледяной воде, но неизменно скрывались в волнах. Через десяток минут все вновь смолкло, и какой-то сублокотинент (младший лейтенант) доложил: «Мы расправились с немецкими фашистами».

На мой упрек старшему конвоя, почему он не попытался пресечь самоуправство, тот не без резона ответил: «Нас здесь 4 человека, а их 800, и мне не хотелось в этой свалке очутиться случайно за бортом. А кроме этого, если свои дерутся, чужому лучше не ввязываться». Война сделала не по годам мудрым этого парня, ранее, очевидно, мирно работавшего где-либо в колхозе или на производстве и жалевшего, вероятно, даже утопающего котенка. При всех обстоятельствах румынская демонстрация лояльности за счет пленных немцев, бывших друзей и союзников, мне не понравилась.

30.11.42 года группа оперативных работников РО Сталинградского фронта в соответствии с приказом выехала в Москву, как раз в тот момент, когда войска фронта доколачивали окруженную группировку Паулюса. Было радостно и грустно одновременно. Радостно от гордости за свою великую Родину, которая выходила с честью из столь тяжелого испытания, от чувства новой значительной победы над врагом. Эта победа была уже реальностью. Грустно от сознания невыполненного долга, необходимости покидать фронт в наиболее радостное для солдата время, в период наступления. Впереди нас ожидали новые задачи.

ГЛАВА 7. Работа в Центре (январь 1943 - май 1945 г.)

После расформирования фронтовых органов агентурной разведки в декабре 1942 года в Москву за назначением прибыли сотни командиров и политработников, ранее работавших в РО фронтов в агентурных, диверсионных отделениях, разведшколах, разведпунктах, отделениях оперативной техники, радиоузлах, агентурных отделениях РО армий. Отдел кадров ГРУ работал круглосуточно, распределяя прибывающих на укомплектование вновь создаваемых двух агентурных баз и 2-го управления оперативной разведки, специально сформированного в системе ГРУ для руководства этими базами, подбора и подготовки разведчиков и агентов в Центре и их заброски в тыл противника. Новая система не имела четкого положения 6 работе. Функции баз, как центров агентурной подготовки разведчиков, достаточно продуманы не были, материальные средства и техника, в том числе и авиационная, а также радио, оставляли желать много лучшего. Созданная центральная разведшкола ГРУ (начальник - полковник В.И. Коновалов, начальник учебного отдела - майор И.В. Махонин), рассчитанная на массовую подготовку разведчиков, радистов и резидентов в возможно короткие сроки, спешно развернула свою работу, но она не могла удовлетворить потребности в кадрах, ранее готовившихся десятком фронтовых разведшкол. Кроме того, централизованный подбор и подготовка людей за тысячи километров от мест их будущей работы затрудняли учет национальных особенностей различных направлений фронтов, где возникала потребность в представителях национальностей от лопарей до чеченцев, отрывали будущих разведчиков от конкретных деталей агентурной обстановки, лучше известной офицерам фронтовых разведорганов. По-прежнему слабым местом оставалась радиоподготовка, требовавшая в лучшем случае нескольких месяцев изнурительной тренировки в технике передачи и приема на слух. Школа получила в качестве «полуфабрикатов» добровольцев-связистов, как правило девушек, из горьковского 46-го полка ОСНАЗ, где они в казарменных условиях проходили предварительную подготовку, отлично знали друг друга, что не способствовало конспиративности в их будущей работе.

Коренная ломка всей системы разведки в самый разгар войны вызвала всеобщее удивление не только у офицеров этой службы,

но и у всех командиров, в той или иной мере соприкасавшихся со штабной службой в звене армия-фронт. Не ясны были причины, ставшие известными несколько позже.

По мнению руководства ГРУ, возглавляемого в ту пору дивизионным комиссаром И. И. Ильичевым, агентурная разведка на фронтах и в армиях была слабо оснащена технически, велась недостаточно квалифицированными кадрами, имела много провалов в тылу, была засорена провокаторами и полностью своих задач по информации командования фронтами о положении в оперативном тылу немцев не решала. По замыслу ГРУ, для устранения этих бед нужно было запретить фронтовым и армейским разведорганам вести агентурную разведку и всю работу по подбору, подготовке, засылке в тыл противника разведчиков и агентов и руководство ими, а также информацию фронтов по добываемым агентурным путем сведениям осуществлять централизованно силами ГРУ. Был намечен поистине мудрый способ излечить больную голову путем ее отсечения.

Ильичеву удалось убедить Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, чрезмерно загруженного сложнейшими вопросами руководства войною, чтобы в деталях разбираться с такими частностями, как разведка, в рациональности такой реформы. Реорганизация была проведена в кратчайшие сроки, без предварительной проверки этой новой структуры на каком-либо отдельном фронте, при полном отсутствии возможностей ГРУ сразу обеспечить фронты текущей информацией о противнике.

Приказ о ликвидации фронтовых агентурных органов был отдан в самый ответственный момент начала нашего общего наступления под Сталинградом, подготовки Ленинградского и Волховского фронтов к прорыву блокады Ленинграда, наступления нашей Северной группы Закавказского, Северо-Кавказского, Юго-Западного и Калининского фронтов. Дезорганизация разведки в этот период весьма отрицательно сказалась на боевой деятельности войск и явилась объективно причиной больших потерь, поскольку штабы фронтов в этот период нужной информации о противнике не получали.

В процессе осуществления этого непродуманного решения, навязанного армии в самый ответственный момент войны, разведка потеряла сотни подготовленных агентурных работников низового звена, значительную часть агентуры в тылу противника и на подготовке во фронтовых разведывательных школах, опытных маршрутников и связников, направленных в соответствии с приказом на пополнение войск.

С учетом организационного периода в ГРУ с 20.12.42 года

командующие фронтами практически остались без оперативной информации о положении в тылу противника. Получаемые в ГРУ сведения от бывшей фронтовой агентуры после их обработки в информационном управлении зачастую пересылались фронтам с таким запозданием, что они теряли свою актуальность. Терялась оперативность в руководстве агентами и постановке им заданий. Оперативные офицеры в Центре не были в курсе изменений агентурной обстановки, ранее поступавших к ним напрямую. К примеру, разведчик в занятом немцами Пушкино под Ленинградом радировал о перебросках живой силы противника.

Сведения принимал центральный радиоузел под Москвой. Они расшифровывались, обрабатывались в информационном управлении ГРУ и в обобщенной сводке передавались в штаб Ленинградского фронта, где они практически, как устаревшие, не могли использоваться. В то время как раньше они получались непосредственно заинтересованной в них инстанцией и были бы срочно доложены для принятия необходимых мер командующим фронтами в любое время дня и ночи.

Выдумка Ильичева, вызванная, очевидно, или его карьеристскими соображениями, стремлением командовать разведкой в «глобальном» масштабе, или военной неграмотностью, а может быть, и тем, и другим вместе взятыми, явилась неплохим подарком немцам.

При проведении реорганизации я, в числе прочих офицеров разведки, был назначен помощником начальника 4-го отдела 2-го управления ГРУ и приступил к знакомой работе по подбору, подготовке и отправке разведчиков и агентов в тыл противника. Практически ничего не изменилось. Осталась та же техника, те же методы работы, те же кадры исполнителей. Несколько сложнее стало лишь решать различные организационные вопросы. Если раньше с мандатом, подписанным командующим фронтом или начальником его штаба, в полосе фронта можно было практически командовать и приказывать, то в новых условиях затрачивалась масса времени на всевозможные согласования и увязки вопросов с местными и центральными органами власти, которые на удалении от фронта сохранили все свои прерогативы, и пренебрегать ими не позволяли никому, в особенности когда это касалось изъятия из какого-либо учреждения нужных нам кадров.

Ведал я западным направлением, и поэтому кадры для дополнительной подготовки и отправки в тыл получал непосредственно в центральной школе. Разведчики и агенты для юго-западного направления готовились на саратовской базе и, как правило, оттуда непосредственно направлялись к месту разведки.

Усложнилась процедура переброски людей. В 1943 году с подмосковных аэродромов на самолетах того времени до нужных нам пунктов дотянуть было невозможно, и отправка людей в тыл обычно проводилась с так называемого «подскока» - аэродрома в прифронтовой полосе, где самолет («Ли-2» или «Си-47»), прибывший из Москвы с разведчиками и оперативным грузом, дозаправлялся, уточнялась погода по трассе, давались последние распоряжения, и самолеты ночью уходили на задание с тем, чтобы после десантирования людей в указанных пунктах до наступления светлого времени вернуться на какой-либо свой аэродром или, в крайнем случае, хотя бы перелететь линию фронта. Тихоходные транспортные самолеты были практически безоружными, лишь позже на них была установлена турель с пулеметом «шкас». Мастерство пилотирования и темнота были единственными защитниками пилотов, пришедших на такую необычную боевую работу по мобилизации из ГВФ. Необходимо заметить, что отсутствие в штатах ГРУ постоянного подразделения «ночной» авиации для выброски людей в тыл противника весьма отрицательно сказывалось на качестве выполнения боевых заданий по десантированию. Мастерство прицельного десантирования дается не сразу, и на практике мы имели много случаев выброски наших разведчиков на весьма значительном удалении от намеченных пунктов. Имел место анекдотичный случай, когда разведывательная группа в составе 8 человек была по ошибке выброшена под Рязанью, которая, как известно, никогда не была оккупирована немцами. В самолете вышел из строя компас, и он сменил курс на 180° от намеченного. Когда с соблюдением всех мер предосторожности командир выслал двух разведчиков для выяснения обстановки, те путем «опроса местных жителей» определили свое место и дали радиограмму, которая вряд ли украсила архив разведки.

По стечению обстоятельств моим начальником вновь оказался М. Жемчужин. Его вполне устраивала работа в Москве, вдали от фронта. Он никуда не выезжал и отсутствие практического опыта пытался восполнять неуемным прожектерством. Это ему принадлежала идея создания базы со средствами материально-технического обеспечения на аэродроме «подскока» в Ельце. Упакованные в грузовые парашютные мешки такие заманчивые вещи, как консервы, шоколад, вино, экипировка, привлекли внимание любителей поживиться за счет государства. Поскольку охрана базы организована не была, ее полностью разграбили.

Насколько несерьезны были иногда прожекты наших отцов-начальников, свидетельствует пример с попыткой разработать

оригинальную операцию с засылкой меня в Ростов. План засылки был разработан лично Жемчужиным и состоял в том, что меня должны были сбросить на один из бульваров города, в расчете на то, что с этой стороны и на этом месте появления советского разведчика немцы ожидать не будут и мне удастся скрыться. Мои предложения выбросить меня в 30-40 км от города с последующим проникновением в него после изучения на месте обстановки были расценены почти как трусость, и если бы не категорические возражения начальника 4-го управления ГРУ генерал-майора М.Я. Грязнова, доказавшего Ильичеву, уже утвердившему в отсутствие Грязнова представленный Жемчужиным план моего оперативного использования, висеть бы мне на немецких штыках в Ростове.

Период с декабря 1942 года по апрель 1943 года - самый тяжелый и безотрадный в истории советской оперативной разведки в Великую Отечественную войну. Большое число оперативных ошибок, за которые приходилось расплачиваться кровью и жизнями наших патриотов-разведчиков, весьма незначительная отдача информации - все это было видно даже нам, низовым работникам, отвечавшим за узкий участок своей деятельности.

Еще до выполнения приказа Сталина об изъятии агентурной разведки у фронтов и ее централизации в ГРУ всем командирам, связанным по службе с этим видом боевого обеспечения войск, от оперативных офицеров РП до командующих фронтами, была ясна его вредность. Однако подпись Верховного Главнокомандующего не позволяла никому медлить с его выполнением или доказывать несостоятельность принятого вождем партии и народа решения. Всем был известен крутой нрав Сталина и его нетерпимость к обсуждению приказов.

За свою неуемную инициативу генерал-лейтенант Ильичев не понес никакого наказания. Он продолжал руководить ГРУ до конца войны, после которой перешел на дипломатическую работу в МИД, где занимал посты посла, заведующего отделом и члена коллегии министерства, мирно ушел на «заслуженный» отдых. Умер несколько лет назад.

В апреле 1943 года при Генштабе РККА и ВМФ было заново создано независимо от ГРУ, ведавшего вопросами стратегической разведки, РУ ГШ, задачи которого состояли в руководстве всеми видами оперативной разведки на фронтах, в том числе и вновь созданными агентурными органами, а также в создании в помощь РО фронтов агентурной сети непосредственно силами центрального агентурного аппарата. В процессе новой, на этот раз неотложно необходимой, реорганизации фронты вновь получили

право вести агентурную разведку. В штаты РО штаба фронта был введен аппарат агентурной разведки в составе 2-го и 3-го отделений, радиоузла ОСНАЗ, отделения оперативной техники, авиационной эскадрильи, хозяйственной части.

Новой реорганизацией параллельно с ГРУ было создано РУ ГШ, задачей которого была организация оперативной разведки, руководство ее органами на фронтах, создание независимо от фронтовой агентуры наиболее квалифицированной сети агентов на наиболее важных глубинных пунктах в тылу врага. Эти органы агентурной оперативной разведки успешно выполняли свои обязанности до конца Великой Отечественной войны.

Начальником РУ ГШ был назначен генерал-лейтенант Ф.Ф. Кузнецов - политработник, никогда никакого отношения к разведке, не имевший, да и служба его в армии началась лишь в 1939 году. Это был партийный деятель, получивший сразу звание генерала в связи с тем, что до убытия в РККА занимал пост секретаря одного из московских райкомов. Человек, несомненно, незаурядных способностей, он, несмотря на отсутствие военного образования, быстро усвоил основное, по его мнению, правило разведки: «Не доверяй». Руководствуясь им, он смог с помощью знающих помощников не только не развалить работу, но и развить ее и завоевать вновь созданному управлению авторитет. Этому в значительной мере способствовали его личные связи в высших партийных и военных кругах. По окончании войны он был выдвинут на должность начальника Главного политического управления СА и ВМФ, в последующем перемещен на пост начальника Главного управления кадров СА и в 1957 году за низкопоклонство перед министром обороны СССР маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым снижен в должности и назначен начальником Военно-политической академии им. В. И. Ленина, а с 1959 гола служил членом Военного совета Северной группы войск в Польше. Несколько забегая вперед, можно заметить, что, по мнению нашего командования, разведка, очевидно, относилась к разряду такого рода деятельности, руководить которой мог любой партийно-политический работник вне зависимости от знания дела.

Вновь созданное управление состояло из отделов: политического, коим бессменно руководил полковник И.Д. Мальков, 1-го - войсковой разведки, имевшего функции главным образом инспекционного характера, начальник - полковник С.И. Зайцев, 2-го - агентурной разведки, в котором мне пришлось прослужить до конца Великой Отечественной войны. Командовал этим отделом генерал-майор Н.В. Шерстнев - опытный разведчик, большой труженик, несомненно, способный и честный человек, но

боявшийся начальства больше, чем противника. Это обстоятельство очень ценилось руководством и почему-то осуждалось подчиненными. Заместителями начальника 2-го отдела являлись полковники М.К. Питалев и М.Я. Косиванов. Отдел имел 3 направления: северо-западное, западное, юго-западное, - ведающие агентурной разведкой, и одно направление диверсионное. Питалев курировал агентурные направления, а Косиванов - диверсионное. Направления северо-западное и юго-западное возглавляли соответственно подполковники В.И. Смирнов и Соколов, западное было приказано возглавлять мне. 3-м информационным отделом РУ ГШ командовал полковник Н.А. Романов, опытный информатор, показавший себя во время войны весьма положительно.

Отдел спецрадиосвязи возглавлял добрейший генерал Р.С. Пекурин, опекавший своих радистов в период их подготовки с чисто отеческой заботой. В управлении по штату состояла эскадрилья особого назначения для ночного десантирования разведчиков. Она находилась при 2-й Авиационной дивизии особого назначения (АДОН). Командовал ею отличный мастер прицельного десантирования майор В.А. Цуцаев.

Для обучения разведчиков и агентов шифру и поддержания спецсвязи имелось отделение спецсвязи с необходимым штатом инструкторов-шифровальщиков.

Работу с военнопленными обеспечив ал следственный отдел, работавший в тесном контакте со 2-м (оперативным) отделом и 3-м (информационным).

Отдел радио и радиотехнической разведки ведал только еще начинавшей у нас развиваться весьма перспективной ветвью разведки.

Управление имело свой финансовый отдел, возглавлявшийся по дполковником И.С. Слепухиным, АХО с собственным автопарком. Следует заметить, что руководить хозяйственным отделом генерал Кузнецов поручил своему шурину капитану В.И. Чистову, который за особые заслуги без выездов на фронт к 1948 году уже был полковником.

Оперативные направления 2-го отдела, в том числе и мое, имели задачей подбирать нужных разведке людей, контролировать ход их подготовки в спецшколе, доподготавливать их перед посылкой на задание, осуществлять руководство ими в тылу противника, обеспечивать всем необходимым для боевой работы (рации, питание, деньги, оружие, боеприпасы, шифры, документы, средства оперативной техники и т. д.).

На западном направлении, помимо меня - старшего

помощника начальника отдела, - работали помощники начальника 2-го отдела: полковник А.Н. Овчинников, подполковники М.Н. Степанов и И.М. Семенов, майор П.Н. Савельев, капитан А.Я. Савченко.

Северо-западное направление возглавлял подполковник В.И. Смирнов, юго-западное - подполковник Соколов. Диверсионным командовал Герой Советского Союза подполковник В.С. Знаменский.

Все оперативные направления имели примерно одно и то же количество сотрудников. Коллектив 2-го отдела подобрался в основном из числа офицеров, прошедших школу практической работы в армейском и фронтовом звене разведки. Некоторые (Семенов, Смирнов, Савельев) состояли на службе в РУ еще до войны, подполковник Знаменский получил звание Героя Советского Союза за разведывательные рейды по тылам в финскую кампанию. Несколько человек, в том числе и мой помощник Степанов, до разведки служили в НКВД или в пограничных войсках. Новичками на оперативной работе были Овчинников, прибывший к нам с политработы, - он был комиссаром дивизии у Белова, и Савченко, служивший до войны учителем в одной из московских средних школ.

Управление, относительно небольшое по численности, разместилось в Бауманском районе Москвы в небольшом особняке по улице Карла Маркса, 17.

Напряженная обстановка на фронтах не давала возможности на длительное сколачивание отделов. Командование требовало данных о противнике немедленно, и весь личный состав самоотверженно выполнял свои задачи, пытаясь свести к минимуму так называемый пусковой период, неизбежный при всяких реорганизациях, а в разведке в особенности. Офицеры работали на казарменном положении, не покидая управление ни днем, ни ночью. Большинство длительное время пребывало в командировках по подбору нужных разведке лиц. Недостатка добровольцев для работы в тылу противника не было, подготовка их проводилась ускоренными темпами на конспиративных квартирах, зачастую, помимо спецшколы, силами оперативных офицеров 2-го отдела. В качестве конспиративных квартир использовались квартиры москвичей - сотрудников разведки, поскольку семьи большинства из них находились в эвакуации.

Буквально через месяц работы в тыл немцев непрерывным потоком начали направляться наши советские патриоты: мужчины и женщины, девушки и юноши, только что окончившие среднюю школу, и бывшие воины еще первой империалистической войны, инвалиды, имевшие вследствие

своей инвалидности прочную легенду, объясняющую их пребывание во вражеском тылу, лица самых различных национальностей - украинцы, белорусы, татары, русские, латыши, эстонцы, литовцы, поляки. Разведчики выбрасывались в оперативный тыл на парашютах индивидуально, группами, отрядами, на базы уже действовавших партизанских отрядов и для легализации в немецких оккупационных учреждениях.

К середине 1943 года агентурная обстановка на оккупированной территории резко ухудшилась. Немцам удалось с присущей им скрупулезностью завести учет населения в селах и городах, с помощью предателей и бывших скрытых врагов советской власти укомплектовать органы полиции и так называемого «само управления», которые зачастую не за страх, а за совесть сотрудничали с врагом и представляли для наших разведчиков наибольшую опасность. За малейшее нарушение оккупационного режима грозила смерть. В этих условиях требовалось отлично знать все детали меняющейся обстановки с тем, чтобы не погубить при легендировании наших прекрасных людей, идущих самоотверженно на полную опасностей боевую работу и безгранично веривших нам, своим начальникам. Наиболее удачными были операции, связанные с перебросками на базы партизанских отрядов, где наши люди могли отдохнуть, получить нужные уточнения обстановки, при необходимости заменить документы, установить связи с местными патриотами, скорректировать легенду.

При всех трудностях выполнение поставленных задач облегчалось тем обстоятельством, что работать разведчикам приходилось на нашей, советской земле, среди своих советских людей, из которых подавляющее большинство питало жгучую ненависть к оккупантам и готово было всемерно помогать в борьбе с ними.

При подборе разведчиков преимущество отдавалось лицам, знающим районы предстоящей деятельности, имевшим там родственные связи или знакомства с оставшимися на оккупированной территории надежными людьми.

К концу 1943 года многие сотни разведчиков, выброшенных по линии РУ ГШ, действовали в глубоком тылу противника. Поддерживая связь с партизанскими отрядами, подпольными группами патриотов, они давали большую по объему и весьма ценную информацию о воинских перебросках в глубоком тылу немцев, появлении новых образцов техники, политико-моральном состоянии личного состава вермахта, мероприятиях оккупационных властей и т. д. Многочисленные разведывательно-диверсионные группы и отряды нарушали коммуникации

противника, уничтожали мелкие гарнизоны и штабы, пускали под откос эшелоны с живой силой и техникой немцев, нарушали линии связи, уничтожали предателей, сотрудничавших с врагом. Имена Григория Линькова, Антона Бринского, Ивана Банова, Павла Каплуна, Владимира Цветинского, Валентина Пелиха, Николая Матеюка, Льва Магомеда, Петра Вершигоры могут быть поставлены в одном ряду с героями-партизанами Отечественной войны 1812 года Денисом Давыдовым, Александром Сеславиным, Александром Фигнером.

Разведка велась тысячами советских патриотов, она была массовой. Сведения о противнике собирались по ряду каналов, и в этом свете крайне неверно и вредно представлять этот важный вид боевого обеспечения войск как результат работы сверхудачливых одиночек-суперменов, сидящих в ставке Гитлера или в Генштабе сухопутных войск и обеспечивавших оттуда победу нашей армии. Книги подобного рода наводняют наш рынок, дезориентируют читателя и умаляют заслуги тысяч и тысяч разведчиков, жертвовавших своими жизнями для обеспечения победы над врагом.

Массовую засылку разведчиков в тыл врага, как я уже говорил, лимитировали радисты. Без радиосвязи посылка людей в тыл была бесцельной, а подготовка радистов занимала до 6 месяцев. К сожалению, централизованного учета радиоспециалистов в стране перед войной не велось. В результате чего значительная часть этих специалистов была мобилизована в войска, где и использовалась не по назначению. Недоставало лиц, знающих иностранные языки: немецкий, венгерский, финский, румынский, итальянский, словацкий. Подготовка таких специалистов требовала годы. Учет лингвистов, особенно женщин, также отсутствовал, и приходилось их разыскивать с большим трудом, вследствие чего многие переводчики в отрядах и группах были доморощенные, их знание немецкого языка ограничивалось фразой «Хенде хох» (руки вверх).

После разгрома немцев под Сталинградом, с продвижением нашей армии на запад, работа советских разведчиков на территории Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и собственно Германии необычайно осложнилась рядом труднопреодолимых препятствий. Основными из них являлись языковый барьер, незнание сложных условий зарубежной обстановки, все нарастающая по мере продвижения на запад враждебность гражданского населения, терроризированного военным законодательством и в известной степени подверженного воздействию фашистской пропаганды. Если в Польше нашим разведгруппам и отдельным разведчикам можно

было рассчитывать на нейтралитет, а иногда и содействие обывателя, ненавидевшего оккупантов, то в Германии для советских разведчиков-парашютистов каждый заметивший их старик и ребенок был врагом, немедленно докладывавшим властям о появлении в округе любого подозрительного человека. Незнакомый язык, местность, отсутствие крупных лесных массивов, отличные дороги и развитая система связи почти полностью исключали нелегальную деятельность крупных разведывательных групп, скомплектованных из советских граждан. Испытанные на белорусских просторах агентурные разведгруппы (АРГ) численностью в 10- 15 человек были слишком велики, чтобы укрыться в культивированных лесопарках Германии. Посылка таких групп в Восточную Пруссию и Западную Польшу вызывала неоправданные потери наших советских людей, отлично по казавших себя на разведывательной работе в тылу противника на временно оккупированной советской территории, где они имели безграничную поддержку местных патриотов.

Опыт засылки в собственно Германию советских граждан-одиночек или небольших групп, укомплектованных лицами, даже отлично знавшими язык и бывшими до войны в различных районах этой страны, положительных результатов также не дал. Слишком много изменений в жизненном укладе немцев и в обстановке вызвала война. Усложнилась система учета населения, снабжения его продовольствием, трудоустройства, усилился полицейский, в том числе негласный, контроль над всеми организациями и частными лицами, небывалых размеров достигла шпиономания и подозрительность населения, одураченного демагогией Геббельса. Всех деталей этих изменений мы никогда не знали, и это приводило к потерям. Так, направленные в район Бохума сестры-немки по происхождению Роз-Мари и Зигрид Николаевы были, как после выяснилось, схвачены вскоре после приземления, поскольку они за длительное время проживания в СССР растеряли качества истинных немцев. Роз-Мари до посылки в Германию несколько раз выполняла задания на территории СССР и была опытной разведчицей, тем не менее элементарной проверки она не выдержала, и гестапо принудило сестер передавать нам дезинформацию. В то время при подготовке разведчиков мы не давали им сигнала, который бы предупреждал Центр о работе под контролем. Этот вопрос долго дебатировался, и руководство решило, что каждый советский разведчик должен при провале умереть, но не соглашаться быть двойником и тем самым предателем Родины. При допросах врага рекомендовалось молчать или все отрицать, хотя возникали ситуации, когда это

было практически нецелесообразно.

Попытки предупредить командование о том, что разведчик, чаще всего радист, находится в руках врага и работает по принуждению, начали возникать помимо воли Центра.

В данном случае Роз-Мари в одной из телеграмм после провала писала, что ей и Зигрид часто вспоминается ария князя Игоря из одноименной оперы Бородина «О дайте, дайте мне свободу», которую якобы исполнял на проводах сестер в тыл врага генерал Шерстнев. Эта приписка вызвала в управлении целый переполох, грозные резолюции начальника управления с требованием прекратить хулиганство в эфире. В конце концов сигнал был понят правильно. В радиоигру вступили наши контрразведывательные органы. При взятии нами Лигница сестры были освобождены и… осуждены военным трибуналом к 10 и 15 годам заключения за сотрудничество с немцами.

Запомнился случай, когда наш резидент в Киеве, к сожалению, фамилия его не сохранилась в памяти, прислал в Центр шифровку, где в общем тексте, рисующем обстановку в городе, им умышленно были введены архаические фразы и обороты, давно исчезнувшие из разговорного русского языка. Так, в сообщении говорилось: «Селяне саботируют распоряжения неприятеля и не везут на базар провиант». Телеграмма насторожила. Посылка резиденту людей, планировавшаяся ранее, была отменена. Как выяснилось позже, резидент был арестован и, передавая информацию под контролем немецкой разведки, все же по личной инициативе пытался предупредить о своей беде руководство и спасти товарищей.

Импровизированные сигналы провала, передаваемые нашими радистами в случае вынужденного участия в радиоигре гестапо, вынудили Центр изменить точку зрения на заблаговременную подготовку сигналов бедствия, и впредь такие сигналы для радистов и резидентов заранее оговаривались.

После сталинградской катастрофы самоуверенность и наглость немецких вояк резко снизилась. В лагерях военнопленных к этому времени успешно начали функционировать антифашистские школы. Развернул свою деятельность Национальный Комитет «Свободная Германия». Многие дальновидные немцы начали думать о судьбе не только Германии, но и своей лично. Все это дало основания надеяться на возможность использования некоторых военнопленных из числа антифашистов, число которых в связи с успешными действиями нашей армии все возрастало, для выполнения разведывательных задач в Германии. Начались поиски таких лиц в лагерях военнопленных в г. Красногорске под Москвой, в Темниковском

лагере и других местах. Среди многих тысяч немцев найти нужных специалистов, в том числе и квалифицированных радистов, было нетрудно. Можно было подобрать и высокообразованных инженеров, офицеров в высоких чинах, выходцев из различных социальных групп, уроженцев нужных нам областей, добровольно изъявивших желание принять участие в разгроме «ненавистного фашизма». Все это было несложно. Трудно было лишь проверить, насколько искренни антифашистские уверения бывшего нациста и не является ли его согласие служить советской разведке всего лишь желанием с комфортом за советский счет возвратиться в любимый рейх и в лучшем случае вновь взяться за оружие, а в худшем умело снабжать нас дезинформацией. Тем не менее, нужно было использовать и эту возможность получения информации из стана врага.

Вначале мы пытались создать немногочисленные разведывательные группы и выбрасывать их по нашему образцу и подобию в лесисто-горные районы Германии. Как правило, агенты в этих группах одевались в немецкую военную форму с документами, свидетельствующими о том, что владелец их находится в отпуске по ранению или освобожден от военной службы по болезни или инвалидности. Положительного эффекта от таких групп почти не было. Очевидно, будучи сведенными в такие подразделения, немцы, попав на родную землю, просто расходились в разные стороны, опасаясь друг друга.

Смешанные советско-немецкие группы также не дали ожидаемого результата, и от них сразу же отказались, т. к. советские патриоты с законным нежеланием шли на такое сообщество, опасаясь предательства со стороны новых «друзей», недавно еще находившихся по другую сторону баррикады. Эти опасения имели веские основания, и после нескольких провалов смешанные группы из немцев и советских людей посылать в тыл перестали. Опыт в разведке, который приобретался в боевых условиях, не обходился без жертв.

Наиболее удачным оказался метод посылки в Германию одиночек из числа военнопленных антифашистов с документами отпускников Восточного фронта или раненых, находившихся на излечении. Из полутора десятков подобранных нами в лагерях военнопленных и направленных с заданиями советской разведки бывших офицеров вермахта запомнились уроженец Вены оберцальмейстер (казначей) Франц Шпиндлер, австриец старший лейтенант Альфред Понц и уроженец Гамбурга майор Дитрих Деммер.

Эти офицеры, подобранные в Красногорской антифашистской

школе, успешно выполняли задания разведки до конца войны. Они передавали по радио информацию, получаемую ими наблюдением и осведомлением. Легализоваться ни одному из них не удалось, да такая цель и не ставилась. Все они пребывали на полулегальном положении и проживали по документам, мастерски изготовленным сотрудниками группы оперативной техники. Нужно сказать, что недостатка в образцах всевозможных солдатских книжек, командировочных предписаний к этому времени уже не было. Указанные три немецких офицера - советских разведчика - дожили до Победы.

Альфред Понц после войны вступил в Компартию Австрии, стал партийным функционером, заведовал бензозаправочной станцией в районе Амштеттена. Его разведывательная деятельность никому в округе не была известна. Однако среди местных жителей его знали как одного из немногих австрийских борцов Сопротивления, что в первые годы после войны создавало ему ореол героя. Однако встреча Понца с его руководителем по линии разведки, который нашел его в 1949 году, прошла сухо, и продолжать работу в разведке в новых условиях он отказался.

Как стало известно, Франц Шпиндлер после войны занялся коммерцией, числился также в почетной когорте участников движения Сопротивления фашизму и упорно избегал контактов с русскими, очевидно, считая свою небезопасную миссию законченной. Оба эти австрийца, как говорится, вытянули у судьбы «счастливый жребий».

Несколько иначе сложилась жизнь у майора Дитриха Деммера. До пленения он занимал в штабе 6-й армии у Паулюса солидный пост в отделе связи, отлично знал радиотехнику, владел английским и французским языками, был весьма начитан, любил музыку и сам играл на фортепиано. Насмотревшись на ужасы развязанной фашистами войны, он уже не юношей, ему было 33 года, являясь штаб-офицером вермахта, искренне воспринял в антифашистской школе наше мировоззрение и сознательно пошел на службу в советскую разведшколу, надеясь искупить часть вины своего народа. Это был внешне обаятельный человек, серьезный, откровенный. Во время подготовки к выполнению своего задания, проживая в Москве, он пользовался относительной свободой и, имея «липовое» удостоверение английского военного корреспондента, посещал наши театры, концерты, музеи. Девицы буквально атаковывали его, особенно когда узнавали, что он является «знатным» иностранцем. Обо всех своих случайных знакомствах он подробно докладывал, причем проверка этих докладов органами внешнего наблюдения неизбежно подтверждала правдивость Деммера.

Перед отправкой на задание в Галле Дитрих написал рапорт командованию, в котором просил в случае его смерти взять двух его сыновей в СССР и воспитать их в советском духе.

Деммер успешно работал до момента прибытия в Галле американцев в 1945 году. Он восторженно встретил союзников и явился к ним с заявлением о том, что он советский разведчик, захватив в качестве доказательства рацию. Американцы продержали его под арестом до подтверждения нашей стороной его показаний, после чего передали его представителю штаба 1-го Белорусского фронта полковнику А. В. Романовскому, который направил его в СМЕРШ для проверки, не перевербован ли он американцами. Дальнейшая судьба Деммера мне не известна. Не исключено, что в те грозные годы, когда и со своими гражданами не всегда детально разбирались, бывший фашистский офицер, попавший при неясных обстоятельствах к американцам, мог в лучшем случае вновь попасть в лагерь военнопленных, а то и просто быть расстрелянным.

Понятно, что его сыновьями никто не мог заниматься, и если они живы, то, вероятно, так же далеки от коммунизма, как и их отец до того, как попал в советский плен.

Для работы на территории оккупированной немцами Польши уже с самого начала войны разведка подбирала поляков, знавших язык и обстановку в стране. Это были преимущественно советские граждане, коммунисты, проверенные на боевой работе в войсках, но у них был один серьезный дефект - они не знали деталей военной обстановки и, как правило, не имели связей в оккупированной Польше.

Особенно большая потребность в поляках-разведчиках начала ощущаться с конца 1943 года, когда явно наметился решительный перелом в ходе войны в нашу сторону и Красная Армия стала приближаться к западным границам СССР, за которыми действия советских граждан по выполнению заданий разведки как в нелегальных, так и особенно в легальных условиях встречали труднопреодолимые преграды. Нужно было искать коренных поляков, немцев-антифашистов, венгров, финнов, румын.

К этому времени в Москве по инициативе польских коммунистов под руководством В. Василевской, А. Лямпе, Г. Минца и В. Гроша был создан Союз польских патриотов, который возбудил перед Советским правительством ходатайство о формировании на территории СССР 1-й польской дивизии им. Тадеуша Костюшко. В мае 1943 года ходатайство было удовлетворено, и на комплектование этого соединения начали стекаться добровольцы-поляки. Командиром дивизии, окончательно сформированной 14.05.1943 г. в Сельцы под

Рязанью, был назначен бывший начальник штаба 5-й армии Андерса подполковник Зигмунд Берлинг, не пожелавший эмигрировать в Иран.

Примерно в июне или июле того же года мне пришлось провести в этом несколько необычном соединении, проходившем процесс ускоренного обучения и сколачивания, около двух недель с целью подбора в разведку на территории Польши добровольцев из числа рядовых и офицеров-поляков.

Нужно заметить, что З. Берлинг и его заместитель по строевой части полковник Кароль Сверчевский с большим пониманием отнеслись к моей задаче и оказали большую помощь, рекомендуя наиболее доверенных, с их точки зрения, патриотов, хотя в период становления дивизии каждый порядочный человек был очень нужен им самим. Начальник отделения кадров штаба поручик Станислав Завадский предоставил в мое распоряжение все учетные документы на тысячи солдат, подофицеров и офицеров из различных областей Польши. Это были в значительной степени бывшие «осадники», высланные после воссоединения Западных Украины и Белоруссии в глубинные области СССР, сыновья, дочери и жены бывших офицеров польской армии, взятых в плен в 1939 году. Отцы, братья и сыновья некоторых из них, будучи в свое время освобожденными из лагерей, вступили в армию Андерса и, обманутые лондонским правительством, не захотели сражаться с немцами бок о бок с советскими войсками и были высланы из СССР. Все костюшковцы, представлявшие тот или иной интерес для разведывательной службы, были беспартийными, у многих резко проявлялись националистические тенденции. Часть личного состава считала, что мы допустили грубейшую политическую ошибку, атаковав в 1939 году Польшу с востока и заключив с Германией в августе того же года договор о ненападении и границе.

Первое впечатление от предложенных нам кандидатов было такое, что никто из них нашим требованиям, предъявляемым к разведчикам и агентам, не удовлетворял, и подбирать кого-либо из них для этих целей было бесполезно.

Иного мнения о своих кадрах был Кароль Сверчевский, являвшийся боевым советским офицером, коммунистом, участником борьбы с фашизмом в Испании. «Вы плохо знаете поляков и привыкли судить о людях по анкетам», - сказал он. «Да, эти вынесшие много невзгод и жестоко битые жизнью, обманутые своими правителями Янеки и Зоси плохо знают и не любят нас, но они люто ненавидят немцев и в борьбе с ними не изменят, будут смело драться до победы». Лишь после войны, когда советский народ и его армия подводили ее итоги, стало ясно,

насколько был прав старый воин-интернационалист Сверчевский, погибший уже после Победы от рук бандеровских бандитов.

Мне неоднократно приходилось бывать в частях польской дивизии им. Т. Костюшко, когда она стала уже обстрелянным соединением и входила в состав армии, сформированной с помощью Советского Союза, но наиболее памятным явилось присутствие на торжественном акте приема присяги ее личным составом в июне или июле 1943 года.

Церемония началась в полдень. Выстроенные на широком поле части дивизии замерли по команде «смирно». Легкий ветерок чуть колыхал красно-белые знамена с Пястовским орлом, стройные ряды жолнежей (солдат) в конфедератках и необычных для нас мундирах выглядели парадно и подтянуто. Торжественно звучали слова присяги, повторяемые тысячами воинов-поляков на своем языке. Как-то необычно было слышать старый польский гимн «Еще Польска не сгинела» на советской земле и видеть наше оружие в руках присягающих на верность борьбе с общим врагом солдат и офицеров возрождающегося Войска Польского. Оправдаются ли надежды создающих это войско? История показала, что они оправдались. У многих солдат и офицеров блестели слезы на глазах. По окончании акта принятия присяги состоялась торжественная месса о ниспослании победы над врагом, проведенная дивизионным капелланом полковником Купшем - служителем бога и, как после стало известным, отважным человеком, ходившим с солдатами в атаку, истинно христианской душой, бабником и пьяницей.

На торжества рождения дивизии и одновременно ее крещения прибыли создатели Союза польских патриотов. С большой пламенной речью выступила Ванда Львовна Василевская. Эта уже пожилая, много пережившая в панской Польше женщина-коммунистка говорила так ярко и доходчиво, что тысячи воинов, присутствовавшие на митинге, слушали ее, затаив дыхание. После митинга я подошел к пожилому капралу и разговорился с ним. «Не думал я вновь надевать форму и идти на фронт, ведь я был солдатом еще в первую германскую войну у Брусилова. После 1939 года не надеялся так же увидеть свое знамя, услышать свой гимн, да еще в России, которую многие из нас считали врагом, извечным врагом Речи Посполитой. Тяжело расплачиваться за прошлые ошибки в выборе и оценке друзей и врагов, особенно когда эти ошибки стоят жизни многих соотечественников. Будем вместе бить врага, это сейчас главное, а все взаимные обиды снимем после Победы», - сказал капрал и крепко пожал мне руку. С помощью К. Сверчевского и С. Завадского, старого польского коммуниста, я подобрал около 15

человек солдат и офицеров-поляков. Среди них особенно запомнились: хорунжий Казимир Валюк 1918 г. р., Семен Новосад 1912 г. р., подпоручик Анатолий Еглинский 1910 г. р., капрал Елена Саламонович 1922 г. р., Елена Томашевская 1904 г. р., рядовая Ванда Бель 1924 г. р., Станислава Лосинская 1922 г. р., Мелани Сосновская 1920 г. р.

За исключением Семена Новосада, белоруса по происхождению, но проживавшего до 1939 года в Белостоке, все остальные были поляками, совершенно добровольно изъявившими желание служить в разведке и тем способствовать разгрому фашизма. Все они, за исключением Елены Томашевской, были в классовом отношении весьма далеки от идей социализма. Мало того, почти все они смотрели на наш строй и наши порядки с большим скепсисом и не считали необходимым скрывать это. Искренность являлась одной из положительных их сторон. Нас пока объединяла общая ненависть к врагу, которая была сильнее личных обид этих людей к нам за 1939 год, за то, что у Саламонович в нашем лагере умер отец, друг Пилсудского Отто Саламонович (полковник польской армии, националист, легионер), за переселение из богатых приграничных с СССР областей Восточной Польши в Сибирь, как это было с Валюком и Бель, и ряд других.

ГЛАВА 8. Материально-техническое обеспечение разведчиков

Внезапное нападение фашистской Германии на СССР, стремительное продвижение немцев на восток в первые же месяцы войны лишило нас всей приграничной агентуры, оставшейся без средств радиосвязи далеко во вражеском тылу. Оперативную разведку приходилось создавать заново в массовом масштабе на совершенно иной качественной основе, в ходе ожесточенных боев с захватчиками.

Понятно, что имевшихся скромных мобилизационных запасов оперативного имущества, которые начали создавать органы разведки в приграничных округах накануне войны (рации, оружие, экипировка, продовольствие) и которые в значительной части попали в руки врага, не могло хватить для обеспечения многих тысяч разведчиков, направлявшихся в тыл противника фронтовыми и центральными разведорганами, многочисленными штабами партизанского движения, НКВД и другими организациями. Вследствие этого разведчики в материально-техническом отношении обеспечивались весьма скудно.

Отсутствовали почти до середины 1943 года штатные авиационные средства с квалифицированным летным составом для переброски людей и грузов в тыл немцев. Для этой цели использовались необорудованные самолеты «Ли-2» и «По-2» с небольшим радиусом полета и слабо обученными пилотами, что ограничивало дальность выброски и приводило к излишним потерям и десантированию вдалеке от назначенных районов выброски.

Не хватало средств радиосвязи. Неплохая по своим техническим данным, надежная в эксплуатации радиостанция «Север», выдержавшая всю войну, была чрезмерно громоздка. С комплектом питания вес ее достигал 10 килограммов. Она переносилась вместе с батареями в двух больших упаковках и имела радиус действия 400 км, что к концу войны, да уже и в 1943 году, было явно недостаточно. Приходилось организовывать в тылу врага промежуточные узлы связи, для чего в лесистых районах создавались так называемые разведывательные центры, представлявшие собою своеобразные разведпункты, включавшие в свой состав несколько оперативных офицеров, радистов, как для дежурства на узле, так и для высылки на удаление в 100-200 км от базы с подвижными разведывательными группами,

действовавшими зачастую самостоятельно по нескольку месяцев.

Рации «Джек» и «Тензер-М» предназначались для разведчиков и агентов, направлявшихся на легализацию в города, имевшие электросеть. В оперативной разведке широкого применения они не нашли.

Оружие, боеприпасы и взрывчатка, как правило, были табельными армейскими, и выдавали их разведчикам очень экономно. Имеющий автомат не рассчитывал получить еще и пистолет. Мины для диверсий изготавливались обычно самими разведчиками, для чего они проходили курс специального обучения. Несколько позже на вооружение стали поступать зажигательные термитные шары, мины замедленного действия и магнитные мины, очень удобные для организации диверсий на транспорте и предприятиях. Но в основном выручал тол, бикфордов шнур и механический универсальный взрыватель, иногда электрозапалы с подрывной машинкой.

Практически за весь период войны каких-либо специально изготовленных для целей разведки средств вооружения в оперативном звене не было, если не считать прибора «Бромит» - приставки к обычной винтовке для бесшумной стрельбы, да и она не нашла широкого применения вследствие чрезмерной громоздкости и слабой убойной силы при стрельбе через этот прибор.

Трудно было экипировать большую массу людей, особенно идущих на легализацию в занятые врагом населенные пункты Западной Украины, Белоруссии и Польши. Одевать их в москвошвеевские изделия было нельзя, а местной одежды достать было невозможно. Лесные группы и диверсионные отряды считали за счастье получить добротное армейское обмундирование и особенно яловые сапоги, незаменимые в партизанских условиях. Вся надежда была на приобретение всего необходимого на месте с помощью оружия у врага и его приспешников. Вспоминаются первые отряды московских партизан-разведчиков, уходивших зимой через линию фронта одетыми в лыжные ботинки и костюмы с десятком сухарей в вещмешке. Большое величие духа и патриотизм нужно было иметь, чтобы в тяжелый 1941 год голодным и полураздетым идти добровольно в логово врага и быть непреклонно уверенным в его разгроме, хотя он находился в каких-нибудь 30 км от столицы.

В первый год войны особенно остро давала о себе знать нехватка продовольствия. Людям, убывающим на длительную работу в глубокий тыл врага, весь ассортимент выдаваемого НЗ обычно укладывался в 4С - сухари, соль, сало, спирт. На текущее довольствие выдавали свиную тушенку - «Второй фронт» - и

черный хлеб. Люди хорошо понимали положение страны. Они знали, что их старики, родители и дети получали 300 граммов черного недоброкачественного хлеба, а работающие - 600 граммов в день и почти ничего больше, а в Ленинграде - 50 граммов такого же хлеба в день.

Разведчик предпочитал продовольствию боеприпасы. Он не без основания рассчитывал получить продукты питания на месте не только у врага, но и у своих соотечественников - советских людей, делившихся с нашими людьми последним куском хлеба.

Следует отметить, что никаких материальных благ и привилегий служба в разведке по сравнению с пребыванием в линейных войсках не давала. Офицер получал денежное содержание по последней должности и имел равные со всеми возможности перевести аттестат семье или сохранять его до возвращения с задания в финчасти разведоргана. Рядовым и сержантам иногда устанавливалось небольшое денежное вознаграждение для оказания помощи семьям, но это вознаграждение немедленно прекращалось, как только связь с разведчиком прерывалась и он числился пропавшим без вести. А таких было в условиях работы в тылу врага немало, и лишь теперь выясняется, что многие из них погибли геройской смертью в борьбе с врагом. Пенсии семьям погибших солдат и сержантов и офицеров оформлялись и выплачивались на общих основаниях, как и всем семьям военнослужащих.

В качестве примера можно привести случай с Алексеем Галюгой - командиром партизанского отряда, прославившегося на Западном фронте. Галюга в тылу вырос до подполковника, получил ряд советских и иностранных орденов. В тыл его направлял член Военного совета Западного фронта генерал-лейтенант Н.А. Булганин. Галюга был ранен в тылу, и при попытке вывезти его на Большую землю самолет был сбит немцами, и он попал в плен, откуда был освобожден лишь нашими войсками. Из немецкого лагеря военнопленных разведчик попал в свой так называемый контрольно-фильтрационный лагерь, откуда после основательной проверки как бывший военнопленный был отпущен к месту жительства. Изможденный пребыванием в двух лагерях, не имея возможности получить сколько-нибудь приличную работу, он был на грани отчаяния и решил обратиться к Булганину, бывшему в то время министром обороны СССР. Только вмешательство министра помогло герою-разведчику вновь получить свои права: звание, единовременное пособие, ордена - и получить назначение на должность. Но не у всех бывали такие счастливые стечения обстоятельств, и многие честные люди, попавшие по не

зависящим от них обстоятельствам в руки врага и выжившие до Победы, подвергались репрессиям со стороны своих властей, т. к. в ту пору пребывание в плену у противника считалось тягчайшим преступлением перед Родиной.

Но тогда советские патриоты не думали о своих правах после войны. Они шли спасать Родину от ненавистного врага, они безгранично верили своему правительству, партии и считали: все проблемы, неизбежные при ведении такой войны, после ее победоносного завершения будут мудро и справедливо решены.

Следует отметить, что для особо перспективных одиночек-разведчиков, следовавших на легализацию с весьма ответственными заданиями, изыскивались более или менее сносная экипировка и снаряжение. Они снабжались соответствующей валютой, иногда получали для возможной продажи на месте будущей работы дорогие ювелирные изделия и неизменно снабжались отлично изготовленными документами. Но таких «звезд» было немного, и не они решали успех дела.

Основная масса патриотов-разведчиков направлялась в тыл для борьбы с ненавистным врагом с расчетом главным образом на самообеспечение за счет оккупантов и, кроме оружия, раций с питанием к ним, никаких специальных средств разведывательной техники, как правило, не имели.

Бесшумное оружие, рации быстродействия, специальные витаминизированные пайки с шоколадом, тонизирующими добавками, водонепроницаемая одежда и обувь, камуфлированные парашюты, окрашенные в различные цвета в зависимости от времени года, - почти все эти средства обеспечения разведчика уже были известны, но они не были заранее подготовлены и накоплены, да и вряд ли можно было создать запасы на целую армию партизан и разведчиков, действовавших в тылу немцев в Великую Отечественную войну. Поэтому понятно, как радовали наших людей посылаемые из Центра средства радиосвязи, армейское оружие и боеприпасы, тол и мины для подвижных групп и слова благодарности командования для всех патриотов, боровшихся с врагом в тылу, были ли они в подполье, на военных объектах немцев, легализованными в городах или в лесных АРГ.

К недостаткам обеспечения оперативной агентурной разведки нужно было отнести также погрешности на этапах подготовки и укомплектования, как на фронтах, так и в Центре. В них совсем не было предусмотрено обслуживающее звено и почти полностью отсутствовал рядовой и сержантский состав, а также сведено к минимуму число вольнонаемных сотрудников. Все делалось самими оперативными офицерами - от подбора, обучения,

составления легенд и отправки разведчиков и агентов до упаковки грузовых парашютов, переноски их на автомашины и самолеты, ведения оперативной документации, подшивки бумаг в дела, печатания на машинке всей довольно обширной переписки и другой технической работы. В том, что старший помощник начальника 2-го отдела РУ ГШ полковник А.Н. Овчинников, к примеру, перетаскивал грузовые парашюты с оружием и боеприпасами весом свыше 100 кг, одним пальцем выстукивал на машинке какой-либо проект плана оперативного использования или охранял ночью склад с имуществом на аэродроме «подскока», нет ничего предосудительного, но эта техническая работа отрывала его от более важных оперативных дел, которые зачастую страдали от такого вынужденного «универсализма» офицеров разведки. Один-два сверхсрочника и дополнительно одна машинистка на направление в значительной мере разгрузили бы оперативный состав от второстепенной, но трудоемкой технической работы и дали бы ему возможность лучше выполнять свои основные обязанности.

Всю войну разведка просуществовала без единого, утвержденного начальником ГШ положения, и поэтому каждый начальник действовал в меру своей подготовки и здравого смысла, а также временных наставлений и инструкций, диктуемых обстановкой и потребностями сегодняшнего дня. Причем эти потребности, как правило, были чрезмерно велики, а возможности ограничены. Так, в окруженный нашими войсками город Сухиничи нужно было в 1941 году сбросить листовки с предложением немецкому гарнизону капитулировать. Поскольку авиации для разбрасывания листовок не было, да и листовок, отпечатанных на машинке, было весьма ограниченное количество, последовал приказ послать в город для расклейки воззваний разведчиков. Как ни странно, такой приказ был отдан бывшим начальником РУ РККА, командующим 10-й армией Западного фронта генерал-лейтенантом Ф.И. Голиковым.

Все попытки убедить командующего в нереальности такой задачи ни к чему не привели. Только гибель нескольких лучших разведчиков-маршрутников доказала бесцельность попыток без агентуры силами солдат-разведчиков расклеивать воззвания на глазах у врага.

Во втором отделе РУ ГШ и агентурных отделениях РО штабов фронтов не было единой системы учета людей и выполненной ими оперативной работы. Личные дела разведчиков и агентов вследствие крайней загрузки офицеров велись небрежно. Лица, привлеченные в разведку на оккупированной территории находившимися непосредственно там разведчиками и агентами,

зачастую не регистрировались, записи людских потерь, их причин и обстоятельств проводились неточно, родственники пропавших без вести и погибших извещались несвоевременно. Отметки об извещениях в делах погибших иногда не делались. Картотеки на агентов и разведчиков не велось. Вследствие этого после окончания войны еще длительное время возвращались не учтенные ранее сотрудники разведки, мнимо пропавшие без вести, родители и дети погибших обращались в РУ ГШ за справками, в Центр присылалось много писем с жалобами на плохое отношение на местах к бывшим разведчикам, которые по понятным соображениям вынуждены были скрывать истинную причину пребывания в тылу врага, вследствие чего многих считали предателями, которые сотрудничали с немцами. Приходилось вести расследования для реабилитации отдельных лиц, пропавших без вести или погибших при выполнении служебного долга в разведке, но на местах ошибочно считавшихся пособниками врага.

Особенно плохо обстояло дело с учетом разведчиков и их работы во фронтовом (до декабря 1942 года также и в армейском) звене, где зачастую из-за недостатка времени и кадров оперативных офицеров, кроме короткой анкеты и обязательства работать в тылу врага, в личных делах разведчиков и агентов никаких сведений не имелось, иногда даже отсутствовали пометки о переброске во вражеский тыл, выполненная работа учитывалась из рук вон плохо, обстановка в оккупированных районах обобщалась и систематизировалась неудовлетворительно.

Часто при реорганизациях и переформированиях войсковых объединений, особенно в первый период войны, во время ликвидации фронтовой и армейской агентурной разведки многие личные и оперативные дела на так называемый переменный состав уничтожали по актам (так было на Сталинградском и Донском фронтах в 1942 году). В результате в последующем о героических подвигах воинов-разведчиков в тылу врага можно было узнать лишь случайно от их очевидцев. Этим объясняется то обстоятельство, что факты массового героизма разведчиков стали известны лишь по окончании войны: подвиги Ани Шершневой, повторившей подвиг Матросова, Ани Петрожицкой, подорвавшей себя гранатой вместе с карателями, мужество Лиды Базановой перед расстрелом в Брестской крепости и многих других вскрылись лишь недавно. Многие из них еще не выявлены, а может быть, и забыты и погребены в тысячах дел специального архива ГРУ.

Слишком строго винить в халатности при ведении дел

оперативных работников разведки военного времени, может быть, и будет поспешно. Они были так загружены повседневной работой по подготовке, отправке, обеспечению, приему людей, анализу поступающей информации и другими текущими вопросами, что на «канцелярию» времени не оставалось. До этой работы просто не доходили руки. Только по линии западного направления 2-го отдела РУ ГШ в тылу действовало до 50 групп, отрядов, резидентур, от которых в день поступало около 30 информационных и организационных радиограмм, почти каждая из которых требовала немедленного реагирования, принятия срочных мер - трудоемких, нуждающихся в ответственных решениях, связанных иногда с крупными материальными затратами, большим риском, и для всего этого штатами было предусмотрено 6 человек старших офицеров-универсалов, в равной мере способных вести переговоры с секретарями ЦК Латвии, Белоруссии, Эстонии по вопросам использования партизанского движения в интересах разведки и грузить на автомашину парашютные мешки с отправляемым в тыл врага имуществом. Для черновых работ в отделе не было предусмотрено ни одного сержанта или солдата. Все приходилось исполнять офицерам. Очевидно, только у нас в разведке можно было увидеть грузчика в звании полковника и писаря - майора. Такие же штатные нецелесообразности имелись во фронтовых разведорганах, пока там не догадались зачислить в штат несколько человек за счет прикомандированных решениями военных советов солдат и офицеров.

Несомненно, заранее разработанная форма учета личного состава с централизованной картотекой, где регистрировались бы все лица, использовавшиеся в разведке, и их работа, а также введение в штат каждого разведоргана специального человека, отвечающего за регистрацию разведчиков и агентов, сильно помогли бы упорядочению этого дела. Однако заблаговременно об этом не позаботились, а во время войны было уже не до того.

Из-за такого состояния дел спецархив ГРУ до 1972 года вынужден был проводить исследования деятельности бывших разведчиков и агентов советской разведки в период Великой Отечественной войны.

У многих тысяч людей, работавших в широко разветвленной сети разведорганов и оставшихся в живых, возникли сотни тысяч правовых, материальных, моральных запросов, поставленных перед ними жизнью. Потребовались доказательства службы в армии, объяснения факта пребывания наших людей на оккупированной территории, службы у немцев, подтверждения подвигов, для получения заслуженных наград, получения пособий

по инвалидности и т. д. и т. п. На многие из перечисленных вопросов из-за скверного учета в военное время архив сейчас не в состоянии дать исчерпывающий ответ, вследствие чего ущемляются права наших патриотов-разведчиков, им наносятся незаслуженные обиды.

ГЛАВА 9. Конец войны. Польша. 1944-1945 гг.

В 1944 году наши многочисленные разведывательные и диверсионные группы, партизанские отряды, бригады и одиночки-разведчики, находившиеся в немецком подполье, начали выходить из тыла противника. Советские войска неудержимо гнали оккупантов с нашей территории, и по мере ее освобождения тысячи партизан оказывались уже не во вражеском, а в своем собственном тылу. Выходом народных мстителей в освобожденные районы начали пользоваться бывшие изменники - власовцы, полицейские, всевозможные старосты и бургомистры, агенты врага. Они зачастую под видом партизан нападали на своих бывших хозяев, чтобы как-то продемонстрировать свою лояльность к советской власти, примыкали к партизанским соединениям, где не всегда имели возможность проверить этих людей должным образом. В последующем некоторым из таких лжепартизан удавалось замести следы своих злодеяний и прожить рядом с нами много лет. Судебные процессы, проводимые в ряде областей нашей Родины уже в семидесятых годах, свидетельствуют о том, что некоторым из этих преступников удавалось успешно маскироваться под обычных советских тружеников.

В целях сохранения непрерывности разведки отдельным, наиболее сильным разведывательным подразделениям, в связи с вероятным освобождением их районов действия частями Советской Армии, были даны указания спешно двигаться на запад и развернуть разведку и диверсионную деятельность против отходящего противника на территории Польши. Некоторым отрядам и группам это удалось сделать, и до лета 1944 года подразделения и целые партизанские соединения Ивана Банова, Григория Линькова, Антона Бринского, Владимира Цветинского, Николая Матеюка, Валентина Пелиха, Николая Прокопюка и других успешно выполняли свои боевые задачи в контакте с отрядами польской Армии Людовой, в том числе Михала Роля-Жимерского, Марьяна Спыхальского, Юзефа Собесяка, Казимира Сидора. С нашими партизанами и разведчиками иногда сотрудничали наиболее патриотически настроенные поляки из отрядов Армии Краевой.

Однако перейти за Буг смогли далеко не все разведчики. Основная их масса двигалась на запад значительно медленнее

наступающих советских войск и обгонялась ими. Летом 1944 года наша армия, изгнав врага с территории СССР, вступила в Восточную Пруссию и начала освобождение Польши, и наши разведчики, даже ушедшие за Буг, оказывались на освобожденной войсками территории.

В целях использования опытных кадров разведчиков для боевой работы в Западной Польше и собственно Германии начальником РУ ГШ генерал-полковником Ф.Ф. Кузнецовым было принято решение послать в направлении Кобрин-Брест-Кутно-Варшава подвижную оперативную группу офицеров разведки с задачами принимать разведывательные подразделения, выходящие из тыла противника, отбирать из их числа лиц, владеющих немецким и польским языками, знающих Германию или Западную Польшу, имеющих там какие-либо связи, а также опытных радистов. Из этих разведчиков надлежало комплектовать разведывательно-диверсионные группы и после краткой подготовки их с новыми задачами направлять в Восточную Пруссию и Западную Польшу. Остальных разведчиков, выходивших из тыла немцев, после поверхностной проверки, передавать на месте в военкоматы для призыва в армию и отправки на фронт, раненых и больных направлять в госпитали, невоеннообязанных рассчитывать на месте и откомандировывать к месту жительства.

С учетом многогранности поставленных задач в оперативную группу включили различных специалистов разведки: оперативных офицеров, радиста-инструктора, шифровальщика, подрывников. При любой степени подготовки вышедших из тыла партизан их нужно было дополнительно обучать и инструктировать по новым задачам.

Для переброски людей и грузов в тыл противника группе были приданы из 105-й эскадрильи особого назначения два самолета «Си-47» и один - «По-2» с базированием их вначале у Кобрина, а в последующем в районе Бреста.

Командир 105-й эскадрильи майор Владимир Александрович Цуцаев, сам имевший большой опыт полетов в тыл врага, учитывая особую сложность прицельного десантирования людей на западе, выделил в группу прекрасных пилотов капитана Ивана Рогули на, старшего лейтенанта Михаила Саркисова, капитана Ивана Шишкова, лейтенанта Дмитрия Решетняка (для работы на «По-2»), инструктора парашютно-десантной службы (ПДС) старшину Михаила Федорова и других опытных авиаторов, мастеров ночных полетов.

Командовать этим многоотраслевым хозяйством было приказано мне, и я срочно вылетел к месту работы, оставив за

себя в западном направлении 2-го отдела РУ ГШ майора М.Н. Степанова, которого смог лишь кратко проинструктировать, не сдавая ни дел, ни материальных средств.

Со мною вылетела первая партия офицеров РУ, в том числе: подполковники Виктор Иванович Кириленко, Степан Иванович Шепелев, Иван Михайлович Семенов, майоры Петр Никитович Савельев, Виктор Петрович Алексеев (офицер спецсвязи), старший лейтенант Евгений Борисович Величко (офицер спецрадиосвязи), водители автомашин Юрий Михайлович Замятнин и Борис Васильевич Силин и другие.

Несколькими днями позже своим ходом в распоряжение группы прибыла радиостанция типа СЦР с радистами для связи с Центром и партизанскими отрядами, выходящими из тыла противника (старший оператор сержант Быков и оператор рядовая Сосина). С ними прибыл майор Владимир Константинович Цветинский и несколько человек обслуживающего персонала из числа ранее возвратившихся из тыла партизан.

Наша группа расположилась в нескольких километрах восточнее города Кобрин в палатках и тотчас же по прибытии приступила к работе, так как нас уже ожидало несколько сотен партизан, предупрежденных по радио о прибытии в район Кобрина представителей Центра для решения вопроса об их дальнейшем использовании.

Выполнив свой долг по борьбе с врагом в его тылу, на освобожденную территорию выходили одиночками, группами, отрядами сотни партизан, лица, примкнувшие к ним и к нашим разведгруппам в разное время их боевой работы. Шли командиры, политработники, рядовые бойцы, попавшие когда-то в окружение, женщины с винтовками и автоматами, подростки, почти дети, многие из которых совершали подвиги, достойные закаленных бойцов, и пережившие за свою короткую жизнь все ужасы войны и фашистского террора, выходили воины-старики, участвовавшие еще в Русско-японской войне, - русские, белорусы, украинцы, грузины, поляки, армяне, татары, представители десятков различных национальностей, вставших на борьбу с фашизмом.

Некоторые отряды выходили в завидном воинском порядке с обозами, санитарными повозками, отлично вооруженные отбитой у немцев боевой техникой. Встречались отдельные группы, напоминавшие сечевую вольницу с командирами-батьками, привыкшими быть на положении неограниченных владык среди своих подчиненных, смотревших сквозь пальцы на некоторые их действия, не вызывавшиеся уже острой военной необходимостью.

От выбрасывавшихся нами когда-то в тыл противника

офицеров и разведчиков остались в живых очень немногие. Но из числа уцелевших выросли такие, крупные организаторы партизанского движения в тылу немцев, как Г. Линьков, П. Вершигора, В. Пелих, И. Банов, П. Каплун, А. Брянский, В. Цветинский, И. Позняк, Н. Матеюк и многие другие, деятельность которых по борьбе с захватчиками далеко вышла за рамки собственно разведки.

Трогательны были встречи на родной освобожденной земле, где многие из партизан впервые за несколько лет могли спокойно заснуть, не сжимая в руке автомат, навести справки о своих близких, увидеть бойцов своей армии, почитать свежую газету, послушать радио, сообщавшее ежедневно о замечательных победах нашего народа и его вооруженных сил, победах, в достижение которых был внесен немалый вклад и этих людей.

Различного состава, и количественного, и качественного, были группы, выходившие из тыла, но при всех условиях в лучшую сторону по дисциплине и организованности выделялись подразделения и даже целые партизанские части, которыми командовали офицеры разведки.

В большинстве своем выходившие из тыла врага партизаны перед соединением с частями нашей армии наносили по отходящим войскам противника согласованные удары, вследствие чего большинство групп приносили с собою раненых, которые нуждались в немедленной медицинской помощи. Медработники в нашей группе не были предусмотрены, поэтому раненых сразу же отправляли в эвакогоспиталь 1-го Белорусского фронта.

А люди все прибывали. Наряду с отрядами, доставлявшими только раненых, стали появляться группы хозяйственных «батек», которые успевали, как говорят, «под занавес» не только громить ближайшие тылы немцев, но и позаимствовать у них муки, несколько десятков голов лошадей и крупного рогатого скота, спирта, самогона, сигарет и других материальных благ. В полной мере оценить предусмотрительность этих людей мы смогли лишь позже, когда нам буквально нечем было кормить все новых и новых «гостей», прибывавших из окрестных лесов и, как ни странно, связанных в прошлом с нашими разведгруппами.

Атмосфера полного единоначалия, необходимая в партизанских отрядах, как в любой воинской организации, в тылу противника зачастую переходила в самоуправство. Некоторые командиры полагали, что они у себя в отряде «цари, боги и воинские начальники» и им принадлежит право казнить и миловать. С первых же дней после выхода в тыл пришлось вести с такими понятиями борьбу - тактичную, но непреклонную. Даже наш коллега, заслуженный руководитель партизанского

соединения И.Н. Банов трудно отвыкал от партизанской вольницы. Расположившись с оставшимися у него людьми на отдельном хуторе, он ездил по вызову в наш штаб в тачанке в сопровождении 6 конных автоматчиков. Два адъютанта не отходили от него ни на шаг. Такой метод передвижения по своему достаточно уже глубокому тылу, где прочие офицеры ходили пешком без всякой охраны, вызывал с нашей стороны насмешки, и, надо полагать, они подействовали на Банова в большей мере, чем если бы ему дан был приказ сдать лошадей и откомандировать полувзвод ординарцев в военкомат. Партизанский вожак с неохотой, но начал ездить без охраны, однако адъютантов до самого отлета в Москву просил за ним оставить. Учитывая его заслуги, просьбу пришлось удовлетворить, и эти ребята, в прошлом лихие разведчики-партизаны, улетели с ним вместе, с радисткой, ставшей в последующем его женой.

На весь личный состав групп, отрядов, бригад, выходивших из тыла противника, с помощью их командиров и заместителей по политчасти составлялись списки, краткие боевые характеристики, на некоторых составлялись наградные материалы с представлениями к наградам за боевые подвиги в борьбе с немецкими захватчиками. К сожалению, большая часть наших представлений не была реализована, и материалы о награждении более чем 600 человек, наиболее отличившихся партизан, стали достоянием нашего спецархива, где я натолкнулся на них в 1968 году, разбирая старые дела героев партизан.

Все здоровые мужчины, подлежавшие по возрасту призыву в армию, направлялись нами в Кобринский горвоенкомат, который с трудом справлялся с комплектованием команд, готовившихся к отправке на фронт. Женщины откомандировывались к месту жительства, если оно было освобождено, или отправлялись в любой пункт Советского Союза по их усмотрению. Тот же порядок выдерживался в отношении подростков и пожилых партизан. Всем убывающим выдавалось весьма умеренное денежное пособие, размер которого зависел от продолжительности пребывания в отряде.

Командиры после расформирования их отрядов направлялись для производства расчетов и получения назначения в отдел кадров РУ ГШ. Лучших из лучших разведчиков оставляли для комплектования новых разведгрупп для посылки в районы Познань, Кутно, Штеттин, Данциг, Гдыня. В состав таких групп включали по два радиста, переводчиков немецкого и польского языков и, помимо командира с заместителем, 5-7 разведчиков,

имевших большой опыт пребывания в тылу.

Работа велась широким фронтом. Часть наших офицеров подбирала, подготавливала личный состав для новых групп, изучала с ними задачи, проверяла надежность связи, подбирала экипировку, вооружение и снаряжение, другие продолжали принимать выходящих из тыла людей, проверять и сортировать их.

В Центре не знали об объеме работы, свалившейся на нашу маленькую группу, не имевшую ни хозяйственного, ни финансового аппарата, грузового транспорта, медработников.

Достаточно сказать, что в первые же дни к нам прибыло свыше 500 «лесных братьев», голодных, оборванных, больных. Для их питания мы располагали всего 30 месячными пайками. А всего через наши руки прошло более полутора тысяч человек.

Сразу же возник ряд проблем и конфликтов. Центр указывал принимать лишь «наших» разведчиков, направленных из Центра, и лиц, на которых имелись учетные данные о их принадлежности к разведке. На практике все оказалось значительно сложнее. Наши агентурные (АРГ) и разведывательно-диверсионные (РДГ) группы на месте обросли боевым активом и превратились в крупные отряды, в которых отделить «своих» от чужих было практически невозможно.

Приходилось на месте изыскивать средства у советских властей, медпомощь искать в воинских частях, используя свои мандаты оперативных сотрудников Генштаба, ускоряя отправку людей в органы комплектования, убеждая, выпрашивая, взывая к гражданской совести районных деятелей, весьма косо смотревших на большую массу вооруженных гражданских лиц, расположенных в непосредственной близости от города.

Местные органы безопасности потребовали немедленного разоружения всех вышедших из тыла партизан, поскольку линия фронта продвинулась уже далеко на запад и наши войска взяли Брест. Эта, безусловно, правомерная, с точки зрения ретивых блюстителей закона, акция морально убила бы наших людей и могла бы вызвать крупные неприятности, поскольку подтверждала бы вражескую пропаганду о том, что ко всем пребывавшим на оккупированной территории советским гражданам власти применяют жесткие репрессии. С трудом удалось под личную ответственность добиться разрешения сохранить партизанам добытое ими в тылу врага оружие до прибытия в военкомат, мотивируя эту необходимость возможными стычками с бандеровскими бандами, которые действительно бродили в окрестных лесах. Этот довод оказался убедительным. Бороться с бандитами городским органам

безопасности было практически нечем.

С особой остротой вставала проблема питания большой массы голодных людей, которых было стыдно кормить суточным солдатским пайком, разделенным на троих. Здесь-то мы и оценили по заслугам домовитость некоторых «атаманов», прихвативших с собою из немецких хозяйств лошадей, коров, овец, свиней. Крестьяне охотно давали за лошадь корову, и вся вывезенная, вернее, выгнанная, из немецкого тыла живность пошла в общий котел на усиление питания прибывающих разведчиков и партизан.

Не обходилось и без курьезов. Было несколько случаев жалоб хуторян; белорусов и поляков, на самовольную реквизицию нашими партизанами свиней, кур, овец, обыски в поисках самогона (бимбра), который, нужно заметить, поляки мастерски изготовляли, отмечалось несколько случаев чрезмерно вольного обращения молодых разведчиков с местными девицами.

Несмотря на разницу во времени, месте и действующих лицах, претензии хуторян поразительно напоминали сцены из кинофильма «Чапаев». Так же, как и там, мужики говорили: «Что же это делается? Приходили немцы - грабили, теперь свои пришли, тоже… отбирают».

Пришлось, помимо должных разъяснений, запретить под ответственность командиров самовольные отлучки в Кобрин и окрестные хутора, пригрозить трибуналом за бесчинства в отношении к местным жителям, воззвать к партизанской совести, организовать силами командиров групп и отрядов некое подобие занятий по политической подготовке, изучению оружия, которое многие партизаны знали преимущественно практически.

Нужно заметить, что «обработать», рассортировать и направить соответственно в армию, госпитали, по месту жительства, не говоря уже о подборе и подготовке новых групп, свыше 1000 человек мы смогли лишь с помощью командиров вышедших из тыла отрядов и групп, которых мы использовали во всех направлениях этой многогранной работы. Нашлись из числа партизан повара, счетоводы, писаря, врачи и медсестры, которые под руководством своих бывших руководителей и начальников основательно помогли нам в решении наших задач.

После нечеловеческого напряжения, связанного с борьбою против жестокого и коварного врага в его тылу, у партизан и разведчиков наступила разрядка. Наши товарищи чувствовали необыкновенный подъем, который переживала вся страна. С фронта приходили радостные вести. Продолжалось успешное наступление на всех направлениях. Войска нашей доблестной армии перешли границы Советского Союза и освобождали

сопредельные страны. К нам выходили последние отряды и группы, оперировавшие за Бугом.

В заключение мы отправляли в Центр командиров наших разведподразделений и их заместителей по политчасти. С нами оставались лишь разведчики, отобранные для дальнейшего ведения боевой работы в новых условиях на западе в самом логове врага.

При отправке руководителей, с которыми многие разведчики и партизаны прошли с боями большой путь по тылам противника, можно было наблюдать трогательные сцены. Прощались боевые товарищи, делившие все тяготы войны в сложных условиях подполья и вражеского окружения. Не обошлось без своеобразных эксцессов.

Утром в день отлета в Москву Ивана Николаевича Банова и его командиров мы были разбужены ружейно-пулеметной и автоматной стрельбой. Вскочив по тревоге, мы с Петром Савельевым помчались на выстрелы, полагая, что на лагерь совершили нападение бандеровцы.

Каково же было наше удивление, когда мы увидели строй разведчиков, перед которым стоял, покачиваясь, их командир. И провожаемый, и провожающие были основательно навеселе. Банов держал прощальную речь, и после каждого наиболее прочувствованного обращения к героям-партизанам те салютовали в честь своего отца-командира беспорядочной пальбой в воздух. Оказывается, Иван Николаевич и его командиры отрядов и групп всю ночь прощались с обильным возлиянием, променяв на польский бимбр остатки лошадей, на которых мы так рассчитывали при планировании обеспечения оставшихся с нами разведчиков продовольствием.

При других обстоятельствах за подобную самодеятельность нужно было строго наказать и командира, и подчиненных, но в тех условиях нужно было просто понять и начальника, и его бывших партизан, расставшихся, возможно, навсегда.

28 июля 1944 года войска 1-го Белорусского фронта освободили город Брест, вступили в Польшу, продолжая наступление на Варшаву. К этому времени наша группа закончила расформирование выходивших из тыла противника партизанских отрядов. Из числа их бойцов и командиров было отобрано 120 человек лучших из лучших для последующей засылки в тыл немцев. Из этих опытных партизан и разведчиков скомплектовано 10 АРГ, на подготовку которых по новым задачам требовалось от 5 до 15 суток. Созданные группы нужно было готовить раздельно, и 1.08.1944 г., закончив все расчеты с кобринским военкоматом, мы перебазировались в Брест, где

условия Для размещения людей были значительно лучше, ближе находился аэродром, оборудованный для проведения ночных полетов, и располагались тыловые органы 1-го Белорусского фронта, откуда мы получали необходимые для обеспечения разведчиков материальные средства.

Началась напряженная работа по дополнительной подготовке и отправке в Западную Польшу и Восточную Пруссию наших замечательных советских парней и девушек для разведки смертельно раненного, но упорно огрызающегося врага. К этой боевой деятельности привлекались также польские патриоты. От наших людей ожидали многого, т. к. сведений о противнике, находящемся на его территории, поступало весьма ограниченное количество, а решающие удары по врагу нужно было наносить наверняка.

Одновременно с обучением и переправой разведчиков из числа бывших советских партизан перед нашим коллективом стояла задача подбора нужных нам лиц из числа поляков и немецких антифашистов, имевших связи за линией фронта и готовых помочь Советской Армии на заключительном этапе борьбы с фашизмом. Кроме того, «на всякий случай» нам надлежало создать запасную сеть, способную решать задачи разведки на случай временного отхода наших войск на каком-либо участке в полосе Бела-Подляска, Седлец, Минск-Мазовецкий, Прага Варшавская, Воломин, Отвоцк, а также в Хелме и Люблине. Эта работа требовала постоянных разъездов по освобожденной территории Польши, вследствие чего в Бресте обычно оставалась лишь часть наших оперативных офицеров, связанная непосредственно с подготовкой людей к переброске в тыл.

22.07.1944 г. войска 1-го Белорусского фронта вступили в г. Хелм, бывший губернский центр в дореволюционной России, по утверждению старожилов, весьма мало изменившийся с тех пор. Освободившие его части наступали так стремительно, что крупных разрушений в городе не было. Почти в тот же день в него переехали деятели будущего Польского комитета национального освобождения - прототипа временного правительства Польши: бывший адвокат, член ППС Эдвард Осубка-Моравский, генерал Михал Роля-Жимерский, ставший вскоре главкомом Войска Польского, бывший архитектор Марьян Спыхальский, в последующем начальник Штаба Войска Польского, Ян Хенеман, будущий министр финансов, Казимир Сидор и ряд других.

Большинство этих людей незадолго до освобождения Польши советскими войсками были вывезены на территорию Советского Союза из тыла противника, где они принимали участие в

движении Сопротивления оккупантам, находясь в отрядах Армии Людовой, боровшейся под руководством ППР. Отряды, где находились будущие государственные деятели новой Польши, сотрудничали с нашими разведывательными отрядами в тылу врага, и командиры этих отрядов И.Н. Банов и Н.А. Матеюк организовали их переправу на Большую землю, где первоначально планировалось после соответствующей подготовки выбросить их с разведывательными задачами в западные районы Польши. Но в последующем эти планы кардинально изменились. Поляки-партизаны примкнули к Болеславу Беруту. Ванде Василевской, Зигмунду Берлингу и другим деятелям из Союза польских патриотов СССР, вошедшего 22.7.44 года в ПКВН, куда были уже на территории освобожденной Польши включены представители различных партий (ППР - коммунистов, ППС - социалистов, Строництво людове - земледельцев и др.).

Польский комитет национального освобождения опубликовал манифест, провозглашавший широкую программу социального переустройства Польши. 31.12.1944 г. ПКВН был преобразован во временное польское правительство. ППР - партия коммунистов - впервые за многие годы стала легальной у себя в стране. Во главе партии стоял Центральный комитет, первым секретарем которого являлся вышедший из польского подполья Владислав Гомулка (Веслав).

К сожалению, не все деятели вновь созданного демократического правительства в последующем оправдали надежды и доверие своего народа. У нас в стране, очевидно, плохо знали польские кадры и до выхода наших войск к границам 1939 года не готовили и не проверяли их в должной мере.

Для создания временного правительства, помимо незначительного количества проявивших себя в классовых битвах поляков, были привлечены малоизвестные лица, проявившие себя в какой-то мере в антифашистской борьбе. В их число, к сожалению, попалась часть авантюристов, стяжателей, националистов; некоторые из этих случайно всплывших на поверхность и подхваченных волной бурных событий того времени людей и по своим личным и деловым качествам не способны были к руководящей государственной работе. Народ их не знал, да и они плохо знали нужды народа.

Так, премьер-министр нового польского правительства когда-то был захудалым адвокатом. Его принадлежность к ППС не сделала его марксистом, но националистические замашки Эдварда-Болеслава Осубка-Моравского стали проявляться в полной красе. Премьер считал образцом демократии буржуазную республику, и в этом отношении он вряд ли был одинок в своем

правительстве.

Заместитель премьера, в прошлом деятель ППС, Юзеф Циранкевич, в начале своей государственной деятельности был также известен своими связями с Лондоном и симпатиями ко всему западному.

Министр финансов Хенеман тотчас же после переброски его из тыла противника в СССР, воспользовавшись отсутствием в разведке необходимых для работы наших людей в Польше оккупационных злотых, предложил достать их в своем варшавском подпольном банке за неимоверно высокую стоимость в рублях. Став министром, этот делец запретил частное про изводство дрожжей в стране (дрожжи употреблялись в ту пору преимущественно для изготовления самогона - бимбра) и организовал широко разветвленную торговлю этой «валютой», нажив на этом кругленькую сумму.

Марьян Спыхальский - скромный архитектор, неглупый человек, кроме партизанской практики, не имел никакого военного образования и опыта. Он был придавлен своим первым руководящим постом начальника Штаба Войска Польского. В последующем он получил не менее ответственный пост воеводы варшавского. Даже при наличии большого числа наших квалифицированных советников бывшему строителю не под силу было справляться с громадным объемом работы по восстановлению разрушенной столицы, элементарным обеспечением оставшегося в живых, измученного войной, безрезультатным восстанием, кровопролитными сражениями населения польской столицы.

Секретарь ЦК ППР Владислав Гомулка несомненно был уже в ту пору одним из умнейших и преданных коммунизму деятелей. Однако и у него имелись присущие многим польским деятелям черты национальной исключительности, граничащие с национализмом. Он быстро вошел в роль непогрешимого руководителя и законченного теоретика польского рабочего движения.

Зная ряд польских государственных деятелей по встречам в Москве, когда они были рядовыми борцами с общим врагом, встречаясь с ними в последующем в Хелме, Люблине, Варшаве при решении некоторых вопросов борьбы в тылу немцев, я иногда думал: «Насколько лучше было бы для дела, если бы значительная часть этих скороспелых, с сомнительными качествами деятелей была использована по первоначальной наметке в качестве командиров разведгрупп в Западной Польше». Но в ту пору выбора не было. Приходилось за неимением, как говорится, бумаги «гербовой писать на простой».

Несомненно, было бы неверно считать, что во вновь созданном временном правительстве новой Полыни все были случайные люди. Такие деятели партии, как Болеслав Берут, Александр Завадский. Кароль Сверчевский, Радкевич и другие коммунисты, составляли его основу и в тяжелое для страны время становления ее как социалистического государства много сделали, непрерывно выправляя мелкобуржуазные и националистические ошибки перечисленных выше и многих друг их лиц, волею судеб попавших к государственному руководству Польшей.

В первые дни после освобождения города Хелм нашими войсками мне вместе с оперативным офицером подполковником В.И. Кириленко пришлось некоторое время провести в нем в поисках нужных разведке лиц.

Кириленко хорошо владел польским и украинским языками, слегка знал немецкий и, кроме того, являясь украинцем, сохранил характерные черты этого народа: юмор, неутомимость и, к сожалению, пристрастие к горилке. Помимо этого, подполковник был в некоторой степени осведомлен в вопросах новейшей истории Украины, разбирался в ее современных националистических группировках, сотрудничавших с немцами и Армией Крайовой.

И вот этот офицер через несколько дней после прибытия в город 23 или 25 июля 1944 года, отправившись погулять по городу, пропал. Все попытки разыскать его ни к чему не приводили. Назревало крупнейшее по нашим масштабам чрезвычайное происшествие, о котором следовало немедленно доносить в Москву, поскольку, помимо истории Украины, пропавший знал слишком много других сведений, распространение коих было чревато большими неприятностями. Боязнь грандиознейшего начальственного разноса и надежда на то, что щирый украинец на радостях мог где-либо забражничать с земляками, заставляли изо дня в день оттягивать посылку в Генштаб шифровки о том, что оперативный работник специальной службы пропал без вести при неизвестных обстоятельствах. Кроме того, не верилось, что такой боевой офицер даст себя в обиду в собственном тылу, где население с восторгом встречало освободителей и случаев диверсий и убийств наших военнослужащих пока не отмечалось.

Расчеты не обманули нас. Через несколько дней Кириленко благополучно возвратился, не совсем уверенно держась на ногах и доложив, что им завербован архиерей, попросил разрешения подробности изложить после приведения себя в порядок.

Оказалось, Кириленко в форме зашел в православный

кафедральный собор г. Хелм, где в то время обедню служил местный архиерей православной церкви. Присутствие на службе советского офицера было замечено молящимися и епископом. В конце обедни он провозгласил многолетие победоносной Красной Армии и через служку пригласил Кириленко на торжественный обед к себе домой.

Наш любитель выпить и закусить приглашение принял, тем более что на обеде, где должны были присутствовать активисты местной религиозной общины, можно было встретить ряд интересных лиц.

Гости архиерея были почти исключительно украинцами, составляющими значительное большинство в округе. Когда они узнали, что советский подполковник тоже украинец и говорит на их родном языке, беседа сразу приняла непринужденный характер. Кириленко покорил всех своими познаниями истории и культуры Украины. Пели старые казачьи песни, провозглашали многочисленные тосты за нашу армию, за Украину, за советский народ. Пьянка в честь победителей продолжалась несколько дней, и, по словам Кириленко, он за это время объехал вместе с архиереем несколько приходов, не имея возможности вырваться от гостеприимных хозяев. На всех таких импровизированных встречах офицеру приходилось выступать с краткими докладами о положении на фронтах, жизни в Советском Союзе вообще и на Украине в частности. Летучие митинги неизбежно заканчивались выпивками, на которых самогон лился рекой.

В перерыве между возлияниями Кириленко спросил архиерея, может ли наше руководство рассчитывать на конфиденциальную помощь церкви в ряде вопросов, в частности в прекращении враждебных выступлений отдельных националистических групп украинцев, сотрудничавших с оккупантами.

Архиерей заявил, что в Хелмской епархии таких выступлений не будет и он лично готов оказывать советским военным властям любую помощь, поскольку в Священном Писании сказано: «Несть власти аще не от бога».

Хелмские украинцы действительно радушно встречали наших воинов. Трудно сказать, имело ли здесь место влияние «владыки» на паству или сказывалась благодарность за освобождение от оккупантов и национальная близость, но враждебных актов, диверсий и убийств со стороны местных украинцев по отношению к нашей армии в районе Хелма в ту пору почти не отмечалось.

Наказав своей властью ретивого вербовщика за самоуправство и недисциплинированность, но внутренне довольный, что все кончилось благополучно, я решил продолжить работу с «владыкой» и встретился с ним.

Это был ражий детина лет 43 по происхождению из привилегированных немцев, в прошлом ротмистр польской армии. По какой-то иронии судьбы его предки, проживая на территории бывшей Российской империи, в состав которой входила, как известно, и Польша, приняли православие, и ротмистр, бросив военную службу, поступил в духовную семинарию, затем академию и быстро пошел вверх по церковной иерархии, дойдя до сана епископа. «Владыко» был, несмотря на немецкое происхождение, истинно христианская душа - пьяница, несмотря на свой ангельский чин, бабник и стяжатель. Он без колебаний дал обязательство сотрудничать с нами в широком диапазоне вопросов, оговорив себе ряд льгот, в том числе организацию ему встречи с патриархом всея Руси Сергием, который в этот период находился в недавно освобожденной Киево-Печерской лавре.

Предприимчивый архиерей намеревался первым из коллег заявить о своем стремлении войти под высокое покровительство Московской патриархии и, возможно, представлять в последующем всю польскую православную церковь, тем более что варшавский епископ, кажется Дионисий, был замешан в связях с немцами и оставаться на своем посту после освобождения Польши не мог.

Нам пришлось довольно близко соприкоснуться с частной жизнью представителя высшего православного духовенства, коим являлся «владыко». Любопытно было видеть, как наш пройдоха после ночной пьянки в обществе более чем мирских дам утром с больной головой проводил архиерейскую службу в соборе. Он чем-то напоминал фельдкурата Каца, так живо нарисованного Гашеком, но только в православном варианте. При выходе «владыки» из алтаря в митре, золотой фелони, с высоким позолоченным посохом, ведомого под руки двумя служками в стихарях, наивные прихожане падали на колени, а неутомимый бражник и забулдыга благословлял их триклинием (подсвечником с тремя свечами) под торжественное пение хора. Как спасительно для многих неведение.

Для окончательной постановки задач новому «сотруднику» я решил направить его в сопровождении майора П.Н. Савельева в Киев, где в то время находился один из наших начальников, могущих утверждать подобные вопросы. «Умыкнуть» архиерея из епархии было делом не легким, понадобилась разработка весьма сложной легенды, предусматривающей для многочисленных прихожан выезд «владыки» по делам духовной консистории в Прагу Варшавскую, уже освобожденную в то время нашими войсками. Святой отец должен был вернуться в Хелм через

несколько дней к каким-то праздникам, и таким образом совершить все путешествие в такие короткие сроки можно было лишь на самолете.

В темную августовскую ночь с брестского аэродрома на «По-2», пилотируемом Решетняком, П.Н. Савельев и архиерей убыли в Киев для представления сразу двум начальникам - духовному и разведывательному. Учитывая наличие сопровождающего, я не счел нужным по радио предупреждать свое руководство о вылете необычного гостя.

Через несколько дней я получил шифровку со строгим внушением от моего начальника генерал-майора Н.В. Шерстнева за «самовольный вывоз иностранного подданного в нарушение уже установившихся пограничных формальностей».

Оказывается, тотчас же по прибытии в Киев архиерей, без ведома Савельева, до представления нашему начальству, решил представиться своему и направился на патриаршье подворье, где предстал во всей красе с панагией на шее, удостоверяющей его сан, перед светлыми очами патриарха. Узнав из доклада, что перед ним хелмский архиерей, Сергий немедленно запросил инструкций в НКВД Украины, поскольку факт появления неизвестного архиерея, да еще иностранца, в Киеве показался ему подозрительным.

Епископа едва не арестовали, помогло лишь срочное вмешательство Савельева, который успел убедить наше руководство в больших возможностях внутреннего осведомления «владыки», располагавшего в епархии свыше полусотней подчиненных ему священнослужителей, информировавших архиерея о таких деталях жизни украинцев, что любой резидент не смог бы их получить другими путями.

Встречу с патриархом наш святой отец провел успешно и вернулся в Хелм с тем же самолетом и сопровождающим, успев к своей праздничной службе в соборе.

Но руководство по информационной работе он получил новое, в соответствии с его возможностями. В последующем он принес определенную пользу делу безопасности наших войск, но уже от «врагов внутренних».

23.07.1944 г. войска 1-го Белорусского фронта освободили г. Люблин - крупный промышленный и административный центр Восточной Польши. Мы с подполковником Шепелевым в тот же день выехали туда с целью получения образцов немецких личных документов - пропусков, удостоверений, необходимых нам для засылки людей в тыл, а также опроса пленных и возможного подбора нужных для разведки лиц.

Не доезжая двух километров до Люблина, мы нагнали

колонну людей в арестантской одежде. Это были тени людей, живые скелеты. Многих вели под руки более выносливые товарищи. Часть из них, совсем ослабевших, везли на повозках. Шли только что освобожденные советскими войсками узники лагеря уничтожения Майданек, мимо которого мы проезжали. Несколько тысяч их немцы не успели уничтожить перед уходом из лагеря, так стремительно наступали наши части, и этих полумертвых людей везли и переводили в госпитали.

Мы заехали в лагерь. Немецкие фабрики уничтожения людей были достаточно известны советским людям к этому времени. Но то, что мы увидели, буквально потрясло нас, успевших за время войны повидать многое.

Еще теплые печи-крематории с несгоревшими трупами. Почва вокруг печей на десятки сантиметров была покрыта пеплом и крошкой из раздробленных костей сожженных людей; газовые камеры, наполненные трупами, склады с горами ботинок различных размеров - от детских до солдатских; сотни прессованных тюков с женскими волосами. Всюду трупы - в многочисленных бараках, «лазарете», на аппельплаце. Палачи не успели замести свои следы и скрыть преступления, творимые в течение нескольких лет. Всего, как говорили местные жители, в Майданеке было уничтожено около 1,5 млн. поляков, русских, евреев, чехов, французов и представителей других национальностей. В последующем эту цифру несколько раз уменьшали, но она оставалась астрономической.

Шесть человек из состава охраны лагеря удалось захватить в плен, и их передали для суда представителям Войска Польского. Открытое судебное разбирательство над убийцами тысяч беззащитных жертв состоялось через короткий промежуток времени в люблинском доме жолнежа (солдата). Нам довелось присутствовать на этом процессе.

Ненависть жителей Люблина к лагерной администрации была так сильна, что для конвоирования эсэсовцев из тюремного замка на суд потребовалось наряжать целую роту солдат, которые вынуждены были стрелять в воздух, чтобы сдержать напор большого количества людей, пытавшихся расправиться с охранниками без суда. Ярость люблинцев была понятна. Почти каждая семья в городе имела погибших в Майданеке. Рассказывали, что при выводе заключенных на непосильные работы многие падали от изнеможения. Их пристреливали или забивали прикладами. Вместо убитых, для пополнения убыли, по пути хватали первых попавшихся поляков и включали в колонну узников, не обращая внимания на то, что у схваченных прохожих имелись установленные немецкими властями документы.

Аргумент был один: «Все поляки - преступники и враги великой Германии. Чем они скорее будут уничтожены, тем лучше».

Суд над палачами Майданека продолжался несколько дней и вскрыл чудовищную картину планового, массового уничтожения людей не только в этом лагере, но и в ряде других мест на оккупированной немцами территории и собственно в Германии. Один из подсудимых, уже пожилой шарфюрер, ранее принимал участие в уничтожении многих тысяч евреев в Киеве. На вопрос прокурора, были ли в числе убитых женщины, дети и старики, охранник отвечал утвердительно, но, по его мнению, все они являлись неполноценными людьми и представляли безусловную опасность для рейха.

Как было установлено, каждый из подсудимых лично уничтожил многие сотни заключенных, делая это по собственной инициативе. Их топили в бассейне, заталкивая вилами под воду, использовали в качестве мишеней, травили собаками, убивали дубинками. Каждый охранник был вправе казнить и миловать, но последним правом никто из этих извергов не пользовался.

Волнующими были выступления свидетелей обвинения, бывших заключенных лагеря, освобожденных буквально за несколько минут до смерти. Один из них за день до прибытия наших войск, не выдержав ужасов лагерного существования, пытался покончить жизнь самоубийством, перерезав горло отточенным куском железа. Но у него не хватило сил, и он лишь нанес себе страшную рану. Товарищи спрятали его в «лазарете», где он и пробыл до освобождения. Жизнь этого человека была спасена, и он присутствовал на суде. Говорить он не мог, но один вид его красноречиво свидетельствовал не только против данных преступников, но и против всей системы фашистского изуверства.

Суд приговорил всех палачей к повешению. Один из приговоренных сумел покончить с собою в тюрьме.

Остальные были повешены публично на аппельплаце в Майданеке - лагере, где они совершали свои преступления.

К месту казни собралось несколько сотен тысяч жителей окрестных городов и сел, и, когда солдат Войска Польского надел стоявшим на грузовой автомашине преступникам петли на шеи и грузовик медленно отъехал, оставив их извиваться в предсмертных конвульсиях, раздались бурные аплодисменты. Зрители кричали «ура», бросали вверх шапки. Люди выражали свое удовлетворение справедливым возмездием.

Весь личный состав нашей оперативной группы упорно, можно сказать, самоотверженно трудился над выполнением своих задач. Победа была близка, и каждому из нас хотелось внести в ее достижение свою лепту. Однако конечные итоги основного

направления нашей деятельности не оправдали надежд командования. Еще до окончания войны нам стало известно, что почти все наши группы были уничтожены противником вскоре после приземления. Оправдались наши худшие опасения, высказывавшиеся в свое время руководству. Посылка относительно многочисленных АРГ из советских людей, не знающих немецкого языка, являлась фактически авантюрой. Группы были слишком малы, чтобы защитить себя и вести разведку боем, и слишком велики для маскировки и укрытия в культивированных лесах Западной Польши и Восточной Пруссии. Широкие просеки, разветвленная система лесных объездчиков, совершенные средства связи с телефонами не только в квартирах, но и на дорогах, покрывающих густою сетью всю страну, давали возможность по малейшему сигналу любого немца о появлении советских парашютистов направлять карательные отряды полиции и фольксштурма на броневиках, транспортерах с собаками в любой пункт, где могли скрываться наши люди. В таких облавах зачастую принимали участие все немцы, способные носить оружие. Проводились так называемые «хазенягд» - охоты на зайцев, где в качестве зайцев выступали или бежавшие из лагерей военнопленные, или обнаружившие себя разведчики.

Если на советской территории, за редкими исключениями, любой местный житель являлся союзником в общей борьбе с врагом, от которого можно было получить нужную информацию, помощь и содействие или по крайней мере рассчитывать на благожелательный нейтралитет, то здесь местные жители немцы почти без исключения были сами врагами, пытавшимися не за страх, а за совесть помочь властям в борьбе с русскими. На своей земле каждый советский человек, от ребенка до глубокого старика, готов был поделиться с партизаном последним куском хлеба, укрыть его, предостеречь от опасности. В Германии почти любой был врагом, и опасаться нужно было всех, включая малолетних детей. Отсутствие продуктов заставляло разведчиков выходить из укрытий, выполнение задач также требовало контактов с местными жителями, захвата пленных, а это, как правило, становилось началом конца. Из 120 героев, направленных нами из Бреста и Кобрина, в живых осталось всего около 10 человек, с трудом выживших до прибытия в район их выброски советских войск. Эти люди, среди них были и поляки (Казимир Валюк, Анатолий Еглинский, Ванда Бель, Симон Новосад и др.), рассказывали в последующем страшные подробности массовых облав и разгрома групп и гибели своих боевых товарищей, провоевавших до этого в партизанских отрядах на своей территории, оккупированной немцами, по

нескольку лет.

Очевидно, в условиях враждебной среды посылка крупных разведывательных групп, целиком оправдавшая себя на территории СССР, не может быть признана рациональной в условиях Центральной и Западной Европы. Отправление с целью разведки больших вооруженных групп, вероятно, можно рекомендовать лишь в районы с широко развитым партизанским движением с определенной частью лояльно настроенного к нам местного населения и при наличии естественных укрытий: лесных массивов, складок местности, горных хребтов. В остальных случаях надежным способом оперативной разведки в тылу противника будет, очевидно, оставаться боевая работа засылаемых в помощь созданной в мирное время агентурной сети одиночек или малочисленных групп в 2-3 человека, отлично знающих язык и страну и могущих проживать на полулегальном положении, имея соответствующие документы и деньги. Понятно, что такие кадры нужно готовить заранее. Особенно успешной их работа может быть в том случае, если в разведываемых странах для направляемых в военное время советских разведчиков будут созданы заблаговременно из числа надежных местных жителей своеобразные опорные пункты.

Резкая разница в обстановке и условиях разведки в Германии по сравнению с теми, которые были на нашей оккупированной немцами территории, не была нами должным образом учтена. Стремление возможно быстрее и проще, испытанными методами добиться нужных результатов привело к большим неоправданным жертвам с нашей стороны.

Как правило, все наши разведгруппы после выброски давали в тот же день радиограммы о благополучном приземлении, а затем или бесследно исчезали, или сообщали о боях с карателями, что означало - «конец». Были случаи гибели разведчиков при их транспортировке в тыл. Самолеты подбивали зенитчики противника и его ночные истребители. Запомнился один эпизод, окончившийся трагически не для разведчиков, а для экипажа самолета, на котором они направлялись в тыл.

В одну из августовских ночей с брестского аэродрома вылетел с группой разведчиков наш воздушный трамвай самолет «Ли-2», пилотируемый старшим лейтенантом Михаилом Саркисовым, настоящим мастером прицельного десантирования. В качестве инструктора ПДС с группой летел старшина Михаил Федоров. После выброски разведчиков самолет, без захода в Брест, должен был лететь в Москву на профилактический ремонт, и поэтому в него погрузился с трофейным немецким мотоциклом инженер эскадрильи, который должен был присутствовать при

ремонте. Хотя «прогулки» по тылу противника лицам, не связанным с выполнением боевого задания, были категорически запрещены, инженер, как заместитель командира эскадрильи, пренебрег запретом и отправился в рискованное путешествие, рассчитывая рано утром увидеться в столице со своею семьей. Самолет в Москву не прибыл. Группа в тот же день вышла на связь, что свидетельствовало о том, что несчастье с экипажем случилось уже на обратном пути. Лишь в конце ноября, совершенно случайно, удалось точно установить место и приближенно обстоятельства гибели экипажа и самолета.

В этот период мы получили в дополнение к имевшимся задачам еще одну - выяснять на освобожденной территории причины гибели наших групп и разведчиков. Для поисков нужных службе людей и следов работавших в оккупированной Польше наших разведчиков мне с пилотом лейтенантом Решетняком пришлось лететь на «По-2» из Люблина в Седлец, в районе которого прекратила свою работу одна из наших разведгрупп, выброшенная в тыл немцев еще в 1943 году. В пути нас застал сильнейший снежный шторм. Нашу «стрекозу» бросало из стороны в сторону, как былинку. В довершение всех неудач мы заблудились. Попытались снизиться для ориентировки по наземным объектам, но чуть не врезались в вершины Свентокшиских гор. Видимость была равна нулю. Стрелка компаса прыгала из стороны в сторону, не давая возможности определить направление полета даже приблизительно. Опасаясь перелететь Вислу и сесть к немцам, мы решили приземлиться на первой же поляне и переждать буран. Не без труда нам удалось найти подходящую площадку, и мы сели на опушке какого-то лесного массива. Начинались сумерки. Вдруг через сетку крупных снежных хлопьев мы заметили группы людей, перебегавших от укрытия к укрытию. Первая мысль была: «Немцы», - но тут же мы заметили среди приближавшихся женщин. Это нас успокоило, и мы пошли им навстречу. Неизвестные оказались жителями соседней маленькой деревушки, решившими, что в их лесу совершил посадку немецкий самолет, и намеревавшимися забрать в плен летчиков. Вооружившись кто чем смог, на шум мотора бросились не только мужчины, но и женщины, что и спасло нас всех от крупной неприятности, т. к. первоначально мы собирались срочно взлетать, прикрываясь огнем своего турельного пулемета.

Узнав, что мы русские, поляки сердечно нас приветствовали. Самолет они на руках дотащили до крайнего дома и взяли под охрану, а нас пригласили на ужин, в котором приняло участие почти все взрослое население этой деревни. Возник импровизированный митинг, который прошел с редким

подъемом. Всем руководил и командовал секретарь сельской ячейки ППР «Николай», представившийся нам по своей партийной кличке. Особые симпатии к Советской Армии объяснялись, вероятно, еще и тем, что свыше 20 человек из этой деревни было расстреляно за связь с партизанами, и жители люто ненавидели немцев.

Рассказывая о партизанском движении в районе Седлеца, «Николай» случайно заметил, что недалеко от их деревни в лесу в августе упал, подбитый, очевидно, советский самолет. Пилоту удалось выключить зажигание, и машина не сгорела, а спланировала на деревья, но удар был так силен, что экипаж погиб. Один из летчиков с перебитыми ногами застрелился, вероятно, не желая попадать в плен к противнику. Подошедших к самолету польских партизан удивило то обстоятельство, что в самолете был немецкий мотоцикл. Экипаж в составе шести человек был похоронен на месте, а самолет сожжен. Нам стало ясно, что товарищи «Николая» обнаружили самолет Саркисова. Шестым был инженер эскадрильи.

Допоздна поляки беседовали с нами, каждый зазывал к себе в дом, пытался угостить чем мог. Нашлись старые солдаты, участники Первой мировой войны, вспомнили старые солдатские песни, показывали нам Георгиевские кресты, медали.

Утром провожать нас высыпала вся деревня, и, пока можно было различить с самолета, наши новые друзья махали шапками, платками, руками.

Позже, уже по окончании войны, делегация нашей 5-й эскадрильи особого назначения выезжала к месту катастрофы. Саркисов и его боевые друзья, погибшие при выполнении задачи смертью героев, были перевезены в г. Седлец и похоронены там в братской могиле наших солдат и офицеров, павших за освобождение Польши.

Как было установлено, все члены экипажа погибли при падении. Лишь один Миша Федоров был тяжело ранен и, вероятно, застрелился, не желая попадать живым в руки врага.

К концу 1944 года фронт далеко продвинулся на запад. Была освобождена значительная часть Польши, но усилия разведки нужно было наращивать. Противник продолжал упорное сопротивление, хотя было ясно, что его окончательный разгром уже близок.

На освобожденной территории Польши бродили многочисленные банды украинских националистов - бандеровцев, отряды НСЗ Армии Крайовой, руководимой реакционным лондонским правительством Польши, возглавляемым Миколайчиком, целые части и подразделения разбитых немецких

армий. Весь этот сброд иногда объединялся и творил бесчинства в нашем тылу, нападая на мелкие подразделения и гарнизоны, уничтожая администрацию Народной Польши - рады народовы, милицию, отдельных патриотов, боровшихся в период немецкой оккупации в партизанских отрядах Армии Людовой. Много таких банд скрывалось в лесах белостокского воеводства. В Белосток нам приходилось неоднократно выезжать по делам службы вскоре после его освобождения от немцев 27.07.1944 г. Этот город за 4 года успел 5 раз побывать в руках различных хозяев: до сентября 1939 года он входил в состав Польши, с сентября 1939 по июнь 1941 года, после освобождения нашими войсками Западной Белоруссии и до начала войны, включен в состав БССР, с июня 1941 по июль 1944 года оккупирован немцами и входил в состав так называемого генерал-губернаторства, в июле 1944 года вновь присоединился к БССР, а позже, в 1945 году, вновь передан Польше.

В этот многострадальный город война согнала представителей многих национальностей, часть которых могла представлять известный интерес и для нашей службы. В одну из поездок в Белосток нам удалось собрать сведения о настоятеле местного кафедрального собора ксендзе Хессе. Это был весьма влиятельный в округе человек, пользовавшийся авторитетом в религиозных кругах не только своего воеводства, но и во всей Польши.

Нужно заметить, что влияние церкви в этой католической стране было весьма сильно, и ее служители вели свою паству зачастую далеко не по Христовым заповедям. Они восстанавливали поляков против всего советского, считая наших людей врагами не только в классовом, но и в национальном и религиозном отношениях. Часто ксендзы возглавляли не только идейно, но и в прямом смысле вооруженные банды, и крест не мешал им умело орудовать «маузером».

Привлечь такую фигуру, как Хесс, хотя бы по материальным побуждениям, в число своих друзей было весьма заманчиво, и мы с майором П. Н. Савельевым решили познакомиться с популярным служителем бога. В особняке неподалеку от собора нас встретил высокий представительный старик лет 60 и радушно пригласил в свои апартаменты, которым мог позавидовать крупный помещик или преуспевающий делец.

Через несколько минут молодая симпатичная женщина-прислуга (католические священники не могут жениться, но им не возбраняется иметь женский обслуживающий персонал) накрыла на стол. Появились деликатесы, вино, коньяк, как в добрые довоенные времена. Представившись работниками советской

комендатуры го рода, мы после краткого обмена общими фразами о тяготах войны для народа, скорой победе, трудностях восстановления разрушенного хозяйства, больших жертвах польского и советского народов в достижении разгрома врага, перешли к делу. «Не смог бы уважаемый пан пробош (приходской священник) выступить с пастырским воззванием ко всем лесным группам католиков, призвав их прекратить бесцельное кровопролитие? Это полностью соответствовало бы духу христианской морали и подняло бы еще выше авторитет господина Хесса как поборника мира не только в глазах прихожан, но и у новой администрации», - начали мы.

Ответ был отрицательным. Священнослужители римско-католической церкви не вмешиваются в политику, и он лично, без благословения папского нунция в Варшаве (еще занятой немцами), такую акцию предпринять не сможет.

Все наши попытки доказать богоугодность и гуманность такого послания ни к чему не привели. Ксендз категорически отказался подписаться под воззванием и показал себя во всей красе как ярый наш враг, желающий всех кар небесных на головы безбожников-большевиков. Неприязнь к русским можно было чувствовать сквозь вежливую, великосветскую речь, даже сквозь комплименты русским героям, на которые не скупился воспитанный хозяин.

Пытаться воздействовать на него материально было бессмысленно, т. к. по по лученным нами накануне данным ксендз являлся подпольным миллионером. При немцах в городе работало через подставных лиц несколько кинотеатров, принадлежавших Хессу, и, как утверждали информированные товарищи, пан пробош имел солидные вклады в банках нейтральных государств.

В ходе беседы, после некоторого возлияния, хозяин перешел в атаку на наш атеизм. Он едко высмеивал православное духовенство, которое, по его словам, больше внимания уделяло воспитанию свиней и коров, чем паствы, и добилось из-за своей безответственности перед церковью смятения умов, хаоса и революции, уничтожившей основы христианства. По словам подвыпившего хозяина, Польша никогда не пойдет по такому пути, т. к. ее народ в первую очередь управляется церковью и лишь после владыки небесного признает владык земных. Окончив жаркие дебаты, мы ни с чем ушли от хлебосольного хозяина. Какие-либо надежды на его содействие, хотя бы косвенное, пришлось отбросить. Это был хитрый и коварный враг. Через небольшой промежуток времени дела вновь свели нас с настоятелем белостокского кафедрального собора.

Нам стало известно, что в подвалах этого древнего сооружения находится склад оружия банд АК, и как старым знакомым настоятеля собора нам пришлось провести негласный досмотр «святыни». Наш «друг» охотно согласился быть нашим гидом и сделал по ходу осмотра церкви, ее интерьера, отличную лекцию по истории не только костела, но и Белостока в целом. Как выяснилось, пан пробощ в прошлом окончил Петербургский университет и свободно владел, кроме русского и польского, немецким, английским и французским языками. Действительно, далеко было русскому попу до этого просвещенного иезуита.

По окончании внутреннего осмотра мы поинтересовались подвалами и катакомбами, которые обычно имеются в древних сооружениях подобного рода. Не моргнув глазом, настоятель заявил, что в соборе имеется подвал, но, поскольку он находится в аварийном состоянии, в нем с довоенных времен никто не бывал и ключ от входа, расположенного с наружной стороны церкви, давно потерян.

Солдаты с трудом свернули ломом висячий замок, и в отлично сохранившемся сухом подвале нами был обнаружен настоящий склад оружия и боеприпасов в количестве, достаточном для вооружения многих сотен бандитов. Здесь, помимо винтовок, были пулеметы и даже немецкие ротные минометы.

Настоятель, выразив на лице неподдельное изумление, которое сделало бы честь драматическому актеру, пробормотал: «Иезус-Мария».

«Что, пане пробощу, судя по вашему заявлению, все это должно было делаться с санкции нунция в Варшаве? Ведь церковь стоит вне политики!» - заметили мы. Не смущаясь, Хесс заявил, что к этой «сброе» (оружию) он и его прихожане не имеют ни малейшего отношения. Это провокация каких-то безответственных злоумышленников, имевших целью скомпрометировать церковь перед народом. Намек был настолько прозрачным, что возникало большое желание переселить святого отца к апостолу Петру, не прибегая к излишним формальностям. Но это было невозможно. Слишком большой авторитет имел этот негодяй у своих темных прихожан. Оружие было вывезено, составлен акт о его изъятии из подвала собора, но ксендз отказался подписать его, мотивируя тем же аргументом - невозможностью вмешиваться в мирские дела. Старый лицемер не был даже арестован за свою враждебную деятельность, т. к. это могло вызвать волнения жителей-католиков, которые слишком сильно верили в непогрешимость служителей своего бога.

Приходилось считаться с тем, что влияние церкви на все

стороны политической, общественной и личной жизни в Польше было весьма сильно, а священнослужители зачастую пользовались значительно большим влиянием в народе, чем вновь создаваемые Рады Народовы.

Церковь вынуждены были признать с тем, чтобы добиться хотя бы ее нейтралитета. Для нас было странно видеть подразделения солдат Войска Польского, где был значительный процент советских граждан, идущие строем в костел на богослужение, присутствовать на молебнах военных капелланов о ниспослании богом победы над врагом. При этом солидные офицеры крестились и отбивали поклоны. Утверждали, что в ту пору это было нужно, чтобы не отпугивать простых поляков слишком резким переходом к новым порядкам. В ходу был анекдот: «Один из офицеров вновь созданного Войска Польского, придя в костел, демонстративно не крестился. Полковой капеллан, заметив это, подошел к безбожнику и шепотом спросил его, почему он так ведет себя, и, узнав, что офицер - член ВКП(б) и, естественно, атеист, капеллан заметил, что он не только член ВКП(б), но и бывший секретарь райкома и выполняет в данном случае партийное поручение, что рекомендует и офицеру, если тот не желает неприятностей от своих солдат».

Рассказывали, что армейский капеллан Войска Польского полковник Купш появлялся с крестом в руке на самых опасных участках боев поляков с немцами, воодушевляя воинов именем бога. Но все это были исключения. В основной же массе польское католическое духовенство вело активную антисоветскую пропаганду и саботировало все мероприятия новых народных властей. В значительной мере деятельность этих черных солдат внутренней реакции объясняется тем, что в ряде районов даже такое важное и явно прогрессивное мероприятие, как аграрная реформа с разделом помещичьей земли, саботировалось.

Приходилось присутствовать на сельских собраниях, где объявлялся декрет Крайовой рады народовой от 6 сентября 1944 года о конфискации помещичьей земли и передаче ее крестьянам, в первую очередь батракам и беднякам. Для избежания столкновений с бандами при проведении этой кампании привлекались подразделения польских солдат. Было странно слышать от местной бедноты, что землю панов они брать не будут, поскольку за захват чужого их может покарать не только бывший владелец угодий, но и господь бог. Так было в люблинском, белостокском, келецком и др. воеводствах.

Много было пройдено нами фронтовых дорог, городов и сел Польши. Советские войска стремительно двигались на запад, освобождая целые государства. Мелькали, как в калейдоскопе,

воеводские центры, маленькие местечки, села, деревни. С войсками мы прошли: Хелм, Люблин, Демблин, Пулавы, Бяла-Подляску, Минск-Мазовецкий, Березу-Картузску, Белосток, Седлец, Лодзь, Прагу Варшавскую (14.09.1 944), Варшаву (17.01.1945), Кутно и другие.

В армии чувствовался небывалый подъем. Близилась долгожданная победа над врагом. Солдаты и офицеры рвались вперед, раненые не хотели идти в госпиталь и просили оставить при части, чтобы добить фашистов в их логове. Все с нетерпением ожидали окончания войны, возврата к семьям, к мирному труду. Но борьба все еще продолжалась. Она вырывала новые жертвы, которые были особенно тяжелы в эти последние месяцы победоносных боев.

Несравнимо отличались фронтовые дороги 1941 и 1944 годов. В 1941 году отходящие беспорядочными толпами, без тяжелого оружия, измученные, угрюмые бойцы и беженцы двигались на восток, стремясь не попасть в окружение немецких войск, и над всем хаосом беспорядочного отступления господствовала фашистская авиация, сея смерть и разрушения.

В 1944 году, освободив свою многострадальную землю, мощные танковые соединения, мотопехота, артиллерия, в том числе и реактивная, неудержимо шли на запад. Липа бойцов, хотя и утомленные боями, длительными переходами, бессонницей, были радостные. Каждый солдат гордился чувством честно выполненного воинского долга. Приходилось, как и в 1941 году, проходить через разрушенные противником города, сожженные села, но все чаше, стремительно отходя, враг не успевал выполнять человеконенавистнический приказ фюрера о превращении оставленной территории в зону пустыни. Авиация немцев не висела круглосуточно над головою. Наше господство в воздухе было неоспоримым. На восток тянулись вереницы людей, но это были ликующие толпы бывших пленных, заключенных различных лагерей уничтожения, гражданских лиц, угнанных в свое время на каторжные работы, освобожденных нашими войсками. Шли разношерстные, многонациональные толпы, французы, норвежцы, англичане, русские, американцы, канадцы, с ними были женщины и даже дети.

Все они на разных языках приветствовали людей в советской форме, обнимали, пытались получить какой-либо сувенир на память. Это были поистине незабываемые радостные дни, возместившие выжившим горечь поражений первого периода войны. Все чаще можно было видеть большие колонны немецких военнопленных, конвоируемые несколькими, иногда легко раненными солдатами в советской форме. Да, роли поменялись.

Иными стали наши сол даты и офицеры - уверенными в своих силах, сноровистыми, сильными не только убежденностью в правоте своего дела, но и боевой техникой, своим мощным оружием - танками, артиллерией, авиацией.

17.01.1945 г. войска 1-го Белорусского фронта освободили Варшаву. Столица Польши лежала грудой развалин. В бывшем большом европейском городе вряд ли осталось несколько десятков домов, годных для жилья. Памятники, музеи, театры - все было уничтожено, очевидно, специальными подрывными командами, так как от артобстрела и бомбежки с воздуха, как было установлено позже, пострадала лишь часть строений. Немцы мстили полякам за восстание. В относительно целом состоянии, без крупных разрушений, сохранилась лишь Прага Варшавская, откуда враг был выбит стремительным ударом наших войск. Все мосты через Вислу немцы взорвали при отходе на левый берег, и поток людей и техники переправлялся по временному понтонному мосту, сооруженному нашими саперами на месте бывшего моста Понятовского.

В ходе выполнения различных заданий нам приходилось встречаться и беседовать с представителями различных слоев польского населения - от убежденных коммунистов до членов реакционнейшей националистической организации «Звенздек Вальки Збройной» - «ЗВЗ» (Союз вооруженной борьбы). Понятно, что представители различных классовых групп по-разному относились *к* Советскому Союзу, его армии и новому польскому руководству. Часть населения восторженно встречала нас в освобожденных городах и селах, однако многие вели себя более чем сдержанно, а некоторые открыто враждебно. Эта враждебность, подогреваемая польским эмигрантским правительством, особенно усилилась после поражения Варшавского восстания, когда реакции стало ясно, что их ставка на старую буржуазную Речь Посполиту рушится. Начались диверсии, открытые выступления многих отрядов АК против польских коммунистов и солдат и офицеров ВП. Дело доходило до того, что из Люблина почти целый полк, недавно скомплектованный из мобилизованных в армию местных жителей, поддавшись влиянию вражеской пропаганды, «дал тягу до лясу» со всем ручным оружием, оставив в казармах лишь солдат и сержантов из числа советских граждан. Командование полка и командиры батальонов - советские офицеры - угодили за слабую воспитательную работу с подчиненными в трибунал. Но этим поправить дело было уже нельзя. В последующем многие дезертиры вернулись, их сочли жертвами вражеской пропаганды и амнистировали.

Большую роль в создании антисоветских настроений среди поляков играла католическая церковь. Через фанатически религиозных женщин-полек многочисленные служители бога влияли и на мужчин, подстрекая их к антидемократическим выступлениям вплоть до бандитизма и диверсий против новой власти и Советской Армии.

Русских вновь стали рассматривать как извечных исторических врагов Польши, добивающихся якобы четвертого раздела, а то и просто присоединения ее к России.

Характерно, что пожилые поляки, захватившие еще жизнь трудового народа в составе Российской империи и убедившиеся, что при Пилсудском в неподлеглой (независимой) республике их положение фактически не изменилось в лучшую сторону, относились к нам лояльно. Однако молодежь в возрасте 25-30 лет, отравленная антисоветской пропагандой, в значительной массе была враждебно настроена к нам и пополняла число лесных банд, боровшихся против нового правительства и «русских оккупантов». О масштабах этой враждебной деятельности можно судить по тому, что по амнистии 1946 года из лесов вышло и подверглось регистрации свыше 60 000 вооруженных аковцев, вывезено несколько батарей полевых орудий, сотни минометов. Помимо этого, многие выходили без оружия и не подвергались регистрации.

Легко возбуждавшийся великопольский национализм можно было встретить на каждом шагу, и он находил различные проявления. На сборище молодежи в Хелме, во время какого-то концерта, на сцену поднимается администратор и торжественно, под бурю аплодисментов, объявляет: «Части Войска Польского освободили город Люблин». И ни одного слова о Красной Армии, ее жертвах, ее усилиях, хотя в зале находилось много наших воинов, которые отлично знали, что доля участия в освобождении Польши самих поляков была не так уж велика.

Многие из простых поляков, добросовестно желавших бороться с немцами в рядах АК, под влиянием пропаганды эмиссаров лондонского правительства искренне верили в возможность освобождения своей родины от оккупантов своими силами, без помощи «москалей».

Три обстоятельства успешно обыгрывались в то время для разжигания антисоветских настроений среди местного населения врагами Советского Союза и Новой Польши:

- Освобождение Красной Армией Западных Белоруссии и Украины в 1939 году. Этот акт представлялся как удар ножом в спину польскому народу, боровшемуся против немцев. Наглость зарвавшихся хвастунов заходила так далеко, что они утверждали,

будто с помощью англичан поляки в то время могли одержать победу над фашистской армией, если бы не коварное русское нападение. Никаких трезвых доводов против этого националисты не желали слышать и всерьез были убеждены в способности панской Польши выстоять против немецкого напора и разгромить полчища фашистов.

- Расстрел военнопленных поляков в Катыни упорно приписывали русским, и никакие ссылки на протоколы расследования международной комиссией не могли убедить обывателя в обратном.

- Разгром немцами инспирированного по указке лондонского правительства восстания в Варшаве, начавшегося 1.09.1944 г. с целью показать, что ее освобождают не советские войска, а сами поляки, обывателями также относится за счет коварных россиян. Это они умышленно не пришли на помощь истекавшим кровью восставшим. Только по их вине Варшава превратилась в груду развалин. Доводы о том, что форсирование Вислы Красной Армией с ходу было невозможно, восстание не было согласовано с советским командованием и наши войска нуждались в подготовке к такой серьезной операции, рассматривались поляками как отговорки, и даже многие наши польские друзья расценивали задержку в наступлении войск 1 -го Белорусского фронта в тот период как умышленную с целью показать командующему повстанцами генералу Бур-Коморовскому всю несостоятельность его авантюры.

Решение нашего правительства о помощи СССР в восстановлении столицы Польши враги эмигрантского лагеря расценили как стремление русских откупиться за «вероломство», якобы допущенное в отношении поляков в период сентябрьского восстания 1944 года. Нужно заметить, что и эта ложь принималась польскими обывателями за чистую монету. Зарубежная и внутренняя реакция находила в стране широкую базу для антисоветской и антидемократической работы. Крупные землевладельцы, промышленники, все те, кто в период нашей революции подвергались репрессиям, в Польше оставались на своих местах, за исключением коллаборантов, широко известных своими связями с немецкими оккупантами. Этот либерализм по отношению к классовым врагам в последующем не раз оплачивался дорогой ценой в новой Польше.

Большой реакционной силой в стране была и осталась церковь. Католические ксендзы в Польше, умело маскируясь под «чистых» аполитичных служителей бога, сумели сохранить авторитет у верующих, влияние на них и умело настраивали народ против революционных преобразований новой власти, не

всегда понятых, особенно темной крестьянской массой, дезориентированной националистической пропагандой. Умные, образованные иезуиты мастерски использовали церковную трибуну, настраивая паству против всего советского, в том числе и против армии, освободившей их родину от ненавистного врага. На взаимоотношениях между Советской Армией и отсталой частью местных жителей сказывалась в значительной степени и вековая национальная рознь, возникшая еще с тех пор, когда Речь Посполита простиралась от моря и до моря, а польские паны считали всех русских диким и темным быдлом. И вдруг свободу и независимость, возрождение Польши как национального государства приносят ее бывшие «враги». Искренность братских чувств советского народа при этом не всеми понималась, и наши недруги внутри страны и вне ее пытались любой ценой представить каждое действие нового правительства и советского командования губительным для Польши.

Под влиянием объединенной пропаганды, поддерживаемой и проводимой западными державами, эмигрантским правительством, церковью и внутренней реакцией, многие поляки, ранее относительно лояльно настроенные к русским и Советской Армии, начали в ряде мест предпринимать враждебные выпады против военнослужащих - как наших, так и Войска Польского. По дорогам уже небезопасно было ездить без соответствующей вооруженной охраны. Иногда лесные банды АК и бандеровцев, забывавших «внутренние национальные противоречия», существовавшие между ними ранее, объединялись и нападали на наши воинские подразделения и гарнизоны Войска Польского. Такая малая война продолжалась до 1947 года, и она унесла множество ненужных жертв, одной из которых явился замечательный человек, герой боев в Испании, заместитель главнокомандующего Войска Польского Кароль Сверчевский, генерал-полковник Советской Армии, погибший при столкновении с лесными бандитами уже в 1947 году во время служебной поездки из Кракова в одну из частей.

Правда, в последующем эту диверсию поляки отнесли за счет ОУН (организации украинских националистов), но если это даже и было делом украинских националистов, то осуществлялось не без ведома польской реакции.

В апреле 1945 года наша оперативная группа, выполнив свои задачи, была отозвана в РУ Генштаба, и День Победы мы встречали в ликующей Москве. В Центре подводились итоги тяжелой боевой работы наших славных разведчиков и партизан, оценивались их ратный труд, роль в одержании Победы.

ГЛАВА 10. Итоги деятельности агентурной оперативной разведки в годы войны

В течение всей войны разведка в тылу врага носила массовый характер. Разведывательные операции велись на суше, море и в воздухе в любое время суток и года. В результате объединенных усилий разведорганов фронтов и Центра к концу войны, с учетом специальных отрядов, разведывательных и диверсионных групп, общее количество разведчиков в тылу противника достигало нескольких десятков тысяч человек. Этим тайным фронтом только за период с 1943 по 1945 год были проведены многие тысячи разведывательных операций, в результате которых разведчики захватили тысячи пленных и множество трофейных документов.

Исключительно большую роль в решении стоящих перед разведкой задач сыграли постоянное внимание и забота Верховного командования Советского Союза, а также поистине всенародная помощь и поддержка, особенно со стороны советских людей, находившихся на временно оккупированной врагом территории. Наши советские люди не только укрывали разведчиков от немецко-фашистских ищеек и предателей, но и сами помогали добывать необходимые сведения о враге.

Чрезвычайно важную помощь в обеспечении успешной деятельности советской разведки оказывали подпольные партийные организации и партизаны, действовавшие в тылу противника. Там, где это было необходимо, разведчики становились руководителями и костяком партизанских формирований.

Личный состав советской военной разведки, действуя в чрезвычайно трудной обстановке в расположении или глубоком тылу противника, проявил массовый героизм и самоотверженность. Тысячи и тысячи разведчиков работали на оккупированной территории по нескольку лет в нечеловеческом напряжении, вынося неимоверные лишения. Многие погибли героями в боях, на виселицах и в застенках гестапо. Боевые подвиги многих славных разведчиков вскрываются лишь теперь. Имена многих еще не названы.

В результате самоотверженных действий советских разведчиков Советскому правительству и командованию, как

правило, точно и своевременно докладывались сведения о планах и состоянии вооруженных сил фашистской коалиции, требовавшиеся для проведения нашими Вооруженными Силами важнейших операций.

Так, в первые дни войны численность развернутой немецкой армии наша разведка определила в 10,5 миллиона человек. Хотя этой цифры численность немецкой армии достигла только к концу 1942 года, а не 22.06.1941 г. (в ней насчитывалось 9.214.000 человек), тем не менее разведка правильно определила мобилизационное напряжение фашистской Германии и ее сателлитов. Не было больших расхождений и в данных о производстве вооружения, как в целом, так и в отдельности по основным ее видам.

К концу 1941 года, в период подготовки и проведения битвы под Москвой, разведка обеспечила командование данными о количестве армий, армейских танковых групп и танковых дивизий, находившихся на советско-германском фронте. Была разведана с достаточной полнотой германская группировка войск «Центр». Правильное и своевременное информирование советского командования о численности, группировке и техническом оснащении немецких войск, действовавших на Центральном фронте, способствовало их разгрому под Москвой.

Большое значение в обеспечении успеха советских войск имела работа всех органов военной разведки в ходе подготовки контрнаступления Красной Армии в сражении под Сталинградом. Разведка внимательно следила за противником и правильно определяла группировку его сил, вскрывала планы и цели проводимых им операций.

Сведения о появлении у немцев реактивных снарядов «ФАУ-1» и «ФАУ-2», нового танка «Тигр» и самоходного орудия «Фердинанд», фауст-патронов и других видов оружия разведка добыла еще до применения их врагом на поле боя. Своевременное предупреждение о создании немцами танка «Тигр» помогло советскому командованию подготовить необходимые средства борьбы с ним.

Получение точных сведений о подготовке немцами наступления в районе курского выступа летом 1943 года сыграло важную роль в разгроме противника, поскольку наше командование имело данные германского генерального штаба о сроках наступления немецких войск на курском направлении, о направлении главного удара и составе сил задолго до начала наступления.

Переброска немцами в 1945 году 6-й танковой армии с Западного фронта в район южнее озера Балатон была вскрыта

советской разведкой до прибытия танковых дивизий к линии фронта. Своевременно принятыми мерами операция немцев была сорвана.

В ходе наступления Красной Армии, сокрушительных ударов в 1944 году, в процессе подготовки и проведения в 1945 году Восточно-Прусской, Висло-Одерской и других операций и, наконец, в ходе завершающей Великую Отечественную войну Берлинской операции разведка сыграла большую роль, обеспечивая советское командование данными о противнике. Ее органы создавали в тылу противника разведывательные группы, которые действовали на глубину фронтовой наступательной операции и обеспечивали командование ценными сведениями.

Разведка широко использовала для получения данных о противнике партизанское и национально-освободительное движение в тылу немцев. С мая 1943 го да до конца войны разведка смогла направить в тыл противника 1236 разведывательных и диверсионных групп со средствами радиосвязи. Значительная часть их перерастала в партизанские отряды, имевшие свою разветвленную разведывательную сеть на большом количестве важных объектов противника. Это организованное фронтовыми и центральными разведорганами пополнение мощному партизанскому движению, возникшему с первых дней войны на оккупированной территории, в значительной мере способствовало успешному решению разведывательных задач, ускоряло достижение победы над фашистской Германией и ее союзниками.

Наша разведка через свои разведывательные и диверсионные группы, отряды и центры в тылу противника проводила также большую диверсионную работу против фашистских захватчиков. Разведчики-диверсанты пустили под откос тысячи воинских эшелонов с живой силой и техникой противника, взорвали сотни железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожили тысячи автомашин, истребили десятки тысяч солдат и офицеров противника, а также изменников и предателей Родины. Разведчики-диверсанты постоянно наносили противнику значительный материальный и людской ущерб.

Разведка в Великую Отечественную войну была коллективным, тяжелым, ратным трудом многотысячного отряда советских патриотов, но из их числа наиболее самоотверженными, смелыми и инициативными показали себя такие талантливые организаторы разведки, как Герои Советского Союза Иван Банов, Антон Бринский, Петр Вершигора, Григорий Линьков, Николай Федоров, Геннадий Братчиков, Василий Щербина, Кузьма Гнидаш, дважды Герой Советского Союза Виктор

Леонов, а также Николай Патрахальцев, Иван Скрипка, Василий Козлов и другие отважные разведчики, руководившие непосредственно в тылу противника крупными отрядами и партизанскими соединениями.

Из множества командиров разведывательных и диверсионных групп, а также партизанских отрядов, созданных разведорганами в тылу противника, следует отметить Михаила Самсоника, Николая Матеюка, Степана Каплуна, Анастаса Алексюка, Александра Анищенко, Анатолия Ашеулова, Петра Бельтикова, Николая Беляева, Петра Василенко, Михаила Глумова, Георгия Орлова, Кирилла Гончарука, Георгия Картухина, Давида Кеймаха, Петра Клименко, Ивана Кривенко, Петра Логинова, Ивана Демского, Ивана Позняка, Валентина Пелиха, Григория Мыльникова, Афанасия Мегера, Михаила Бадина, Михаила Матвеева, Геннадия Стального, Алексея Шаповалова, Евгения Березняка, Ивана Куриловича, Ивана Колоса, Владимира Цветинского, Константина Бондаренко, Ивана Косырева, Федора Вшивкова, Василия Мяликова, Григория Ворожищева, Федора Чугунова, Алексея Галюгу и многих других командиров, отличившихся при выполнении заданий разведки.

В числе наиболее отличившихся разведчиков известны; Герои Советского Союза Елена Мазаник, Мария Осипова, Зоя Космодемьянская, Елена Колесова, Хелена Кульман, Анна Морозова, а также Тамара Дерунец, Елена Суровнева, Анна Павлова, Игорь Чекушенков, Василий Николаев, Павел Кот, Иван Анисимов, Вера Волошина, Иван Черников, Лидия Базанова, Анна Петрожицкая, Наталья Качалина (Кормакова), Елизавета Вологодская, Людмила Донская, Софья Осетрова (Дубова), Федор Илюхин, Мария Артемова, Константин Островский, Семен Мазур, Александра Анисимова, Лидия Вербовская, Валентина Юркевич, Анна Лебедева, Нина Тарасевич (Семенова), Валентина Морозова, Галина Сущева, Елена Дудорова, Людмила Орлеанская, Николай Беляев, Георгий Воронцов, Дмитрий Гальченко, Николай Грачев, Мария Козлова, Борис Герасимов, Булат Даулетканов, Роман Денисюк, Иван Ильясов, Павел Кононенко, Антон Шелаев и многие тысячи других славных советских патриотов, не щадивших своей жизни во имя Родины и о боевых подвигах каждого из которых могут сейчас быть написаны книги.

К концу Великой Отечественной войны с советской военной разведкой сотрудничали польские, чехословацкие, болгарские, румынские патриоты и немецкие антифашисты. Среди них следует особо отметить самоотверженную работу патриотов-поляков, выполнявших задания нашей разведки на завершающем этапе войны (1944-1945 гг.). Это командиры разведывательных

групп и отрядов: хорунжий Казимир Валюк, командир отряда АК, сотрудничавший с майором Советской Армии Владимиром Цветинским в районе Августова - поручик Антонин Домбровский, подпоручик Анатолий Еглинский, майор Юзеф Собесяк, Станислав Шелест, Елена Томашевская, Альбин Джевецкий; радисты: Ванда Бель (Янишевская), Елена Саламонович - радистка Ивана Колоса по время Варшавского восстания и другие.

Правительство и командование нашими Вооруженными Силами высоко оценивали деятельность оперативной разведки в период Великой Отечественной войны. Около 200 000 разведчиков получили правительственные награды, и 121 человеку присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Таким образом, можно сделать вывод, что советская военная разведка в минувшую войну в основном успешно справилась с возложенными на нее задачами. В ходе ожесточенных боев она совершенствовала формы и методы работы и, тесно взаимодействуя с партизанским и национально-освободительным движением на оккупированной захватчиками территории, внесла свой вклад в дело разгрома гитлеровской Германии.

Все дальше в прошлое уходит Вторая мировая война. В жизнь вступают новые поколения. Их детство и юность не видели ужасов войны, но благодарная память нашего народа должна навечно сохранить подвиги отважных защитников Родины, воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота, партизан, имена наших замечательных разведчиков, не жалевших своей жизни для зашиты свободы и независимости СССР и всех народов мира.

Славный боевой путь прошла советская оперативная разведка в ходе Великой Отечественной войны. Несмотря на имевшиеся при выполнении боевой работы организационные ошибки и промахи, она успешно решала свои задачи и, основываясь на патриотизме и дружбе народов Советского Союза, внесла достойный вклад в дело победы над фашизмом.

ГЛАВА 11. Служба в Центральной группе войск в Австрии (1947-1955)

В конце 1947 года приказом МО я был направлен в Австрию в Центральную группу войск, которая несла в то время оккупационную службу в этой стране. Мне предстояло принять командование небольшой частью специального назначения.

Получив необходимые указания по организации работы и нормам поведения за границей, я с группой офицеров, направляемых в качестве замены длительно служивших в отрыве от Родины коллег, выехал поездом Москва-Киев-Львов- Чоп-Вена к месту службы. Срок службы в ЦГВ определялся в те поры в 3 года, но на практике его обычно продлевали до пяти лет. На большее время оставляли редко, т. к. длительный отрыв от Родины давал себя знать весьма ощутимо, поскольку после 1948 го да офицерам было запрещено проживание в стране с семьями. Этот запрет, основания для которого носили, очевидно, экономический характер, был отменен только в 1953 году по ходатайству нового главнокомандующего ЦГВ генерал-полковника С.С. Бирюзова, который сумел доказать руководству, что выгоднее нести некоторые незначительные материальные затраты, чем иметь постоянно ряд тяжелых чрезвычайных происшествий, неизбежных при раздельном проживании большого числа молодых офицеров в отрыве от семей.

Казалось бы несложное путешествие продолжалось вместо обычных 2 суток - 10, т. к. за Львовом группа бандеровских бандитов взорвала ряд мостов в Карпатах, и мы вынуждены были задержаться во Львове около 8 дней. Поскольку денег с собою мы имели лишь на мелкие расходы до границы, т. к., по строгим указаниям инструктировавших нас начальников, за рубеж мы не имели права взять ни копейки, мы еще раз вспомнили мудрую русскую пословицу: «Едешь на день, бери хлеба на неделю».

Наконец размытые мосты - так официально объяснялась причина задержки - отремонтированы, и мы прибыли на приграничную станцию Чоп. Несложные таможенные формальности, поезд при пересечении границы замедлил ход, с подножек вагонов спрыгнули наши пограничники - и мы за рубежом. За границу мы ехали впервые, но чувства разрыва с Родиной не ощущали. Это, очевидно, объяснялось тем, что весь состав был наполнен своими, советскими людьми. Ехали солдаты и офицеры на замену, как и мы, возвращались из отпусков.

Гражданские служащие оккупационных учреждений, таких как Советская часть Союзнической комиссии по Австрии. Управления советского имущества, Нефтяного управления и др., следовали с женами и детьми, и мы, военнослужащие, основательно им завидовали. Всюду было заметно оживление, слышался смех, веселые шутки, песни. У всех еще свежо было чувство гордости одержанной победой, в результате которой советский человек может вот так свободно ехать, как к себе домой, в центр Европы, где несли службу воины нашей Великой Армии.

Сразу же по пересечении границы обращала на себя внимание резкая разница в придорожном ландшафте. По нашим западным областям мы проезжали мимо развалин сел, городов и железнодорожных станций, мелькали большие массивы необработанной земли. На остановках толпились изможденные, плохо одетые люди, штурмующие поезда, и на всем - признаки тяжелой разрухи, нищеты, голода, лишений, оставленных нашему народу четырехлетней войной.

При переезде границы картина резко изменилась. Уже в Венгрии можно было заметить завидный достаток и признаки давно заведенного, не нарушенного даже войной порядка. Лоскутные участки крестьянских полей были обработаны и убраны. Каменные постройки деревень и маленьких городков с неизменными готическими шпилями католических церквей казались игрушками. По перронам добротных станций гуляли сытые, хорошо одетые венгры. Они охотно вступали на коротких остановках в беседы с советскими гражданами и на ломаном русском языке пытались убеждать в своей дружбе и симпатиях. На станциях шла бойкая торговля вином, пивом, продуктами.

Да, неравномерно распределились тяготы войны между победителями и побежденными. Дорого досталась победа нашему народу.

При пересечении границы Австрии разница во внешнем порядке стала еще резче. Австрийцы почти не понесли потерь в жилом фонде. Уровень зажиточности населения, особенно крестьян, был еще выше, чем в Венгрии.

После разрушенных войной наших сел и городов, уничтоженных исторических и культурных памятников полностью сохранившиеся замки, дворцы, помещичьи усадьбы, уютные, утопающие в зелени виллы и добротные крестьянские постройки, рассчитанные на века, нормально работающие фабрики и заводы, хорошо возделанные поля на австрийской земле вызывали чувство удивления у наших людей, переживших ужасы войны и видевших зверства немцев, в том числе и австрийцев, служивших в вермахте, на оккупированной части СССР.

В Чопе на продовольственном пункте по аттестатам мы получили на нескольких человек большое количество продуктов сухим пайком, в том числе ржаную муку, гречневую крупу и др. Будучи предупрежденными нашими начальниками о том, что австрийцы испытывают серьезные продовольственные трудности, мы привезли все эти продукты в Вену в надежде осчастливить не одного голодающего туземца. Каково же было наше удивление, когда никто из местных жителей не соглашался совершенно безвозмездно взять их, т. к. ржаная мука и гречневая крупа этим «голодающим» были просто не известны, и к началу 1948 года жители Австрии уже не испытывали недостатка в таких привычных для них продуктах, как белый хлеб, рис, мясо.

Штаб ЦГВ находился в Бадене - небольшом курортном городке в 26 километрах от Вены. Он располагался в центре города в здании бывшей гимназии с прилегающими отдельными домами. Офицеры проживали во временно освобожденных обывательских квартирах и общежитиях неподалеку от штаба. Группой командовал генерал армии В.В. Курасов, начальником штаба был генерал-лейтенант И.Т. Шлемин.

После завершения необходимых формальностей и представлений по начальству, в частности заместителю начальника штаба группы генерал-майору Петру Никифоровичу Чекмазову и его заместителю полковнику Петру Семеновичу Мотинову, я направился в Вену, где под гостеприимным кровом городской советской военной комендатуры в 1-м районе города на Беларияштрассе, 1, находился штаб той части, которой я должен был командовать. Я должен был заменить временно исполнявшего обязанности командира этой части подполковника Василия Климентьевича Стечишина. Он прибыл в Вену 13.04.1945 г. с войсками и с тех пор возглавлял советскую комендатуру 4-го района города. Мне была отведена квартира из числа покинутых обывателями на Карлсгассе, 22/8. Недостатка в жилищном фонде в это время еще не ощущалось, т. к. крупные нацисты и лица, связанные с ними, бежали в большом числе на запад, не рассчитывая на чрезмерное великодушие русских. В последующем вся эта коричневая свора начала возвращаться, проходить при активной поддержке австрийских властей так называемую денацификацию, утверждая, что они хотя и были нацистами, но не особенно обремененными преступлениями. И предъявляли претензии на свое недвижимое имущество, которое при отсутствии единства в решениях союзнического совета оккупационные власти вынуждены были им возвращать.

Вена ошеломила своим блеском, своими контрастами. Казалось удивительным, что такой гигантский город - второй

Париж, как его называют австрийцы, с бесчисленными памятниками искусства, всемирно известными шедеврами готического зодчества, собором святого Стефана, церковью Фотия, бельведером Шеннбруном, Хофбургом, роскошными музеями, город с 1,7 миллиона жителей является столицей государства с 6,5 миллиона населения. Однако это становится понятным, если вспомнить, что это бывшая столица Австро-Венгрии, насчитывавшей свыше 50 миллионов многонационального населения. Город практически от войны не пострадал, и нам, привыкшим видеть руины разбитых немцами городов, казался райским уголком на опаленной войной земле.

Тенистые аллеи Пратера, извилистые лесные дороги Каленберг а, чудесные розовые аллеи городского парка, аллеи Ринга, масса зелени, чудесные творения архитектуры, масса памятников, в том числе известным советским людям, композиторам и поэтам: Бетховену, Брамсу, Штраусу, Моцарту, Гете, Шиллеру, Грилльпарцеру и многим другим, - делали этот город похожим на большой музей.

К началу 1948 года экономика Австрии уже начала оправляться от военных потрясений. Восстанавливались промышленные предприятия. В советской зоне оккупации все заводы и фабрики бывших нацистов были конфискованы и, как военная добыча, переданы в ведение Управления советским имуществом. Это учреждение объединяло свыше 200 различных предприятий и сельскохозяйственных поместий, каждое из которых руководилось советским генеральным директором, пытавшимся ввести на этих предприятиях и хозяйствах наши, советские порядки. К сожалению, эти порядки не воспринимались рабочими и служащими. Так, например, они категорически отказывались от сдельщины, не принятой на прежних австрийских предприятиях. Попытки в конце квартала выдать премии наиболее квалифицированным и активным рабочим вызывали повсеместное сопротивление. Профсоюзные деятели, в том числе, как ни странно, и коммунисты, выступили против выдачи отдельным работникам премий, расценивая их как подкуп верхушки. Зато повсеместно выдвигались требования о выдаче к Рождеству 13-й месячной зарплаты, сохранении повышенных норм отпусков, которые на 5-6 дней превышали установленные у нас. Несомненно, все эти социальные блага ранее были соответствующим образом сбалансированы у капиталистов и, несомненно, убытка им не приносили, но нашим хозяйственникам это было в новинку и вызывало много конфликтов с яичным составом фабрик и заводов, доходивших иногда до забастовок.

Немецкие предприятия оборонного значения демонтировались и разрушались. При этом значительная часть оборудования, не имеющего особой ценности, сырье, металлолом и др. продавались местным коммерсантам на вывоз, как правило, за бесценок.

В западных зонах все проходило значительно проще, по раз заведенному в капиталистическом мире образу и подобию. Притаившиеся на первых порах нацисты, видя благожелательное отношение к себе западных оккупационных властей, вновь взяли в свои руки бразды правления промышленностью, крупными имениями. Пройти так называемую денацификацию в западных районах Австрии не представляло особого труда. В 1948 году уже на полную мощность работали металлургические заводы ФЕСТ в Линце. Военные предприятия, принадлежавшие фашистам, разрушены не были, и на них начался выпуск соответствующей «гражданской» продукции.

Шла бойкая торговля не только товарами первой необходимости, но и предметами роскоши. В городах широко были открыты двери многочисленных ресторанов, баров, кафе, варьете и других злачных и незлачных заведений, общее число которых в столице достигало 5 тысяч.

Вся страна была разделена, в соответствии с межсоюзным соглашением, на 4 зоны: в советскую входили Бургенланд, Нижняя Австрия и часть Верхней, французы оккупировали Тироль и Форарльберг, англичане - Штирию и Каринтию, и американцы - большую часть Верхней Австрии и провинцию Зальцбург. Вена была разделена на 4 сектора, в каждом из которых имелась городская комендатура соответствующей оккупирующей Австрию страны. Центр города - 1-й район, очерченный живописным Рингом с правительственными зданиями, бывшим дворцом Франца-Иосифа Хофбургом - являлся межсоюзным, и командование в нём осуществлялось поочередно в течение месяца. Вопросы городского управления решались межсоюзным совещанием комендантов, являвшимся высшим органом власти в городе, без разрешения которого бургомистрат не мог принять ни одного решения. Поскольку передвижение из одного сектора города в другой было свободным для граждан всех оккупирующих держав, каждая из которых имела в столице свои войска и различные гражданские оккупационные учреждения, за общим порядком на территории города наблюдали так называемые межсоюзные патрули. В состав этих патрулей входило по одному солдату от каждой из четырех союзных армий. Разъезжая в радиофицированном джипе в определенном районе, они бдительно следили за поведением военнослужащих своих армий

и гражданских лиц, тесно сотрудничая при этом с австрийской полицией. Несмотря на то, что патрули состояли из солдат, они пользовались весьма большой властью. Патрульный солдат при необходимости мог арестовать любого своего старшего офицера и доставить его в свою часть межсоюзной комендатуры. Старшим патрульным являлся солдат той страны, которая несла дежурную службу в 1-м районе. Характерно, что служба межсоюзных патрулей в Вене сохранилась до вывода оккупационных войск из страны в 1955 году. Несмотря на все обостряющиеся отношения между СССР и западными державами, патрульные солдаты мирно, по-деловому несли свою службу. Было интересно видеть, как эти простые парни в различной солдатской форме мирно беседовали друг с другом на своеобразном языке, состоящем из смеси франко-англо-русских слов, и при этом прекрасно понимали друг друга, олицетворяя, так сказать, мирное сосуществование простых людей в момент самого высокого накала каких-либо политических страстей в высших сферах. «Сердца четырех», как шутливо называли наши солдаты этих поборников межсоюзного порядка, несли часто потери. Запомнился случай, когда наш пьяный солдат, открывший огонь на Ринге, при попытке задержать его убил нашего и французского, тяжело ранил английского патрульного. Были аналогичные случаи и с англо-франко-американскими военнослужащими. Бесчинства по отношению к австрийцам, пьяные драки и другие неблаговидные поступки особенно отличали американцев, но общественный резонанс от них был значительно меньше, чем от наших нарушений, поскольку американцам удавалось приглушать его за счет долларов. Американский рядовой получал в месяц 120 долларов, или 3000 шиллингов, - зарплату квалифицированного инженера, и такому солдату не составляло труда откупиться от ответственности за мелкие, а иногда и крупные проступки, совершенные в отношении местных жителей. Помимо этого, австрийская «объективная пресса» каждое, даже незначительное, нарушение порядка нашими гражданами раздувала до невероятных размеров, и наоборот, о бесчинствах представителей западных держав упорно умалчивала.

Красочное зрелище, привлекавшее большое число зрителей, представляла собою смена караула, ежемесячно проводимая в 1-м районе. Каждая армия хотела при этом продемонстрировать все лучшее и оригинальное, что только она могла в условиях оккупации. Красочные парадные мундиры солдат и офицеров, музыка, торжественный марш, смена государственных флагов над зданием межсоюзной комендатуры - все это на площади старой Вены напоминало что-то опереточное. Стороны изощрялись в

стремлении удивить зрителей по линии увеличения оркестра и к концу оккупации довели его до нескольких сотен человек. К смене караула наши трубачи готовились за несколько месяцев и «убивали» венцев своей выправкой и строевой подготовкой. Англичане для экзотики назначали в караул, шотландских стрелков с неизменным козлом перед оркестром с волынками, французы - альпийских стрелков с их своеобразным горным шагом-бегом. Прохождение такого войска мимо трибун, где обычно стояли городские коменданты секторов Вены, сопровождалось аплодисментами зрителей-австрийцев, научившихся за время существования в стране «нового порядка» ценить строевую выправку и подготовку.

Своеобразное впечатление сохранилось о людях, простых тружениках Австрии. Это веселый, жизнерадостный, музыкальный народ. В нем нет немецкой педантичности, но сохранена аккуратность и точность. От чехов и итальянцев они унаследовали некоторую беззаботность, от венгров - любовь к песням и танцам.

Недаром венцы в шутку говорят: «Настоящий австриец имеет мать - венгерку, а отца - чеха или наоборот». И от всех народов, входивших когда-то в лоскутную империю, австрийцы получили в должном количестве любовь к труду. Чтобы оценить это должным образом, нужно видеть их крестьянина в поле, а рабочего в цехе у станка. Нас удивляло, как они без сдельщины и широко развитого соревнования работают значительно производительнее наших крестьян и рабочих. Это можно объяснить только выработанной трудом многих поколений привычкой добросовестно относиться к порученному делу, т. к. в противном случае это дело можно потерять и остаться безработным или нищим.

Современное положение Австрии, как мирового курорта, выработало у ее населения своеобразный космополитизм. Этакое радушие ко всем. Многие простые люди открыто заявляли: «По своему географическому и хозяйственному положению мы, маленькая страна, не можем вести самостоятельную политику. Мы должны иметь хозяина, и для нас безразлично, кто он, лишь бы он был богат».

К сожалению, таким хозяином даже средние слои австрийцев предпочитают видеть американцев или западных немцев, и только беднота, которой в ту пору немало было в стране, тянулась к нам. Социальные контрасты в этой демократической стране для нашего человека были разительными. В ней можно было увидеть живого барона, графа. В окрестностях Вены, и в особенности на западе страны, стоят настоящие средневековые замки, принадлежащие этим графам и баронам, владеющим

тысячами гектаров земли, а рядом - малоземельные крестьяне, живущие тяжелым трудом, арендуя эту графскую землю.

На площадях и перекрестках больших улиц столицы, таких как Кернтнерштрассе, Марияхильферштрассе и др., можно было слышать музыку чудесных духовых и симфонических оркестров, играющих под открытым небом. Но это не стремление городских властей удовлетворить эстетическим вкусам венцев, а попытка безработных музыкантов собрать у прохожих несколько шиллингов на жизнь. Нищих официально не было, т. к. нищенство запрещено полицией, но имелась масса изможденных, плохо одетых продавцов спичек, иголок, газет. Это были те же нищие, нашедшие удобную форму обойти закон. Широко процветала проституция в самых вульгарных проявлениях, описанных у нас в свое время Горьким, с регистрацией в полиции, с медицинскими освидетельствованиями, облавами, отелями на час, ночными дежурствами «жриц любви» на улицах, с одной стороны, и роскошными дамами и господами в фешенебельных ресторанах, таких как «Максим», «Сплендид» и др., где те же процессы осуществлялись знатью страны на более высоком уровне. Работа одних за 1500 шиллингов в месяц и кутежи других на Каленберге или Гринцинге, на которых пропивались тысячи шиллингов за ночь.

Вся эта заведенная веками жизнь шла так же и в период оккупации, как много лет назад, и многие австрийцы, в особенности торговцы, владельцы гастхаузов, мелкие ремесленники, открыто говорили, что оккупанты средним слоям населения не мешают, а возможно, и содействуют, поскольку упразднена статья налога на содержание армии, которая при всех условиях не в состоянии будет защитить Австрию в случае войны, да и внутренний рынок значительно расширился за счет союзнических войск и многочисленной оккупационной администрации, уменьшилась безработица.

К началу пятидесятых годов между СССР и западными странами началось своеобразное соревнование: кто больше даст льгот и послаблений австрийцам в зонах. Западники отказались от оккупационных платежей, мы незамедлительно сделали то же и стали оплачивать казарменный и жилищный фонд местным властям из своих средств. Стали возвращаться из дальних стран так называемые мало обремененные преступлениями нацисты и требовать свое имущество: виллы, землю, замки, - и их соответствующие стороны, как правило, возвращали. Была введена плата транспортных расходов, ранее не взимавшаяся с военнослужащих оккупационных армий, и т. д. и пр.

Многое было необычным для советского человека в Австрии.

Значительное количество безработных, осаждавших заводы Управления советским имуществом в Австрии (УСИА) и нефтяные разработки в поисках работы. Манифестации трудящихся, в том числе рабочих-подростков, с требованиями повысить зарплату и снизить продолжительность рабочей недели до 40 часов. Подобного рода шествия, организованные, как правило, коммунистами, обычно направлялись к зданию парламента и заканчивались рукопашным и схватками демонстрантов с респектабельной государственной полицией, неизменно оказывавшейся в этих битвах победительницей. Шествия разгонялись, многие из участников арестовывались, раненые отвозились в больницы. Порядок водворялся. При виде подобного зрелища наши солдаты с трудом сдерживались, чтобы не вступиться за демонстрантов и не разгромить полицейских, олицетворявших буржуазную законность в стране. Но мы демонстративно не вмешивались во внутренние дела страны, и такое невмешательство было иногда непонятно для простого советского человека.

Удивляла набожность австрийцев-католиков, особенно женщин. В стране парадоксально сочетались высокая цивилизация с идейной отсталостью, которая активно поддерживалась церковью, пользовавшейся значительным влиянием у населения. Крестные ходы вокруг церквей, большое количество религиозных праздников с торжественными богослужениями и проповедями духовенства, марш отрядов армии спасения на площадях и в парках столицы, монахи различных орденов и монахини в белых чепцах и наколках, разъезжающие на велосипедах по улицам, - все это для советского человека казалось экзотичным и вызывало естественный интерес.

Церковники умело играли и продолжают играть на чувствах верующих. Некоторые обряды, такие как торжественная конфирмация подростков, трогательное празднование дня матери, когда все дети, от ясельного до преклонного возраста, поздравляют своих матерей и делают им подарки, день памяти мертвых, в который каждый католик считает своим долгом посетить кладбище, где похоронены его близкие, имеют много рационального, и их можно было бы перенести в нашу действительность, придав им, понятно, другое содержание. Например: первый шаг в самостоятельную жизнь - вручение паспорта 16-летним гражданам нашей страны - не проводить как чисто милицейский акт, а привнести в него те же элементы сердечности и торжественности, которые приняты у католиков при конфирмации с тем, чтобы этот день ребенок помнил всю жизнь.

Празднование дня памяти мертвых нужно в большой мере и для живых, поскольку наши умершие труженики и павшие в боях герои не в меньшей мере заслужили, чтобы о них с благодарностью вспоминали потомки.

У австрийцев весьма высока привитая многими годами, если не десятилетиями, гражданская дисциплина. Пьют вина местные жители и даже представительницы прекрасного пола весьма много, но преимущественно свое сухое - «Кремсервайн», «Гумбольдскирхен», «Бургенландер» и др., и поэтому пьяных на улицах даже в праздничные дни не видно. При встрече в Вене субъектов, потерявших над собою контроль или затевающих на улице пьяные дебоши, можно безошибочно утверждать, что это или наши соотечественники, или американцы.

Кстати, австрийцы любят повеселиться, и балы, особенно в фашинг (мясоед), у них проводятся частными лицами, учреждениями, профсоюзными и партийными организациями. Дамы в длинных платьях, мужчины в смокингах, фраках или просто в темных костюмах, вне зависимости от возраста, танцуют, пьют вино, веселятся. Кажется, что попадаешь в старую Вену времен Штрауса, Кальмана, Легара с ее опереточными героями и героинями.

Муниципальная полиция (РУД и охрана порядка), в отличие от государственной (политической), пользуется у значительной части населения уважением. В нее принимают лиц со средним образованием, имеющих предков до третьего колена с безупречной, с точки зрения буржуазной морали, репутацией. Интересно было наблюдать полицейского регулировщика на бойком перекрестке Вены накануне Рождества 24 декабря. Он бывает весь заставлен пакетами с подарками. Эти подарки, среди которых бывают не только вино, фрукты, но и зачастую банкноты солидного достоинства, свозятся в полицейский участок и там делятся поровну между чинами полиции, или на их основе устраивается бал.

Любовь публики к муниципалам имеет некоторые основания. Полицейские «все знают». Они помогут ребенку перейти через улицу, проводят старушку, дадут справку по городу. Если полицейский не сможет ответить на вопрос, он порекомендует, к кому из более информированных в этом вопросе коллег нужно обратиться. У многих регулировщиков рядом с их личным номером висит 2-3, а то и 4 таблички с указанием иностранных языков, на которых полицейский изъясняется. Австрия - страна туризма, а туризм - это доход, валюта, заработки, и на службу ему поставлено многое, даже полиция. «Динст ам кунде», как говорят австрийцы.

Указания полицейского непререкаемы. Это закон. За переход улицы в неположенном месте штраф и арест… на 10-15 минут, отбываемый на месте рядом с постовым, который деликатно преподает в это время правила уличного движения. Эта мера наказания особенно охотно применяется в отношении юных нарушительниц правил движения, как пеших, так и моторизованных.

Австрийское законодательство, в зависимости от степени виновности, практикует тюремное заключение без отрыва от производства. Совершивший проступок днем работает, а на ночь является для отбытия срока заключения в тюрьму. Лишать человека работы за незначительные проступки слишком большое наказание, да и содержать такого заключенного дешевле. Удар по виновному шиллингом - распространенный метод воздействия на нарушителей закона. Так, нарушитель, нанесший увечье, платит потерпевшему иногда пожизненные алименты. При этом тюремное заключение зачастую бывает недлительным.

Оригинальный закон против алиментщиков рассматривался в австрийском парламенте. В соответствии с ним, определенные судом алименты папа должен был вносить государству, которое является мощным посредником между ребенком и отцом. Установленная сумма выплачивается на содержание детей матери или опекунам, и горе алиментщику, если он попытается уклониться от выплаты установленной суммы. Государство всегда найдет пути получить от него алименты, даже если он уедет за границу. Таким образом, мать после развода не имеет необходимости все время разыскивать отца своего ребенка и вести с таким папой препирательства материального порядка. Понятно, что это может быть возможно только в стране с отлично поставленным учетом населения, какой является Австрия.

Австрийцы любят свою страну и гордятся ее историей. Обращает на себя внимание забота, с которой они относятся к историческим памятникам. Все они ухожены, отремонтированы, утилитарно используются и, как правило, приносят доход.

Многочисленные замки, такие как Бургкройценштайн, Грайфенштайн, Аспанг, Люксембург и др., приспособлены как музеи архитектуры, оружия, рыцарского быта, этнографии. Многие руины, связанные с историческими личностями, как, например, Дюрнштайн на Дунае, где, по преданию, был заключен Ричард Львиное Сердце, превращены в места отдыха. Развалины зацементированы, скреплены железными скобами во избежание дальнейшего разрушения, снабжены предупреждающими знаками. В этих местах обычно бывает все необходимое для отдыха, а поскольку рыцари имели неплохой вкус и их

разбойничьи гнезда располагались в живописных уголках страны, эти места и сейчас посещают многочисленные туристы, свои и иностранные, что дает значительный доход. Помимо этого, все эти памятники служат и воспитательным целям, прославляя историю страны, ее былое могущество, ее деятелей.

Австрия - страна, где творили многие великие композиторы. Всемирно известен Дом-музей Моцарта в Зальцбурге, места, связанные с творчеством Бетховена, Штрауса, Брамса, Шуберта и др. Только поклониться праху великих музыкантов-композиторов на Центральном кладбище во 2-м районе Вены едут сотни тысяч любителей и ценителей музыки. Кладбище действительно является мемориальным музеем. Там на композиторских мостках похоронены Бетховен, Шуберт, Моцарт (в безымянной могиле для бедных), Штраус, Брамс, Зуппе, Легар, Кальман и другие великие творцы музыкальной культуры. При посещении этих мест невольно ощущается волнение. Сколько человеческих страстей, несбывшихся мечтаний, надежд, разочарований скрыто под плитами и памятниками этого своеобразного музея. Кстати, на Центральном кладбище Вены хоронят всех австрийцев - от президента до разнорабочего, но землю для могилы продают по весьма высокой цене на различные сроки - от 20 лет и выше. Соответственно, чем больше срок, тем выше стоимость могилы. Потому, как и во времена Моцарта, бедняков часто хоронят в общих безымянных братских могилах. На этом же кладбище погребены тысячи советских воинов, павших при освобождении Вены.

В столице Австрии сотни музеев, начиная от отлично подобранных по экспозиции естественно-природного, исторического, этнографического, музыкальных инструментов и кончая музеем криминалистики. Целыми музейными ансамблями являются дворцы императоров Австрии Хофбург, Шеннбрун, резиденция принца Евгения Савойского - Бельведер и др. Практически весь 1-й район города (старый город) является своеобразным музеем средневековой архитектуры с десятком древних церквей, среди которых патриархом является шедевр готики, творение зодчих трех столетий собор Святого Стефана, заложенный в 1147 году и законченный строительством в XIV веке.

Австрия богата древними и современными нам памятниками славы России и ее армии. В долине Вахау стоит на горе большой памятник, который космополиты-австрийцы воздвигли Кутузову и Бертье. В надписи на памятнике прославляется воинская доблесть русских и французов, проявленная ими в арьергардных боях во время отхода русской армии в 1807 году. У Мелька сохранился

крест над братской могилой русских солдат, умерших от ран в боях с войсками Наполеона в 1805 году.

В Вене много наименований, связанных с русской историей, войнами Суворова. До сих пор имеются Разумовскийштрассе, Разумовскийбрюке. В пригородах Вены и на полях Нижней Австрии разбросаны многочисленные памятники над братскими могилами наших воинов, погибших в Великой Отечественной войне. Больно видеть цементные и кирпичные обелиски-времянки с надписями типа: «Вечная слава героям, павшим за свободу и независимость нашей родины», - а внизу несколько фамилий и приписка: «и еще 60 или 120 безымянных воинов». Еще в нашу бытность в стране имели место попытки осквернения этих дорогих советскому народу могил. Трудно сказать, в каком они состоянии в настоящее время.

На центральной площади Вены Шварценбергплац воздвигнут памятник-мемориал советским солдатам, погибшим при освобождении Австрии от фашизма. Австрийские неонацисты неоднократно пытались его взорвать, и власти вынуждены были поставить у него круглосуточный полицейский пост. Очевидно, корни фашизма не удалось вырвать и в этой маленькой стране, давшей миру теоретиков и практиков этого человеконенавистнического движения.

Прекрасна природа Австрии, чудесные горные и равнинные ландшафты ласкают взор. Многочисленные памятники материальной культуры народов, населявших долину Дуная, от северного форпоста Древнего Рима города Карнунтума, разрушенного в 56-м году аварами, до современных гидроэлектростанций, свидетельствуют о талантах и трудолюбии не только современных австрийцев, но и их предков.

Хороша Вена - город парков и дворцов. Пратер, Лобау, Венский Лес - Каленберг, зеленые аллеи Ринга, всюду масса цветов, и никто не трогает их. В парках почти ручные птицы и белки, и никто не бьет их из рогаток. Мне до сих пор не ясно, где гуляют дети и подростки австрийских городов, но вечером на улицах их не бывает.

Есть за что австрийцам любить свою родину, но срединное положение страны в Европе превратило их в своеобразных космополитов. Развращенные многолетней социал-демократической демагогией, австрийские обыватели в значительной массе понимают свой нейтралитет как явление временное. Австрия должна иметь мощного и богатого патрона, а такими могут быть только ФРГ или США или оба эти государства вместе. Этим объясняется все усиливающееся проникновение западного влияния в стране. Книжный рынок наводнен

неофашистской литературой. Кино, театр деградируют. Молодежь планомерно развращается порнографическими картинами, литературой, клубами типа общества нудистов, проповедующих вредность одежды и необходимость возврата к предкам не только в идеологии, но и во взаимоотношениях полов. В этих условиях борьба за молодежь является особо важной задачей компартии, рост которой за счет юношей и девушек осуществляется крайне медленно.

Еще в период оккупации для советского человека необычны были и формы массовой партийной работы, проводимой КПА. 1 Мая, когда массы трудящихся Вены с красными знаменами под музыку маршируют по Рингу, где у парламента создавались импровизированные трибуны и колонны демонстрантов, следующих порознь в порядке партийной принадлежности, приветствовали руководителя социалистической и коммунистической партий, обязательно стремясь очернить друг друга. И социалисты, и коммунисты шли раздельными колоннами, пели одни и те же песни - «Варшавянку», «Марсельезу», маршировали под красными знаменами, но редкая демонстрация обходилась без рукопашных схваток, поскольку эти в основном рабочие колонны шли под различными лозунгами, допуская грубые выпады против руководства противной партии. Социалисты кричали: «Остеррейх вирд ми фольксдемократие». Коммунисты не оставались в долгу. Запомнилось оформление одной колонны коммунистов. Они несли плакаты с надписью: «В странах народной демократии хлеб, свобода, работы, а у нас Фигль (премьер от народной партии), Шерф (заместитель премьера - социалист) и другой…» Стрелка показывала на телегу с навозом, который за плакатом тащила оборванная кляча. Такие методы борьбы не способствовали установлению единства даже в низах, т. к. многие рядовые социалисты все еще уважали своих лидеров. Члены буржуазной народной партии обычно в демонстрациях не участвовали, считая их плебейской формой общения. Они собирались в каком-либо большом зале, где слушали программные заявления своих лидеров.

Работа компартии в стране осложнялась не только сильными позициями социалистов, но и тем, что значительная часть взрослых австрийцев, служивших в вермахте, смогла во время войны побывать в СССР и сравнить уровень жизни в основных капиталистических странах Европы, в том числе и в собственно Австрии, и у нас. К сожалению, это сравнение было не в нашу пользу. Уровень жизни среднего австрийского трудящегося, даже в период оккупации, был выше чем у нас, а это в стране, где у большинства обывателей в ходу лозунг «Живем один раз, бери все

от жизни», немалое препятствие в коммунистической пропаганде. Социалисты изощрялись, рисуя наши недостатки, а число их в ту пору было немалым.

Средний австриец время, оставшееся у него после работы, редко проводит дома. Он отдыхает в ресторанах, кафе, гастхаузах, барах, количество которых в стране, даже с учетом ее наводнения туристами, весьма велико. Каждая деревушка имеет гастхауз, где обычно не только пьют и закусывают, но и играют в карты, шахматы, читают газеты, подбор которых не зависит от партийной принадлежности хозяина. Гешефт есть гешефт, и отказывать в гостеприимстве нельзя даже члену противной партии, а ведь он может захотеть почитать свою партийную газету. В этих заведениях празднуют свадьбы, отмечают крестины, в них заключаются сделки, ведутся оживленные споры на политические или спортивные темы. В этих же заведениях, являющихся своего рода многоотраслевыми клубами, партийные организации различных партий, в том числе и коммунисты, проводят за кружкой швехатер бир или стаканом вина собрания с обсуждением важных партийных вопросов, а вечером под самодеятельный или нанятый небольшой оркестр молодежь танцует до упаду. С кружкой пива, стаканом вина, а то и просто воды австриец в таком гаствиртшафте может блаженствовать часами. Стоимость напитков и простой здоровой закуски вполне доступна, так что рабочие в обеденный перерыв также широко пользуются этими заведениями. Это не относится, естественно, к ночным ресторанам и барам, где все дорого и для рядового труженика малодоступно.

Разногласия между бывшими союзниками в начале пятидесятых годов сделали практически невозможным принятие каких-либо согласованных решений по Австрии, как в СК, так и по линии Центральной межсоюзнической комендатуры. Постановка антагонистических вопросов с взаимной критикой перед широкой австрийской общественностью фактически сводила на нет всю деятельность межсоюзных органов.

Австрийцы ждали ухода оккупантов. Нужно сказать, ждали они терпеливо. За 10 лет пребывания наших войск в советской зоне оккупации, несмотря на целый ряд бесчинств и конфликтов со стороны наших солдат, неизбежных при большом количестве войск, считавших австрийцев недавними врагами, случаев террористических актов против представителей советской стороны не было.

Следует отметить крайне жестко проводимую нашим командованием политику изоляции советских военнослужащих и гражданских лиц от местного австрийского населения. Все

контакты с австрийскими учреждениями и частными лицами контролировались и носили строго деловой характер. Преследовались личные связи, особенно с женщинами. Запрещалось посещать местные рестораны, кафе, увеселительные заведения, такие как кино, театры, клубы и т. д. За нарушение этих запретов виновных немедля, невзирая на должности и звания, под конвоем отправляли до границы с последующим применением на родине весьма строгих мер партийного и служебного воздействия. Офицеров, как правило, за эти проступки увольняли из армии.

Понятно, что основная масса дисциплинированных солдат и офицеров неуклонно следовала всем этим запретам, указаниям и инструкциям и проводила время в стенах своих казарм. Однако в большом количестве войск всегда находились разгильдяи, нарушители и самовольщики, которые использовали все возможности для отлучек, контактов с девицами далеко не строгих правил, посещения злачных мест и прочее.

Получалось, что австрийцы познавали наш народ не через его чудесных представителей, коими являлись наши грамотные, душевные, честные солдаты и офицеры, излишне охраняемые от капиталистических соблазнов командованием, а через мелких воришек, пьяниц и дебоширов, для которых никакие наказания не могли явиться препятствием к «познанию» заграничной жизни, для которого не требовалось знания языка, истории и культуры страны пребывания. Случались и курьезы.

К командиру одного из наших полков ОСНАЗ полковнику Юркову, который со своей частью размещался в местечке Эбрайхсдорф, занимая там чудесный замок, обратился секретарь местной организации компартии с просьбой прислать на вечер, проводимый ими с целью укрепления дружбы с Советской Армией, несколько солдат и офицеров. Программа вечера намечалась чисто в австрийском вкусе: короткий доклад, небольшой банкет и танцы. Юрков немедленно доложил о просьбе в Политуправление ЦГВ и получил строгое указание на вечер никого не посылать. При встрече с секретарем через несколько дней Юрков выслушал от него сердечную благодарность за выделение представителей, хотя их было всего два человека, они, к сожалению, не знали языка и быстро ушли. По заявлению секретаря, солдаты были тепло встречены участниками вечера, посажены в президиум, но вели себя чересчур стеснительно, упорно не давали себя сфотографировать, отказались дать автографы девушкам и после нескольких танцев ушли.

В полку это событие расценили как ЧП. Провели детальное

расследование и установили, что два забулдыги, вора и самовольщика, уже намеченных к отправке в Союз, выступили совершенно случайно в виде представителей от советской части. В очередную самовольную отлучку они случайно, услышав музыку у местного гастхауза, где проходило собрание, зашли в него и попали в президиум. Нужно отдать должное, вели они себя достойно. Это не помешало командованию отправить их в срочном порядке на родину для прохождения дальнейшей службы в строительных частях.

До 1953 года изучение офицерами группы войск немецкого языка не поощрялось. Запомнилась фраза, произнесенная на партактиве в выступлении члена Военного совета генерал-лейтенанта Пронина: «Там, где люди не полностью загружены службой, где слаба воспитательная работа, некоторые офицеры и даже солдаты начинают изучать немецкий язык». И вместе с тем молодым офицерам, проходившим службу в Австрии, запрещали учиться в заочных высших военных и гражданских учебных заведениях, а солдатам в средних школах.

С личным составом частей и подразделений не практиковались экскурсии в местные музеи, хотя при умелом их проведении они смогли бы существенно помочь в воспитании солдат и офицеров. Городские власти Вены совершенно безвозмездно ежедневно присылали коменданту города значительное количество билетов в оперные и драматические театры. Они использовались лишь небольшой частью офицеров спецслужб, СК и комендатур и в большой массе выбрасывались.

Строго каралось посещение ресторанов и австрийских магазинов. Комендантские патрули прочесывали эти заведения и незадачливых соотечественников, вне зависимости от того, с кем они там находились и как себя вели, забирали в комендатуру, где их неизменно сажали на гауптвахту даже в том случае, если они являлись гражданскими лицами. Офицер штаба группы майор А.А. Рыжков по долгу службы вынужден был встретиться в г. Сан-Пельтен в ресторане с одним англичанином. Этот англичанин, длительное время проживавший в Австрии, знал наши порядки и предупредил Рыжкова о возможных неприятностях, связанных с нарушением указаний советских властей. Рыжков хотя и знал эти указания, но с жаром оспаривал их как антисоветские измышления. Нужно было понять состояние нашего офицера, когда в процессе беседы в зал вошел наш патруль, арестовал и отправил его в комендатуру.

Одно время по приказу главнокомандующего ЦГВ генерал-лейтенанта В.П. Свиридова комендантам советской части г. Вены и других городов в нашей зоне было приказано довести до

сведения всех владельцев кафе, ресторанов, магазинов и гастхаузов запрещение обслуживать советских граждан и о их появлении в этих заведениях под страхом штрафа доносить в комендатуры.

Прошло не менее полугода, прежде чем догадались, что это мудрое распоряжение носит антисоветский дискриминационный характер, и оно было отменено.

Следует заметить, что хозяйчики весьма редко выполняли подобные указания. Не в их интересах было лишаться клиентуры и связываться с оккупационными властями, к которым, как и к своей полиции, они не пылали любовью. Однако были отдельные нацисты, которые с наслаждением отказывали нашим людям в кружке пива или порции сосисок, подчеркивая, что это делается по указанию советского командования.

Несмотря на строгость наказания, контакты личного порядка наших солдат и офицеров с местными жителями все же устанавливались. Да их и трудно было избежать, проживая в течение ряда лет бок о бок с австрийцами. Молодые люди конспиративно встречались с австрийскими девушками, причем последние никак не могли понять, почему русские, враги фашизма, так же, как и нацисты, строго карают за связи с иностранками. Запрет браков с иностранными подданными до его отмены в 1953 или 1954 году было весьма трудно объяснить местным жителям, усматривающим в нем ущемление свободы личности.

Можно было бы привести бесчисленное количество трагедий и комичных ситуаций на этой почве. Дочь Франца Даманского - владельца небольшого гастхауза, в котором питались по договору наши солдаты из комендатуры 2-го района - Ольга полюбила нашего старшину и родила от него девочку. Связь этого старшины с австрийкой осуществлялась в полной тайне от командования. Каковы же были удивление и ярость коменданта подполковника Шилова, когда однажды к нему на прием прибыл старик Даманский в черном парадном костюме и официально пригласил господина коменданта на торжественную церемонию крещения младенца, рожденного от его подчиненного. Старшина исчез из Австрии в 24 часа, и торжество было омрачено. Ольга в течение ряда лет дожидалась возвращения своего возлюбленного.

В советской части СК по Австрии работал капитан Е. В его обязанности входили контакты с одним из райкомов Свободной австрийской молодежи г. Вены, секретарем которого была девушка-австрийка. Вопреки запрету, молодые люди полюбили друг друга. Об этом стало известно. При расследовании капитан не отрицал своих отношений с иностранкой и заявил о своем

намерении ходатайствовать перед Верховным Советом о разрешении ему брака с австрийкой в порядке исключения. Из страны он был выслан. Когда его конвоировали на во кзал, он попросил заехать мимо хо дом проститься с любимой и передать ей некоторые вещи. Сопровождающие согласились при условии, что свидание будет проходить в их присутствии. После безуспешных попыток утешить рыдавшую подругу капитан выбежал из квартиры. Вслед за ним с 6-го этажа выбросилась в припадке отчаяния девушка.

Адъютант начальника штаба группы лейтенант С, проживая в Бадене на обывательской квартире, влюбился в дочь хозяина. Она ответила ему взаимностью. Это стало известно начальнику. Не желая портить жизнь молодому человеку, он строго наказал лейтенанта и приказал поселить на другую квартиру, предупредив, что молодой человек будет немедленно откомандирован в СССР, если не порвет своей связи с иностранкой. Через несколько дней молодые люди покончили жизнь самоубийством, оставив письмо, которое могло бы дать писателю сюжет для трагедии.

Полковник А., уже солидный человек - начальник отдела кадров управления штаба группы войск, за связь с австрийской девушкой был выдворен из оккупационных войск в 24 часа.

Бухгалтер УСИА В., нестарый холостяк, внезапно заболел и был направлен в госпиталь. В один из приемных дней дежурный по госпиталю офицер был удивлен попыткой пройти к больному молодой австрийки, которая на вопрос, кто она больному, заявила, что это ее жених. После излечения жених непосредственно из госпиталя был направлен на родину.

Все эти факты так или иначе становились достоянием местного населения, которое, в отличие от немцев, не только смотрело сквозь пальцы на подобные связи, но и иногда сочувственно относилось к ним. Политика изоляции наших граждан от местного населения, проводимая иногда в неумелой и чрезмерно прямолинейной форме, нетерпимость ко всему местному, подозрительность и недоверие давали о себе знать до момента выхода наших войск из страны.

Официально Австрия являлась первой жертвой германского фашизма и подлежала в этом плане освобождению и быстрейшему восстановлению в прежних границах. В действительности она активно участвовала в войне на стороне Германии, мобилизуя все свои людские и материальные ресурсы для победы фашизма. В НСДАП состояло 600 000 австрийцев, и процент нацистов в Австрии был выше, чем в собственно Германии. Солдаты и офицеры австрийской национальности,

воевавшие против нас в нацистском вермахте и СС, бесчинствовали и зверствовали на оккупированной территории не меньше немцев. Все это, наряду с общностью языка, экономического склада, религии и обычаев, делало австрийцев в глазах наших солдат теми же немцами, а нас в представлении австрийского обывателя - полудикарями из Сибири, бывшими врагами нового порядка, провозглашенного Гитлером и вполне устраивавшего значительную часть населения Австрии. Однако австрийский обыватель, верный своим космополитическим убеждениям, быстро ориентировался в обстановке и, желая загладить свою вину, чувствуя силу, встречал союзников в 1945 году, в том числе и наши войска, почти так же восторженно, как и немцев в 1938-м.

В этом свете становится понятной скрытая антисоветская направленность правительства Фигля - Шерфа, его политика реабилитации бывших нацистов, сопротивление нашим попыткам провести то или другое прогрессивное начинание, как-то: привлечение к ответственности бывших нацистов, запрет проникновения немецкого капитала в страну, упразднение крупных монополий, введение земельной реформы и др.

Сложность решений этих вопросов в СК заключалась в том, что они могли войти в силу лишь при единогласном принятии их всеми четырьмя верховными комиссарами, что практически почти не представлялось возможным, т. к. к этому времени отношения с западными державами уже обострились и все советские предложения вне зависимости от их рациональности отвергались англо-франко-американскими представителями, причем они делали это поочередно в соответствии с предварительной договоренностью. В этом случае с контртезисами обычно выступало австрийское правительство, которое, в соответствии с межсоюзным соглашением, в случае отсутствия единогласия по тому или иному вопросу у союзников могло решать его по своему усмотрению. Как правило, это решение бывало не в нашу пользу, но мы могли не допускать его осуществления лишь в своей зоне. При такой системе управления страной наше влияние на ее развитие, особенно в западных зонах, постепенно утрачивалось.

Терялись и экономические позиции, т. к. бывшие нацистские предприятия, руководимые УСИА, работали нерентабельно, на износ. В связи с неясностью обстановки о будущности страны необходимые капиталовложения в них не производились, оборудование не обновлялось. Опыта руководства хозяйством в таких необычных условиях не было. Значительная часть заводов, фабрик и имений стали давать убытки и не могли конкурировать с частнокапиталистическими хозяйствами. Австрийский

инженерно-технический персонал, да и рабочие, не считали нужным повышать производительность труда на предприятиях УСИА. Не обходилось и без мелкого саботажа, коррупции и экономических диверсий.

Незнание местных законов, стремление решить частные задачи сегодняшнего дня, не заглядывая вперед, приводили к ряду коллизий. Так, на фабрике жестяной тары должны были изготовить крупную партию железных бочек. Австрийский директор предложил купить их оптом на частной фирме за половину себестоимости, скалькулированной на нашей фабрике. Сделка была заключена, бочки закуплены у западной фирмы, действительно продавшей запасы железной тары вермахта по бросовой цене. При этом не учли вынужденный долгосрочный простой собственной фабрики и необходимость оплаты по австрийским законам прогула по вине администрации большому коллективу рабочих, уволить которых без возникновения крупного скандала не представлялось возможным. Эти расходы значительно превысили мнимую прибыль от покупки уже готовой дешевой продукции у конкурента и подорвали наш престиж в глазах рабочих фабрики.

На гранитном заводе УСИА произошла подобная же история со срочным выполнением заказа на гранитную брусчатку. Готовая продукция была в 1949 году куплена у частной фирмы, а сотни рабочих своего завода были уволены в связи с его закрытием. Большинство рабочих это го завода составляли бывшие узники Маутхаузена.

Весьма сложно было со снабжением предприятий УСИА сырьем, поскольку везти его за несколько тысяч километров из СССР было нерентабельно, а австрийские поставщики под давлением западников, а иногда и по личной инициативе, всемерно тормозили поставку самых невинных материалов, и мы вынуждены были переплачивать и в этом случае.

Относительно успешно работало лишь Нефтяное управление. Наши капиталовложения в нефтяные разработки в Цистерсдорфе увеличивались, туда присылалось современное советское оборудование, что дало возможность к 1955 году добывать до 3 миллионов тонн нефти в год. Немцам удавалось выкачивать австрийской нефти не более 1 млн. тонн.

Наши экономические неудачи в советской зоне широко освещались враждебной австрийской печатью. Социалистическая «Арбайтер Цайтунг», американская «Винер Курир», захлебываясь, кричали о том, что провал экономических усилий на предприятиях УСИА отражает, как в зеркале, нашу бесхозяйственность, техническую отсталость. Успехи Нефтяного

управления представлялись как грабеж австрийских природных богатств и т. д.

Следует отметить, что наша контрпропаганда работала из рук вон плохо и не в состоянии была разуверить простого обывателя-австрийца в клеветническом характере вражеской пропаганды. Мощному потоку клеветы на Советский Союз и его людей противостояла малоинтересная, плохо информированная газета ПУ ЦГВ на немецком языке «Эстеррейхише Цайтунг». Большую помощь в борьбе с нашими идеологическими врагами оказывала нам австрийская компартия и ее печатный орган «Фольксштимме». Несомненно, австрийские коммунисты лучше, чем мы, знали сильные и слабые стороны своего народа, но их было мало, а мы своими ошибками оказывали им плохую поддержку в их тяжелой работе.

Большой политической ошибкой явилось массовое возвращение из СССР пленных австрийцев, бывших солдат и офицеров гитлеровской армии, проведенное в короткие сроки в 1953-1954 гг. по просьбе австрийского правительства. Эшелоны с многими десятками тысяч пленных в течение нескольких месяцев прибывали в советскую зону, где их встречали как героев президент Австрии Теодор Кернер и члены правительства. Толпы австрийцев забрасывали прибывших цветами. В их честь воздвигали триумфальные арки. Многих вполне здоровых «жертв большевизма» клали на носилки и несли на руках. Проводились многолюдные митинги и собрания. Это событие вылилось в разнузданную антисоветскую кампанию. Были созданы клеветнические фильмы, написаны десятки книг, тысячи репортажей об ужасах советского плена. Трезвые голоса некоторых пленных, говоривших правду об СССР, терялись в истерическом визге тысяч недобитых нацистов, которые, почувствовав себя в безопасности, изощрялись в клевете на нашу страну. Все возвратившиеся получали бесплатные путевки в санатории и без очереди, как герои борьбы с коммунизмом, устраивались на работ у. Невольно вспоминался прием у нас на родине наших советских людей, имевших несчастье попасть в плен к немцам, атмосферу недоверия к ним, репрессии, хотя многие из них, прежде чем попасть в плен, внесли какой-то вклад в достижение победы над врагом.

Всей этой антисоветской свистопляски можно было избежать, не проводя такую кампанию в короткие сроки, направляя пленных небольшими партиями и оговорив с правительством Австрии процедуру их приема на родине. Да и сам возврат этих людей можно было осуществить по просьбе австрийских коммунистов, а не буржуазного, враждебного нам правительства.

В этом случае авторитет австрийских коммунистов значительно бы возрос.

Характерно, что процедура возврата пленных осуществлялась, правда, несколько раньше, и на западе, но без всяких пропагандистских эффектов, спокойно, без государственных встреч и митингов. В советской же зоне чувства людей, долгие годы разлученных с близкими, умело использовала реакция для восстановления австрийцев против Советского Союза, против коммунистов, и в известной мере она достигла своей цели.

Это был большой удар по Компартии Австрии, которая на очередных выборах потеряла значительное количество голосов. Показательно, что наиболее высокий подъем работы коммунистов в стране нужно отнести на первые годы после ее освобождения. В ту пору наблюдался массовый приток в члены КПА не только в советской зоне, где в последующем в партию попадали часто случайные, примазавшиеся лица с намерением получить у русских теплое место в УСИА.

Значительная часть наших недостатков в несении оккупационной службы войсками и гражданской администрацией исходила из ряда принципиальных ошибочных положений, главными из которых являлись:

1. Отсутствие тщательно продуманной и заранее разработанной политики в отношении оккупированной страны. До 1955 года от солдата до верховного комиссара никто не знал, что будет с Австрией в ближайшие годы - какова конечная цель оккупации этой находившейся под нацистским влиянием страны, объявленной союзниками жертвой немецкой агрессии. Высказывались противоречивые предположения. В 1948-м упорно говорили о том, что войска уйдут в 1949-м, в 1949-м готовились к уходу в 1950-м и т. д. Затем, в связи с событиями в Корее, начали муссироваться слухи о продлении оккупации до 25 лет. После беспорядков в ГДР в 1953 году предполагали, что советская зона оккупации будет присоединена к Венгрии с образованием федеративной республики Австро-Венгрия. Имели место и другие домыслы, которые не подтверждались и не опровергались руководством, да оно и само не знало ни сроков оккупации, ни обстоятельств ее окончания. В результате все «сидели на чемоданах». Казарменный фонд для войск не ремонтировался, капиталовложения в промышленные предприятия не производились. Юридически отношения с местными властями не закреплялись. Четко расписанных наставлений, инструкций и положений, подготовленных компетентными органами еще задолго до вступления войск в страну и определяющих основную

линию наших военных и гражданских учреждений в отношении местного населения, не было.

В противоположность нашей стороне, западники еще до вступления в Австрию имели подробные положения об оккупационной службе, и их органы пропаганды в целях «борьбы за австрийца» начали кампанию за быстрейшее освобождение страны от четырехсторонней оккупации, стремясь показать, что основными противниками в этом являются русские. Англо-американские и французские фирмы, в порядке подготовки своих позиций, на случай вывода войск, скупали за бесценок акции австрийских предприятий, крупные земельные участки, дома, заводы, замки, оформляя эти акты по всем правилам капиталистической юриспруденции. Мы вынуждены были включиться в навязанное нам бывшими союзниками соревнование между «западом» и «востоком», кто больше даст материальных благ и льгот бедной Австрии. Это соревнование, начатое примерно с 1950 года, продолжалось до заключения государственного договора и велось далеко не в нашу пользу, поскольку экономические возможности у наших «партнеров» были значительно выше. Они могли свои военные автомашины, завезенные во время войны в Европу, пустить по бросовым ценам в продажу австрийцам, поскольку возвращать этот уже изношенный автотранспорт в Америку было нерентабельно. Австрийский обыватель, не понимая, что этим «благородным» жестом душится его национальная автопромышленность, видел лишь возможность купить за цену велосипеда исправный американский «Виллис» и восхвалял щедрых заокеанских благодетелей, кляня русских «грабителей», вывозивших из его страны трофейные автомашины, демонтированные станки с бывших немецких предприятий, старую мебель. Обыватель не знал, что американцы, забрав в Австрии все патенты, являлись настоящими грабителями крупного масштаба, перед действиями которых конфискация русскими немецкой собственности казалась мелочью. К сожалению, наша пропаганда не смогла убедить в этом австрийцев. Она была слишком слаба и велась неквалифицированно.

2. Присущая тому времени непоколебимая убежденность в преимуществе всего советского, от авторучки до уровня техники и материального благосостояния народа, высокомерие ко всему несоветскому, пренебрежительное отношение к обычаям и жизненному складу людей в оккупированных странах - эти мнения мешали в известной мере перенимать все рациональное в методах руководства хозяйством, оценке техники, организации производства. Хотя заимствовать в этой области в Австрии БЫЛО

что, т. к. она использовала во всех областях знаний передовой опыт развитых капиталистических стран.

Наши солдаты и офицеры, увидев относительно высокий жизненный уровень в Австрии, не без оснований заявляли: «Что этим фашистам было нужно в этой войне? Они живут куда зажиточнее нас». Эти мнения, не разъясненные должным образом нашей пропагандой, вносили некоторый диссонанс в умы наших людей, привыкших верить, что за рубежом все значительно хуже, чем у нас, начиная от людей, которые являются друг другу волками, кончая картошкой, менее вкусной и питательной, чем на родине. При этом зачастую не принимались во внимание ни особенности развития страны, ни трудности строительства первого в мире социалистического государства, окруженного морем враждебных капиталистических стран.

3. Резкая смена правил, порядка и условий пребывания советских граждан при замене руководства ЦГВ. Переход от одной крайности к другой. До 1948 года при главкоме генерале армии Курасове все офицеры имели право проживать в ЦГВ с женами и детьми до 14 лет. В 1948 году вновь прибывший главнокомандующий генерал-лейтенант Свиридов доказал руководству, что семьи военнослужащих в Австрии подвергаются разложению в условиях пребывания в капиталистической стране и их необходимо выселить на родину. В течение короткого времени десятки товарных эшелонов с женщинами, детьми и скарбом выдворялись из Австрии. Для отсрочки выезда не принимались во внимание никакие причины. Для вывоза «приобретенного» имущества на каждую семью выделялась половина товарного вагона. Семьи полковников получали вагон. Это было полуофициальное разрешение к вывозу всевозможной рухляди, приобретенной различными путями в стране. На память прихватывали многое, даже изразцовую облицовку печей. Это срочное переселение массы людей и имущества проходило на глазах у австрийцев. Западники, очевидно, терялись в догадках, пытаясь разгадать оперативные замыслы советского командования в связи с этим мероприятием.

В 1951 году командование группой принял генерал-полковник С.С. Бирюзов, который доказал руководству, что выселение семей было ошибкой, разложение офицеров, проживающих в одиночку, происходит значительно интенсивнее, число ЧП растет, и получил санкцию на ввоз семей. Начался их массовый въезд в страну. То, что эти капризы руководства стоили многих миллионов рублей, способствовали в известной мере падению нашего престижа в глазах иностранцев, никого не волновало.

До 1953 года денежное содержание личного состава наших войск в ЦГВ в валюте было невысоким. Командир отдельной части, полковник получал около 3000 шиллингов в месяц. Примерно столько же получал американский рядовой. Но, помимо валютного содержания, наши офицеры получали 100% штатно-должностного оклада в советских рублях, что позволяло за время службы приобрести солидные накопления. На получаемую валютную часть можно было безбедно существовать с семьей. В 1953 году главком Бирюзов, желая повысить жизненный уровень своих подчиненных, добился разрешения обменивать офицерам на шиллинги до 600 рублей в месяц и таким образом увеличивать валютную зарплату более чем в 2 раза, т. к. по курсу один рубль котировался в 6,5 шиллинга.

Периодически вводились и отменялись запреты офицерам носить гражданскую одежду, посещать австрийские магазины (группа имела разветвленную систему магазинов УСИА и военторга), купаться в Дунае, изучать немецкий язык, учиться в школах и вузах. Все пыталось делаться на свой оригинальный лад.

Выборы в Верховный Совет СССР, проводимые на родине в 6 часов по московскому времени, в Австрии на наших избирательных участках начинались по московскому времени, т. е. на 2 часа раньше, и ни о чем не подозревавшие австрийцы в 4 часа утра, почти ночью, просыпались от лихих солдатских песен. Наши избиратели организованно шли и ехали к урнам, чтобы отдать свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

Каждый руководитель вершил дела в меру своего разумения, не основываясь на заранее апробированных положениях и опыте предшественников.

4. Слабая помощь с нашей стороны Компартии Австрии, отсутствие должных консультаций с ее руководством по отдельным кардинальным вопросам нашей политики в стране. Газета ЦК КПА «Эстеррейхише Фольксштимме», борясь против антисоветских выпадов реакционных партий и их прессы, из-за недостатка контактов с соответствующими нашими органами иногда попадала впросак. Так было при аресте приемного сына президента Кернера - амтсрата Соколовского нашими органами. Этот приемный сын был в свое время во Львове. При освобождении Западной Украины нашими войсками он в числе прочих украинцев был призван в РККА, направлен в военное училище, перед войной закончил его ускоренный курс и был назначен командовать взводом.

После нападения немцев на СССР Соколовский при первой же

возможности перешел на их сторону, был направлен в Вену и там усыновлен проживавшим на правах пенсионера Теодором Кернером, который, как выяснилось, являлся другом и однокашником отца Соколовского. При протекции бывшего генерала Кернера Соколовский поступил в университет и к концу войны успел его окончить и в период оккупации уже работал на руководящей работе в венском магистрате. Все было бы весьма благополучно, и изменник благоденствовал бы, пользуясь поддержкой президента, если бы не покинутая им возлюбленная, которая выкрала у него удостоверение командира РККА, дневник и ряд других документов, подтверждающих его советское гражданство и факт измены Родине, передав их в советскую комендатуру. Предатель был арестован органами КГБ. Вся пресса подняла дикий вой по поводу бесчинств русских, не пощадивших даже сына старого президента Австрии. Газета компартии пыталась отрицать факт ареста, а на второй день в советской комендатуре была созвана пресс-конференция с объяснением его причин. Арестованный был выслан в СССР для предания суду, но через несколько месяцев по просьбе Кернера возвращен в Австрию, где был встречен как герой, мученик, пострадавший от варваров коммунистов.

Обличительные документы, публиковавшиеся в газете КПА, были названы буржуазной прессой фальшивками, компартию клеймили позором, требовали привлечения ее к ответственности. Всего этого можно было бы избежать при более правильно поставленной информации руководства КП о наших намерениях. 5 марта 1953 года радио сообщило о внезапной кончине Сталина. Эта весть буквально ошеломила всех - и советских граждан, и австрийцев. Нужно заметить, что даже открытые злейшие враги нашего строя не посмели выступить в ту пору с какими-либо оскорбительными выпадами по поводу умершего советского лидера. Буржуазная пресса ограничилась перепечаткой сообщения и домыслами о возможных преемниках на партийные и государственные посты, которые занимал Сталин. Ни одной статьи, чернящей этого государственного деятеля, руководившего величайшей в мире страной, продолжавшего почти в течение 30 лет осуществление в этой стране грандиозных социальных преобразований, возглавлявшего победоносную армию советского народа в величайшей битве с фашизмом, в стане врагов не публиковалось.

В день и час похорон Сталина на Красной площади в Москве весь личный состав штаба ЦГВ был выстроен в большом зале курортного салона в Бадене. Слушая траурную трансляцию из Москвы, седые генералы и офицеры, казалось, замерли в

скорбном молчании. Почти у всех были слезы на глазах. Возникали вопросы: кто возглавит партию? Найдется ли человек, способный заменить умершего, с чьим именем связаны многие мирные и боевые победы? Не начнется ли период идейных шатаний, раскола международного коммунистического движения, нарушения единства социалистического лагеря? Удержится ли высоко поднятый советским народом под руководством Сталина престиж нашей страны на международной арене?

В адрес советских учреждений, частей и подразделений в Австрии поступали многочисленные письменные и устные соболезнования от официальных учреждений и частных лиц страны. Их высказывали нашим военнослужащим при встрече на улицах даже совершенно незнакомые граждане. Австрийские учреждения в советской зоне в день похорон приспустили флаги. Это была дань уважения, искренняя со стороны друзей и официальная со стороны врагов, вынужденных признавать высокий авторитет умершего.

Но жизнь шла своим путем. Постепенно австрийцев, да и не только их, захлестывали текущие события: июньские волнения 1953 года в ГДР, события на Востоке, предвыборная борьба в своей стране. Да и советские граждане после драматических событий во время похорон вождя, когда из-за плохой организации прощальной церемонии было задавлено и ранено много людей, в основной массе успокоились, убедившись, что в худшую сторону изменений пока не последовало. Многих далеко не платонически интересовал вопрос: будет ли новым руководством проведено в 1954 году очередное снижение цен на товары широкого потребления, ежегодно с 1950 года проводившееся при жизни Сталина? Забвение не щадит и великих людей. Постепенно имя Сталина стало сходить со страниц австрийской печати. Вновь в Австрии вернулись к имени Сталина лишь после речи Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, которая дала повод для развертывания разнузданной антисоветской и антикоммунистической пропаганды в стране.

ГЛАВА 12. Типы австрийцев

За длительное время службы в оккупационных войсках, где мне пришлось провести с годичным перерывом около 8 лет, обстоятельства заставляли сталкиваться с большим числом местных жителей самых различных общественных слоев, политических взглядов и профессий - от президента до шофера, от членов КПА до отъявленных нацистов. Из этих встреч можно было судить и не только о лицах, с которыми они проводились, но и чертах национального характера жителей этой маленькой страны. Коротко об этих лицах:

Президент Австрии доктор хонорис кауза (т. е. почетный доктор) **Теодор Кернер**. После смерти первого послевоенного президента теоретика австро-марксизма социалиста Карла Реннера, последовавшей в 1950 году, пост главы государства занял избранный всеобщим голосованием бывший генерал австро-венгерской армии, участник Первой мировой войны, социалист Теодор Кернер, которому к тому времени было уже за семьдесят. Несмотря на свой преклонный возраст, это был энергичный человек с большой работоспособностью. Он не пропускал ни одного открытия школ, больниц, предприятий, где неизменно выступал без заранее подготовленного текста с речью и всегда находил умные, дельные советы собравшимся. Понятно, что его выступления, с нашей точки зрения, не всегда были идеологически выдержаны, это было бы странно ожидать от старого социалиста, но они и никогда не носили антисоветского характера. Кернер немного знал русский язык, любил русские пословицы и шутки, выписывал «Правду» и «Крокодил». Это был скромный и отважный человек. Запомнился случай, когда в Вене вспыхнул сильный пожар на химическом заводе. Пожарные не решались войти в горящий кислородный цех, опасаясь взрыва. Прибывший к месту происшествия старик-президент схватил брандспойт и бросился в аварийное помещение. За ним, устыдившись своего малодушия, кинулись пожарные, оттащили старика в безопасное место и вступили в борьбу с огнем. Взрыва не последовало. Т. Кернер ходил по городу без охраны. В том случае, если он находился в своей резиденции, над ней развевался государственный флаг и к нему мог обратиться любой гражданин страны. Жил старик весьма скромно. Будучи одиноким, он занимал на Балльхаузплац пару комнат, из которых одна являлась кабинетом и столовой, а другая спальней. Спал президент на простой солдатской койке, которую сам заправлял.

По установившейся традиции, каждый австрийский гражданин, достигший столетнего возраста, получал от президента персональное поздравление и сто пятишиллинговых монет. Говорили, что так же делал последний австрийский император Франц-Иосиф, но дарил он 100 золотых. В Австрии, особенно в Тироле как горной стране, немало долгожителей, и в этой области работы у президента было немало. Отличаясь завидным здоровьем, Кернер не пил спиртного. На наших приемах, которые он неизменно посещал, все попытки принудить его к этому не увенчивались успехом.

В наших кругах многие считали, что все эти «чудачества» старого президента были рассчитаны на соискание авторитета и популярности в народе, которыми он действительно пользовался. Но если это в какой-то мере и соответствовало истине, то было бы желательным, чтобы наши советские руководители, хотя бы в районном звене, были так же честолюбивы и боролись за свой авторитет. Очевидно, это пошло бы в какой-то мере на пользу, как руководителям, так и народу.

Председатель совета министров Австрии **Леопольд Фигль.** В отличие от бессребреника президента, премьер - член народной (буржуазной) партии и ее руководитель, являлся крупным землевладельцем и капиталистом с резко выраженными симпатиями к Западу. Это был хитрый, алчный представитель капиталистического мира, делавший все, чтобы сорвать советские предложения по денацификации в СК. Премьер много пил, его можно было часто видеть в ресторанах и гастхаузах весьма «освежившимся». Нас всегда удивляло несколько безразличное отношение владельцев различных «локалей» к гостящему у них премьеру. Они видели в нем не столько государственного деятеля, сколько Польди, своего брата дельца, только несколько более удачливого.

Запомнился случай, когда в нашем присутствии в ресторане у замка Дюрнштейн для прибывшего навеселе Польди не оказалось места и ему пришлось ждать, пока хозяин не спеша организовал ему столик. На его приезд никто не обратил внимания, а наш шофер сержант Сопилов, выходя из помещения, довольно недипломатично попросил премьера уступить ему дорогу. В простоте душевной Сопилов принял главу правительства, стоявшего со своими домочадцами в ожидании места, за обычного завсегдатая гастхауза.

Князь **Карл Ауэрсперг.** Весной 1950 года на зональном КПП в Зиммеринге нашими контролерами был задержан торговец антикварными товарами Карл Ауэрсперг. Он со своей подругой ехал на собственной автомашине из Клагенфурта в Вену и вез

партию старинных картин, которые вместе с автомобилем были у него до выяснения вопроса конфискованы. Мне, как представителю Центральной советской комендатуры, пришлось выехать на место для разбирательства этого дела. Задержанный, бывший офицер вермахта, отпрыск древнейшей дворянской фамилии в Австрии, был в отчаянии. От замков и славы предков остались только одни воспоминания да громкие наименования улиц, площадей и принадлежащих уже государству дворцов в Вене. Князь выглядел как обычный шофер. Одетый в «традиционные»,

неимоверно засаленные замшевые шорты и зеленую куртку, с мозолистыми руками, он вызывал сомнение в своем аристократическом происхождении. Но документы подтверждали, что он действительно принц Ауэрсперг. Оказалось, что на многочисленных потомков некогда второй после Габсбургов фамилии в Австрии остался к нашим дням всего один замок в провинции Зальцбург, который ничего, кроме убытков, не приносил. Прежде чем сколотить деньги на автомашину, князь долгое время отказывал себе во всем, залез в долги к ростовщикам, одно время даже работал в ресторане «Сплендид» официантом, что сделало широкую рекламу этому заведению. В последующем, как знаток живописи, Карл занялся спекуляцией картинами.

Автомобиль для него являлся источником существования, т. к. давал возможность посещать отдаленные поместья, замки, ездить в Италию. Я предложил князю поступить на службу в УСИА. Подумав, он отказался, заявив, что наши принципы ведения хозяйства и администрирования ему незнакомы и он может непроизвольно допустить упущения по работе, которые нашей стороной будут обязательно расценены, с учетом его происхождения, как преднамеренные со всеми неприятными для него последствиями. У коммунистов для князя будет каждая вина - виновата. Тогда как в своем мире его титул продолжает давать ему преимущества и льготы, хотя и маленькие. В качестве примера он привел инцидент с английским офицером, арестовавшим его после войны как бывшего гитлеровского офицера, но немедля отпустившим на свободу, увидев, что он представитель известной во всей Европе фамилии. «Для русского офицера дворянский титул, очевидно, был бы отягчающим обстоятельством, - заявил он, - и трудно сказать, не привел бы он меня прямо в Сибирь».

Интересно, что князь положительно и весьма объективно оценивая русских людей, поскольку во время войны ему приходилось с ними сталкиваться не только на поле боя.

Мои попытки убедить Карла, что в Советском Союзе сейчас на происхождение не смотрят, а оценивают человека по его деловым качествам, пример с графом Львом Толстым ни к чему не привели. «К сожалению, я не Толстой, - ответил он, - и пытаюсь пробивать себе дорогу в жизнь в своем обществе».

Поскольку задержание князя было фактически незаконным, я приказал вернуть ему его собственность, и мы распрощались друзьями. В последующем до отъезда я неоднократно встречался с ним, и он охотно выполнял некоторые наши простые поручения при поездках на Запад.

Австрийский директор одного из крупных поместий УСИА в Нижней Австрии Отто К. пригласил нас однажды в выходной день съездить к его отцу и матери, работавшим в имении одного из отпрысков графа Эстерхази. К удивлению, мы узнали, что старики, почти в семьдесят лет, работают в имении батраками. Жили они в деревне в типичном крестьянском доме, построенном на столетия, имели небольшой виноградник, но основным средством существования стариков была работа на скотном дворе графа, у которого они начали служб у почти с детства.

Старики были типичными представителями беднейшего австрийского крестьянства - темного, несмотря на высокий уровень цивилизации, не размышляющего над политическими проблемами, но по-мужицки умными и хитрыми. Они отлично управлялись с механизмами на ферме, но искренне считали, что самый высший расцвет в их стране был… при его величестве Франце-Иосифе. Они искренне опасались, что мы в Австрии установим колхозный строй, хотя обобщать у них практически было нечего. На мой вопрос, почему старики не переедут к сыну, они в один голос заявили, что, вероятнее всего, их ученому директору - сыну придется переезжать к ним, т. к. после ухода русских он останется без куска хлеба.

Печально, но эти малограмотные крестьяне оказались правы. Многие австрийцы, сотрудничавшие с советской администрацией, оказались после вывода из страны наших войск в весьма тяжелом положении, т. к. местная реакция бойкотировала их, третировала как коллаборантов, изменников, агентов русских, служивших им в период десятилетней оккупации. Некоторые особенно активные наши друзья из числа коммунистов, такие как Иоганн Штайнер, Хофер и др., были даже репрессированы.

Так малограмотный австрийский крестьянин предугадывал развитие событий, не известных в ту пору многим вершителям судеб в правящих сферах.

За поведением русских тщательно следили не только враги, но и друзья. Во время майских праздников 1949 года группа

советских граждан отправилась в автомобильную прогулку на Каленберг. Среди них был руководящий работник Нефтеуправления М., выехавший на служебной автомашине с шофером-австрийцем. Я управлял автомобилем сам. По прибытии к месту отдыха группа пошла в ресторан, а я разговорился с водителем-австрийцем, который принял меня за коллегу. Сколько же нелестных, но справедливых упреков в адрес своего шефа он высказал. Шофер был членом КПА, и ему было непонятно, почему в личном поведении его советский товарищ ведет себя так же, как австрийский хозяин. М. никогда не интересовался настроениями, семьей, личной жизнью своего подчиненного. И в это увеселительное путешествие он взял его, не узнав, что у него болеет жена, не на кого оставить детей, весьма тяжело с деньгами.

Шофер удивлялся, как можно допускать такое безразличие к единомышленнику, рабочему человеку, коммунисту, гражданину самого демократического государства. А ведь М. был неплохим по натуре человеком, но черты черствости, известного высокомерия, метко подчеркнутые австрийцем, неминуемо переносились последним на весь наш народ, его армию, узнать которых другим путем ему не представлялось возможным.

На Центральное кладбище г. Вены во 2-м районе часто ходили советские граждане, т. к. там, помимо могил знаменитых композиторов Бетховена, Моцарта, Шуберта, Брамса, Легара, Кальмана, Штрауса, Зупе и других, имелся мемориал на братских могилах многих тысяч наших солдат и офицеров, павших в боях за Вену. В 1949 году во время одного из посещений кладбища, читая знакомые русские фамилии, высеченные на надгробиях наших ребят, лежащих вдали от Родины, я заметил девушку, сажавшую цветы на могиле младшего лейтенанта Хруцкого, погибшего в 1946 году. На мой вопрос австрийке, кто был для нее покойный, она спокойно ответила: «Близкий друг и редкий по душевным качествам человек». Девушка, оказавшаяся работницей одной из картонажных фабрик Эльфридой Волец, рассказала историю своей короткой любви к русскому лейтенанту, квартировавшему у них в доме по окончании войны, когда ей было 16 лет. Семья Волец буквально голодала, и русский бескорыстно делился с нею своим пайком, помогал отремонтировать поврежденный бомбежкой домик. Девушка полюбила лейтенанта. В 1946 году ее любимый погиб во время автомобильной катастрофы. Каждое воскресенье летом Эльфи на протяжении всех трех лет ездила на могилу друга, забыть которого она не могла. Действительно любовь интернациональна, и запретить ее было крайне трудно даже самыми строгими

инструкциями.

Бывали и комичные моменты. Солдата комендатуры 4-го района застала со своей дочерью ее мать уборщица этой же комендатуры. Девушка, испугавшись матери, заявила, что солдат пытался ее изнасиловать. Началось следствие. Узнав, что солдату грозит многолетнее тюремное заключение, она со слезами на глазах убеждала следователя, что любит «преступника», и дала письменное подтверждение своей добровольной с ним связи. Вместо трибунала солдат был лишь срочно отправлен для продолжения дальнейшей службы на родину.

Молоденькая девушка, задержанная австрийским полицейским за связь с советским солдатом (такой приказ полиции действительно имел силу в советской зоне), была доставлена в комендатуру 10-го района. При выяснении у нее фамилии и имени солдата, который успел бежать, поскольку полицейский не был правомочен задерживать его как представителя оккупационной державы, девушка проявила такую стойкость, что угрозы самых строгих репрессий не вынудили ее выдать своего друга, хотя, по ее словам, она была с ним связана около года.

Так и не удалось дотошным властям выявить «преступника» и пресечь опасные контакты. Девушку, после нескольких недель пребывания в КПЗ и проверки, вынуждены были освободить, и надо полагать, что пропагандистом австро-советской дружбы она не стала. А таких «преступниц» было весьма много, и занимался ими наш разветвленный в ту пору аппарат органов государственной безопасности, не стеснявший себя тогда методами допроса и усматривавший в каждой такой связи происки вражеских разведок.

Однажды вечером мы с капитаном Сергеем Михайловичем Тимохиным зашли в ресторан Польди Хониг - «Кривые фонари». Как работники комендатуры мы были известны хозяйке, которая слегка заискивала перед нами как представителями власти. Посетителей в кабачке всегда было мало, и меня удивляло, как хозяева подобных заведений сводят концы с концами. На мой вопрос об этом Польди весьма резонно заявила, что, несмотря на трудности и большие налоги, ей все же кое-что остается на жизнь, поскольку она вынуждена работать директором заведения, поварихой, а иногда и уборщицей. Тем более что официанты практически для нее не стоят ни гроша, т. к. они существуют на чаевые и вынуждены еще делиться ими с хозяйкой. В этот вечер в локале было порядочно гостей, и один из них, сидевший за соседним с нами столом, разговорился с нами. Беседа велась на обычные темы - о дороговизне, безработице, проблемах

австрийской оккупации.

Сразу распознав в нас русских, сосед, назвавшийся Петером, спросил, не являемся ли мы какими-либо большими начальниками, поскольку так смело нарушаем запрет советского руководства посещать австрийские рестораны. Все наши попытки убедить его в том, что мы рядовые служащие и советским людям не возбраняется ужинать так же, как и любому австрийцу, ни к чему не привели. Местные жители хорошо знали наши распоряжения по этому вопросу.

В беседе выяснилось, что Петер, бывший старший лейтенант вермахта, служил у Паулюса в разведке, владеет, кроме немецкого, русским, английским, французским и итальянским языками, знает радио, управляет автомобилем и самолетом. Он избежал пленения под Сталинградом, вылетев за несколько дней до капитуляции из окруженной группировки в качестве курьера Паулюса. После войны, избежав, как и многие австрийцы, ответственности за свои бесчинства, как на Востоке, так и на Западе, вернулся в родную Вену, но сразу найти место под солнцем не смог. Узнав, что мы являемся сотрудниками советской администрации, он начал упрашивать помочь ему, не дать погибнуть вместе со старухой матерью, подыскать ему подходящую работу, заверяя в своих симпатиях к русским. Взяв его телефон и адрес, мы распрощались.

При очередном посещении «Кривых фонарей» Польди, отлично знавшая Петера, заявила, что он прекрасный человек, отличный, заботливый сын и настоящий «идеалист» - предан национальной идее и не отступает от нее ни на шаг. «Не так, как некоторые нацисты, тотчас же перекинувшиеся в КПА, как только пришли русские», - резюмировала Польди. Неприязнь Петера к коммунистам была, по словам хозяйки, так сильна, что она в прошлый раз опасалась за нашу безопасность. Таких «идеалистов» в Австрии были сотни тысяч, и Польди была права, многие из них в нашей зоне вступали в КПА и работали в УСИА. Понятно, что для Петера у нас работы не нашлось.

Забавный инцидент произошел с нами на фашинг (мясоед) в 1949 году, когда меня и Тимохина группа подвыпивших молодчиков, возвращавшихся с бала, приняла за англичан. Мы шли по Кернтнерштрассе, и Сергей произнес какую-то фразу на английском языке. Проходившие мимо австрийские молодые люди подошли к нам и на ломаном английском языке пригласили зайти с ними в «Максим». Мы согласились, и через несколько минут в уютном зале Тимохин уже вдохновенно врал о том, что мы недавно приехали в английскую зону из Лондона.

Он говорил по-английски, я переводил на плохой немецкий.

Эффект был полный. После импровизации о послевоенном положении в Англии, которая была принята за чистую монету с учетом состояния наших партнеров, мы попросили их рассказать нам про их житье-бытье. Полился поток жалоб на азиатов - русских. К нашему удивлению, австрийцы вспомнили все случаи бесчинств, когда-либо совершавшихся нашими солдатами в Вене и других городах зоны, они их преувеличивали даже по сравнению с тем, что писала по этому поводу реакционная пресса. По их рассказам явствовало, что они живут чуть ли не при татарском иге. Наши солдаты рисовались как банда насильников, воров, грабителей. А ведь наши собеседники

были простыми служащими и мелкими торговцами. Наши попытки заступиться за русских как за бывших союзников встретили бурю возмущенных возгласов: «Вы не знаете этих злодеев, это выродки» и пр. Наконец нам недоело слушать эту пьяную болтовню, и я спокойно заявил: «Спасибо, друзья, за откровенность, а ведь мы с товарищем - русские». Фраза произвела впечатление разорвавшейся бомбы, и буквально через минуту ни одного из наших «друзей» в зале не осталось. Они буквально выскочили из ресторана, на бегу расплачиваясь с кельнером. Когда на вопрос последнего: «Что произошло с господами?» - мы рассказали ему причину бегства гостей, он от души смеялся и в утешение нам сказал, что если бы мы были в английской зоне, то там австрийцы ругали бы нам, русским, англичан не в меньшей мере. Оккупация начинала надоедать вне зависимости от того, кто ее осуществлял.

В последующем, когда мне пришлось быть в западных зонах оккупации, я понял, что кельнер был прав. В Зальцбурге американцев ненавидели и считали, что они ведут себя значительно хуже русских. В Клагенфурте полагали, что наиболее галантная форма оккупации во французской зоне, и не терпели англичан, а в Тироле весьма нелестно отзывались о французах. В одном австрийцы были единодушны - это в необходимости вывода всех оккупационных войск.

Только коммунистические организации в советской зоне понимали, что после вывода наших войск они потеряют и моральную, и экономическую поддержку, но, зная общее настроение народа, и они вынуждены были выступать за быстрейшее заключение государственного договора.

Характерно, что из общей массы австрийского населения наиболее лояльно к русским относились пожилые люди. Из мужчин некоторые были в плену в царской России, участвовали в революционных боях, позже многие принимали участие в шуцбундовском восстании, воевали в Испании. Последние две

категории австрийцев находились до окончания войны в эмиграции. Это был наш актив, на который при более умелой работе мы могли бы опираться в большей мере, чем это делалось. К сожалению, он использовался очень слабо.

Молодежь 18-25 лет, отравленная ядом нацистской пропаганды, относилась к нам неблагожелательно, всемерно поддерживала антисоветскую пропаганду, идущую с Запада и инспирируемую нашими врагами в советской зоне.

Из числа уже пожилых людей запомнился бургомистр Медлинга подполковник австро-венгерской армии Игльседер. Это был тип австрийского патриота, добросовестного служаки. Он не скрывал, что работает уже в период оккупации над восстановлением австрийской армии в ведомстве Графа, которое в ту пору существовало полулегально. Он ездил в Швейцарию знакомиться со структурой милиционной армии с целью перенять опыт швейцарцев и, возможно, перенести его на австрийскую почву. Мы с ним были хорошо знакомы, и некоторыми своими соображениями он делился со мной. Так, после поездки в Швейцарию он прямо заявил: «Нет, швейцарская милиционная система не для нас. Слишком много нужно доверять своему народу, чтобы выдать ему в постоянное пользование массу разнообразного оружия. У нас сразу этим воспользуются коммунисты, и в стране начнется анархия. Мы создадим маленькую, но кадровую армию».

Игльседер познакомил меня с надворным советником (генерал-майором) Регеле, работавшим в то время начальником военного архива, и я получил через него разрешение работать с архивными материалами, имевшими более чем пятидесятилетнюю давность. В архиве я особенно близко сошелся с начальником отделения хранения документов В.Н. Это был майор вермахта. В период войны в Италии он потерял ногу и с тех пор осел на спокойной должности в архиве. С его помощью мне удалось получить фотокопии всех документов Суворова об италийском походе. Эти материалы были посланы в Москву и в последующем опубликованы в наших изданиях.

От своих друзей архивариусов я узнал, что в Австрии в архив сдаются не только документы, ставшие уже историей, а и один экземпляр любого государственного или военного акта тотчас же после его подписания соответствующим начальником.

Иногда неопытностью наших людей пользовались уголовные элементы. Служащий - австриец, работавший во второй комендатуре Вены, поехал однажды с комендантом по району. У одного дома он упросил коменданта остановиться и подождать его 5-10 минут с тем, чтобы он мог проведать больного брата,

проживающего в этом доме, и затем продолжать совместно объезд района. Понятно, что никакого брата у австрийца в том доме не было. Он зашел к известному ему ростовщику и заявил ему, что советский комендант, ожидающий внизу в автомашине, требует ссудить ему без процентов на 3 недели 20 000 шиллингов и уполномочил его, служащего комендатуры, получить эти деньги и написать соответствующую расписку. Без особого энтузиазма ростовщик все же выдал деньги. Когда мошенник вышел из дома, то хозяин имел возможность убедиться, что он действительно сел в автомобиль комендатуры рядом с советским офицером. Через 3 недели, совершив ряд удачных спекуляций, аферист вернул деньги ростовщику, чем убедил последнего, что комендант лишает его не всей суммы, чего он опасался, а лишь процентов с нее, с чем можно было, скрепя сердце, смириться и не портить с оккупационными властями отношений.

Через несколько месяцев операция повторилась, но заем коменданту уже возрос до 50 000. Деньги опять были возвращены точно в срок, хотя и более продолжительный, чем первый. Предприимчивый жулик, от имени коменданта, в течение года «доил» ростовщика, пока наконец его операция не сорвалась. В указанный в расписке срок он не смог вернуть деньги, на этот раз весьма крупную сумму. Испуганный ростовщик пошел на личный прием к господину коменданту. Здесь выяснился подлог, но преступник уже успел скрыться в Западную Германию.

ГЛАВА 13. Работа западных разведок в Австрии

Непосредственный и повседневный контакт в Вене военнослужащих США, Англии и Франции, с одной стороны, и СССР с отличным от них общественным строем - с другой, с первых же дней оккупации носил мирный характер. Было интересно наблюдать солдат этих стран, мирно гуляющих в парках столицы или едущих в одном трамвае и пытающихся объясняться друг с другом. Но в последующем политические противоречия между «западом» и «востоком» все обострялись, союзнические обязательства утрачивали свою силу и систематически нарушались. Взаимно враждебная пропаганда обострялась. Единогласия в СК и комендатуре не удавалось добиться почти ни по одному вопросу. Возникал ряд конфликтов и среди низших чинов. Эти конфликты со временем все углублялись. Исчезли улыбки, появились хмурые, враждебные взгляды. Издавались запреты посещать союзные сектора под страхом дисциплинарных наказаний. Начались драки между нашими солдатами и бывшими союзниками. Все больше отмечалось случаев применения оружия в отношении бывших друзей по незначительным причинам. Офицер редакции групповой газеты «За честь Родины» ударом кулака убил американского солдата, старающегося назойливо выяснять у него какие-то вопросы. Часовой у общежития служащих советской части СК в Гранд-отеле застрелил английского капрала, пытавшегося в пьяном виде проникнуть в отель. Наш пьяный солдат застрелил французского солдата. При извинениях, которые вынужден был высказать наш комендант французскому по этому поводу, последний заявил: «Это явление закономерное. Там, где контактируются солдаты различных армий, взаимно настраиваемых одна против другой, конфликты неизбежны. Мне жать своего воина, но на дипломатическом демарше по этому поводу я настаивать не буду». Заявление было более чем откровенным.

Возрастающие противоречия между бывшими союзниками, которые особенно обострились в период войны в Корее и во время волнений в Берлине, умело использовались австрийскими властями. В первую очередь они постарались избавиться от коммунистов и прогрессивных лиц, назначенных в первые месяцы оккупации на административные должности (магистраты,

полиция) в советской зоне и секторах. Не имея возможности уволить эти кадры по политическим мотивам, австрийское правительство прибегло к обходному маневру. Оно установило обязательную сдачу всеми чиновниками, принятыми на работу в военный и послевоенный период, государственных экзаменов по ряду дисциплин. Так, полицейские и жандармы должны были сдавать юриспруденцию, подтвердить наличие среднего образования, умение печатать на машинке, знание австрийских законов, иностранных языков и др.

Все это подавалось под предлогом улучшения работы государственных учреждений. На деле это мероприятие позволило австрийским властям избавиться от коммунистов под предлогом их делового несоответствия, т. к. бывшим рабочим, зачастую недавно освобожденным из концлагеря или фашистской тюрьмы, было не под силу сдавать сложные испытания, да и образование у них было явно не блестящее. Таким образом, еще в нашу бытность у руководства страной враги любыми путями освобождались от неугодных им в классовом отношении лиц, находившихся в государственном аппарате, и укомплектовывали его своими ставленниками.

В Австрии лихорадочно работали разведки той и другой стороны. Численное преимущество при этом, несомненно, было на стороне наших врагов. Ими практически использовались все звенья австрийского государственного аппарата, включая полицию, жандармерию и различные ведомства министерств. Используя «местные возможности» и четко координируя свою работу, многочисленные разведывательные службы западных стран объединенными усилиями вели холодную войну с нашей разведкой с переменным успехом. Характерно, что они не боялись использовать у себя на руководящей секретной службе лиц русского происхождения, работавших на своих хозяев не за страх, а за совесть.

Начальником американской военной полиции венского гарнизона был, например, подполковник Воробей - белорус, сын эмигранта. Французским военным комендантом 1-го межсоюзного района являлся капитан де Пуришкевич, племянник известного черносотенца, а его ближайшим помощником лейтенант Полянский - бывший русский дворянин. Заместителем английского коменданта работал Петров. Значительное количество сотрудников СК и их жен были русскими по происхождению. К их числу можно было отнести Галину Мак-Гонигал - эмигрантку из Полтавы, жену разведчика США подполковника Грея и др. Женщины активно сотрудничали с разведками, выполняя старые, известные с давних времен задачи

по завлечению в свои сети наших соотечественников. Все эти бывшие и их сынки отлично знали русский язык, наши обычаи, и их трудно было отличить от советских граждан.

Американскую оперативную разведку в Вене представлял 430-й отряд ОС (Counter-intelligence corps - Служба контрразведки), имевший официальную резиденцию с вывеской. Он был укомплектован большим штатом сотрудников, которые, несмотря на свою молодость и небольшие чины (ворент-офицер, мастер-сержант), имели неплохую специальную подготовку, опыт работы в военное время и знали по нескольку языков.

Можно было бы привести многочисленные примеры работы западных разведок, характеризующие их методы и приемы. Эти примеры в свое время были сенсацией в Австрии и прогремели во всех газетах.

Жена американского разведчика подполковника Грея познакомилась на официальном приеме с женою советского консула Наливайко[7], которая об этом знакомстве сообщила своему мужу, а тот донес об этом по команде. Знакомство развивалось с подозрительной активностью со стороны семейства Грей. С санкции наших органов консул пошел на его углубление, и уже через несколько недель нежная дружба американского подполковника и советского консула зашла так далеко, что Грей предложил Наливайко бежать в США, обещая соответствующий пост, документы американского гражданина, компенсацию по официальному курсу взамен потерянных в советских сберкассах денег и ряд других «благ». Наливайко искусно разыграл роль колеблющегося. Он торговался, выпрашивал себе все новые привилегии и наконец согласился при условии, что он, еще до отъезда из Австрии, получит чек на крупную сумму, документы и гарантии в предоставлении ему работы. Все это было обещано Греем, который, несомненно, уже предвкушал награды за удачную операцию. Последняя встреча с Наливайко перед «отъездом его из Вены» должна была состояться в ресторане «Штадтпарк» в 1-м районе, комендантскую службу в котором в этом месяце несли русские. Желание заполучить советского консула было столь велико, а уверенность в реальности сделки так непоколебима, что Грей не обратил на эту мелочь внимания. В условленное время «друзья» встретились, и Наливайко за «дружеским» завтраком получил все обещанное вплоть до билетов на самолет до Нью-Йорка. Спокойно положив все документы в карман, консул со словами: «Негодяй, не все покупается!» - выплеснул в лицо Грея кружку с пивом. Началась потасовка, в которую вмешался «случайно» оказавшийся поблизости советский комендантский патруль. Грей и Наливайко

были доставлены в комендатуру, где был составлен протокол, организована пресс-конференция. Материалы представлены корреспондентам газет. Грей, как сотрудник СК, был отпущен, но на второй день все, в том числе и реакционные, газеты, вынуждены были сообщить об этом скандальном провале американской разведки. Характерно, что Грей еще около года как ни в чем не бывало оставался в Вене.

Были примеры и более тонкой работы английской разведки, окончившейся также неудачей для противника по совершенно случайным обстоятельствам.

Заместитель коменданта политчасти одного из районов Вены подполковник С. являлся страстным охотником. Все охотничьи экспедиции для него организовывал служащий комендатуры австриец Курт, знавший наиболее богатые дичью места, преимущественно на границе с Венгрией. С. был в восторге от расторопности и услужливости своего фаворита, являвшегося его постоянным спутником, егерем и оруженосцем. Однажды на охоте у границы Курт попросил подполковника сопроводить через венгерскую границу автомашину его друга, с тем что бы он не подвергался досмотру австрийских таможенников, поскольку советские военнослужащие и грузы, следующие с ними через границу, контролю в ту пору не подлежали, а советского КПП на этой заброшенной дороге не было. Курт просил об этом «небольшом» одолжении потому, что его другу нужно было перебросить в качестве подарка родственникам, проживавшим якобы в Венгрии, некоторое количество американских сигарет и прочей мелочи, запрещенной к' перевозу через границу без пошлины. «Не заинтересован же господин подполковник в укреплении буржуазной австрийской законности, не дающей бедному труженику привезти родственнику подарок, не содрав пошлину», - заявил с возмущенным видом Курт. Господин подполковник, бывший к тому же под хмельком, не мог отказать другу. Он не замедлил пересесть в кабину маленького грузовичка, принадлежащего «другу» Курта, и переехал с ним границу. Операция была действительно несложной.

На второй день Курт передал подполковнику конверт, в котором было 8000 австрийских шиллингов - размер его трехмесячного оклада. Курт заявил, что это скромный подарок за одолжение, оказанное господином подполковником. Курт и его друг будут весьма обижены отказом принять такую мелочь, тем более что, как известно Курту, супруга подполковника очень хотела иметь каракулевое манто стоимостью как раз в эту сумму. Дар был с некоторыми колебаниями принят. А через несколько недель с подобной же просьбой перебросить груз через границу,

но уже в более решительных тонах, к С. обратился непосредственно друг Курта. Попытка подполковника отказаться от поездки вызвала угрозу сообщить о полученной ранее взятке военному коменданту г. Вены и опубликовать в газетах. С. смалодушничал, поддался на шантаж и начал регулярно перевозить в Венгрию и принимать оттуда контрабанду и людей.

Пресечь дальнейший ход этой разработки помогла случайность. Наши органы КГБ арестовали шайку мелких контрабандистов. Один из них на допросе с укором заявил: «Вы тоже хороши. Выдаете себя за друзей бедных, а нас, настоящих бедняков, арестовываете. Крупным же акулам покровительствуете сами, очевидно, получая от них солидное вознаграждение». Контрабандист рассказал все, что знал, о самостоятельно действующей крупной банде, которая сотрудничала, как после стало известно, с английской разведкой. Подполковник был пойман на месте преступления. В разведку его еще не успели завербовать, хотя он был уже подготовлен к этому. За преступное использование служебного положения С. был приговорен военным трибуналом к 8 годам заключения.

Были в этой войне и комичные ситуации. Сотрудник нашей разведки П., работавший в центральной комендатуре на ответственной должности, начал изучение американской служащей Галины Мак-Гонигал, внешне лояльно относившейся к СССР и имевшей доступ к интересным сведениям об американской части СК. По роду своей официальной службы П. часто встречался с Галиной, получал от нее кое-какую устную информацию и наконец решил провести с нею продолжительную встречу наедине в ресторане 9-го района (американского). В другом районе Галина встречаться не хотела. Каково же было удивление П., когда американка, придя в условное место, сразу заявила, что все готово и они могут сейчас же выезжать за железный занавес. Как бы в подтверждение этой готовности, в ресторан вошли и направились к столу, где сидел П. со своей дамой, два рослых «МР» (military police - военная полиция армии США). Мак-Гонигал разъяснила, что попытку встречи с нею, сорокалетней женщиной, со стороны советского офицера она расценила как стремление просить через нее политического убежища у американских властей. По ее словам, она не могла допустить мысли о том, что встреча будет носить чисто интимный характер, как пытался убедить ее П. В Вене для таких целей слишком много молодых девиц.

По сигналу Галины «МР» исчезли, и наш офицер благополучно вернулся в свой сектор. Понятно, что никаких протестов в данном случае мы заявить не могли. Довести до

конца провокацию с похищением П. американцы не решились, т. к. он занимал слишком высокий пост. А возможно, они просто хотели показать, что намерения П. в отношении Г. Мак-Гонигал им известны. В данном случае нашла коса на камень. Коллеги потом долго шутили над П., что он пошел за шерстью и сам стриженый еле вырвался. Галина после этого как ни в чем не бывало встречалась с П. по официальной линии и уехала из Австрии в обычном порядке, по замене.

Нужно заметить, что американская разведка действовала в Австрии нагло и грубо, в расчете на массовость. Она не стеснялась в выборе средств вербовки, и некоторые морально неустойчивые работники наших оккупационных учреждений попадали в ее сети. Так, в 1949 году из РУ штаба ЦГВ перебежал к американцам переводчик лейтенант Шелапутин, который был за несколько недель до побега завербован ими при задержании его американской военной полицией в 1-м районе Вены, где он вступил в пьяную драку с американским сержантом. Поводом для вербовки явилась угроза американцев возбудить против Шелапутина уголовное преследование за членовредительство сержанту. Этот изменник, знавший многие секреты своего управления, нанес значительный ущерб нашей разведке, сообщив американцам подробные характеристики на личный состав разведки группы, ее организацию, методы работы.

В 1951 году подполковник Попов, работавший в СК, а в последующем в одной из разведывательных частей группы, был завербован американцами, Подставившими ему девицу, с которой он установил интимные отношения. Все контакты Попова с этой девицей были сфотографированы и использованы для шантажа. Не найдя силы воли признаться в своих проступках, Попов пошел на предательство. Позже, уже во время работы в Москве в 1959 году, он был разоблачен органами КГБ, судим и расстрелян. Судьба Шелапутина мне до сих пор не известна[8].

ГЛАВА 14. Деятельность разведки ЦГВ. Помогала притягательная идея

В процессе работы в разведке уже по окончании Великой Отечественной войны мне пришлось все больше убеждаться в преобладании идейных основ для работы в советской разведке большинства агентов-иностранцев. Слишком были сильны даже в капиталистическом мире симпатии к нашей стране, избавившей человечество от германского фашизма. Идеи социализма, казалось, все шире проникают в массы.

Австрия. С 1947 по 1955 г. мне довелось с небольшим перерывом работать в оперативной разведке Центральной группы войск вначале в качестве командира небольшой разведывательной части, а в последующем, до вывода наших войск из страны, заместителем начальника разведуправления штаба группы.

Вена являлась в ту пору центром разведывательной деятельности наших бывших союзников, направлявших свои усилия против СССР. Практически разведку в стране нам пришлось создавать заново. Для поиска нужных лиц и связи с ними использовались любые возможности, в том числе и лояльность большинства местного населения.

Архив. Один из наших офицеров посетил с экскурсией развалины древнеримского города Карнунтум. Он примкнул к группе австрийцев, слушавших объяснения какого-то знатока римской истории. Состоялось знакомство, в развитие которого наш офицер узнал, что его собеседник бывший майор вермахта Ганс Нильке в настоящее время служит архивариусом в государственном архиве Австрии. Офицер представился историком, изучающим походы Суворова через Альпы. Нильке охотно согласился представить ряд подлинных документов и категорически отказался от вознаграждения за услуги. В дальнейшем Ганс представил материалы о Брусиловском прорыве и начал за весьма скромное вознаграждение представлять сведения о современных мероприятиях правительства. В Австрии принято все государственные акты в одном экземпляре немедленно сдавать на хранение в архив. Нильке активно работал в нашей разведке. Характерно, что на вопрос, когда он догадался, что имеет дело с разведчиком, он ответил, что на второй встрече.

Слишком слабы были у нашего офицера знания истории для специалиста.

МИД Австрии. Друг нашего офицера подполковника Паппе[9], сотрудник полиции 1-го района г. Вены Ф., познакомил его с дипкурьером МИД Австрии бывшим старшим лейтенантом вермахта Францем Крафтом. Дипкурьер сравнительно легко пошел на сближение и активно сотрудничал, передавая для перлюстрации весьма ценные материалы своего ведомства. Любитель выпить, дипкурьер, тем не менее, принимал весьма умеренное вознаграждение за свои услуги, которые зачастую были весьма ценными.

Дежурный в приемной верховного комиссара Франции. Наш офицер Аркадий Петров познакомился на охоте в советском секторе с унтер-офицером (аджюданом) французской армии Жаном Пьери, состоявшим в охране верховного комиссара Франции. На базе обшей страсти - охоты возникла «крепкая дружба». За право охотиться в советской зоне Жан начал оказывать Петрову мелкие услуги, за которые получал подарки. В частности, дорогое ружье «меркель». Совместная, общая «страсть» переросла в дружбу с добычей для нашего офицера секретных документов МИД Франции. В последующем Жан начал принимать весьма умеренное вознаграждение, каждый раз подчеркивая, что он делает все из любви к нашей стране и Аркадию.

Свалка в Зальцбурге. Местный житель австриец Александр Вольф, проживавший неподалеку от штаба американских оккупационных войск, организовал покупку макулатуры, выносившейся на свалку из подразделений штаба под видом ее переработки. Вольф договорился с американским сержантом, выбрасывавшим отходы канцелярий, и за весьма скромную плату регулярно получал их. Он знал английский язык и отбирал наиболее ценные, по его мнению, черновики, брошюры и книги и привозил их в Вену нашему оперативному офицеру. Так нами впервые была получена инструкция о противоатомной защите Зальцбурга и других городов американской зоны оккупации Австрии и Западной Германии. Александр был нашим идейным другом. Он стеснялся получать вознаграждение даже за транспортные расходы. К сожалению, он погиб в автомобильной катастрофе. Не исключено, что она была организована американцами, заподозрившими Вольфа в связях с русскими.

Широкий круг вопросов военного, экономического и политического характера вскрывала разведка ЦГВ. В ней были представители различных слоев общества, и следует заметить, что расходы на их содержание были минимальными. Однако имелись и исключения:

Серватиус. Регулярно приезжавший в Вену из Западной Германии агент Серватиус всегда требовал оплаты всех его

расходов и награды за свои материалы о создании бундесвера. Сведения положительно оценивались в Центре. После одной из встреч наш офицер был вызван в КГБ группы войск, где ему сообщили, что наш агент является двойником и после встречи с нами сразу докладывает о ней в Бонне своим основным начальникам. К счастью, в КГБ имелся осведомитель, который немедленно сообщал о поведении Серватиуса. Это был чувствительный удар для нашей службы.

Спекулянт. Австрийской полицией 4-го (советского) района г. Вены был арестован за валютные спекуляции некто Симон Дрикс. При аресте у него было отобрано 62 золотые монеты и 750 граммов золота в различных изделиях. При проверке содержания заключенных в КПЗ полицейского комиссариата наши товарищи из разведки были очарованы Дриксом, показывающим большую начитанность, заверившим их в своих симпатиях к русским. Спекулянт нарисовал заманчивую картину своих связей среди офицеров западных оккупационных армий и согласился выполнить ряд заданий, если советские власти помогут ему выпутаться из создавшегося положения и избавиться от судебного процесса. В ход были пущены связи, влияние, наконец, власть, и Дрикс оказался на свободе. Выбравшись из тюрьмы, мошенник развил бурную деятельность. Он мастерски фантазировал, рисуя свои успехи по привлечению к работе в советской разведке американского капитана. Им были представлены «собственноручно» написанная биография этого капитана, его фотография, «подлинники» его донесений по американским войскам, начаты «контакты» с английскими офицерами. За все это он успел получить не только принадлежавшее ему золото, но и начал требовать дополнительного вознаграждения.

При проверке этой авантюры оказалось, что проходимец ловко водил за нос нашего работника и его начальника. Все его сведения оказались фикцией, и, вернув через наших чрезмерно доверчивых офицеров свои ценности, он скрылся.

Однако в общей сложности наша разведывательная служба, несмотря на неизбежные ошибки, объясняемые неопытностью офицерского состава, слабой координацией работы между действовавшими независимо друг от друга разведывательными и контрразведывательными органами, большой текучестью кадров, заменяемых через каждые три года, свои задачи выполняла удовлетворительно.

Самоотверженно, не считаясь со временем и усилиями, наши офицеры искали возможности проникновения на интересующие нас объекты, подбирая нужных людей, и в основном своевременно не только вскрывали все замыслы западников, австрийского

правительства, но и вели разведку прилегающих капиталистических стран ФРГ, Италии и Швейцарии.

Разведкой ЦГВ одной из первых были получены документы по организации, вооружению и оперативному предназначению ракетно-ядерных частей США, наставление по противоатомной, бактериологической и химической защите. Основные секретные мероприятия австрийского правительства, особенно по созданию будущей австрийской армии, находились под контролем нашей разведки, которая имела своих людей в МИД Австрии, МВД, военном архиве, в западных частях СК по Австрии.

Центральное положение страны, ее широкие связи с остальным капиталистическим миром открывали широкие возможности ведения разведки с позиции Австрии не только в Европе, но и за океаном. К сожалению, эта возможность разведкой ЦГВ почти не использовалась, поскольку главным объектом командованием группы считались противостоящие войска, которые, кстати говоря, не представляли собою никакого секрета.

Нами полностью игнорировались обширные каналы технической разведки - получение запрещенных к вывозу в социалистические страны образцов и патентов на средства радиоэлектроники, точной механики, медицинских средств и других новинок. Вместо этого ставились фантастические задачи добыть у французов бронетранспортер «Панар», американский миномет, винтовку НАТО.

Запомнился случай, когда профессор-хирург одной из австрийских больниц, работавший до войны в СССР, настоятельно рекомендовал получить через него уникальный в ту пору аппарат, объединявший в себе искусственное сердце и легкие. Это было в 1948 году, когда у нас о таких аппаратах еще ничего не было известно. Аппарат стоил 50 000 шиллингов. С учетом того, что рубль котировался в 6,5 шиллинга, на наши старые деньги это составляло около 8000 рублей. На мое предложение Центру купить аппарат я получил ответ, что наша медицинская техника является самой совершенной в мире и необходимости в таком аппарате наша армия не испытывает. Мне было предложено не отвлекаться от решения основных задач - разведки войск бывших союзников. Сообщение о создании такого аппарата нашими учеными появилось минимум 15 лет спустя.

Нужно заметить, что иногда сведения, представлявшие несомненный интерес и государственную важность, встречались нашим руководством весьма сдержанно, и наоборот, ответ на никчемные задания, поставленные в срочном порядке, например выяснить, сколько благородных металлов и каких содержится в

американских орденах, размер денежного содержания вооруженных сил западных армий и т. п., при своевременном их выполнении получал высокую оценку.

Так, не придали должного значения сообщению нашего источника в МИД Австрии о готовящемся западногерманскими и австрийскими властями запросе о судьбе якобы оставшихся в СССР военнопленных фашистской армии. Немцы подсчитали по сводкам Совинформбюро, опубликованным в газетах, с первых и до последних дней войны, количество трофеев, взятых Красной Армией в боях. По этим сводкам, явно преувеличенным, суммарное число пленных достигало 11 миллионов, число вагонов превышало весь вагонный парк Европы и т. д. По этим данным, СССР должен был возвратить, помимо уже отправленных на родину, еще около 5 миллионов человек.

Такой запрос ФРГ действительно сделала, и если бы к агентурным данным отнеслись более внимательно, наш ответ на этот запрос можно было бы мотивировать значительно полнее или вообще добиться его снятия.

Перед заключением государственного договора с Австрией, в апреле 1945 года, состоялось строго секретное совещание Рааба (бундесканцлера Австрии) с верховными комиссарами западных держав. На этом совещании Рааб просил любой ценой добиться вывода советских войск из страны, заверяя, что одновременный вывод войск западных держав не изменит, а лишь укрепит историческую привязанность Австрии к Западу. Обещанный ею нейтралитет будет всегда благожелательным для Америки, Англии и Франции, и в случае какого-либо конфликта между Востоком и Западом Австрия всегда будет на стороне последнего. Донесение об этом совещании, доложенное нашему Верховному комиссару И.И. Ильичеву, никак использовано не было.

Слабо готовилась советская зона оккупации и на случай вывода наших войск, конкретные сроки которого, как говорилось выше, не были известны даже руководству. Слишком щепетильными мы были в решении острых специальных вопросов. Каждая попытка зарезервировать на длительное хранение необходимые для оперативной работы средства и материалы встречала сопротивление. Подбор глубоко законспирированных людей и организаций для выполнения наших заданий в будущем был начат лишь незадолго до вывода войск. Достаточно сказать, что отряды топографов для съемки территории советской зоны были присланы за несколько месяцев до убытия последнего эшелона. Рассматривая нашу оккупационную деятельность в Австрии, невольно замечаешь большое количество ошибок, досадных недоработок.

В сражениях на тайных фронтах и открытых битвах холодной войны нам приходилось выступать против изощренных и сильных противников, действующих единым фронтом, и нужно с удовлетворением сказать, что при всей сложности обстановки существенных провалов советская военная разведка не имела.

Значительно больше неприятностей оперативного порядка имели наши коллеги по линии государственной безопасности, объем задач у которых был значительно шире и включал в себя не только обеспечение наших войск, но и проникновение в контрразведывательные органы вероятного противника. Большие усилия наших КРО направлялись также на изъятие изменников, военных преступников, националистов типа бандеровцев и бульбовцев из западных зон с целью воздания им должного за содеянные ими злодеяния против человечества и своего народа в период войны.

Работа подобного рода проводилась систематически и требовала больших усилий, т. к. вся эта нечисть находилась под покровительством западных держав и австрийских властей. Извлечение каждого такого мерзавца из западных зон требовало сложных операций, больших материальных затрат, а иногда и потерь преданных нам людей.

Известной ошибкой, с моей точки зрения, являлось поголовное изъятие из советской зоны оккупации всех осевших там в период гитлеровского господства так называемых перемещенных лиц советского происхождения.

Как известно, немцы угоняли много молодых парней и девушек на работу в Германию и Австрию. В Австрии, где режим в отношении восточных рабочих был мягче, чем в Германии, часть из них вступала в браки с австрийскими гражданами, как правило, в какой-то мере симпатизировавшими Советскому Союзу.

К 1948-1949 гг. юноши и девушки, угнанные в рабство в 1941-1942 гг., когда им было 16-17 лет, уже успевали обзавестись семьей, детьми, изучить язык и в какой-то степени ассимилироваться с местным населением. Этих людей мы почему-то ставили на одну доску с военными преступниками. Их разыскивали, арестовывали и без выяснения причин задержки в стране высылали в СССР в лагеря. На этой почве возникали трагедии. Детей отрывали от матерей и отцов, жен разлучали с мужьями, т. к. браки с иностранцами не признавались в ту пору законными. Запомнился случай, когда секретарь одного из райкомов УПА Вены безуспешно ходатайствовал о возврате ему жены, матери двух детей, увезенной в СССР.

Эти случаи, а они были довольно-таки многочисленными,

давали повод для самой разнузданной антисоветской пропаганды. Газеты пестрели сообщениями о похищениях людей русскими, причем опровергать эти публикации было весьма трудно, т. к. приводились реальные фамилии, показания потерпевших родственников и др.

Было бы значительно правильнее всю эту зеленую молодежь, так пострадавшую в детстве от ужасов войны, как правило, потерявшую своих близких на родине, оставить в Австрии или дать возможность выезжать в СССР всей семьей. Оставшиеся за границей при таких необычных обстоятельствах наши соотечественники создали бы своеобразную базу близких нам людей, на которых можно было бы влиять в последующем и использовать в нужном нам направлении.

ГЛАВА 15. Несение оккупационной службы войсками

Центральная группа войск имела в Австрии две дивизии и значительное количество отдельных частей обслуживания (инженерные, связи, ОСНАЗ и т. д.). Учитывая сравнительно небольшую территорию советской зоны оккупации, войска занимали весь казарменный фонд и стояли гарнизонами почти в каждом населенном пункте. Помимо повседневной боевой подготовки, несения службы суточного наряда, охраны линии демаркации, у военнослужащих оставалось свободное время, рационально использовать которое в условиях пребывания в чужой стране было очень трудно. Спортивные соревнования, кино, лекции и доклады на протяжении нескольких лет службы надоедали. Знакомство же со страной и контакты с ее народом всячески пресекались.

Отбор личного состава в части и соединения ЦГВ проводился весьма тщательно, но и при этих условиях в войска проникали по призыву разгильдяи и даже рецидивисты. Запомнился случай, когда один солдат, уже отслуживший в группе войск срочную службу, по возвращении домой достал новый паспорт, по которому он сразу стал на 4-5 лет моложе, вновь был призван в армию, попал служить в Вену и дезертировал к американцам. Количество чрезвычайных происшествий и бесчинств по отношению к местному населению было велико. Да и понятно, на 79-, 80-тысячную массу солдат, даже если ее комплектовать из ангелов, наверно найдется сотня чертей. А ведь в группу прибывали живые люди, росшие во время войны. У многих из солдат еще свежи были душевные раны от потери отцов и старших братьев, погибших от рук немцев или тех же австрийцев. И чем больше войск, связанных с боевой техникой, сконцентрировано на незначительной территории, тем больше происшествий, даже при самом высоком уровне дисциплины.

Так называемые ЧП были самыми разнообразными:

При учебных стрельбах снаряд с самолета попал в крышу здания.

Шофер не справился с управлением автомашиной, заехал на тротуар и задавил ребенка и старика-врача, лечившего несколько поколений пациентов в городе.

Солдат на посту, после окрика и выстрела вверх, застрелил идущего к объекту глухонемого.

Механик-водитель танка, проезжая по узкой улице в деревне, въехал в дом.

Два пьяных солдата, в соответствии с указанием коменданта, не были пущены в ресторан в Вене. В отместку они через стеклянную дверь разрядили диск ППШ по танцующей толпе. В результате несколько убитых и много раненых.

Пьяный солдат открыл огонь по межсоюзному патрулю, пытавшемуся его задержать. Советский и французский патрульные были убиты, английский тяжело ранен. Американца-шофера бандит под силой оружия заставил везти его в американскую казарму, где после перестрелки он был обезоружен нашим нарядом.

Подобные тяжелые происшествия, равно как и насилия, мелкие кражи, хулиганство сразу же через печать становились достоянием населения всей Австрии. Каждый, даже незначительный, случай нарушения общественного порядка утрировался и приобретал политическую окраску.

Два подвыпивших офицера в полупустом трамвае спросили кондуктора, сколько стоит арендовать целый вагон, и в шутку заплатили за все свободные места. В «Винер Курир» немедля появилась заметка о том, что советские офицеры не желают ездить в одном вагоне с австрийцами, рассматривая их как неполноценных людей.

Понятно, что наши воины, неся службу за рубежами своей Родины, совершали и много благородных поступков: приходили на помощь при пожарах, спасали утопающих, помогали при наводнениях и т. п. - но эти случаи упорно замалчивались «объективной» австрийской прессой, за исключением газеты компартии «Фольксштимме», число читателей которой было невелико, а ее информацию враги пытались всегда охаять.

Группа войск была укомплектована значительным количеством генералов и старших офицеров. Помимо штаба группы, развернутого по штатам фронтового полевого управления с громоздкими тылами, где даже начальник военторга был полковник, в Вене располагался весьма многочисленный аппарат советской части СК по Австрии, занимавший громадный отель «Империал», Центральная и районные комендатуры города, политаппарат, прокуратура, разведывательные и контрразведывательные части, сплошь состоящие из старших офицеров. Во всех городах имелись военные комендатуры с полномочиями, которые были значительно шире сферы контроля над своими войсками. Вся эта многоступенчатая иерархия военных властей подчинялась главнокомандующему группой и Верховному комиссару по Австрии, объединявшему до 1953 года

обе эти функции в одном лице. В 1953 году пост Верховного комиссара был выделен и замещен гражданским лицом в ранге посла.

Помимо военной и гражданской администрации, которая после выделения функций Верховного комиссара вынуждена была согласовывать свои решения в различных ведомствах (МИД и МО), самостоятельно управлялись экономические органы. Поскольку все немецкие активы в зоне, общим количеством свыше 250 заводов, фабрик, имений и др., были конфискованы, для управления ими были созданы УСИА (Управление советским имуществом в Австрии) и Нефтеуправление, подчиненное МВД. Помимо этого, на каждом советском предприятии в Австрии имелся, помимо австрийского директора и главного инженера, дублирующий советский персонал с контрольными функциями.

Весь этот сложный многоступенчатый аппарат пытался вести работу автономно, но исполнители, даже при солидных званиях и должностях, зачастую стремились застраховать себя от возможных неприятностей визами вышестоящих лиц соседнего ведомства, что не могло способствовать решению многочисленных военных, дипломатических, административных и экономических вопросов. Следует заметить, что далеко не все должностные лица, состоявшие в штате того или иного оккупационного учреждения, были действительно загружены работой. Иногда при избытке руководящих деятелей не хватало как раз самого необходимого звена низовых служащих, например переводчиков в комендатурах, инженеров со знанием немецкого языка на заводах, бухгалтеров-контролеров и др.

По роду службы мне приходилось бывать в оккупационных учреждениях бывших союзников, и меня всегда удивляла штатная экономия во всех звеньях их оккупационного механизма, повышенное чувство ответственности и самостоятельность в решении вопросов каждым должностным лицом. Вспоминается случай, когда летом 1950 года, в воскресенье, я получил от начальника штаба группы задание поехать в американскую комендатуру в Вене и любыми средствами изъять арестованного за бесчинства в американском секторе нашего солдата, который в пьяном виде открыл на улице стрельбу из автомата. Часовой, стоявший у комендатуры, информировал меня, что в связи с воскресеньем офицеров никого на службе нет, по городу дежурит мастер-сержант. Только желание поговорить с американским сержантом удержало меня от немедленного возвращения в свой штаб, т. к. я был уверен, что он не в состоянии решить такой сложный вопрос, как выдачу иностранного военнослужащего, совершившего столь тяжкие проступки.

Каково же было мое удивление, когда сержант, узнав, в чем суть дела, немедленно позвонил в 796-й батальон военной полиции в Штифтказерне на Марияхильферштрассе и приказал выдать русскому полковнику арестованного солдата. В комендатуре и батальоне приезд за солдатом полковника вызвал сенсацию. Сопровождая протрезвевшего шалопая в Баден, я думал в пути, что у нас при решении подобного вопроса подчиненные дошли бы до главнокомандующего. Да и дежурить в выходные дни по нашей Центральной комендатуре должны были только старшие офицеры.

Большое количество офицеров во всех, даже маленьких, гарнизонах, как бы подчеркивалось нами. Всем военнослужащим, независимо от звания, запрещалось ношение гражданской одежды. За этим бдительно следила внутренняя комендантская служба. Этим полагали достигнуть постоянного контроля за тем, где находятся офицеры вне службы, их времяпрепровождением. Удавался ли этот замысел, сказать трудно, но отрицательный эффект несомненно был. Обыватель-австриец всюду видел русского солдата, ставшего за 10 лет оккупации, по меньшей мере, маложелательной персоной.

Нужно заметить, что наши западные контрагенты имели в Австрии почти символические оккупационные войска. Американцы - один 350-й пехотный полк, англичане - неполную бригаду, французы - полубригаду альпийских стрелков и незначительные (не считая разведки) подразделения обслуживания.

Этим одновременно преследовались две цели:

1. Не раздражать население, признанное, кстати, без должных оснований, жертвой нацизма демонстративной оккупацией. Большое число иностранных солдат в стране - не лучший способ завоевывать симпатии населения. Неприязнь к иностранному мундиру, конфликты, неизбежные при большой массе оккупационных войск, чужие речь и обычаи неизбежно озлобляют местных жителей, особенно молодежь. Учитывая это, западники даже рядовым вне службы разрешили носить гражданскую одежду, для маскировки их среди гражданского населения.

2. Символическая оккупация с ограниченными войсковыми контингентами недорого стоит и не ложится тяжелым бременем на плечи налогоплательщиков оккупированной страны в том случае, если они содержат оккупантов. Это обстоятельство западная пропаганда упорно внедряла в сознание австрийцев, прозрачно намекая при этом на то, что у русских состав группы войск чрезмерно велик и содержание их подрывает австрийскую экономику.

Во всяком случае, за десять лет оккупации иностранный солдат и в нашей, и в западных зонах достаточно надоел коренным жителям. Неудивительно поэтому, что австрийцы в западных зонах тяготели к нашим бывшим союзникам.

В мае 1955 года в венском дворце принца Евгения Савойского - Бельведере был подписан государственный договор. При его подработке и обсуждении советская сторона удивила западных представителей, да и не только их, своей уступчивостью и пониманием интересов австрийского государства. За несколько сотен промышленных предприятий и сельскохозяйственных имений, составлявших немецкую собственность в Австрии, отобранную нами по праву победителей и переданных Австрии, была взята компенсация в размере 150 млн. долларов с рассрочкой на много лет и с поставкой товарами. Этот выкуп носил символический характер, поскольку один машиностроительный завод в Вайтгофене на Иббсе, на котором было занято около 1500 рабочих, стоил не менее четверти этой суммы. А таких предприятий было немало.

Цистердорфские нефтяные разработки, реконструированные нами и оснащенные современным советским оборудованием, были практически безвозмездно переданы австрийцам за незначительную компенсацию поставками нефти.

Все активы, включая банковские вложения, наличные деньги на предприятиях, движимое имущество переходили в собственность Австрии. Даже многочисленные персональные автомашины советских генеральных директоров и оборудование их служебных квартир передавались безвозмездно австрийской стороне.

Наша делегация, руководимая В.М. Молотовым, без дискуссий согласилась с возрождением австрийской армии в испрашиваемых западниками пределах. На первое обзаведение австрийским воякам была презентована материальная часть самолетов «МиГ-15» для авиационной эскадрильи и некоторое количество танков «Т-34». Оккупационные войска четырех держав выводились из страны через 3 месяца после подписания договора.

Такими неожиданными уступками наше правительство, очевидно, хотело перед уходом завоевать симпатии широких слоев населения Австрии, но враждебная пропаганда, которая крепко держала в своих руках общественное мнение страны, представила щедрый акт русских как заслугу правительства Рааба и помощь западных друзей Австрии. Страна и ее западные покровители ликовали. На улицах Вены и других городов стихийно возникали демонстрации, гулянья, карнавалы. Гремели оркестры, так же, как в 1945 году, экспансивные австрийцы

танцевали на площадях. Наша печать трактовала позицию Советского правительства в австрийском вопросе как образец нашего бескорыстия, проявления традиционной политики равноправия малых наций и т. д.

Советские офицеры и солдаты-фронтовики не могли понять, чем вызвана такая щедрость в отношении враждебного нам капиталистического государства, давшего фашистам не только их фюрера, но и 600 000 членов НСДАП, сотни тысяч солдат, офицеров и генералов, бесчинствовавших не менее немцев на оккупированной территории СССР. Все понимали, что обязательство Австрии соблюдать строгий нейтралитет является фикцией и при осложнении обстановки он будет нарушен.

В тяжелое положение была поставлена Компартия Австрии. Коммунисты, борясь за избирателей и авторитет среди рабочих, вынуждены были выступать за скорейший вывод всех оккупационных войск из страны, но руководство КПА понимало, что с уходом советских войск обстановка для работы партии будет весьма тяжелой. Жизнь это подтвердила. После ухода русских в их бывшей зоне начались умело проводимые властями репрессии не только против коммунистов, но и против многих лиц, сотрудничавших с советской администрацией.

Войска западных держав, в соответствии с договором, были в весьма короткий срок выведены в соответствующие зоны Западной Германии. Сложнее было перебросить в СССР войска группы с ее громоздкими тылами, большим количеством техники, многочисленным личным составом, семьями офицеров. Казарменный фонд, квартиры, полигоны сдавались по актам австрийским комиссиям, которые предъявляли зачастую фантастические требования по возмещению так называемых убытков. Ко всеобщему удивлению, нашим командованием были даны указания удовлетворять все претензии этих комиссий и владельцев объектов. Хотя с 1953 года советские оккупационные власти аккуратно платили австрийцам за все, «кроме воздуха», тем не менее счета на возмещение убытков росли по различным поводам и без поводов. Рассчитывая на отсутствие у нас учета, владельцы требовали оплаты жилплощади повторно и вперед за полугодие, при сдаче полигонов оплачивалось все, включая компенсацию за поврежденные при стрельбе межевые знаки, выдавались немалые суммы на ремонт и пр.

Жалобы и претензии поступали в посольство СССР и много времени спустя после убытия войск.

Были и забавные эпизоды. В городке Эбрайхсдорф в чудесном средневековом замке размещался наш радиотехнический полк ОСНАЗ: Перед сдачей замка, приведенного за 10 лет в весьма

неприглядное состояние, командир части полковник Юрков догадался пригласить комиссию на прощальный банкет, в ходе которого бургомистр не только подписал нужный акт, но и составил приветственный адрес командиру, где благодарил личный состав части за отличную дисциплину и взаимопонимание с австрийским населением. До этого полк был на одном из первых мест в группе по количеству ЧП. Основательно подвыпив, австрийцы лобызались с офицерами и почти серьезно заявляли, что если бы русские почаще так с ними встречались, то вопрос об окончании оккупации можно было бы и не ставить.

При отъезде эшелонов с войсками на родину их восторженно приветствовали австрийцы. Восторг при проводах не всегда приятен убывающему. Но очень часто можно было видеть и трогательные сцены прощания наших солдат и офицеров с австрийскими девушками, с которыми они, несмотря на строжайшие запреты, втайне от командования дружили и теперь не считали нужным скрывать это. Многие наши друзья-коммунисты, австрийская беднота искренне сожалели о добровольной передаче нами своих позиций в стране в руки их классовых врагов. Они рассчитывали, что решение австрийского вопроса будет иным и советская сторона обусловит в договоре известные демократические привилегии для трудящихся, поставит более прочные преграды проникновению западногерманского капитала в Австрию, оградит от возрождения нацизма.

Но советские войска уходили на Восток. С ними уходили надежды на изменение в стране общественного строя, и наиболее дальновидная часть населения, сотрудничавшая с русскими, изучала возможности эмиграции в ГДР, Венгрию, Югославию. В Австрию продолжало прибывать дорогостоящее, уникальное оборудование для нефтеразработок. После эвакуации последнего эшелона с войсками для уже не существующего военторга поступали вагоны с водкой, военной галантереей, шло сырье для предприятий, ставших уже австрийскими. Мы демонстрировали свою «оперативность». Опыт 1941 года, когда уже после начала войны к границе с Польшей шли составы с хлебом и нефтепродуктами для Германии, учтен не был.

В связи с этим запомнился один характерный эпизод. В 1956 году к коменданту дома, выстроенного нами на Таборштрассе в Вене для сотрудников советского торгпредства, прибыл из Аргентины уполномоченный хозяина, в свое время бежавшего от советских войск. Дом был выстроен на его земле, и поскольку было неизвестно, что ее владелец нацист, наши хозяйственники

не считали нужным оформлять в свое время ее покупку в венском магистрате.

Уполномоченный требовал немедленного освобождения территории, занятой домом, для… теннисного корта. При проверке законности этого наглого требования было установлено, что бывший владелец земли «денацифицирован» и из бывшего превратился в настоящего законного хозяина. Уполномоченный требовал сноса нового шестиэтажного здания, зная, что для этого потребуются средства, почти равные затраченным на строительство. С трудом удалось уговорить наглеца принять безвозмездно вместе с землею и дом. Австрийский закон и его блюстители юристы стояли на страже интересов бывшего нациста.

Часть бывших предприятий УСИА, несмотря на запрет, оговоренный в договоре, перешла при помощи различных комбинаций в руки немцев. Началась серия мелких, но тенденциозных акций антисоветского характера:

- Мост Малиновского вновь стал Рейхсбрюке.

- Улица Толбухина получила старое наименование Лаксембургерштрассе.

После опубликования в Австрии ряда материалов о так называемом культе личности Сталина и массовых репрессиях советских граждан бывший бургомистр города Вены, в последующем президент Австрии, Ионас при многотысячном стечении народа на площади, названной в 1945 году именем Сталина, лично сорвал табличку «Сталинплац», заявив, что австрийцы, верные своей дружбе с советским народом, не считают возможным именовать площадь своей столицы ненавистным русским именем Сталина и возвращают ей прежнее наименование Шварценбергплац.

Прах советских воинов-героев, похороненных в 1-м районе города Вены, под благовидным предлогом перенесли на Центральное кладбище во 2-й район. Под видом разоблачения культа личности Сталина в стране началась бешеная антисоветская пропаганда. Поносилось все советское. Газета социалистическо й партии Австрии «Арбайтер цайтунг» и ее редактор Оскар Поллак изощрялись в злобных выпадах против Страны Советов, и все это преподносилось как проявление дружеских чувств к советскому народу, коему Хрущевым якобы были открыты глаза на ужасы сталинизма.

Вновь были использованы старые перепевы об ограблении Австрии русскими, похищении ими людей, отсталости и некультурности советских граждан. Подсчитывались и выводились баснословные суммы стоимости вывезенной

офицерами Советской Армии мебели, приводились анекдотичные случаи переброски из Австрии в СССР самолетами надгробных памятников, коров и пианино для русских генералов. Большой репортаж был посвящен находке на свалке картины Рембрандта, которую комендант 4-й комендатуры города подполковник Г., по невежеству, приказал выбросить из своей квартиры. Подводились итоги по всем чрезвычайным происшествиям за 10 лет с указанием стоимости ущерба вплоть до количества младенцев, прижитых австрийками от русских солдат и офицеров.

Брались отдельные факты, к сожалению, имевшие место за период многолетней оккупации, они утрировались и подавались вместе с далеко идущими обобщениями, рисующими советского человека варваром XX века, просящим австрийца продать за любую цену электрическую лампочку в комплекте с запасом света, незнакомым с элементарными достижениями культуры.

Вся эта антисоветская свистопляска проводилась планомерно и ни для кого из нас не являлась неожиданностью. Она еще раз подтвердила, что оккупация Австрии не принесла нашей стране существенных политических и экономических преимуществ. За этот период мы не смогли завоевать симпатий народа, не обеспечили возможность успешной работы нашей опоры в этой стране - компартии, не создали ей должных предпосылок завоевания большинства масс в будущем. Оговоренный в договоре «вечный нейтралитет» начал приобретать формальный характер.

Экономическое проникновение западногерманских монополий в страну пресечь не удалось, гарантий от возрождения неонацизма на австрийской почве создать мы не смогли.

Таким образом, длительный период оккупации Австрии советскому народу ничего, кроме значительных расходов на содержание войск, не принес.

ГЛАВА 16. ГДР - Группа советских войск в Германии (1956-1958 гг.)

Весной 1956 года я был назначен заместителем начальника разведывательного управления штаба ГСВГ и проработал в этой должности 3 года. Штаб группы в то время располагался в полусотне километров от Берлина, в живописной деревушке Вюнсдорф вблизи городка Цоссен. В этом районе в период Второй мировой войны располагался учебный центр по подготовке танкистов для Гудериана, и сохранившиеся казарменные здания в какой-то мере были приспособлены для размещения многочисленных штабных подразделений и служб. Правда, жилищные условия были не из блестящих, но для москвичей, не избалованных в этом отношении, одна квартира немецкого фельдфебеля вполне «удовлетворяла» семьи двух полковников Советской Армии.

Прекрасная школа-десятилетка, гарнизонный дом офицеров с зеленым театром и стадионом, большое озеро и лес в черте военного городка, хорошо организованные бытовые учреждения создавали все условия для нормальной жизни членов семей офицеров, а хорошо поставленная культурно-просветительная и кружковая работа в клубе штаба группы не давала возможности отрываться от общего пульса трудовых будней далекой Родины.

Группой войск в ту пору командовал маршал Советского Союза А.А. Гречко, начальником штаба был генерал-лейтенант Н.П. Сидельников. ГСВГ, несущая службу по охране безопасности социалистического лагеря на его передовых рубежах, была в ту пору весьма «беспокойным хозяйством».

Сложность международной обстановки в 1956 году усугублялась контрреволюционным восстанием в Венгрии, беспорядками в Польше, волнениями в Румынии, которые окрыляли реваншистов в ФРГ и их западных пособников, фактически инспирировавших эти беспорядки в расчете на свержение ненавистных им народно-демократических режимов в этих странах.

В войсках НАТО и ФРГ происходил ускоренный процесс их перевооружения ракетно-ядерным оружием. Форсированно создавались дивизии бундесвера - армии реванша.

В этих условиях работу в разведке группы войск, стоявшей на переднем крае классовой борьбы, нельзя было считать самой спокойной. Практически в любой момент можно было ожидать

какой-либо провокации от «милых» соседей. Нарушения воздушного пространства ГДР самолетами, переход границ подразделениями бундесвера, запуск воздушных шаров с антисоветской и антикоммунистической пропагандистской литературой, засылка многочисленных агентов, направлявшихся десятками различных подрывных организаций, от военной контрразведки создаваемой западногерманской армии до ведомства по защите конституции ФРГ, не считая разведок и контрразведок западных оккупационных держав, ведущих активную работу против ГСВГ и ГДР, - со всеми этими атрибутами «холодной войны» нашей разведке приходилось сталкиваться ежедневно.

При изучении обстановки в стране пребывания первое, что можно было заметить при близком общении с жителями ГДР, это их скрытую органическую неприязнь к русским. Очевидно, понадобится смена нескольких поколений, прежде чем ядовитые семена фашистского человеконенавистничества, расизма, чувство превосходства перед людьми других наций будут вытравлены временем в этом народе, готовившемся в течение многих лет быть властелином мира. К сожалению, многие наши руководители иногда отождествляли демонстративную, зачастую вынужденную лояльность немцев к СССР и другим социалистическим странам, осуществляемую партийно-правительственной и военной верхушкой, с истинной дружбой. Официальные встречи, декады и месячники германо-советского общества, приезд многочисленных делегаций партийных, государственных, деятелей науки и культуры, совместные учения войск не всегда находили должный отклик и понимание у рядовых немцев, многие из которых сравнительно недавно являлись господами в оккупированной России. Понятно, что постепенно всеми рычагами воспитательной машины ГДР: школой, печатью, радио, телевидением, общественными организациями, законами - дух шовинизма и неприязни ко всем у советскому пытались выветрить, но процесс этот осуществлялся весьма медленно и недостаточно эффективно. Трудно в стране, где, как и у нас, в каждой семье имеются жертвы войны, убедить оставшихся в живых в том, что их дед, отец, муж, брат или сын участвовал в грабительской войне и погиб от рук мстителей, воевавших за правое дело. Тем более что мать, показывая сыну портрет отца или дела, погибшего на Восточном фронте, не всегда вдается в эти подробности, а просто говорит: «Вот какой был твой отец, убитый русскими», - и такая домашняя пропаганда зачастую была значительно сильнее государственной.

Расчленение на две части в прошлом сильнейшего в Европе однородного по национальному составу государства не

воспринималось многими в ГДР, и особенно молодежью, как должное возмездие за бесчинства и захватническую политику фашистов. Высокие идеалы строительства социализма в первом в мире немецком государстве рабочих и крестьян воспринимались далеко не всеми немцами, избалованными в период гитлеровского господства высоким жизненным стандартом, обеспечивавшимся в прошлом за счет ограбления других народов. Отрицательно сказывался также на настроении рядовых немцев экономический бум в ФРГ, с жителями которой граждане ГДР имели широкую возможность непосредственного общения как через открытый для той и другой стороны Западный Берлин, так и при свободных поездках через линию демаркации. Капиталистические «прелести», более высокий, чем в ГДР, уровень жизни, изобилие многих, еще недостающих у нас товаров и продуктов, привычный уклад, близкий к прошлому порядок - все это развращало и еще больше настраивало против нас, виновников всех бед, рядового немецкого обывателя, еще не забывшего, как он маршировал в гитлерюгенд и состоял в НСДАП.

В этом свете немалую роль в разжигании антикоммунистических настроений играли засылка провокационной литературы, радио и телевидение ФРГ, обливающие потоками грязи политику и руководителей ГДР и искусно использовавшие известные промахи и недостатки в ее внутренней жизни.

Нужно заметить, что иногда мы своими рекомендациями, переносящими в условия европейской страны наши порядки, методы и пути перестройки общества без тщательного учета местных особенностей, истории и уклада народа, объективно давали повод для антикоммунистической пропаганды наших врагов. Так, поголовное кооперирование немецкой деревни с ее ранее высокоразвитым фермерским хозяйством, имеющим и без того высокий уровень механизации, можно было не форсировать, так как сведенные в колхозы немецкие крестьяне резко снизили продуктивность, организованность, дисциплину труда, которыми они так славились раньше. Появились присущие нам элементы бесхозяйственности, разгильдяйства, безразличия к обобществленному имуществу, стало недоставать сельскохозяйственных продуктов. Оплата крестьян по трудодням натурой была столь не свойственна немцам, что они ее вынуждены были быстро заменить денежной.

Недостатки в снабжении городского населения овощами, фруктами, мясом, жирами, понятно, были меньшими, чем у нас, но не привыкшие к ним даже во время войны немцы на

предприятиях и стройках высказывали недовольство. Особенно их возмущали промахи в сфере обслуживания, очереди за нормированными продуктами. Немец привык к сервису, к удобствам, и ему было не ясно, почему его паек, определенный по карточкам и достаточно большой, нужно прямо заметить, он не может получить с доставкой на дом. Почему нет апельсинов, бананов, импортных товаров широкого потребления, которые в избытке были выставлены в витринах магазинов в Западном Берлине? Почему дирекция народных предприятий не выдает 13-ю зарплату к рождественским праздникам? Почему врачам, работающим в клиниках, запрещена в свободное для них время частная практика, вследствие чего снизился жизненный уровень этих врачей и создались большие очереди в бесплатных клиниках, больницах, амбулаториях? С какой целью ограничиваются ремесленники всемирно известных промыслов оружия в Зуле, аккордеонов - в Клингентале? В чем смысл запрета выездов студентов на каникулы к родственникам, проживающим в Западной Германии? Множество подобных вопросов возникало у немцев ГДР в ту пору, и руководство, к сожалению, на многие из них не считало нужным отвечать, что вызывало внутреннее недовольство действиями властей и создавало благоприятную почву для вражеской агитации внутри страны и особенно в ФРГ.

В результате всего этого в 1956 году через Берлин и «зеленую» границу в Западную Германию бежало ежемесячно до 30 000 человек, преимущественно самодеятельного населения, квалифицированных рабочих и ремесленников, врачей, учителей, инженеров, крестьян. Люди бросали свое имущество, обжитые места, родных. В ФРГ их обеспечивали работой, жильем, ссудами и пособиями на обзаведение. Вокруг беженцев создавалась невообразимая пропагандистская шумиха, рисующая все прелести проживания в «настоящем отечеств е», что не могло не воздействовать на некоторых нестойких граждан ГДР.

Из Западной Германии в ГДР также имелся приток населения в 1000-15 000 человек в месяц, но это были главным образом старики, беременные женщины и инвалиды, устремлявшиеся в демократическое государство для пользования социальными льготами, которые в нем были значительно выше, чем в ФРГ. Многие таким путем умудрялись получать субсидии и льготы от обоих режимов, перебегая из одной республики в другую. Такое положение крайне затрудняло контроль за населением, облегчало работу всяческих разведок, дезорганизовывало нормальную жизнь республики. Требовались меры, стабилизирующие границу, устраняющие возможности утечки через Берлин не только людей, но и крупных материальных ценностей, валюты, товаров.

Зная общественное мнение немцев обеих республик и их отношение к оккупационным державам, можно прийти к парадоксальному выводу. В ФРГ простые рабочие и крестьяне с большими симпатиями относятся к русским, чем к американцам, англичанам или французам, и особую неприязнь питают к американской солдатне. В ГДР, как раз наоборот, средний немец тянулся ко всему западному и ограничивался в отношениях с русскими и гражданами других социалистических стран официально-казенной «фрейндшафт» (дружба), организуемой властями.

Несомненно одно, что в ту пору в Западной Германии и ГДР немецкому обывателю основательно надоели многочисленные иностранные войсковые части, и особенно не любят они тех, с кем чаще соприкасаются. Национальную гордость немцев, когда-то гипертрофированную, и в наше время оскорбляет иностранная военная форма, которую можно было увидеть почти в каждой деревушке Германии. Это в какой-то мере учитывали западники, разрешавшие своим рядовым вне казарм носить гражданскую одежду. Мы в таких «принципиальных» вопросах оставались непреклонными и, во избежание конспиративных встреч с немецкими дев ушками, запрещали даже офицерам в высоких званиях ходить в штатском платье.

Проводившаяся в течение ряда лет гонка вооружений и увеличение армейских контингентов на Западе, ответные игры на Востоке, отсутствие перспективы остаться без непрошеных «опекунов» в ближайшем будущем в значительной мере угнетали немцев как в ГДР, так и в ФРГ. Все усиливавшаяся неприязнь к оккупантам, в том числе и советским, несмотря на все старания доказать вынужденный характер их пребывания в ГДР, объяснялась в значительной степени также солидным количеством ЧП и бесчинств в отношении местного населения со стороны военнослужащих Советской Армии. При самом тщательном отборе пополнения, большой политической работе с солдатами и офицерами на 0,5 млн. ангелов всегда могла найтись тысяча чертей, справиться с которыми, несмотря на строгие меры, было весьма трудно.

Запреты общения наших военнослужащих с местными жителями приводили к тайным встречам, преимущественно с женщинами легкого поведения, насилиям; строгий казарменный режим - к самовольным отлучкам, пьянству, воровству, иногда перерастающему в бандитизм. Обо всех чрезвычайных происшествиях, связанных с боевой подготовкой, а также бесчинствах солдат против немцев без официального вмешательства властей ГДР в преувеличенной, искаженной форме

становилось известно не только в ГДР, но и в Западной Германии. Дело доходило иногда до попыток организовать демонстрации протеста против произвола оккупантов. Так было при убийстве нашими солдатами шофера такси потсдамского парка, когда сотни шоферов пытались провожать на автомашинах своего убитого товарища и салютовать на его могиле клаксонами. Ценой больших усилий политуправления группы демонстрацию удалось предотвратить, но весьма неприятный политический резонанс от этого происшествия прозвучал по всей Германии. Известное количество несчастных случаев, почти неизбежных при большой концентрации вооруженных сложной боевой техникой воинов на ограниченной, густонаселенной территории, также не способствовало взаимопониманию между нашими войсками и местным населением. За каждую мелочь приходилось расплачиваться втридорога. А ведь часто бывали происшествия, ущерб от которых не мог быть восстановлен деньгами (смерть, увечья, моральные травмы). Понятно, что американские войска бесчинствовали в своей зоне значительно больше наших, но они имели и большую возможность откупаться за них чистоганом. Мелкие конфликты с торговцами, девушками, прислугой нередко разрешались самими нарушителями, получавшими в период службы в оккупационных войсках значительное денежное содержание. Так, американский рядовой получал в ту пору в месяц при полном бесплатном содержании на карманные расходы 120 долларов. Ими он мог в мире, где все продается и покупается, расплачиваться за мелкие проступки, совершая это с видом благодетеля. У наших же солдат при их 10 марках месячного жалованья каждая вина была виновата, и о ней немцы с охотой доносили своим властям, предъявляя иногда к оплате буквально копеечные иски и претензии.

Однако в тот период, несмотря на крайнюю неприязнь населения к нашим воинам, случаев убийств и ранений советских военнослужащих не было. Это объяснялось большой внутренней дисциплиной немцев и известной боязнью репрессий со стороны советских властей. Приходила в голову мысль, что если бы подобная ситуация сложилась где-нибудь у нас в Брянской или Тульской области, не избежать бы кровопролитных схваток, а то и возникновения организованного движения сопротивления против оккупантов.

В такой обстановке ГДР создала свою Национальную Народную Армию, которая первое время комплектовалась по вольному найму с заключением соответствующих контрактов на определенный промежуток времени. Такая армия ложилась тяжким бременем на бюджет страны и не могла являть собою

современный боеспособный воинский организм. Трудно представить себе современные ракетные войска, авиацию, флот, танковые войска, укомплектованные личным составом по вольному найму. Эта система комплектования, понятно, оправдать себя не могла, и через некоторый промежуток времени ННА стала строиться на основе закона о всеобщей воинской повинности.

С учетом особенностей республики, являющейся частью ранее единого, однородного в национальном отношении государства, некоторого своеобразия ее внутренней обстановки возникал вопрос: а явится ли ННА, входящая в Варшавский Договор, надежным партнером этой оборонительной военной организации европейских социалистических государств?

Будет ли Ганс из Магдебурга со всеми его внутренними сомнениями в правоте дела, которое он призван защищать, стрелять в своего дядю или кузена из Ганновера, служащего в бундесвере? Не предпочтет ли он присоединиться к нему с тем, чтобы совместно с близкими ему по духу западными вояками ударить единым фронтом против армий других социалистических стран и взять реванш за поражение своего деда, отца, брата, шурина в прошлой войне? Не явится ли так заботливо подготавливаемая и вооружаемая нами немецкая армия в решающей битве пятой колонной? Эти вопросы возникали у многих, и ответ на них могло дать только будущее.

Следует отметить, что в пятидесятых годах подавляющее большинство государственных руководителей ГДР, являвшихся, как правило, представителями старой школы коммунистов - тельмановцев, были истинными друзьями Советского Союза. Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Маттерн, Марон и многие другие работали в Коминтерне и имели большой опыт политической деятельности еще до прихода фашизма к власти в 1933 году. В период войны эти немецкие коммунисты находились в эмиграции в СССР и принимали активное участие в борьбе с фашизмом. Они писали воззвания к немецкому народу и передавали их по радио, вели большую пропагандистскую работу в антифашистских школах, лагерях военнопленных, входили в состав национального комитета «Свободная Германия». Некоторые, как В. Ульбрихт,

непосредственно в зоне боевых действий сотрудничали с 7 отделами фронтовых Политических управлений по разложению войск противника и с передовых позиций по радио или с помощью мегафонов обращались с антифашистскими речами и призывами сдаваться к солдатам вермахта.

Руководители этого типа, прибывшие в советскую зону

Германии непосредственно с войсками, были неразрывно связаны с Советским Союзом, являлись во вновь образованном немецком государстве нашим золотым фондом и опорой. Понятно, что они по праву заняли в ГДР ключевые партийные и государственные посты, и неудивительно, что сразу же были встречены в штыки не только немецкими неонацистами в ФРГ, но и фашиствующими элементами в ГДР. С запада обрушились потоки клеветы, грязных измышлений «о продажности

режима в восточной зоне», коммунистическом терроре и т. д. В ход было пущено испытанное оружие диверсий, экономической дискриминации, политического шантажа. Естественно, что у руководства страной старая гвардия КПГ могла оставаться лишь при условии пребывания в ней наших войск и оказания ей всемерной помощи со стороны СССР. Руководители ГДР знали это, но, учитывая непопулярность в народе оккупации, как на востоке, так и на западе, вынуждены были неоднократно ставить вопрос о выводе иностранных войск из обоих немецких государств, постепенном объединении ГДР и ФРГ на основе взаимного признания, усиления политико-экономических связей, создания единого парламента и т. д. Требования в ту пору были явно нереальными и вряд ли приемлемыми для нас, поскольку капиталистическая и в основе нацистская ФРГ проглотила бы, в случае осуществления этих требований, первое немецкое рабочее государство без остатка. На западе не сразу поняли это и категорически выступили против объединения Германии, что показало правительство ФРГ в явно невыгодном свете в глазах простых немцев.

К концу пятидесятых годов оба немецких государства в основном оправились от последствий Второй мировой войны, залечив раны, полученные в ней, ранее, чем некоторые из победителей. Здесь, как и в примере с Австрией, весьма благоприятно для немцев сказалось яростное соревнование двух противоположных лагерей - западного, возглавляемого США, и восточного во главе с СССР, - кто больше даст бывшему противнику займов, ссуд, льгот, политических привилегий, поставок продовольствия, оружия и т. д. и т. п. для завоевания политического авторитета в своей зоне оккупации.

Все усиливающиеся противоречия между СССР и США по германскому вопросу умело использовались обоими немецкими государствами, которые хотя и принадлежали к противоположным лагерям, но были едины в вопросе получения материальных благ, каждое со своих партнеров. В результате в ФРГ стали кричать о достижении после войны пресловутого «экономического чуда», а в ГДР в ответ на это В. Ульбрихт

обратился к правительствам социалистических государств с просьбой обеспечить самому западному форпосту социализма жизненный стандарт населения не ниже, чем в капиталистической ФРГ. В результате внутри- и внешнеполитических акций СЕПГ и правительства ГДР авторитет его среди трудящихся республики стал постепенно укрепляться.

Помимо старых коммунистов, в руководство СЕПГ и государства постепенно включались молодые партийные функционеры, часть которых во время войны была в подполье, как Эрик Хонеккер, находилась в эмиграции в Англии, а также левые социал-демократы, вошедшие в СЕПГ. Эти деятели сдержаннее относились к русским, зачастую забывая, кому они обязаны своим существованием. «Старики» помнили это и, несмотря на свои большие государственные и партийные посты, всегда шли нам на помощь. Чего нельзя было сказать о «молодежи», зараженной в известной мере немецким национализмом и спесью.

Создавалось впечатление, что даже в условиях оккупации страны нашими войсками, с уходом верных нам друзей - старых коммунистов, строить взаимоотношения с молодыми руководителями, пришедшими им на смену и преисполненными чувства собственного достоинства, становилось все труднее.

ГЛАВА 17. Денежная реформа в ГДР в 1957 году

Практически неограниченное передвижение немцев из ГДР в ФРГ и обратно через линию демаркации, которая все еще не стала в полной мере границей, наличие широких «ворот» в Берлине, проезд в которые для граждан ФРГ и ГДР был не ограничен, открытая для немцев граница между секторами в городе создавали в ту пору большие возможности для экономических диверсий против «восточной зоны», как западники называли первое в мире немецкое социалистическое государство.

В Западном Берлине во всех магазинах и на обменных пунктах в ФРГ свободно принимали деньги ГДР по курсу 5 марок за 1 западногерманскую. Учитывая то обстоятельство, что цены на основные товары широкого потребления и продукты в Западном и Восточном Берлине были примерно одинаковые, валютчики и спекулянты наживали на этом целые состояния. К примеру: закупался в ГДР аккордеон «Вальтмейстер» за 600 восточных марок и продавался в Западном Берлине почти за ту же цену, но уже в марках ФРГ. Эти деньги легко обменивались в Западной Германии уже за 3000 марок ГДР, с которыми начинался новый расширенный цикл спекулятивных махинаций с получением многих сотен процентов нетрудовых доходов.

Курс марки ГДР на черном рынке умышленно обесценивался властями Западной Германии с целью подрыва экономики ГДР. Нужно сказать, что враги достигали своей цели, не только снижая курс марки ГДР, но и развращая «восточных» немцев перспективами легкой наживы. Из-за необходимости практически снабжать товарами весь Берлин затруднялось обеспечение Восточного Берлина не только промтоварами, но и продовольствием, т. к. все жители Западного Берлина предпочитали с помощью родственников и знакомых из ГДР закупать продукты в Восточном Берлине на восточные марки, за 1/5 их стоимости. Требования в магазинах предъявлять удостоверения граждан ГДР, некоторые ограничения в продаже не решали полностью проблемы стабилизации рынка. Для пресечения валютных махинаций западных дельцов и изъятия денег у спекулянтов-валютчиков в ГДР в 1957 году была проведена денежная реформа, существо которой заключалось в следующем.

В течение одного дня все старые банкноты ГДР были

заменены в соотношении 1:1 в неограниченных количествах на новые, причем наличными владельцам денег меняли лишь 300 марок, о чем делали отметку в паспорте (аусвайс). На всю сумму сверх 300 марок выдавались чековые книжки, выплата по которым производилась лишь после доказательства владельцами чеков, перед авторитетными комиссиями, трудового характера сданных на обмен денег. При отсутствии доказательств законного источника накоплений они конфисковались в доход государства, а владельцы могли быть, в зависимости от решения комиссии, привлечены к уголовной ответственности за хищения или спекуляцию. Та же процедура осуществлялась и в сберкассах, куда явка владельца денег для получения предварительной выплаты в размере 300 марок была необязательна.

Для выяснения законности накоплений у владельцев чеков и сберегательных книжек устанавливался довольно продолжительный срок, по истечении которого претензии к государству по получению денег по чекам без особо уважительных причин не принимались. Многие из владельцев чеков и сберкнижек на необъяснимо высокие суммы предпочитали воздерживаться от их последующего предъявления к оплате, дабы не быть привлеченными к уголовной ответственности за незаконные пути обогащения. Некоторые подпольные миллионеры просто боялись предъявлять свои капиталы к обмену.

Лица, находящиеся за границей, в госпиталях, тяжелобольные и т. д. могли проводить первичный обмен под контролем чиновников финансовых органов в течение 10 дней по предварительным тарифным заявкам с последующей личной явкой для обмена заявленной суммы. При невозможности личной явки владельца денег обмен могли произвести его родственники и знакомые по доверенности или ходатайств у соответствующего учреждения, по линии которого владелец денег находился в командировке и не мог осуществить эту процедуру в установленные сроки. Обмен денег иностранным учреждениям в ГДР (посольства, консульства, торговые представительства и др.), в том числе и советским организациям и воинским частям, проводился также в весьма сокращенные сроки в соответствии с особым положением.

Частным лицам из ФРГ обмен денег не производился. В этот день тысячи жителей Западной Германии и Берлина устремились в ГДР и Восточный Берлин, пытаясь нелегально провезти и как-то, хотя бы за бесценок, реализовать награбленные капиталы. На КПП в Вартбурге и Мариенборне, на границах секторов в городе, можно было наблюдать трагикомичные картины, когда у

солидных господ и дам свертки с крупными купюрами старых восточных марок обнаруживали не только в прическах, но и в других, более сокровенных местах. Кучи банкнот различного достоинства, как ненужный мусор, валялись на полу в таможенных пунктах, на КПП. Некоторые слабонервные спекулянты валютой, сразу превратившиеся из миллионеров в нищих, кончали жизнь самоубийством. Тысячи разорялись.

Основная масса честных тружеников ни в какой мере не пострадала от проведения реформы и с удовлетворением встретила ее. Проведена она была со свойственной немцам организованностью и пунктуальностью. Успеху этого важного государственного мероприятия способствовало сохранение всей подготовительной работы в глубокой тайне, исключающей возникновение каких-либо догадок и домыслов. Деньги печатались в СССР и были завезены в финансовые органы в обычной упаковке за печатями, вскрыть которые была дана команда лишь в час обмена. Утверждали, что решение правительства о проведении реформы было принято по предложению В. Ульбрихта за несколько часов до обмена и ни один министр якобы не был отпущен с заседания совета, на котором до наступления часа обмена рассматривались другие государственные вопросы. ГДР получила в результате этой денежной реформы (обмена) свыше двух миллиардов марок дохода.

ГЛАВА 18. ГДР (1956-1958 гг.). Встречи и наблюдения

Группа советских войск в Германии постоянно находилась в центре внимания наших государственных руководителей. Боевая готовность этого аванпоста сил мира имела первостепенное значение для безопасности не только СССР, но и всего социалистического лагеря. Составляя значительную часть Советских Вооруженных Сил, ГСВГ находится на территории ГДР, где тяготы воинской службы в мирное время были значительно большими, чем во внутренних округах.

Повседневное напряжение, частые тревоги с выходами на учения, жизнь в закрытых гарнизонах, фактически изолированных от местного населения, - все это морально утомляло наших воинов, особенно рядовой и сержантский состав срочной службы. Сплошь и рядом наши молодые люди, прослужив в каком-либо захолустном местечке ГДР три года, ничего, кроме своего гарнизона, не видели, и он им настолько надоедал, что они с особым нетерпением ожидали конца службы в Германии, которую многие солдаты называли «сытой каторгой».

В этих условиях особое значение приобретала действенная работа политорганов, которые были призваны в сложных условиях внутренней и международной обстановки поддерживать моральный дух войск. При этом по каким-то соображениям совершенно не использовался такой вид интернационального воспитания, как изучение страны, ее культуры, рабочего движения. Для офицеров, находящихся за рубежом, было запрещено заочное обучение в вузах, а для солдат - в вечерних средних школах.

С целью непосредственного воздействия на воинов, для разъяснения им ряда важных решений партии и правительства, принимаемых в то время, в ГСВГ часто приезжали из Москвы члены правительства, ЦК КПСС, деятели науки, искусства и техники. За время службы в ГДР пришлось слышать выступления на партийных активах, конференциях, а то и просто на массовых митингах многих руководящих деятелей, с которыми на родине вряд ли удалось бы увидеться, помимо демонстрации на Красной площади.

Нужно заметить, что не все такие встречи приносили ожидаемую от них пользу. Часть из них, даже проводимая на так называемом высшем уровне, показывала некоторых из наших

руководителей далеко не с лучшей стороны. Некоторые из них были весьма примечательны. В июле 1957 года, после известного июльского пленума ЦК КПСС, на котором была разгромлена «антипартийная группировка Молотова, Маленкова, Кагановича, Первухина, Ворошилова и примкнувшего к ним Шепилова», в ГСВГ в качестве гостя В. Ульбрихта прибыл первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. О возможном выступлении вождя партии перед офицерами и солдатами ГСВГ было объявлено заранее. Личный состав штаба группы с семьями собрался в зеленом театре и около двух часов ожидал прибытия высокого гостя. Наконец появилась большая кавалькада. Впереди неуверенно шагал первый секретарь и премьер, за ним В. Ульбрихт, О. Гротеволь, А.И. Микоян, А.А. Громыко, А.А. Гречко и другие, как принято говорить, сопровождающие их лица. С трудом вскарабкавшись на сцену, Никита Сергеевич направился к трибуне и, к удивлению пятитысячной аудитории, обращаясь к Гречко, заявил: «Маршал, а где же рыба? Ты же меня вез ловить рыбу, а здесь люди. Ну, а где люди, там и я. Мне нужно говорить речь. Я же первый секретарь!» Дальше, в течение полутора часов, собравшиеся слушали отрывочные, безграмотные, пересыпаемые грубой бранью выпады премьера в адрес поверженных «сообщников Сталина». Ехавший, очевидно, действительно ловить рыбу первый секретарь не готовился к выступлению, да и вряд ли считал это нужным. Устав от выполнения своего партийного долга по общению с массами, внутренне довольный собой и своим «ленинским» стилем руководства, Хрущев заявил: «Ну, хватит, пожалуй, достаточно. Как ты думаешь, Анастас?»

Председатель Президиума Верховного Совета А.И. Микоян вскочил, как школьник, и, аплодируя перед носом оратора, заявил: «Мы рады вечно тебя слушать, Никита Сергеевич».

Несвязная болтовня пьяного премьера, атмосфера подобострастия и низкопоклонства, усиленная выступлением А.А. Гречко, который назвал визит Хрущева историческим, а его речь - дальнейшим развитием марксистско-ленинского учения о партии, оставили у присутствующих гнетущее впечатление. Нужно было абсолютно не уважать свой народ и быть полностью уверенным в безнаказанности, чтобы позволить себе такое безобразное поведение на массовом митинге людей, ожидавших услышать от своего руководителя слово партийной правды. Утешала мысль, что это, возможно, эпизод. У любого человека могут быть срывы, промахи, упущения. Однако вторая встреча с Хрущевым в другой обстановке дала, к сожалению, основание считать, что безответственные, нетрезвые выступления у него были не только перед советскими гражданами.

В 1958 году в Лейпциге, выступая на стадионе перед 100 000 немцев ГДР по поводу 140-летнего юбилея Карла Маркса, он, войдя в азарт, отбросил подготовленную речь и, желая блеснуть остроумием, заявил примерно следующее: «Вот вы, немцы, нас обвиняете в том, что мы вам не даем спокойно жить. А ведь это сделал ваш Маркс. Он - основоположник коммунизма. Правда, он - немецкий еврей, ну да это все равно. Теперь и расхлебывайте кашу, которую заварил ваш земляк. А натворил он немало». К счастью, переводчик Ульбрихта, весьма толковый, политически грамотный человек, отлично знающий русский язык, перевел этот вредный бред примерно так: «Дорогие товарищи! Германия дала человечеству великого основоположника научного коммунизма Карла Маркса. Его учение овладевает миром и успешно претворяется в жизнь у вас в ГДР. Будьте же достойны своего великого земляка». Бурные аплодисменты после перевода свидетельствовали о том, что далеко не все немцы понимали русский язык. Но ведь какая-то часть присутствующих, несомненно, знала его и имела возможность по достоинству оценить «юмор» советского премьера и первого секретаря ЦК КПСС.

В ноябре 1957 года для доклада партийному активу ГСВГ об итогах недавно закончившегося октябрьского пленума ЦК, снявшего Жукова с поста министра обороны СССР, прибыл секретарь ЦК Л.И. Брежнев. О его прибытии мне стало известно заранее от некоего полковника Н.И. Бандуры, служившего у нас в качестве заместителя по политчасти на одном из разведывательных пунктов. Бандуру с Леонидом Ильичом связывали какие-то родственные или товарищеские узы, основы которых были для меня не ясны, т. к. Бандура был человеком далеко не безупречного морального облика, имел в прошлом взыскания за использование служебного положения в корыстных целях, занимался мелкой спекуляцией заграничными безделушками, авторитетом у подчиненных не пользовался. Перед приездом Брежнева в ГСВГ Бандура был, на все время его пребывания, освобожден от работы и проживал в отведенных Брежневу апартаментах. Партактив по итогам октябрьского 1957 года пленума протекал бурно. Ярко обрисованные Брежневым в докладе «бонапартизм» и «самодурство» бывшего министра обороны СССР маршала Жукова, призыв развернуть критику неслужебной деятельности местных руководителей сделали свое дело. Коммунисты в своих выступлениях поднимали важнейшие вопросы боевой подготовки, указывали конкретных виновников недостатков, не щадя их званий и должностей. Особенно досталось генерал-лейтенанту И.И. Якубовскому и бывшему

заместителю главкома генерал-полковнику П.К. Кошевому. Их обвиняли в неграмотности, зазнайстве, самодурстве, а один из выступавших, замполит автомобильного батальона, обслуживающего штаб, под хохот всего зала заявил: «Родили их простые русские неграмотные женщины, да и сами они особой образованностью не отличаются. Кто же им дал право вести себя так, что если бы не их генеральские погоны, то им не вылезать бы из тюрьмы за мелкое хулиганство».

Досталось и моему непосредственному начальнику генерал-майору А.В. Чеченцеву за использование солдата-шофера в качестве няньки у внука. Многим начальникам выступающие указывали на недостаток скромности, мздоимство. Вспомнили и бывшего начальника отдела кадров группы войск генерал-майора Домникова, требовавшего от молодых девушек при зачислении их на работу по вольному найму не только деловых и политических качеств, но и благосклонного отношения к нему лично.

Впервые в жизни мне приходилось на армейском партийном собрании слышать столь острую критику личных недостатков военных руководителей. Как было бы полезно для дела, если бы это хотя бы в мирных условиях стало нормой партийной жизни. От стольких бы бед мы были избавлены, какая масса промахов была бы устранена своевременно, как прочно бы сохранялись ленинские нормы партийной жизни.

При утверждении решения по докладу Брежнева часть коммунистов потребовала указать перечисленным в критических замечаниях лицам на их недостатки и настоятельно рекомендовать не повторять их в практике работы. И здесь произошло неожиданное. Увидев, что «джинн вырвался из бутылки», докладчик явно испугался и, воздействуя своим авторитетом, попытался загнать его обратно. «Есть ли необходимость в столь крайних мерах? - заявил он. - Государственные умы наших военачальников уже сделали нужный вывод. Они не допустят, чтобы возникла необходимость их повторной критики». Предложение сняли не голосуя.

В простоте душевной я полагал, что всех критиковавшихся по кардинальным вопросам армейской жизни деликатно снимут с должностей, не поднимая шума. Каково же было наше удивление, когда через несколько месяцев И.И. Якубовскому было присвоено очередное воинское звание генерал-полковник. Многие критиковавшиеся также получили повышения в должностях и званиях. Все осталось по-старому. Так же уезжавшего в Москву в краткосрочную командировку главкома на аэродром провожали чины штаба на 12-18 «ЗИМах». По-прежнему продолжали отрывать от военной подготовки солдат для незаконного

обслуживания различных начальников. В одном докладчик оказался прав. Вторично выступить с критикой своих начальников участникам актива не пришлось. Они были или уволены, или откомандированы в СССР по замене.

Наблюдая в ту пору за работой некоторых командиров и начальников в ГСВГ, выдвинувшихся на крупную руководящую должность, иногда волею случая или по протекции, приходилось удивляться, как быстро многие из них приобретали не свойственные простому советскому труженику черты высокомерия, чванства, жадности, угодничества перед вышестоящими и хамства к подчиненным. Достигнув высокого поста и тем самым оградив себя по приказу от критики подчиненных, такой начальник знал, что его дальнейшая карьера целиком зависит от расположения вышестоящего руководителя, и любым путем старался добиться его, понимая, что в положительном случае он будет на своем участке практически бесконтролен и всесилен.

Высшее звено военачальников плохо работало над повышением своих знаний, считая, что надежная система толковых заместителей справится с деталями службы. Выступления генералов и офицеров ГСВГ на активе по докладу Брежнева об итогах октябрьского пленума ЦК вскрыли лишь незначительную часть личных и служебных недостатков, ряда руководителей ГСВГ. Никто не осмелился сказать, что главком А. А. Гречко превратился в зазнавшегося барина. Он мог незадолго до партийного актива приказать играть в футбол два тайма для одной своей персоны, хотя матч задолго до этого был назначен на вечер. Собравшимся офицерам и членам их семей просто объявили, что игра не состоится. Выезд маршала с территории военного городка превращался в особый ритуал, во время которого запрещался выпуск с автобазы штаба любого транспорта. Один из штатных переводчиков РУ фактически постоянно находился в распоряжении жены маршала для поездок по немецким магазинам и перевода содержания западных фильмов, специально демонстрировавшихся только для семьи главкома у него на квартире 2 раза в неделю. В каждом окружном городе ГДР имелась отдельная вилла с офицером комендантом, соответствующей охраной и необходимым оборудованием на случай возможного заезда в этот город главкома или его семьи. Некоторые из этих домов не использовались совсем, но обслуживающий персонал на них содержался. Так, на всякий случай. Многочисленный штат военной и гражданской прислуги, от порученца в звании полковника до личных тренеров по теннису и плаванию, поваров и официанток, призван был

удовлетворять все возрастающие потребности маршала и его семьи, которые уже давно жили при коммунизме. Все это, равно как и парадные выезды на охоту, рыбную ловлю, пикники с многочисленными немецкими и отечественными высокопоставленными друзьями, занимало массу времени и вызывало законный вопрос: а кто же и когда работал? А работа шла. Напряженная, упорная. Вело ее, так называемое среднее и низшее звено армейской иерархии, укомплектованное, как правило, самоотверженными, знающими свое дело офицерами и генералами. И вот у этого-то рабочего состава нередко вставал вопрос: к чему же эти излишества? Ведь они осуществлялись за народные деньги и по размаху вряд ли уступали какому-либо захудалому великому князю. Не говоря уже о генералиссимусе Суворове или фельдмаршале Кутузове, у которых всего-то обслуги было денщик, казак и корнет-порученец. Меняются времена, люди, масштабы, потребности, вкусы.

Главнокомандующий группой войск был всемогущ. Ему ничего не стоило уволить начальника рации, капитана, участника Великой Отечественной войны, прослужившего 19 лет в Советской Армии, только за то, что его передающая установка недостаточно четко передавала на учениях последние известия. Маршал знал, что увольняемый, уже пожилой человек, пенсии не получит. Она выдавалась только после двадцати лет службы.

Однажды главком привел в смятение весь штаб группы - от его начальника генерал-полковника Сидельникова до дежурного. Все пытались установить источник изречения: «Блажен муж, да не идет на совет нечестивых». Оказывается, маршал Гречко, опоздав на заседание Военного совета, в шутку произнес эту фразу и спро сил: «Знают ли почтенные члены Совета, откуда она?» - и дал задание выяснить это. Понятно, что никто из присутствовавших закона божия не изучал и не мог знать таких его тонкостей. Однако ответить маршалу было лестно, и вот началось своеобразное соревнование солидных руководителей. Кто быстрее найдет источник. Хотели посылать запрос в Библиотеку им. Ленина. К счастью, исчерпывающую консультацию по столь важной проблеме удалось получить на месте у священника лейпцигской православной церкви. Он с большим удовлетворением дал нужную справку. Цитата, оказывается, была из псалтыря. Боевое задание маршала было выполнено. Военный совет обогатился новыми, укрепляющими боеготовность войск познаниями.

Наряду с этим за два с лишним года вопросы состояния разведки штаба группы на Военном совете в полном объеме не ставились. Не хватало времени.

В период пребывания Л.И. Брежнева в ГСВГ в 1957 году его друг полковник Н.И. Бандура согласился организовать с ним встречу для доклада о вопросах организации специальной службы, от которой в значительной степени зависела боевая готовность группы войск. К этой встрече все командиры и начальники наших разведорганов готовились несколько дней. Помимо моего устного доклада, была составлена памятная записка, в которой излагались насущные потребности оперативной разведки - доказывалась необходимость содержания разведывательных частей уже в мирных условиях по штатам военного времени, обеспечения новой техникой, координации работы с соответствующими службами наших союзников по Варшавскому Договору и ряда других мер. Беседа с секретарем ЦК Л.И. Брежневым, ведавшим в ту пору военными вопросами, была для нас крупным со бытием, и мы ждали от нее весьма многого. Однако ожидания наши не оправдались. Предупредив, что он может уделить нам не более 10 минут, тов. Брежнев спросил, имеется ли по кратко доложенным мною вопросам что-либо в письменном виде. Получив утвердительный ответ, он приказал передать наш материал его порученцу. После чего заявил Бандуре: «Николай Иванович! Пошли завтракать». Аудиенция была закончена. Какого-либо решения по выдвинутым нами вопросам или, по крайней мере, ответа на них мы не получили. Очевидно, руководство в то время было занято более важными делами, наши заботы и проблемы показались в центре слишком мелкими.

В армейских условиях, так же как и в практике наш его государственного управления в целом, отдельные положения и порядки, установленные тем или иным министром (руководителем), как правило, упразднялись или забывались с его заменой. Практика игнорирования многими правил и приказов, введенных предыдущими руководителями (министрами или главнокомандующими), после их ухода с должности чувствовалась и в войсках группы.

Министр обороны СССР маршал Советского Союза Г.К. Жуков, посетив Индию, увидел в ее армии упорную ежедневную спортивную подготовку, дающую безусловно положительные результаты. Немедленно ежедневный утренний час физической подготовки был введен для всех военнослужащих Советской Армии. Офицеры между собой называли ее «индийским часом». Опоздать на него или пропустить «индийский час» считалось серьезным проступком. Толстые полковники и генералы, кряхтя, лезли на турник и брусья, пытались бегать, получали травмы. Но в принципе это было полезным и нужным для армии делом. Г.К.

Жукова сняли с поста министра обороны, и через месяц ежедневные занятия спортом были отменены. Оставили три, затем два часа в неделю на физическую подготовку офицеров, причем контролировать ее качество практически перестали, и остряки два дня в неделю, в которые первый час отводился для занятия спортом, назвали днями продленного сна или посещения магазинов.

Новый министр обороны маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский, как бывший унтер-офицер царской армии, особое внимание уделял строевой подготовке войск. С этой целью везде, в том числе и в высших штабах, вводилось три обязательных часа в неделю на этот важный вид боевой учебы. Было комично видеть на плацу в Вюнсдорфе пожилых полковников и генералов, прослуживших по 30 и более лет в армии, отрабатывавших повороты на месте, в движении и отдание чести. Никакие, самые неотложные оперативные дела не могли освободить даже старших офицеров без разрешения начальника штаба групп от этой муштры. Строевая выучка считалась основой воинского воспитания, и если, к примеру, наш радио полк ОСНАЗ, имея по всем видам боевой учебы отличную оценку, получал «удовлетворительно» по строевой подготовке, то в соответствии с приказом министра общая оценка не могла быть выше тройки.

Однажды на расширенном Военном совете группы войск, на котором стоял доклад начальника штаба о командирской учебе, я задал вопрос: «Не полезнее ли в предвидении ракетно-ядерной войны заменить строевые занятия офицерам штаба группы изучением боевой техники? В частности, вождения автомашины, бронетранспортера, танка, поскольку этими навыками офицеры штаба почти не владели». Одна только постановка такого вопроса на Совете вызвала ярость командования. Генерал-полковник Сидельников обвинил меня в критиканстве, непонимании главного в боевой подготовке войск и выразил сомнения в моих способностях с такими настроениями успешно руководить подчиненными.

За время службы в ГСВГ неоднократно приходилось наблюдать отдельные человеческие слабости наших р уково дителей и отцов-командиров, вызывавшие нежелательный резонанс у окружающих.

В одном доме со мною проживал пожилой полковник П., служивший начальником шифровального отдела штаба ГСВГ. Он предназначался к увольнению, поскольку особыми талантами не блистал, был уже пенсионного возраста, да и должность его не давала возможностей для дальнейшего продвижения по службе и в звании. Весною 1958 года в ГСВГ в качестве гостя главкома

маршала М.В. Захарова прибыл министр обороны СССР маршал Р.Я. Малиновский с женой. Министерша оказалась фронтовой подругой молодой жены П. Жизненные дороги их разошлись, и при прочих равных качествах одна из них смогла отвоевать себе у старой жены маршала, а другая - всего полковника. Узнав о незавидной перспективе полковника П., высокопоставленная подруга уверенно заявила: «Помогу». Через день испуганного П., опасавшегося разноса за возможные упущения по его беспокойной службе, вызвали к главкому для представления министру обороны, а через несколько недель начальник шифротдела был уже генерал-майором. Обещание подруге жена министра выполнила. Новоиспеченному генералу было неловко встречаться с другими офицерами, которые имели все основания для получения генеральских погон, но оставались полковниками. Высокое покровительство семье П. продолжалось. Вскоре он был переведен с повышением в Генеральный штаб.

В 1957 году главком ГСВГ маршал Гречко А.А., бывший в ту пору фаворитом Хрущева, получил назначение на должность первого заместителя министра обороны СССР. Главкомом был прислан генерал армии Захаров М.В. В момент приема и сдачи командования в штаб ГСВГ прибыли с ранее обусловленным визитом командующий Британской Рейнской Армией генерал-лейтенант Ворд, его начальник штаба и сопровождающие их офицеры.

В честь гостей был дан обед, на котором гости и хозяева должны были обменяться обычными тостами. Внезапно слово взял новый главком. В торжественных тонах он заявил, что счастлив поднять бокал за талантливого полководца маршала А.А. Гречко, превратившего ГСВГ в мощный воинский организм, способный разбить любого противостоящего агрессора. Физиономии гостей при этом заметно вытянулись. А новый главком в течение пяти минут пел дифирамбы своему предшественнику и закончил здравицей в его честь.

В ту пору мне не совсем была понятна бестактность Захарова, допустившего не совсем гостеприимный жест в отношении англичан, провозгласив тост не за здоровье гостей, а за своего коллегу и сделав косвенно враждебный выпад против натовцев. Я это отнес за счет отсутствия должного дипломатического опыта. Лишь позже, когда через полгода он стал маршалом, а в последующем начальником Генерального штаба, мне стало ясно, что наш новый главком являлся отличным дипломатом, хорошо чувствовал перспективу и знал все тонкости предстоящих перемещений по службе. Очевидно, этим в известной мере объясняется то, что Матвей Васильевич проработал на посту

начальника Генерального штаба до глубокой старости и, будучи одним из вершителей судеб офицеров и генералов Советской Армии, много сделал для омоложения ее руководящего состава.

В Вюнсдорфе недалеко от штаба группы войск располагался мотострелковый полк, предназначавшийся для «представительских» целей. Из его состава выделялся почетный караул для встречи различных высокопоставленных гостей, как своих, так и зарубежных. Казармы этого полка часто посещались различными делегациями. И силами этого парадного полка обычно демонстрировались отдельные элементы боевой подготовки на специально оборудованном учебном поле. Это был своего рода показной «гвардейский» полк главкома. Комплектовался он из рослых ребят. Его солдаты получали улучшенное, пригнанное по росту обмундирование, хромовые и яловые сапоги. Размещался полк в просторных казармах с прекрасно оборудованными вспомогательными службами, со своим клубом, спортивным и штурмовым городком. Боевой техникой полк был укомплектован полностью, имел большой лимит ее эксплуатации. Служба в этой части, несмотря на ее привилегированное положение, была нелегкой. В показном полку все должно было свидетельствовать о высоком уровне боевой подготовки войск группы в целом. Много уделялось внимания строевой подготовке, владению боевой техникой, стрельбе, слаженности в показных учениях. Понятно, что во всех войсках группы показатели были значительно ниже, бытовые условия хуже, нормы обеспечения боевой техникой несколько иные, чем в образцовом полку.

Капитальное строительство для ГСВГ в ту пору почти не велось, т. к. перспективы дальнейшего ее пребывания в ГДР были не ясны. Для расквартирования войск использовался старый немецкий казарменный и складской фонд. Солдаты размещались скученно, на двухэтажных койках. Моторесурсы для обучения водителей боевых машин отпускались крайне скромные, вследствие чего выезды проводились редко и на марше совершалось много поломок, аварий и катастроф. Понятно, что все эти теневые стороны пытались по возможности скрыть не только от иностранцев, но и от своих высокопоставленных посетителей, недостатка в которых не было. Объективно в каждом из наших начальников сохранилось что-то от Гришеньки Потемкина. Изменились масштабы, методы, формы, но цели остались прежние: выдать желаемое за действительное, добиться расположения вышестоящего руководства. Роль такой деревни в степи играл парадный полк.

Однажды в 1956 году для встречи прибывавшего в Вюнсдорф

с визитом к главкому командующего 7-й полевой армией США генерала Хоудиза из состава парадного полка был выделен почетный караул. Обходя с маршалом Гречко ряд замерших гвардейцев, Хоудиз, вдруг остановившись, громко произнес по-русски: «Здравствуйте, молодцы!» Караул привычно ответил: «Здравия желаем, товарищ генерал». Переводчик Хоудиза тотчас же перевел ответ. Засмеявшись, американец заметил, что всегда был бы рад видеть русских солдат своими боевыми товарищами и признателен им за то, что они считают его таковым. «Боевым товарищам» в последующем был фундаментальный разнос за недомыслие, а командиры - от подразделения, выделенного в караул, до полка включительно - получили строгие взыскания за отсутствие должной воспитательной работы с личным составом, вследствие чего главком был поставлен в неловкое положение перед американским генералом. Бдительное руководство, не обладающее чувством юмора, придало никчемной механической ошибке солдат политическую окраску со всеми вытекающими для командования полка последствиями.

Своеобразные отношения складывались в тот период между руководством ГДР и командованием ГСВГ. Наша сторона добровольно приняла на себя роль Пигмалиона, не только создавшего творение по образу и подобию своему, но и влюбившегося в него до обожествления. Вообразив, что немцы ГДР, перевоспитавшись под влиянием наших войск и прочно став на путь строительства социализма, уже стали нашими искренними друзьями, мы отменили все репарационные платежи, приняли на себя все оккупационные расходы, начали платить немцам за все, кроме воздуха. Из своих более скромных ресурсов, в ущерб потребностям собственного народа, в ГДР пошли составы с хлебом, маслом, мясом. Осуществлялось пожелание Ульбрихта - превратить первое в мире немецкое социалистическое государство в страну изобилия и благосостояния, с тем, чтобы оно стало притягательной силой для западных немцев. К осуществлению этого лозунга призывались все социалистические страны.

Помпезные приемы руководителей ГДР, ранее пребывавших у нас в СССР в качестве эмигрантов, Вильгельма Пика, Вальтера Ульбрихта, Германа Матерна, Карла Марона и других деятелей Компартии Германии, принадлежавших к старой, еще тельмановской гвардии, удивляли их и при всем нашем желании не давали должного эффекта у народа как в ГДР, так и в Западной Германии. Однако чувство собственной значимости, то, что мы у себя называли культом личности, некоторые из них, наиболее подверженные этой болезни, с нашей помощью не преминули

приобрести. Затем у некоторых из новых государственных мужей вновь начало возрождаться чувство национального превосходства, уже близкое к немецкому шовинизму.

В стремлении создать авторитет администрации ГДР мы иногда доходили до абсурда. В 1958 году начальник одного из управлений штаба ГСВГ генерал-майор А.Е. Чеченцев был заменен ранее служившим в ГСВГ генерал-майором А.В. Романовским.

На приеме в нашем посольстве первый секретарь ЦК СЕПГ и председатель Совета Министров ГДР В. Ульбрихт заметил Романовского в толпе генералов и офицеров и с громким восклицанием: «Саша, а ты сюда какими судьбами?» - бросился к нему со своей женой и начал обнимать. После чего значительную часть времени провел с ним на приеме в воспоминаниях о совместной службе на 1-м Белорусском фронте, где Ульбрихт одно время работал переводчиком в 7-м отделе Политуправления по разложению войск противника и жил длительное время в одной землянке с этим Сашей, бывшим в ту пору уже полковником. Такая фамильярность какого-то неизвестного генерал-майора с первым секретарем вызвала возмущение присутствовавших на приеме командующего и начальника штаба группы войск. По прибытии в Вюнсдорф Романовский получил строгое внушение по поводу своей «бестактной навязчивости» В. Ульбрихту, фактически выразившейся лишь в том, что он ответил на его простые человеческие чувства. Что это было? Зависть, недомыслие или и то, и другое вместе? А ведь при иной оценке этой связи ее можно было использовать в нужном для нас направлении. По службе мне приходилось неоднократно встречаться с министром внутренних дел ГДР Карлом Мароном. Этот симпатичный человек, старый коммунист, в прошлом простой рабочий, охотно принимал меня и существенно помогал нам. Когда о своих контактах с ним я доложил начальнику штаба группы генерал-лейтенанту Сидельникову, тот пришел в ужас и категорически запретил встречаться с Мароном. Отношения с немецкими официальными лицами должны были строиться нами по нашей схеме только «на уровне» равного с равным, не нарушая установленной у нас иерархии. С Мароном мог встречаться наш министр или, в крайнем случае, главком.

Эту далекую от ленинских норм практику контактов только с равными по должности с нашей помощью легко усваивали некоторые немецкие руководители, не прошедшие солидной партийной школы и выдвинутые на высокие посты волею случая или благодаря личным связям с кем-либо из власть имущих. Такие деятели быстро осваивали роль чиновников, оторвавшихся от народа, и у них в приемных зачастую должны были сидеть в

ожидании аудиенции уже и советские должностные лица, принимавшие в свое время деятельнейшее участие в их выдвижении.

Некоторые из вновь испеченных государственных деятелей ГДР в ту пору еще не в полной мере представляли себе, что их деятельность и порядок в стране в значительной мере, если не полностью, зависят от наличия в ней наших войск. Уже тогда часть из молодых руководителей считала совершенно серьезно, что ГДР вполне созрела для самостоятельного существования. От официальных лиц все чаще можно было слышать, что, например, миссии западных армий в ГДР оскорбляют национальное достоинство граждан первого в мире социалистического немецкого государства и их необходимо упразднить. Миссии в восточной и западных зонах Германии существовали по специальному соглашению, и их сохранение было нам выгодно, т. к. обеспечивало возможность пребывания наших офицеров в трех зонах ФРГ, в то время как западные армии имели возможность при всех условиях пересекать почти всю ГДР по двум магистралям, ведущим в Западный Берлин. Доказывать немцам ГДР о выгодности сохранения на паритетных началах этих миссий приходилось главкому маршалу М. В. Захарову, причем непосредственно тогдашнему министру обороны ГДР генерал-полковнику Вилли Штофу и В. Ульбрихту.

Некоторые из деятелей ГДР договаривались до того, что прозрачно намекали о целесообразности вывода советских войск из Германии, утверждая, что они мешают строительству социализма, завоевания которого немцы в силах защитить сами. При этом забывалась опасность поглощения ГДР мощным империалистическим государством ФРГ, к которой втайне тяготели многие жители молодого социалистического государства. Оперативно проведя, не без нашего участия, ряд социальных преобразований, присущих действительно социалистическому государству, немцы ГДР забыли или сделали вид, что забыли об ответственности за недавно прошедшую мировую катастрофу, произошедшую и по их вине. Они стали «равными среди равных» в социалистическом лагере и небезуспешно стали требовать от жертв бывшей немецкой агрессии экономической помощи, которая дала бы им возможность успешно представлять социализм на фронте экономической борьбы с Западом.

В результате жизненный уровень жителей ГДР скоро стал значительно выше, чем в других социалистических странах, включая и СССР. Под влиянием пагубной политики возрождения немецкого империализма, проводимой западными державами

после Второй мировой войны так же, как и после Первой, в результате многочисленных займов, предоставленных западными державами ФРГ, роста милитаризма произошло так называемое «западное чудо». Немецкая экономика резко пошла в гору. Жизненный уровень в ФРГ стал выше, чем во многих западных странах-победительницах. В соревновании «кто больше даст немцам», проводимом двумя лагерями - капиталистическим и социалистическим, выиграли в конечном счете граждане двух немецких государств по обе стороны границы. При этом как в ФРГ, так и в ГДР чувства признательности к своим «благодетелям» за то, что чудовищные злодеяния, совершенные немцами в прошедшей войне, были быстро забыты, и на востоке и на западе не ощущались. Наоборот, чем сильнее и независимее в экономическом отношении становились немцы, как на востоке, так и на западе, тем сильнее в них возрождался дух реваншизма. При этом мы не должны были обольщаться, что его не было в ГДР. Он там существовал в скрытом состоянии, приглушенном системой государственных институтов: СЕПГ, Союзом свободной немецкой молодежи, профсоюзами, состоящими под контролем партии, армии, полиции, органов пропаганды и т. д. Для окончательного выветривания этого духа должно было пройти время нескольких поколений.

Что касается моей основной работы в ГСВГ, то подробно говорить о ней еще не пришло время. Могу лишь сказать, что в те годы уже перед нами не стояла, как в Австрии, проблема начинать с нуля создание агентурной сети. Да и методы уже были отработаны.

Более того, в Германии имелись немалые возможности для разведывательной деятельности в западных зонах, благодаря наличию здесь советских военных миссий. Массовая миграция немцев из ГДР в ФРГ, стабильный, хотя и скромный, поток людей из ФРГ в ГДР тоже значительно облегчали работу связников и маршрутников. Более масштабно удалось наладить опробованную в Австрии методику вывоза макулатуры (черновиков и бумажных отходов) из американских штабов. Естественно, «для переработки в Западном Берлине».

Советские военные миссии в западных зонах открывали нашим разведчикам не только возможности визуального наблюдения. Через них осуществлялись контакты с интересующими нас людьми. Помнится, однажды дождливой ночью в квартиру начальника нашей миссии позвонил неизвестный, который оказался унтер-офицером местного английского штаба. По его представлению, он являлся, как это принято у нас называть, начальником секретной части. И поэтому

заявил о намерении дорого продать содержимое своего портфеля с документами. Пока торговались, выяснилось: в портфеле лежит план нанесения ядерных ударов в случае начала военных действий в Германии. Конечно, все это выглядело провокацией. Но начальник миссии пошел на риск. Материал был срочно направлен в Генеральный штаб, где подтвердили его высокую ценность.

С доброхотом же установили более безопасную связь, и он долгое время, до отъезда в Англию, снабжал нас (дороговато, да что поделаешь) перепиской весьма высокого штаба.

Запомнился и весьма комичный случай. В Берлине у нас для встреч с высокопоставленными германскими деятелями были оборудованы специальные конспиративные квартиры. И вот во время одной встречи нашего офицера с депутатом западногерманского бундестага на квартиру пришел начальник разведуправления штаба группы войск. Генерал-майор, не поздоровавшись и не обращая внимания на постороннего, начал грубо отчитывать офицера за недостатки в работе, требовать повышения ее качества, при этом грозя дисциплинарными взысканиями. Излив неудовольствие, начальник, не попрощавшись, ушел. Желая как-то сгладить перед информатором неприятное впечатление, офицер заявил, что генерал сильно болен.

«Эти болезни мне известны, - хитро заметил депутат. - Так как я хорошо знаю русский язык, указания вашего шефа мне, депутату бундестага, переводить не нужно». Пока я работал в Германии, этот агент активно и безвозмездно работал на нашу военную разведку, поставляя ценную политическую информацию.

ГЛАВА 19. Глазами военного атташе

В конце 1960 года командование предупредило меня: нужно срочно оформлять мой выезд в Швецию на должность военного, военно-морского и военно-воздушного атташе. Отведенные на подготовку две недели пролетели в изучении информационных и специальных материалов, визитах к военному атташе (ВАТ) Швеции в Москве полковнику Хельму, в Отдел внешних сношений МО СССР, 7-е управление Главного политического управления, Отдел административных органов ЦК КПСС, где всех отъезжающих за рубеж детально инструктировали по нормам поведения советских граждан за границей и, частично, задачам. Пришлось посетить несколько собраний Общества СССР-Швеция, активным членом которого я немедленно сделался.

Тем временем уже состоялось решение о моем назначении, через МИД СССР получен агреман (согласие), оформлены на меня, жену и дочь дипломатические паспорта, поставлена финская транзитная виза, причем все это делалось в такой спешке, будто бы от моего срочного прибытия к шведам, по меньшей мере, зависела судьба войны и мира с этой страной. Наконец, получив последнее напутствие от заместителя начальника ГШ генерала армии И.А. Серова, 30.10.1960 г. мы с женой и шестилетней дочерью через Хельсинки выехали в Стокгольм. Если не считать пребывания с нашими войсками в Польше, Венгрии, Австрии, ГДР и кратковременного посещения в составе советской военной миссии ФРГ, это было наше первое самостоятельное путешествие в капиталистическую страну, и мы, понятно, испытывали некоторое волнение. Из окна вагона мы наблюдали знакомую по Австрии картину: лоскутные, но заботливо ухоженные поля, благоустроенные шоссейные дороги, одинокие чистенькие, словно игрушечные, хутора, строгий порядок на железно дорожных станциях, спокойные, неторопливые люди… И никаких следов войны, а ведь она в сороковых годах обожгла маленькую Финляндию дважды.

В Хельсинки на вокзале нас встретил помощник военно-морского атташе при нашем посольстве капитан 2-го ранга Иван Положенцев, который сообщил, что рейсовый теплоход в Стокгольм отходит из Турку через день, второго ноября, и предложил нам осмотреть город, съездить на территорию бывшей советской базы в Порккала-уд, посетить кладбище советских воинов. Мы с радостью воспользовались любезным предложением. В финляндской столице сохранились заметные

следы бывшего русского владычества: ведь когда-то Финляндия входила в состав Российской империи и делилась на восемь губерний - Санкт-Михельскую, Тавасгустскую, Куопиосскую, Таммерфорсскую, Выборгскую, Улеаборгскую, Гельсингфорсскую и Турку. Одна из центральных площадей столицы до сих пор называется Александровской в честь Александра II, давшего стране конституцию, по которой она имела свой сейм. На площади сохранился памятник царю «Освободителю». Большая улица также носит его имя. Досадно, но Александра II за его «реформы» финны помнят не меньше, чем В.И. Ленина, предоставившего им полную независимость.

Хельсинки вполне современный европейский город с населением около полумиллиона человек. Несмотря на официальный нейтралитет и даже периодически провозглашаемые месячники дружбы с СССР, у финнов, даже при беглом знакомстве с ними, чувствуется неприязнь ко всему советскому. Это проявляется в нежелании говорить по-русски, хотя все пожилые финны знают его неплохо, периодически повторяющихся антисоветских кампаниях в прессе, враждебных выступлениях молодежи, которая особенно пропитана национализмом, нежелании многих дельцов торговать с Советским Союзом и даже пользоваться его кредитами т. д.

У финнов сильно влияние шведов, их старшего северного брата. Грамотный финн считает своим долгом знать шведский язык и гордится этими знаниями. В стране существует шведская партия, проживает много шведов, в особенности в приграничных со Швецией районах.

Финны, особенно в армии, боготворят Маннергейма. Этот конюший Николая II, ставший в последующем президентом страны, считается ее отцом, защитником от русских захватчиков. Неуважительно отозваться о Маннергейме - значит в лучшем случае надолго потерять последние остатки лояльности у финна-собеседника.

Тяготение ко всему западному и неприязнь к своему восточному соседу, присущие широким кругам финского населения, пытаются в какой-то мере сдержать наиболее дальновидные политики, в том числе теперешний президент Урхо Кекконен, но делается это весьма скромно и разительных результатов не приносит. Идею Великой Финляндии чуть ли не до Урала все еще вынашивают отдельные, наиболее оголтелые реваншисты, и зачастую наши доброжелательные жесты: передача базы в Порккала-уд, сдача в аренду Сайменского канала - расцениваются как слабость Советов. Не случайно у финнов в ту пору муссировались слухи о предстоящей передаче Финляндии и

г. Выборга, который Лениным был передан финнам, а при культе личности незаконно отторгнут русскими.

Обо всем этом рассказали нам наши коллеги за пару суток, проведенных в финской столице, и какую-то часть сказанного ими мы не смогли сами увидеть за весьма короткий срок транзитной поездки по стране.

В Порккала-уд, переданном безвозмездно со всеми сооружениями финнам, мы посетили большое заброшенное кладбище советских воинов, павших в боях с фашизмом. Могилы, с большим количеством наших безвестных героев, охраняются в соответствии с договором финским сторожем, который даже при желании не в состоянии поддерживать захоронения в порядке. На все нужны деньги, а их для ухода за мертвыми никто не выделяет. «Вечная память героям, павшим за свободу и независимость нашей Родины».

Бывший в ту пору ВАТ при посольстве СССР в Финляндии генерал-майор В. И. Лазарев с горечью говорил, что даже передачу большого числа крупных жилых массивов на Порккала-уд, выстроенных нашими военными строителями, финская реакция использовала в антисоветских целях, организуя их общественный просмотр с показом образцов «советского бескультурья и бесхозяйственности». Нужно признаться, что показать действительно было что. Некоторые объекты были построены наспех - без канализации и водопровода, в общежитиях офицеров водились клопы и тараканы - насекомые, неизвестные финнам даже в деревенских условиях.

То обстоятельство, что в скальном грунте нами были выстроены оборонные сооружения, а на болоте создан аэродром и все это подарено финским властям, от обывателя скрывали.

В ресторане гостиницы, где мы остановились, произошел забавный случай, свидетельствующий о плохом знании обстановки нашими товарищами в Центре. На проезд транзитом через Финляндию с семьей в три человека я получил 3000 финских марок. Перед отъездом начальники заверили меня, что на эту сумму в Финляндии можно безбедно прожить несколько дней. Каково же было наше удивление, когда за сравнительно скромный обед нам предъявили счет в 5000 марок. От конфуза спасла бумажка в 50 крон, полученная в Москве на первые расходы по прибытии в Швецию. Эта бумажка была подобострастно принята официантом. Оказывается, в Финляндии шведская валюта имеет хождение более предпочтительное, чем отечественная.

На следующий день в местном поезде с маленьким паровозиком и вагонами, по меньшей мере ровесниками века, мы

выехали в Турку. Непривычный порядок, спокойствие и тишина царили повсюду. Пассажиры степенно, вполголоса переговаривались между собою. Недаром говорят, что финны своих соотечественников, произносящих в день больше десяти слов, считают болтунами. В Турку наш теплоход «Алатар» был уже у пристани. Пограничный и таможенный контроль проходили только мы, т. к. у скандинавов имеется соглашение о безвизовом и беспаспортном передвижении в северных странах (Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания, Исландия). Документом при путешествиях между этими государствами может служить «северная карточка», водительские права, удостоверение на право получения почтовой корреспонденции или какое-либо другое свидетельство, снабженное фотокарточкой владельца. Административным органам при необходимости весьма легко проверить подозрительную личность. Нужную справку о человеке полиция любой скандинавской страны даст своему коллеге из соседнего государства по телефону.

На линии Стокгольм-Турку в то время ходили маленькие, но достаточно комфортабельные теплоходы: «Алатар», «Боре». Навигация обычно продолжалась до глубокой зимы. Наш «Алатар» вечером отдал концы в Турку, а утром мы уже прошли Альмагрундский маяк и вступили в полосу бесчисленного множества каменных островов - шхер, которые, подобно кочкам на болоте, в хаотическом беспорядке торчали из морской глади. Все было ново и интересно. Обмен приветствиями при встрече с другими кораблями, старые форты, прикрывавшие в прошлом фарватер, степенные, несколько чопорные пассажиры, среди которых было много финских студентов, следовавших на какую-то встречу со своими упсальскими коллегами, отсутствие суматохи, такой привычной в наших местах при подходе поезда или корабля к месту назначения. Здесь поездка из одной страны в другую при наличии денег являлась делом более простым, чем путешествие из Москвы в Ленинград или Тулу.

В Стокгольме на пассажирской пристани, к моему изумлению, нас встречала целая представительная делегация из сотрудников посольства во главе с послом СССР в Швеции Федором Тарасовичем Гусевым. Здесь были все мои коллеги из аппарата ВАТ, в том числе генерал-майор Семен Иванович Юшенко, которого мне предстояло сменить, советники и секретари посольства с женами, три шведских офицера из Командной экспедиции МО, представлявших сухопутные войска, ВВС и ВМФ. У многих дам были цветы. Понятно, что такой радушный прием на шведской земле относился не к моей скромной персоне. Встречали представителя нашей могучей

армии. Тем не менее, все это было неожиданно и несколько озадачило и растрогало нас.

Центру о такой помпе неплохо было бы знать и предупредить нас перед отъездом. Оказывается, опытный дипломат и посол Ф.Т. Гусев установил за правило торжественно встречать и тепло провожать каждого дипломатического сотрудника советского посольства. Его примеру последовал торгпред В.И. Харченко, и такое правило вошло в традицию советской колонии в Швеции.

3.11.1960 г. после официального представления послу и знакомства с рядом сотрудников советской колонии в Стокгольме для меня начались бесчисленные визиты к шведским официальным лицам и коллегам. Раньше военных атташе принимал король, но в дальнейшем эту процедуру отменили, ограничив визитом к главнокомандующему по линии армейской и заведующему соответствующим отделом МИД по линии дипломатической. В целях сокращения процедуры мы наносили визиты совместно с моим предшественником генералом С.И. Ющенко. Эта церемония продолжалась около двух недель. Нужно было объехать около трех десятков различных должностных лиц, начиная от высшего командования шведскими вооруженными силами, военных, военно-морских и военно-воздушных атташе, аккредитованных в Стокгольме, и кончая частными знакомыми генерала Ющенко, которые могли в дальнейшем быть полезными и мне. В первую очередь меня познакомили с двумя представителями социалистических стран - ВАТ Польши полковником Виктором Вишневским и КНР подполковником Лю Чи Фу. ВАТ ЧССР - Георгий Хаек имел постоянную резиденцию в Западном Берлине и в Швеции бывал наездом. Все военные представители иностранных государств в Стокгольме были организованы в ассоциацию, имевшую своего дуайена. Им автоматически становился ВАТ (ВВАТ, ВМАТ). прослуживший в стране наибольшее количество времени, вне зависимости от звания. Дуайену необходимо было нанести визит одному из первых. У меня эта необходимость отпадала, т. к. дуайеном являлся Ющенко.

Путешествия вдвоем с ним напоминали в какой-то мере прием и сдачу дежурства. На каждый визит, в зависимости от теплоты отношений со страной и личных симпатий, уходило от 10 минут до получаса. У шведского военного руководства встреча нового и прощание со старым ВАТ проходили строго официально и без возлияний. Все же иностранные коллеги считали своим долгом выпить за успехи нового и старого советского ВАТ, а англичане даже устроили в нашу честь микроприем с шампанским и преподнесением какого-то сувенира Ющенко. При

всех мерах предосторожности нанести в день больше 3-4 визитов было весьма трудно. Прощаться с дуайеном и познакомиться с новым советским представителем собирались, как правило, все помощники ВАТ, которому наносился визит, но практически запомнить их по фамилиям с первого раза было невозможно. Лица и имена мелькали, как в калейдоскопе, и на их «расстановку по своим местам» потребовалось определенное время.

Мне повезло. 6.11.1960 г. посол проводил большой прием по случаю очередной годовщины Октября, на котором мне удалось несколько закрепить в памяти своих новых знакомых и повстречаться с новыми лицами, в частности с министром обороны Швеции Свеном Андерсоном, «почтившим» нас своим прибытием. Это был первый дипломатический прием, на котором мне пришлось выступать не в качестве гостя, а на правах хозяина, поскольку любезный Ф.Т. Гусев, в целях лучшего моего знакомства с обстановкой и порядками на такого рода сборищах, поставил нас с женою рядом с собою и представлял шведским официальным лицам, прибывшим на прием.

После приема иностранцев в посольстве остались лишь члены советской колонии, и началась встреча нашего праздника. Посол поздравил с годовщиной Октября всех присутствующих, и это обычное поздравление в чужой стране было как-то особо торжественно воспринято нами. Начались заздравные тосты за Родину, партию, наш народ. В середине торжества Федор Тарасович сообщил об отъезде С. И. Ющенко и представил меня с женой всему составу советской колонии. Знакомство с коллективом было установлено.

Через несколько дней на средства, отпущенные послом, дуайеном военно-дипломатического корпуса генерал-майором Ющенко был дан прием по случаю его убытия на родину и вступления в должность нового ВАТ. На прием были приглашены все атташе с женами, шведские офицеры и генералы, многие гражданские лица. Уже тогда меня удивило крайне незначительное количество шведов, принявших приглашение. Мои умудренные опытом помощники разочаровали меня еще больше, заявив, что шведских офицеров было больше, чем они ожидали. Обычно их бывает всего несколько человек по наряду Командной экспедиции (КЭ) в порядке сохранения представительства.

На этом приеме нам удалось с по мощью своих офицеров в общих чертах закрепить беглое знакомство с довольно-таки многочисленной группой военных представителей капиталистических стран, многие из которых, по крайней мере внешне, не были похожи на гангстеров империализма, а казались

этакими свойскими парнями, прибывшими к своему приятелю повеселиться и выпить за его здоровье. Истинное лицо и характер каждого удалось узнать лишь значительно позже, в процессе длительной работы и частных контактов с этими людьми.

11.11.1960 г. большая группа сотрудников посольства и все офицеры аппарата ВАТ провожали С. И. Ющенко на родину. Были цветы, речи, прощальные тосты, в которых приняли участие даже очередные представители КЭ. Советский генерал за время службы в стране сумел завоевать если не авторитет, то уважение даже у них. Проститься с отъезжающим прибыли не только поляк и китаец, но и швейцарец, голландец Тен-Брок и финн.

С отъездом генерала Ющенко на родину мы перебрались из гостиницы «Фореста» на Лидинге в его старую квартиру на Линеегатан, 21, где много лет подряд жили многочисленные поколения советских ВАТ. Квартира была со всеми удобствами, из 4 больших комнат, с домофоном и вспомогательными помещениями. По нашим московским нормам в ней можно было с успехом разместить 4 семьи. Тем не менее, мой предшественник, по соображениям престижным, не счел нужным до своего отъезда приютить нас под одной крышей, и мы до его отплытия проживали в отеле, выплачивая за одну комнату 65 крон в сутки, что было несколько больше моего дневного денежного содержания.

Дороговизна квартир коснулась прямым образом и нас. За апартаменты, которые в таком метраже нужны были преимущественно в представительских целях, в месяц приходилось платить 824 кроны, и хотя 50% этой суммы датировало начальство, все же оставшиеся к личной оплате 412 крон составляли свыше 20% всей заработной платы.

Началась работа. В первую очередь нужно было изучить город, в дальнейшем ознакомиться со страной. Нет необходимости останавливаться на описании Стокгольма. Оно имеется в любой энциклопедии. Это действительно Северная Венеция. Город красив, благоустроен и в какой-то степени напоминает Ленинград. Большое число достопримечательных мест - от парка-музея Скансена до королевского дворца - всегда заполнено местными и зарубежными туристами, из которых предприимчивые шведы мастерски выжимают деньги. Даже королевский дворец, за исключением небольших апартаментов Его величества, открыт для платного осмотра, причем платить нужно не только за вход, но и в самом здании при переходе из одного отдела этого своеобразного музея в другой. Интересно, как бы реагировал наш турист в Эрмитаже, если бы ему при переходе из одной комнаты в другую пришлось брать

дополнительные билеты, и за приличную сумму?

В городе масса музеев, выставок, архитектурных памятников. Отличные естественно-исторический, исторический, военный, военно-морской, этнографический музеи, национальная картинная галерея, парк-усадьба скульптора Карла Миллеса, церкви-музеи, в том числе усыпальница королей, рыцарская церковь, в которой изображены гербы всех рыцарских фамилий Швеции и лиц, награжденных орденом Серафима. Приятно было видеть, что высший рыцарский орден был когда-то получен русскими полководцами: Суворовым, Кутузовым, Милютиным и некоторыми другими. По существу, весь старый город, сохранивший свой средневековый облик, с узкими улочками, маленькими площадями, цеховыми складами, является интересным, неповторимым музеем архитектуры, прикладного искусства, быта прошлого. По-своему заслуживает внимания своей безобразной экспозицией музей модернистской «живописи и скульптуры». Даже видавшие виды пожилые шведы ходят по залам этого, с позволения сказать, музея, покачивая головой.

В городе много памятников. Создается впечатление, что чем меньше народ, тем больше он дал человечеству великих людей. Линней, Верцеллиус, Цельсий, Энн Линд, Андреас Цорн, Карл Миллес и многие другие. Затем идут царствующие особы - Карл XII, указывающий мечом на восток. Замысел скульптора иные трактуют как призыв к новому походу на Россию, другие, более благоразумные, утверждают, что король, показывая на восток, предупреждает своих сограждан: «Не ходите в этом направлении, будете биты, как и я». Солидное место занимают Густавы различных порядковых номеров, все посаженные на отлично выполненных бронзовых коней, так что иногда не всегда поймешь, кому же сооружен памятник.

Понятно, что дело не в талантливости нации, а в бережном отношении шведов к своей истории, хранении уже созданного, в отсутствии свойственного нам стремления не только развенчивать вчерашние авторитеты, но и разрушать все напоминающее их.

Особо стоит остановиться на корабле-музее «Ваза», поднятом в 1962 году со дна залива, где он пролежал триста с лишним лет. Добротно построенный шведскими кораблестроителями 84-пушечный трехмачтовый великан был опрокинут во время водосвятия налетевшим штормом и законсервирован морем до наших дней со всем оборудованием, утварью, вооружением. Все это сейчас выставлено для обозрения, понятно, за определенную мзду.

Своеобразными музеями являются шведские кладбища,

которые приходилось иногда посещать, хотя и не для отдачи почестей усопшим. Памятники на этих кладбищах иногда являются настоящими произведениями искусства и могли бы украсить любой провинциальный музей ваяния. Как и в ряде других стран, здесь нет специальных мест для знати и плебеев. Кладбище общее, но как различны надгробия. И хотя смерть уравнивает всех, но над одним усопшим высится целый мавзолей, а над другим, рядом, простой холм земли. Такой холмик с крестом из черного мрамора можно найти и над нашей соотечественницей профессором Софьей Ковалевской, нашедшей когда-то приют в Швеции и умершей там сорока лет от роду.

Поверхностное изучение шведской столицы заняло у меня несколько месяцев, после чего мы с помощниками приступили к поездкам по стране, в перерывах между которыми продолжалось развитие и закрепление некоторых знакомств с коллегами по ассоциации ВАТ.

ГЛАВА 20. Ассоциация военных атташе

В Стокгольме в шестидесятых годах было аккредитовано до двух десятков военных представителей со своими аппаратами с общим числом до сотни человек в различных офицерских и генеральских чинах. Состав каждого аппарата ВАТ определялся двусторонними соглашениями. Количество военных дипломатов, судя по всему, диктуется не столько представительскими и материальными интересами, сколько объемом задач, стоящих перед разведкой той или иной страны.

Англичане и американцы имели в Швеции по три самостоятельных аппарата - ВАТ, ВМАТ и ВВАТ - с большим числом офицеров соответствующих специальностей, для которых, несомненно, основной задачей являлась разведка, в том числе и агентурная, против СССР и других социалистических стран с территории королевства. Голландец, датчанин, норвежец, турок, финн, западный немец, представитель ОАР в единственном числе обозначали свои армию, флот и авиацию, австриец и швейцарец - только армию и авиацию, поскольку ВМС они не имели. Многие из представителей армий малых стран были аккредитованы постоянно в Стокгольме, но числились одновременно по совместительству соответствующими атташе во всех скандинавских странах, где они выполняли свои обязанности наездом. Им не было необходимости, да и возможностей, заниматься агентурной разведкой: значительную часть интересующих их сведений они получали непосредственно в штабах тех стран, где они были представлены. Конечно, нельзя было исключить, что эти представители малых держав помогали США, Англии и некоторым другим крупным натовским государствам в организации и ведении разведки против нас. ВАТ, ВМАТ и ВВАТ Израиля постоянно пребывал в Лондоне и в Швецию наезжал лишь периодически, так же как и его коллега иранец, базировавшийся постоянно в Москве, аргентинец - в Париже и так далее. Китаец был аккредитован, помимо Стокгольма, в Копенгагене и Хельсинки. Во всех этих странах он со своими сотрудниками занимался политической разведкой. Микроскопические армии скандинавов его просто не интересовали. Несомненно, все военные представители являлись профессиональными разведчиками, хотя каждый из них и пытался выдать себя за «чистого солдата», далекого от политики

и шпионажа.

Иногда попадались отдельные вояки, которые очевидно не являлись профессиональными соглядатаями или не могли ими быть по каким-либо соображениям. Часть их даже симпатизировала нашей стране, кое в чем помогала нам, ее представителям. Но такие люди недолго задерживались в дипломатах и быстро освобождали пост для более «способного или молодого». Мне запомнился швейцарский ВАТ Рейнольд Галузер, выбившийся в полковники федеральной армии из крестьян. Симпатичный, доброжелательно настроенный к нам человек, имевший независимое суждение по многим вопросам. Ему пришлось уступить свою должность по смехотворному поводу - из-за неверности молодой жены, которая бросила его с двумя детьми, сойдясь с богатым шведом.

Английский ВВАТ коммодор Макдональд, участвовавший в челночных операциях против немцев во время войны и друживший с нашими летчиками, терпеть не мог немцев и, подвыпив, неоднократно заявлял, что если начнется война, то он охотно завершил бы то, что не успел сделать с немцами во время Второй мировой войны. Макдональд не скрывал своей неприязни к ВАТ ФРГ, наверняка из-за этого скоро был отозван в Туманный Альбион, правда, с повышением, чтобы не возбуждать кривотолков.

Но таких было совсем немного. Подавляющее большинство служило своим правительствам ревностно, всячески избегало близкого общения с советскими военными дипломатами, дабы не испортить себе карьеру, и уезжало домой неохотно, стараясь как можно дольше продлить свое пребывание на военно-дипломатической службе, которая, помимо морального удовлетворения, приносила и немалые материальные блага. ВАТ Дании, например, получал в месяц 14 000 крон. Это немало, если учесть, что я с семьей в три человека безбедно жил на мои 1900.

Вся пестрая и разноплеменная военно-дипломатическая ассоциация в Стокгольме разделялась на три обособленные группы: представители СССР и других социалистических стран, США и натовских государств и нейтралов - австрийца подполковника Шремса, финна подполковника Хейнрихса и швейцарца полковника Галузера. К последним, что было несколько странно, примыкал ВАТ ОАР бригадный генерал Гамаль Сейф Насер.

Такое деление, конечно, было условным. Фактически существовали лишь две группы: представители капиталистических и социалистических стран. Нейтралитет указанных выше представителей являлся часто показным, а финн

и австриец, не скрывая своих личных симпатий, открыто заискивали перед американцами и западным немцем.

Все международные осложнения, как в зеркале, отражались в этом пестром, разноплеменном сообществе. Объявил Н.С. Хрущев о взрыве нашей водородной бомбы и о том, что стратегические, глобальные ракеты мы выпускаем, словно сосиски, поточным методом, - сразу чувствовалось охлаждение во взаимоотношениях даже с вечно улыбающимся шутником и весельчаком, душой общества голландцем Тен-Броком. В разгар Карибского кризиса, когда накал страстей достигал в Швеции особой остроты, а сообщения о вывозе наших ракет под американским конвоем с Кубы вызывали демонстрации, американцы почти не здоровались. Смягчалась несколько напряженность на мировой арене - вновь налаживались отношения, слышались шутки на общих встречах, завязывались оживленные беседы.

Организационно все военные представители в Стокгольме входили в ассоциацию военных атташе, возглавлявшуюся дуайеном. Этот пост по очереди передавался ВАТ, прослужившему самое длительное время в Швеции. Для ведения несложной переписки и финансового хозяйства на общем собрании всех ВАТ и их помощников избирался секретарь. Им обычно становился один из подчиненных дуайена. Каждый член ассоциации, вне зависимости от должностного положения, вносил ежеквартально членские взносы - 75 крон, которые расходовались на организацию традиционного бала в честь шведских офицеров, покупку памятных подарков, которые вручались при отъезде члена ассоциации на родину по завершении службы в Стокгольме.

Весь корпус ВАТ и их помощников ежемесячно собирался в каком-либо клубе или ресторане на общие ленчи. Эти рауты являлись весьма удобным поводом для бесед с нужными лицами. За завтраком обычно объявлялось об отъезде того или другого члена ассоциации к новому месту службы, вручались памятные подарки, обычно серебряная шкатулка или поднос с автографами коллег, дуайен представлял обществу вновь прибывших офицеров, обусловливались всевозможные увеселительные мероприятия, иногда делались касающиеся всех объявления КЭ. Поскольку такие застолья не обходились без спиртного, к концу их языки развязывались даже у обычно неразговорчивых скандинавов - норвежца и датчанина, беседы выходили за пределы клубных интересов, слышались шутки, анекдоты, устраивались и дружеские розыгрыши. Следует заметить, что большинство ВАТ относились друг к другу по-приятельски, обращались на «ты», что, впрочем, не мешало им вести разведку

друг против друга, а всем вместе против нас, представлявших советский блок.

Помимо официальных встреч на ежемесячных завтраках и различных дипломатических приемах, члены ассоциации собирались иногда в «частном» порядке. Это обычно приурочиваюсь к Рождеству или Новому году. Каждый участник такой встречи приносил с собою, помимо бутылки национального напитка (водка, виски, коньяк, джин, сливовица), какую-нибудь безделушку. Все это складывалось в мешок, и какой-либо доброволец Дед Мороз с шутками и песнями оделял пляшущих вокруг елки официальных шпионов, выполнявших повседневно далеко не христианскую миссию, пряниками, хлопушками, после чего устраивалась грандиозная пьянка с песнями, играми и танцами. Почти как на вечеринке в гарнизоне где-нибудь под Тулой или Благовещенском, с пением гимна пьяных «Шумел камыш». На такие торжества приглашались обычно и офицеры КЭ. Дамы отсутствовали, получалось нечто вроде мальчишника.

С женами собирались не менее двух раз на балы. Один раз у министра обороны Швеции и на ответном в честь гостеприимного хозяина и шведских генералов и офицеров.

Толпа офицеров и генералов в красочных парадных мундирах и разодетых в вечерние туалеты дам, казалось, сошла с театральных подмостков, на которых ставилась немыслимая оперетта. Балы обычно проводились в здании пехотного училища - древнем замке, в котором учились еще соратники Карла XII. Перед входом выстраивался почетный караул шведских солдат в кирасах и киверах. В назначенное время гости рассаживались за стол. Начинался торжественный обед по всем правилам - с водкой под закуску, белым вином под рыбу, красным под мясо, шампанским к десерту. После обеда от чопорности дам и их кавалеров не оставалось и следа. Начинались танцы, которые открывал министр обороны Свен Андерсон со своей супругой. Веселье продолжалось далеко за полночь. Министр, который и сам не дурак выпить, спиртного не жалел, и некоторые «активисты» набирались, как говорится, до положения риз. Расторопные солдаты-официанты деликатно сводили их в автомашины и отправляли домой. Обстановка создавалась самая непринужденная. Гостеприимный хозяин и его супруга были душой общества. Он успевал потанцевать с десятком жен ВАТ, побеседовать с мужьями, выпить за мир и дружбу в порядке общих тостов, сказать несколько коротких, но умных речей, стараясь не задеть ни Востока, ни Запада, и все это без шпаргалок, без суфлеров, экспромтом. В кулуарах за кофе с коньяком собирались группы уставших от танцев дам и военных.

Начинались шутки, создавались благоприятные условия и для деловых бесед.

Здесь, как на всех собраниях ассоциации, пользовались в основном английским языком. Министр и все шведские генералы и офицеры хорошо владеют им, Андерсон, кроме того, неплохо говорит по-немецки. Странно, но на таких вечерах услышать шведскую речь было невозможно. Из ВАТ никто, кроме датчанина, финна и норвежца, язык страны пребывания не знал и не считал нужным его изучать. Зато английским владели все. И шведы, и западные коллеги всегда удивлялись хорошему знанию шведского языка моими помощниками полковником Н.И. Неборачко и капитаном 2-го ранга Л.Н. Коноваловым. При этом не обходилось без ехидных намеков и двусмысленных вопросов: «Во всех ли военных училищах дают в СССР такие хорошие познания в шведском языке?» Старшее поколение шведской интеллигенции, и военной в том числе, прекрасно знало немецкий язык, но сейчас предпочтение отдавалось английскому - времена изменились.

Любопытно, что в Стокгольме одно время ВАТ и ВМАТ США были соответственно полковник Шмидт и капитан 3-го ранга Лауф, ВАТ Франции полковник Фукс, ВМАТ Аргентины капитан 2 ранга Циммерман, ВАТ Финляндии подполковник Хейнрикс. Все они прекрасно говорили по-немецки и были потомками натурализовавшихся германских предков.

В процессе общения с коллегами на официальных встречах в ассоциации, приемах в посольствах нередко создаются реальные возможности получения весьма интересной информации. Нужно только уметь использовать эти случаи, руководствуясь народной мудростью: «Под лежачий камень вода не течет». Важно с первых дней своего пребывания в обществе военных атташе показать себя знающим специалистом, веселым, общительным, интеллигентным человеком, с которым любому собеседнику интересно поговорить, памятуя и то, что в личной беседе, наедине, симпатизирующий ему лично иностранец может сообщить сведения, которые по нашим понятиям составляли бы какую-то- часть государственной и военной тайны. При этом о своей стране и армии этот иностранец будет сохранять молчание, но иногда охотно поделится своими сведениями о стране пребывания или армии третьей страны.

Шведские власти с большим мастерством и изобретательностью пытаются занять иностранных военных представителей различными мероприятиями, носящими чисто увеселительный или спортивный характер, с тем, чтобы оторвать их от серьезной работы по изучению страны и ее армии. На их проведение тратятся, вероятно, значительные средства, но,

очевидно, цель их оправдывает. Летом для ассоциации ВАТ устраиваются частые выезды на соревнования в ориентировании с бегом по пересеченной местности. Эти ристалища проводятся с соблюдением всех правил. ВАТ и их помощники вывозятся в закрытой автомашине в глухую лесистую местность, где всем участникам пробега даются карты с указанием азимутов 5-6 контрольных точек. Эти точки нужно найти, занести в отчетную карточку их маркировку и, при правильной ориентировке, по замкнутому кругу протяженностью в 5 км вернуться в исходное положение.

Занимательно было наблюдать разношерстную вереницу уже достаточно пожилых людей, перелезающих через бурелом, прыгающих по кочкам, задыхающихся в стремлении обогнать друг друга. Как ни странно, но даже у стариков элементы соревнования пробуждали азарт, старание не ударить лицом в грязь перед иностранными коллегами, показать себя здоровым, сильным, умелым. По окончании соревнований КЭ давала в честь атташе обед, вручались призы, и участники, за исключением настоящих спортсменов, которых бывало не так много, на 2-3 дня выходили из строя.

Соревнования в «ориентеренге» у шведов весьма популярны среди школьников, в хемверне и армии. Они учат пользоваться картой, компасом, закаляют физически, но для пожилых военных дипломатов приобретение таких навыков обычно было нужно как рыбе зонт.

Для ВМАТ организовывались гонки на яхтах, соревнования по плаванию. Все сотрудники ВАТ часто приглашались на товарищеские встречи по стрельбе из армейской винтовки, пистолета, автомата, пулемета. В них принимали участие и шведские офицеры, демонстрировавшие весьма приличные стрелковые успехи. И такие соревнования заканчиваются традиционным обедом, на котором хозяева победителей, занявших первые 15-20 мест, рассаживали в порядке поощрения с дамами по принципу: чем лучше результаты стрельбы, тем сановнее дама. Занявший первое место обычно усаживался с женой командующего и т. д. Плохие стрелки дам не получали и сидели в мужском обществе, являясь объектом насмешек всей компании. Первое место в таких соревнованиях занимал обычно швейцарский военный атташе полковник Рейнольд Галузер, которого мы в шутку звали Вильгельмом Теллем. Многие из вояк совсем не умели стрелять. Рекорд в этом отношении побивал почти всегда итальянский ВАТ контр-адмирал Феррари, который умудрялся вообще не попадать в мишень.

Зимой еженедельно по плану КЭ проводилось обучение всех

офицеров ассоциации лыжной технике. Шведы - отличные лыжники, и соревноваться с ними в этом виде спорта даже молодым людям было нелегко. На таких массовых вылазках в качестве инструктора обычно выступал офицер секции ВВС КЭ майор Вестерберг - превосходный горнолыжник, удивлявший своим мастерством даже швейцарца Галузера, который сам был первоклассным спортсменом.

Даже в таком, кажется, аполитичном занятии, как спорт, проявлялись симпатии шведов ко всему западному. Офицеры английского, американского, французского аппаратов окружались обычно подчеркнутым вниманием. Иногда дело доходило до низкопоклонства - упавшего американца бросались поднимать сразу несколько шведских офицеров, ему снимали лыжи, массировали ноги и т. д.

Периодически все ВАТ приглашались в военные, военно-морские и летные школы, на учения гражданской обороны и хемверна (военизированная организация гражданского населения), на экскурсии в военные музеи. Кстати, в военном музее у шведов, между прочими экспонатами, представлены манекены солдат их армии в обмундировании и с вооружением от самых древних времен до наших дней.

Шведские военные власти периодически демонстрируют ВАТ военные и обзорные кинофильмы, читают лекции по истории шведской армии и даже иногда демонстрируют свою, предназначенную к экспорту военную технику.

Понятно, что все эти мероприятия касаются совершенно открытых вопросов и какого-либо информационного интереса не представляют. Однако не посещать их нетактично. Пренебрежение к ним может быть весьма неблагожелательно расценено хозяевами. Для чего же, как не для представительских целей аккредитованы ВАТ? Если они не интересуются тем, что им показывают в официальном плане, то, вероятно, заняты чем-либо предосудительным. Поэтому все перечисленные культурно-массовые и спортивные занятия посещать необходимо. Понятно, что все эти забавы в какой-то мере открывают официальные возможности общения хотя бы с коллегами. Контакты со шведскими офицерами при этом в расчет принимать не приходилось, т. к. на таких мероприятиях обычно присутствуют одни и те же лица из числа специально отобранных и подготовленных сотрудников КЭ и штаба обороны, связанные с контрразведкой косвенно или прямо.

Приглашают ВАТ на учения в войска, на корабли и в Высшую школу весьма неохотно. А представителей армий социалистических стран, как правило, вообще обходят.

Цель такого насыщенного плана представительских мероприятий по линии КЭ была совершенно ясной - создать видимость радушных хозяев, готовых показать всю свою армию и страну и отвлечь военных представителей от занятий более нужными для них делами. Нужно заметить, что, помимо перечисленных дел, дающих немного полезной отдачи, сотрудникам ВАТ и особенно самому атташе приходилось почти ежедневно присутствовать на различных приемах, обедах, балах, коктейлях, встречах, принимать у себя гостей - военных и гражданских лиц, организовывать по своей линии экскурсии, прогулки, пикники, встречи.

ГЛАВА 21. Шпиономания

У шведов непрерывно создается атмосфера шпиономании. Она умело подогревается средствами массовой информации, заявлениями полиции и судебных инстанций. Надо сказать, эти объединенные усилия достигают своей цели. Шведский обыватель запуган. Ему всюду мерещатся коварные разведчики, диверсанты, шпионы. Этими злодеями, пытающимися выкрасть сокровенные тайны неприступной обороны и безопасности их государства, представляются всегда русские или их союзники.

Не имея свежего материала для разжигания очередной шпионской истории, шведская контрразведывательная пропаганда регулярно, 1-2 раза в год, возвращается к старым процессам десятилетней давности, вновь повторяет материалы прошлых судебных разбирательств. При этом публикуются интервью с осужденными ранее действительными или мнимыми агентами разведок иностранных государств, отбывающими, как правило, пожизненное заключение за преступления против короля и отечества. В ход пускаются все современные средства воздействия на умы. Обыватель призывается к максимальной бдительности, готовности к защите своего процветающего государства не только от врагов внешних, но и внутренних. Обычно подъем такой пропаганды приурочивают к утверждению бюджета, выборам или какой-либо другой политической кампании, с тем чтобы показать рядовому Юханссону всю опасность, от которой его оберегает правительство.

По особому положению, широко известному всему народу, лица, состоящие на государственной службе, под страхом суровой ответственности обязаны докладывать властям о всех контактах с иностранцами и без служебной необходимости не встречаться с ними. Этим объяснялись отказы офицеров шведской армии посещать советские приемы, хотя они далеко не прочь выпить и закусить за чужой счет, но приказ есть приказ, и он выполняется неукоснительно. Во время одного из посещений Высшей шведской военной школы наш офицер аппарата ВАТ минут 10-15 наедине беседовал с преподавателем оперативного искусства этой школы. Через несколько дней начальник КЭ контр-адмирал Хеннинг дал мне понять, что содержание этой беседы с преподавателем ему почти дословно известно. В другой раз помощник ВАТ полковник Н. попросил у своего знакомого служащего армейской киностудии «Армеефильмдеталь» дать для просмотра учебный несекретный фильм, изготовленный его студией. Вместо фильма

мы получили строгое предупреждение о недопустимости впредь каких-либо просьб к гражданам Швеции, помимо КЭ.

Служба внешнего наблюдения за передвижением дипломатов по стране имеет в лице подготовленных обывателей большое число добровольных помощников, которые обязательно сочтут своим долгом сообщить по телефону о переездах и остановках автомашин с дипломатическими номерами. Поэтому в поездках, при посещении ресторанов, в гостиницах, на остановках в пути, особенно в сельской местности, где жители чрезвычайно любопытны, нужно иметь в виду, что не только агенты контрразведки, но и добровольцы-обыватели из чувства гражданского долга мог ут наблюдать за иностранцем и сообщать о нем и его действиях в полицию. Труда это не составляет, поскольку телефон имеется практически в каждой семье и сельском доме. За донесение, оказавшееся, по оценке полиции, полезным, доносчик получает вознаграждение, размер которого зависит от важности сообщения. Это еще в большей мере подогревает патриотизм и усиливает активность добровольных сыщиков.

Все сотрудники аппаратов ВАТ в Стокгольме имели право без предупреждения властей передвигаться в окрестностях столицы на любое удаление при условии возврата в тот же день к месту жительства. Это давало возможность летом совершать без разрешения длительные путешествия на многие сотни километров от центра. При поездках, связанных с ночевками, требовалось докладывать КЭ за сутки в письменном виде с указанием маршрута, продолжительности путешествия, пунктов ночевок. В этих случаях за нашими автомашинами устанавливалась непрерывная, зачастую демонстративная слежка. Бригады контрразведки в пути меняли агентов, автомашины, подключая санитарные и грузовые автомобили, иногда направляли своих сотрудниц, но добросовестно не выпускали наших людей из поля зрения. В обед - они заходили с нами в один и тот же ресторан, вечером - в кино, на ночь - в гостиницу. Ночевать у частных лиц, в кемпингах и просто в поле категорически запрещалось, так как в этом случае, естественно, затруднялась служба наблюдения КРО и опекаемые могли ускользнуть от непрошеной охраны.

Однажды после поездки на север страны в Хапаранду, когда сопровождение было особенно назойливым, я деликатно заметил начальнику КЭ, что я был бы не против во избежание лишних расходов шведской администрации взять одного из сопровождающих с собою в автомобиль в качестве гида и тем самым снять ряд хлопот с КЭ. В ответ он заметил, что их ВАТ в

Москве полковник Хельм на совершенно безобидные поездки по стране вызывает у советской стороны еще большие хлопоты и расходы. Так что паритетность здесь сохраняется в полной мере. Развивать больше эту тему я не счел нужным.

В Стокгольме слежка КРО за нашими людьми начиналась обычно через 2-3 недели после их приезда и осуществлялась скрытно с использованием технических средств. Все сотрудники посольства имели меняющееся кодовое тональное обозначение, с помощью которого контрольный пост по радио информировал соответствующие бригады о выходе того или иного сотрудника и давал указания, какие меры наблюдения осуществлять по отношению к нему. Сотрудники аппарата ВАТ контролировались, как правило, постоянно. Мне понадобилось несколько месяцев безупречных вечерних прогулок по Дюр Гордену, прежде чем удалось притупить бдительность агентов КРО, добиться снятия слежки, поскольку было очевидно, что эти путешествия с женой и дочерью преследуют чисто оздоровительные цели.

Наши автомашины, содержащиеся в частном гараже, несколько раз при весьма странных обстоятельствах угонялись «неизвестными злоумышленниками», причем для того, чтобы вывести и угнать их, нужно было выдвинуть несколько новых, значительно более комфортабельных шведских автомобилей. Через 3- 5 дней полиция, проявив чудеса дедукции, находила пропажу и возвращала ее нам со следами бдительного и далеко не дилетантского контроля кузова, шасси, моторной группы. К счастью, ничего предосудительного в них не было.

Неоднократно отмечался негласный обыск квартир сотрудников ВАТ в их отсутствие. Он всегда осуществлялся со знанием дела, и если бы не дополнительные меры обнаружения непрошеных визитеров, они остались бы незамеченными. Следует учитывать, что портье шведских домов обычно сотрудничает с полицией и всегда имеет дубликаты ключей от квартир. Их осмотр КРО может быть правдиво легендирован проверкой телефонов, нагревательных приборов, водопровода, канализации. При посещении квартиры этими «специалистами» в отсутствие жильцов вполне допустима установка миниатюрных микрофонов для подслушивания в самых необычных местах в квартирах советских граждан. Это приходилось постоянно иметь в виду при проведении деловых бесед с гостями и говорить дома лишь на такие темы, по которым можно было бы выступить по местному телевидению.

Напротив нашей квартиры на Линеегатан, 21, проживал начальник штаба ВВС Швеции генерал-майор Норен, с которым я неоднократно встречался на официальных приемах. Как было

установлено после моего несколько поспешного отъезда из страны, он любезно предоставил контрразведке в своей квартире комнату, где оборудовали стационарный инструментальный наблюдательный пункт для контроля за квартирой советского военного атташе.

Установив предосудительную связь шведского подданного с нежелательным иностранцем, в случае, если он о ней своевременно не доложил, КРО начинают тщательно разрабатывать своего. За ним устанавливается прочное негласное наблюдение, к нему подводятся под видом прислуги, друзей, соседей агенты контрразведки. В том случае, если разрабатываемый не имеет доступа к секретным материалам, ему обеспечивают в провокационных целях возможности знакомства с ними. При этом секретные документы и пособия покрываются составом, закрепляющим отпечатки пальцев, что дает возможность в последующем предъявить неопровержимые улики против лица, пользовавшегося без разрешения не положенными ему бумагами или пособиями.

ГЛАВА 22. Текущая работа военного атташе

Задачи, поставленные перед аппаратом ВАТ в Швеции, далеко выходили за рамки страны пребывания и включали широкий диапазон вопросов - технической, военно-политической, военной и экономической информации, главным образом по странам НАТО, и в первую очередь США, с которыми Швеция весьма тесно связана, несмотря на свой нейтралитет.

Не останавливаясь на методах решения многочисленных плановых и внеплановых заданий, ставившихся перед нами в то время Центром, можно с уверенностью сказать, что небольшим, но достаточно квалифицированным коллективом из 6 оперативных работников мы делали все, что было в наших силах, для наиболее полного использования всех возможностей, вытекающих из нашего пребывания в стране.

Помимо работы с людьми, имевшими доступ к нужным нам сведениям, значительное внимание уделялось изучению прессы, причем не только местной, но и западной полузакрытого типа, которую не продавали советским гражданам, но охотно присылали шведским частным подписчикам и владельцам книжных магазинов, у которых за соответствующую мзду можно было их получать в постоянное или временное пользование. При хороших отношениях с коллегами ВАТ имелась возможность через них на доверительной основе получать для ознакомления различные закрытые материалы НАТО, рассылаемые Европейским командованием для офицеров этих стран. Так, к примеру, один из таких информационных бюллетеней нам периодически передавал «для личной ориентировки» ВАТ Нидерландов подполковник Тен-Брок. Это было открытое издание внутреннего пользования, но по характеру помещаемых в нем сведений у нас на подобных материалах безусловно стоял бы гриф «секретно». По шведским вооруженным силам неплохие данные проскальзывали в провинциальных газетах и журналах. Не случайно подписка на них была ограничена. Всю эту массу чтива нужно было сопоставить, проанализировать, что представляло интерес, перевести, накапливая проскальзывающие в массе словесной шелухи крупицы интересных сведений.

Много времени отнимали всевозможные коктейли, ленчи, обеды у шведских официальных лиц и в аккредитованных в Стокгольме посольствах. Об объеме этой на первый взгляд

необременительной работы можно судить хотя бы по тому, что в зимнее время количество таких мероприятий достигало 60 в квартал.

Обычно они, за исключением ленчей, проводились после работы - с 18 до 21 часа. Но к ним, при желании получить полезную отдачу, нужно было серьезно готовиться, вплоть до изучения соответствующей лексики, продумывания вопросов и т. д. При посещении таких сборищ с определенной оперативной целью наши офицеры всегда испытывали определенное напряжение, что основательно изматывало их, поскольку в каждом из таких приемов они видели не развлечение, а серьезную, иногда опасную работу.

Помимо путешествия «в гости», обременяли в значительной мере приемы собственных гостей из числа шведских офицеров и ВАТ капиталистических стран. Ленчи, ужины, обеды требовали составления специального календаря, чтобы, упаси бог, не забыть, кто, когда и с кем должен быть принят и на каком уровне: интимном, официальном с флагами, товарищеском с обильной выпивкой, с подарками или без оных. Требовалась представительская точность. Если на коктейли можно было прийти когда угодно, то на обеды и ленчи требовалось прибывать точно в указанное в приглашении время, не раньше и не позже. Отклонения допускались лишь в 5-7 минут.

Рабочий день в советском посольстве при после Ф.Т. Гусеве начинался так называемой пресс-конференцией, на которой сотрудники посольства, знающие иностранные языки, докладывали обзор закрепленных за ними шведских и иностранных газет. При этом обсуждались проблемы, имевшие отношение к советской колонии. Причем, как ни странно, зачастую, на мой взгляд, пустячный вопрос перерастал в конфликт, которого легко было избежать. В августе 1961 года на пресс-конференции у посла целое смятение вызвал репортаж корреспондента газеты «Свенска Дагбладет», который подробно обрисовал свою встречу с сотрудниками американского посольства у посла США в Стокгольме. Описывались деятельность этих сотрудников, распорядок дня посольства и пр. Статья заканчивалась: «Следующий репортаж из стен советского посольства». Несмотря на наши настоятельные советы, посол не решился без санкции свыше принять шведского интервьюера и запросил МИД. Последовал ответ: «Корреспондента в посольство не пускать. Интервью не давать». Указание было выполнено неукоснительно, после чего газета начала поливать грязью не только посла и весь состав посольства, но и страну, которую они представляли. А этого можно было без ущерба для нашего

престижа избежать и с помощью нашей гостеприимности, икры и водки добиться, по крайней мере, лояльного репортажа, который прочла бы вся шведская читающая публика.

Значительную часть рабочего времени занимало составление различных ответных и информационных материалов, ответы на срочные телеграфные запросы зачастую по проблемам, уже ранее освещавшимся в соответствующих донесениях. Так было, например, с вопросами гражданской обороны Швеции, подробно освещенными нами в 1961 году по материалам учений в Стокгольме и повторно запрошенными у нас же в 1962 году. Сложность в повторных ответах состояла в том, что архивов мы не имели, большинство сведений приходилось сохранять в памяти, а она иногда могла и подвести.

Приходилось отвечать по ряду вопросов и шведским официальным лицам, и отдельным гражданам, интересующимся военной историей России и СССР, развитием космической техники, советскими военачальниками, военной литературой.

Особое место в работе отводилось добыче образцов радиоэлектронных устройств, микромодулей, миниатюрных магнитофонов, клистронов, ламп бегущей волны. Все эти предметы были запрещены к продаже в социалистические страны, и для их добычи приходилось применять различные ухищрения - покупать через подставных лиц, с отправкой в третьи страны и пр. Учитывая высокий уровень военной и смежной с нею гражданской техники в Швеции, приходилось внимательно изучать международные технические выставки, организуемые весьма часто в Стокгольме. Эту работу приходилось иногда проводить совместно с инженерами торгпредства, т. к. наших познаний в ряде отраслей техники явно не хватало.

Отводилось время и на приемы визитов убывающих и прибывающих коллег ВАТ. Запомнилось своеобразное представление вновь прибывшего ВАТ бригадного генерала Гамаль Сейф Насера в начале 1963 года. В наше посольство вошел молодой, лет 30, генерал, который с серьезной миной на хорошем русском языке доложил: «Товарищ генерал! ВАТ ОАР Гамаль Сейф Насер прибыл в Ваше распоряжение». Понимая шутку, я заметил, что рад встретить в Стокгольме земляка, да еще из ОАР. Оказалось - этот араб почти два года учился в нашей Военно-воздушной академии в Монино. На мой вопрос, не является ли он родственником президенту, Насер отвечал: «Почти нет, очень дальним». Про себя я оценил его скромность, но понял, почему он проявил свои воинские таланты в 30 лет. Полагая, что о таком человеке в Центре должны быть подробные данные, я запросил на Насера характеристику за время его обучения в СССР. Каково же

было мое удивление, когда через месяц мы получили лаконичное сообщение: «Насер нам не известен». Как плохо мы знаем наших друзей. Может быть, поэтому они часто становятся нашими врагами.

Все проезжающие через Швецию военнослужащие армий социалистических стран считали обычно своим долгом нанести визит советскому ВАТ, и по заведенному у нас неписаному правилу их нужно было встречать хотя и скромно, но с возлиянием и соответствующей закуской. Досадно, но средств на такие частные приемы не отпускали, и их приходилось проводить за свой счет. Парадоксально, но оплата завтрака с американским представителем безоговорочно утверждалась финансистами. Если же расходы были произведены на встречу с польским ВАТ или румынским генералом, возвращавшимся из Лондона на родину через Стокгольм, их нужно было оплачивать из своего денежного содержания.

В порядке изучения страны и ее инфраструктуры всему оперативному составу аппарата ВАТ приходилось много путешествовать, совершая иногда многодневные экскурсии. Понятно, что местная контрразведка отлично знала, чем вызывалась такая охота к перемене мест, но тем не менее каждый выезд нужно было как-то легендировать: посещением архитектурных памятников в Гетеборге и Мальме, ознакомлением со старейшим в Европе Упсальским университетом, наблюдением за зимними спортивными соревнованиями в Кируне, изучением выставки «Все для моря» в Гельсингборге и т. д. К каждому такому турне нужно было тщательно готовиться и составлять подробный план заездов по маршруту с тем, чтобы не открывать давно известное и не пропустить новое. При этом нужно было всегда иметь в виду постоянную работу под контролем наружного наблюдения шведской контрразведки, бдительно следившей за всеми нашими страноведческими устремлениями.

Шведы разрешали свободное передвижение почти всюду. Запрет был наложен в основном на северную и северо-восточную область страны, где имелись укрепленные районы. Существует историческая байка, будто бы Бисмарк смеялся два раза в жизни: первый - когда ему сообщили о кончине его тещи, а второй - прослушав доклад о шведской крепости не то Крипсхольм, не то Шипсхольм. Шведы, очевидно, не хотели, чтобы над другими их укреплениями смеялся еще кто-либо, и не пускали на север иностранцев вообще и нас в особенности.

В многочисленных поездках в самых разнообразных направлениях можно было, помимо вопросов собственно инфраструктуры, заметить ряд любопытных мелочей.

Жизненный стандарт среднего шведа во всей стране примерно одинаков. За Полярным кругом в Хапаранде обилие продуктов и предметов широкого потребления, равно как и цены на них примерно те же, что и в Стокгольме. Тот же сервис в жилье, обслуживании, те же добротные, правда, не очень широкие, дороги. Исключение, пожалуй, составляют на севере кочевники лопари, которые вынуждены бродить по тундре со своими громадными стадами оленей, не пользуясь в полном объеме всеми благами цивилизации. Но и в их быт проникает наука, техника. В ярангах можно увидеть изделия из нейлона, транзисторные приемники. Дети их учатся в средних школах, находящихся в крупных населенных пунктах, откорм оленьего поголовья проводится под контролем ветеринаров, для связи между кочевьями используется радио, лопари управляют автомобилями, вездеходами.

Обращает на себя внимание развитое чувство собственного достоинства шведов, отсутствие низкопоклонства перед заграничным, стремление видеть во всем шведском образец совершенства. Будь то внешняя политика или уровень жизни, государственное устройство или техника. Шведское все должно быть самым лучшим. Гостеприимство шведа не граничит с самопожертвованием. В любом виде обслуживания он попытается сохранить принцип наибольшего благоприятствования для своего гражданина. Касается ли это пользования гостиницами, ресторанами, даже во время официальных церемоний опоздавший иностранец, даже если он и дипломат, будет довольствоваться тем местом, которое останется не занятым шведами.

При поездках по стране не могло также не броситься в глаза то обстоятельство, что этот маленький народ, на который никто пока не покушается, упорно и во всем готовится к обороне. Свидетельством того являются и полевые аэродромы для реактивной авиации, распаханные под пшеницу, но в любое время могущие быть покрытыми стальными сборными полосами для взлета и посадки, и посадочные полосы на автострадах, и бетонированные площадки в лесах для маскировки и рассредоточения самолетов. Широкая сеть радиорелейных линий, значительно превосходящих потребности мирного времени, подземные склады, убежища, командные пункты - все это предусмотрено на случай войны, развертывания армии, сохранения материальных ценностей и людей.

Рейсовые и городские автобусы, троллейбусы имеют прочно задраенные задние двери на случай возможного переоборудования этих транспортных средств в санитарные. У транспортных самолетов посадочные люки открываются внутрь

салона, что обеспечивает возможность использования их для десантирования парашютистов без каких-либо дополнительных работ по переоборудованию.

Разносторонняя подготовка военных специалистов в хемверне, разветвленная система гражданской обороны значительно дополняют численно небольшие кадровые вооруженные силы и с учетом их современного авиационного, бронетанкового и артиллерийского вооружения дают основания оценивать Швецию как страну с высокой боевой готовностью.

В процессе текущей работы по изучению страны, ее армии, вероятных противников по НАТО приходилось зачастую сталкиваться с непредвиденными неприятностями и хлопотами. Так, в июле 1962 года рано утром меня пригласил в штаб обороны начальник КЭ контр-адмирал Хеннинг и сообщил, что ночью, без предупреждения к берегам острова Готланд подошел вспомогательный корабль советских ВМС водоизмещением 300 тонн. Командир корабля лейтенант Плешкис попросил у шведских властей политического убежища. Команда корабля не сходит на берег и не покидает территориальные воды, отказываясь вместе с тем допустить на борт представителей шведских властей. Хеннинг потребовал срочного вывода корабля-нарушителя в нейтральные воды и наказания виновных, в противном случае он грозил приказать находившемуся неподалеку эсминцу шведских ВМС силой отбуксировать наш корабль в открытое море. Только после моих настоятельных разъяснений, что в данном случае, очевидно, имеет место не преднамеренное нарушение границ Швеции, а бедствие, поскольку после дезертирства преступника-лейтенанта команда осталась без навигационных средств. Очевидно, по решению министра обороны Андерсона шведские военные власти выделили в мое распоряжение самолет для полета к месту происшествия, офицера связи с указаниями к местным властям (и для наблюдения за нами). Для принятия на месте должных мер мною был командирован на Готланд капитан 3 ранга Л.Н. Коновалов. Он имел опыт вождения малых кораблей и по моей команде должен был перегнать «интуриста» на ближайшую нашу базу в Лиепая. Ответ на наше срочное донесение об этом чрезвычайном происшествии в Штаб ВМФ СССР был получен лишь на вторые сутки. Коновалову было разрешено довести корабль до ближайшего советского порта. Для встречи его в море был выслан эсминец. Несложная процедура перегона баржи оказалась далеко не простой. Изменник командир испортил компас и уничтожил навигационные карты, так что без шведской помощи выйти из шхерного района Коновалов так или иначе не

смог. В открытое море его вывело шведское вспомогательное судно, после чего без происшествий в установленном пункте состоялось рандеву с эсминцем.

Перебежчику Плешкису шведы предоставили политическое убежище. Он оказался литовским националистом, врагом Советского Союза, да еще вдобавок этот «идейный» враг советской власти имел в Лиепая до полудюжины женщин с детьми от него. Все попытки консульских работников нашего посольства убедить изменника вернуться на родину ни к чему не привели. Вскоре его забрали к себе американцы: они подбирали таких изменников и использовали их в разведывательных подразделениях войск специального назначения.

Характерно, что все матросы угнанного корабля были в свое время разжалованы командованием за различные мелкие проступки, и, как ни странно, они оказались настоящими патриотами, с гневом отвергшими попытки собравшихся к месту происшествия русских эмигрантов - членов НТС склонить их к измене Родине. Они организовали вооруженную охрану корабля, но отплыть от Готланда не могли, поскольку никто из них не имел опыта вождения судов, а рации эта баржа не имела. Матросы даже не знали, что в каждой стране имеются советские представители, и Коновалову стоило большого труда уговорить их пустить его на борт. Команда не имела с собою запасов продовольствия, и прежде чем начать подготовку к отплытию, вновь испеченному «флотоводцу» пришлось запасаться хлебом и колбасой на 11 человек.

Особо безобразным во всей этой истории было то обстоятельство, что тихоходная железная баржа 24 часа шла к Готланду и не была задержана нашей пограничной службой. Потребовалось около двух суток после нашего донесения, чтобы установить исчезновение из порта 12 человек вместе с этой баржей. Не на высоте оказались и шведы, не обнаружившие подход неизвестного судна к самому острову.

Обо всем этом была написана подробная докладная начальнику Главного штаба ВМФ ныне покойному адмиралу Ф. В. Зозуле с просьбой поощрить Коновалова и всех матросов, а также строго наказать виновных в таком позорном для флота случае. Л.Н. Коновалову было досрочно присвоено очередное воинское звание капитана 2 ранга. Матросы поощрены, им вернули прежние воинские звания. А виновных не нашли. Ими явились плохое знание людей, беспечность, формализм, плохое выполнение уставных положений многими должностными лицами, в том числе и с большими звездами на погонах. Докладная в верхах должной поддержки не нашла, но снискала

автору кличку критикана.

Измена командира баржи явилась поводом для длительной антисоветской пропаганды в стране. Различные фотоснимки этой посудины с грязными бортами, без флага, с командой, одетой в брезентовые робы, не сходили со страниц газет. Умалчивалось о том, что это хозяйственное судно, приспособленное фактически для вывоза в море нечистот. Плешкис выставлялся этаким героем, борцом за свободу, бежавшим из-за «железного занавеса». Коллеги донимали нас ехидными шуточками. Коновалова называли «героем Балтики», меня - «морским волком»…

Ряд непредвиденных обстоятельств возникал при различных заявлениях бывшего председателя Совета Министров СССР Хрущева, касающихся в той или иной мере Швеции или ее соседей. Взрывы водородных бомб на Севере, нота Финляндии с предупреждением о возможных санкциях в случае изменения ею политического курса в отношении СССР, карибский конфликт и др. вызывали антисоветскую кампанию не только в прессе, но и враждебные демонстрации, пикетирование у посольства, поток писем, депутации от общественности и т. д. Следует заметить, что в порядке подтверждения своего нейтралитета шведы почти так же бурно протестовали против испытаний ядерных зарядов в США, их военных действий во Вьетнаме, событий в Конго.

Непоследовательные и путаные заявления и доклады Хрущева, его хулиганская дипломатия, непонятные даже советскому человеку решения вроде разделения партийных и советских органов на промышленные и сельскохозяйственные зачастую ставили нас, зарубежных работников, призванных разъяснять и пропагандировать эти решения, в крайне затруднительное положение своей очевидной абсурдностью. Шведы, привыкшие тщательно готовить каждое серьезное решение, удивлялись нашим волевым мероприятиям, высказывали свои сомнения в их рациональности, и нам, в душе согласным с ними, рассудку вопреки, наперекор стихиям, приходилось по долгу службы защищать официальную точку зрения, без уверенности, что она не будет через несколько дней опровергнута нашими же официальными органами, как это было с заявлением В.А. Зорина в ООН перед карибским кризисом.

Особое место в работе аппарата ВАТ занимала подготовка к визитам наших кораблей в Швецию, обмену делегациями, эскадрильями ВВС, спортивными командами.

С 1 по 5 июня 1962 года в Стокгольме пребывал с визитом отряд советских кораблей под командованием контр-адмирала П.П. Куликова в составе плавбазы подлодок «Виктор Котельников» и трех дизельных субмарин. Подготовка к этому

пятидневному визиту заняла несколько месяцев. Составлялась и согласовывалась в двух инстанциях подробная программа с указанием всех деталей - от встречи отряда у Альмагрундского маяка до проводов шведскими эсминцами при убытии наших кораблей домой.

Программа, помимо массы визитов к шведским военным и гражданским властям, включала обширный перечень культурно-массовых мероприятий, т. к. с базой прибывал ансамбль песни и пляски Краснознаменного Балтийского флота. И здесь не обошлось без досадных мелочей, вызванных, очевидно, незнанием в Центре местной обстановки и нежеланием прислушаться к советам низовых исполнителей. Было запрещено проведение пресс-конференции со шведскими журналистами. Не ясно, почему на кораблях, открытых в течение нескольких дней для доступа местного населения, нельзя было встретить местных «гангстеров пера» и попытаться несколько нейтрализовать их антисоветский пыл советской водкой и икрой. Нам было ясно, что этот запрет будет иметь своим последствием поток антисоветской клеветы во всех местных газетах в течение всего визита. В этом случае чернилось бы все подряд - от раскраски бортов кораблей до внешнего вида моряков. В соответствии с мудрыми указаниями пресс-конференция не проводилась, она была заменена встречей с деятелями культуры, охотно санкционированной Центром, на которой были почти одни корреспонденты. Пресс-конференция под псевдонимом прошла блестяще. Командир плавбазы капитан 2 ранга Преображенский мастерски, остроумно, с морским шиком отвечал на многочисленные вопросы журналистов, выступая одновременно в роли хлебосольного хозяина. Результаты не преминули сказаться. Даже реакционные газеты писали о наших моряках в довольно лояльных тонах.

Шведских моряков несколько удивляло чрезмерно большое количество старших офицеров, прибывших на кораблях. Одних капитанов 1 ранга было около 10 человек, в их числе был и корреспондент газеты «Красная звезда». Такого количества крупных чинов у шведов с избытком хватило бы на комплектование военно-морского командования. Кораблем же такого класса, как «Виктор Котельников», у них командовал бы офицер в звании, соответствующем нашему капитану 3 ранга. Понятно, что стремление попасть в заграничное плавание было велико у многих старших офицеров флота, но они могли бы иметь хотя бы на время визита более скромные звания.

Бургомистром города был дан в ратуше для наших моряков прием - бал. Досадно, что многие наши офицеры, в том числе и адмирал, не умели танцевать или стеснялись и не в полной мере

оправдали надежды шведских дам. Очевидно, сказалась агитпроп-политпросвет-культмассовая и воспитательная работа политического аппарата во время перехода и в процессе подготовки к нему. Блестяще показали себя артисты ансамбля песни и пляски КБФ. Они дали для жителей Стокгольма несколько концертов под открытым небом в Скансене, на площадях и бульварах города и неизменно пользовались огромным успехом. Пожалуй, весь состав посольства с его пропагандистским аппаратом вряд ли за долгое время мог сделать столько, сколько сделал небольшой флотский ансамбль за пять дней пребывания кораблей в Стокгольме. Молодежь всех наций быстро понимает друг друга даже без переводчиков. К изумлению отцов-командиров, при убытии кораблей среди сотен провожающих было много девушек, которые трогательно прощались с нашими матросами и даже утирали слезы.

ГЛАВА 23. Досадные просчеты, ошибки, упущения

Как ни странно, но, работая в системе советских учреждений за рубежом, тесно соприкасаясь с их деятельностью и организацией, особенно в области экономики, сравнивая культуру труда, отношение к делу личного состава, четкость выполнения задач, рациональность того или иного учреждения советской колонии и шведских ведомств аналогичного профиля, приходилось зачастую с прискорбием констатировать, что мы далеко отстали от наших капиталистических противников по целому ряду показателей, и в первую очередь в производительности труда. Сравнение оказывалось не в нашу пользу.

На удалении от Родины, при возможности сопоставления с противной стороной, отдельные наши недостатки, к которым мы привыкли у себя в стране, начинали рельефно выступать и становиться более ощутимыми, нетерпимость их для нормального развития общества чувствовалась все очевиднее. Тем более что в погрешностях организации работы многоотраслевых учреждений советской колонии отражались в миниатюре общие для нашей страны недостатки, упущения, просчеты.

Бесхозяйственность, стремление побольше взять себе и меньше дать обществу, граничащее в ряде случаев с открытой и замаскированной коррупцией, попытки выдать желаемое за действительное, снять с себя ответственность и перенести ее на другого, прямое очковтирательство, пьянство - эти качества были присущи в скрытой форме многим нашим зарубежным работникам, а ведь это были лучшие из лучших, они подвергались тщательнейшему отбору и проверке перед командировкой за границу. Да и прибывавшие в страну наши высокопоставленные руководители не все были безупречны в этом отношении. При встречах с ними поражали чванство, самоуверенность, высокомерие, отсутствие тех черт ленинского стиля в руководстве, о которых все они так любили говорить. Находясь в какой-то близости к инструменту нашей внешней политики - посольству и экономической - торгпредству, ответственные сотрудники этих учреждений являлись свидетелями тех про махов и просчетов, которые допускались в тот период нашим руководством.

Судя по некоторым примерам, и в Центре зачастую не было

ясности в ряде кардинальных вопросов внутренней и внешней политики. Правая рука не знала, что делала левая. Это ощущалось и на периферии.

В 1961 году, после заявления Н.С. Хрущева о том, что СССР заключит односторонний мирный договор с ГДР и таким образом решит берлинскую проблему, всем зарубежным органам, в том числе и нам, было поставлено задание выяснить любыми путями позицию западных держав к этому заявлению. Несерьезность и вредность демарша Хрущева были очевидны, но приказ есть приказ. Мы начали выяснять эту позицию, хотя нам она была предельно ясна. Я пригласил на морскую прогулку в шхеры турецкого ВАТ полковника Эрберка. Это был один из немногих натовских офицеров, с которым можно было поговорить более или менее откровенно по интересующему нас вопросу. Турок, будучи мусульманином, имел чисто православные привычки: любил выпить, закусить, погулять с европейскими девицами, принимал подарки. На мой вопрос по интересующей меня проблеме Эрберк довольно здраво заявил: «Напрасно вы дразните гусей. Договор по Берлину с ГДР без ФРГ и западных держав для СССР ничего не даст, т. к. его никто из этих стран не признает. Повод же для враждебной пропаганды вы дали, равно как и основание для увеличения англо-франко-американского гарнизона в Берлине. Кроме того, весь контингент войск НАТО в ФРГ приведен в состояние боевой готовности, и они намерены любой ценой охранять свои коммуникации с Западным Берлином. Кроме того, в то время, когда у вас идет малая война с Китаем, вряд ли имеется смысл развивать конфликт на Западе». При этом турок сообщил о тысячах пограничных инцидентов на Востоке, концентрации китайских войск на советской границе, мобилизации китайцами лиц русской национальности в разведывательно-диверсионные школы, возведении укреплений на Востоке и др., что стало нам известно лишь несколько лет спустя.

Попытки убедить турка в том, что у нас с Китаем дружба навеки, понятно, ни к чему не привели, кроме демонстрации моего полного невежества в вопросах китайско-советских отношений, поскольку я был действительно глубоко убежден в прочности нашей дружбы. Лишь потом нам всем стало понятно, почему начиная с 1961 года отношения с китайскими представителями, в том числе и военным атташе Лю Чи Фу, стали натянутыми. Очевидно, они были лучше нас информированы о положении между государствами.

Немедленно по возвращении с прогулки я донес о беседе с турком в Центр и получил с завидной оперативностью разнос:

«Недостойно для Вас и непозволительно впредь передавать в Центр антисоветские инсинуации. Дружба с нашим Великим соседом - нерушима». Что это было? Недомыслие, умышленный обман или и то, и другое, вместе взятые? А может быть, боязнь правды.

По заданию Центра, весьма сложными путями, нами были куплены два клистрона[10] стоимостью по 4000 долларов каждый. В последний момент Центр прислал указание один клистрон за ненадобностью вернуть поставщику. Сделать это было уже нельзя, т. к. он покупался нелегально через подставных лиц и за подобную операцию виновным грозило тюремное заключение, поскольку деталь числилась в списке запрещенных к продаже в социалистические страны. Все наши доводы Центром не принимались во внимание. Расходы на покупку второго клистрона не утверждались. Попытки продать его чехам, полякам, даже китайцу, которого мы все еще, по директиве, числили нашим другом, ни к чему не привели. Стоимость проклятой детали равнялась почти двум моим годовым окладам, и возместить ее из своей зарплаты без поступления по совместительству в батраки к какому-либо помещику не представлялось возможным.

Уже не рассчитывая на успех, я обратился к торгпреду Б.И. Харченко с вопросом, не нужна ли такая деталь его ведомству. Тот запросил Министерство внешней торговли и получил ответ: «Немедленно нарочным выслать клистрон в Москву. Принять срочные меры к добыче еще 5 экземпляров, крайне необходимых нашим НИИ». Комментарии излишни.

В 1962 году для промышленного комплекса в Братске в Швеции был заказан целлюлозный комбинат. Но по каким-то причинам они запаздывали с поставкой оборудования и просили отсрочки на 2 месяца, гарантируя за это ряд выгодных нам уступок. МВТ на ходатайство торгпреда удовлетворить просьбу фирмы ответило отказом. Шведы мобилизовали все возможности, заказ выполнили в срок и отправили по назначению. Через год, зимой, один из инженеров нашего торгпредства в Швеции, посетив во время отпуска братский комплекс, решил полюбоваться и на «свой» комбинат. С удивлением и болью в сердце он обнаружил импортное оборудование, из-за срочной поставки которого шведами мы потеряли весьма немалую сумму, валяющимся в беспорядке под снегом. Торгпред по докладной своего инженера написал жалобу и прослыл склочником.

В 1962 году министр обороны Швеции Свен Андерсон предложил провести с нами традиционный, повторяющийся обычно раз в 4 года, обмен визитами военных кораблей. Об этом

мною было доложено послу и сообщено в Центр. Через неделю был получен ответ: «Дайте понять шведам, что вести переговоры о визитах кораблей они должны по линии МИД». Фактически такой ответ означал не только наш отказ от этого мероприятия, но и «давал понять», что ВАТ вообще ненужная инстанция, которая имеет совсем другие, непредставительские задачи. Перед тем как направиться в КЭ для того, чтобы сообщить мудрое указание руководства, я зашел к послу Ф. Т. Гусеву. Каково же было мое удивление, когда он показал мне телеграмму МИД, где значилось, что вопрос о визитах кораблей решен. Указывалось место, состав отряда, сроки, материальное обеспечение, и давались указания ВАТ составить программу пребывания кораблей. Два ведомства, находящиеся почти рядом, давали исключающие друг друга указания по одному и тому же вопросу. А ведь я, получив приказание от своего руководства, не обязан был сообщать его послу. Хорошо бы мы выглядели перед шведами, когда после отказа через несколько дней пришлось бы вновь поднимать этот вопрос с диаметрально противоположным решением.

Посольство и особенно агентство Совинформбюро (предшественник АПН), как пропагандистский орган, выбивали из колеи многословные и противоречивые выступления Н.С. Хрущева по всем областям политики, экономики, науки. Они передавались по телетайпу, загружая его до предела. Срочный перевод их на шведский язык требовал больших сумм в валюте, а шведские газеты отказывались их печатать. Для выполнения указаний инстанции о публикации речей в местной прессе приходилось «арендовать» в какой-нибудь «Дагенс Нюхетер» 2-3 дополнительных газетных разворота в качестве специального приложения, что обходилось в сумму до 50 000 крон. Досаднее всего было то, что пропагандистский эффект этим не достигался, т. к. обычно за 2-3 дня до полной публикации речи советского премьера в той же газете давался краткий антисоветский репортаж о ней какого-либо западного агентства, и он вполне устраивал шведов, не привыкших читать длинные статьи. Многочисленные просьбы, обращенные устно и письменно к различным «ревизорам», прибывающим периодически в посольство, присылать для местных газет краткую аннотированную запись речей, которую можно было бы передать шведской прессе ранее западных агентств и в этом случае она читалась бы рядовыми шведами, не принимались во внимание, хотя это не только экономило бы сотни тысяч крон в год, но и могло приносить доход, т. к. падкие на сенсацию издательства охотно покупали бы такую информацию. Но речь первого

секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР никто не осмеливался сократить.

Читая в «Правде» сообщения о том, что очередная речь Хрущева опубликована большим числом буржуазных газет, мы обычно прикидывали, какие громадные средства затрачиваются на такой метод воздействия на умы и насколько незначителен его результат. Невольно вспоминалось мудрое указание Ленина о том, что самое действенное влияние на капиталистический мир мы оказываем нашей хозяйственной политикой.

Совинформбюро, а в последующем АПН издавали в Швеции журнал для местного населения «Нюхетер фром Совьетунион» - «Новости из Советского Союза». Этот журнал распространялся бесплатно среди членов Общества Швеция - СССР. Тысяч 15 его экземпляров передавало сь в ЦК КПШ для пересылки коммунистам и их знакомым. Идея сама по себе неплохая, но мы забывали об отсутствии средств для дальнейшей пересылки этого органа читателям. А эти средства выливались в круглую сумму - 1-2 тысячи крон на выпуск. В ЦК не было таких средств, и часто целые пачки журнала сжигались в котельной.

Многих советских граждан удивляло расточительство народных средств при поездках высокопоставленных должностных лиц из СССР в Швецию. Эти поездки по существу превращались в туризм за государственный счет для избранных. В Швецию ехали без должного разбора, подготовки и цели министры, партийные работники, руководители главков, писатели и художники, депутаты, председатели горсоветов.

За короткое время мне удалось увидеть, реже услышать и в какой-то мере, может быть, не всегда точно, оценить деловые качества этих знатных путешественников. За короткий срок Швецию осчастливили своим приездом министры: В.П. Елютин, В.Ф. Гарбузов, А.А. Громыко, В.Г. Бакаев, Е.А. Фурцева, председатель Моссовета В.Ф. Промыслов и множество других партийно-советских аппаратчиков. Прибытие какого-либо министра или писателя в звании члена ЦК или депутата Верховного Совета СССР надолго выбивало из рабочей колеи все посольство. Гости обычно прибывали со свитой сопровождающих их лиц и интересовались не только государственными делами, но и галантереей, увеселительными заведениями, рыбной ловлей, охотой, коньячными изделиями, а некоторые, что помоложе, и ночными клубами. Каждый из них имел задачей не только людей посмотреть, но и себя показать. К сожалению, этот показ иногда бывал не в нашу пользу. Так, Гарбузов, не стесняясь, распекал при шведах своих сопровождающих за плохую информацию и, на тактичную подсказку советника посольства Г.Н. Фарафонова о

том, что это удобнее делать наедине, разнес при всех и советника, заявив, что он министр и знает, как ему вести себя. Тактичным шведам оставалось только сделать вид, что они не замечают этой семейной ссоры. Громыко при торжественной встрече его на аэродроме МИД Швеции Нильсоном и ответственными сотрудниками советского посольства любезно поздоровался со своим шведским коллегой и, не «заметив» всех своих сограждан, уехал в отведенные ему апартаменты.

М.А. Шолохов и А.Е. Корнейчук категорически отказались выступить на собрании Общества СССР - Швеция, хотя их доклад значительно поднял бы авторитет этой слабой организации. Елютин снизошел до чтения в этом обществе доклада о постановке высшего и среднего образования в СССР. Доклад прошел гладко и, очевидно, был кем-то неплохо подготовлен. Впечатление испортили вопросы, которые нельзя было предусмотреть и заблаговременно подготовить ответы. Естественно, что некоторые из присутствующих интересовались не только проблемами высшего образования, но и жизненным уровнем трудящихся, социальными вопросами, туризмом в СССР. Министр не был к ним готов, но вместо того, чтобы прямо об этом сказать, он начал фантазировать и показал полную неосведомленность о жизни в своей стране.

Многие из приезжавших боялись выступать перед шведами, избегали пресс-конференций, приемов. С лучшей стороны, чем прочие, показал себя во время визита в Швецию министр морского флота СССР В.Г. Бакаев - интеллигентный, обаятельный человек, покоривший шведов эрудицией и знанием своего дела.

Из писателей лишь покойный Илья Эренбург не боялся выступать перед иностранной аудиторией и метко, остроумно парировал попытки задавать провокационные антисоветские вопросы.

Обращало на себя внимание крайне незначительное число настоящих специалистов-инженеров, ученых среди массы административных работников, посещавших Швецию. А ведь в этой стране есть что перенять и врачу, и учителю, и агроному, даже если он и не является министром.

Хочу еще раз сказать, что в пропагандистском плане ансамбль песни и пляски КБФ или грузинский танцевальный коллектив, не говоря уже о труппе Большого театра, делали значительно больше, чем все многочисленные высокопоставленные визитеры вместе взятые. Они показывали шведам высокую культуру советского народа, его душу, его оптимизм и не только не требовали валютных расходов, но и были экономически выгодны.

Большие штатные излишества за рубежом. Есть ли расчет в такой маленькой стране, как Швеция, содержать, помимо приемщиков специальной продукции - кораблей, комплектных заводов и др., - торговое представительство в сорок с лишним чело век? Прав был старший инженер торгпредств а Иван Студеникин, который заявлял, что если бы ему несколько изменить условия работы, то он один справился бы с задачами целого отдела. Для этого нужно знать в первую очередь свое дело и один-два иностранных языка. Роль целого торгпредства в посольстве ФРГ выполняет один коммерческий советник с машинисткой-секретарем. Понятно, там фирмы имеют прямые связи со шведами, но и товарооборот между этими странами значительно выше, чем у нас.

Целесообразно ли иметь в северной стране советника по сельскому хозяйству с переводчиком, когда причины высокой продуктивности зернового и животноводческого хозяйства очевидны? Может быть, лучше иметь одного такого специалиста на несколько стран с резиденцией где-либо в Англии?

Не много ли для такой страны, как Швеция, 60 ответственных чиновников в посольстве, как правило, загруженных работой в значительно меньшей степени, чем наши служащие на родине, а они тоже в должной мере не загружены? И опять возникает вопрос: сколько же средств пропадает впустую по основным 100 странам мира, где, очевидно, дела обстоят с нашими учреждениями не лучше, чем в Швеции?

Весьма отрицательно сказывалось на работе учреждений советской колонии в стране плохое состояние с информацией о внешней политике СССР, его мероприятиях в отношении страны пребывания и соседних с нею государств. Если посол еще в какой-то мере информировался МИД СССР по всем этим вопросам, то по линии военного руководства в аппарат ВАТ поступали лишь многочисленные задания и запросы.

Торгпредство также весьма скудно информировалось, и то лишь по рыночной конъюнктуре в соседних странах и планам завоевания местного рынка и валютных поступлений.

В стране имелись и представители других ведомств, ведущие самостоятельную деятельность и имевшие обособленные каналы связи. Все эти учреждения имели в какой-то мере доступ к интересующей нашу страну политической, экономической и военной информации, но должная координация их действий, как правило, отсутствовала, не было единого руководителя, отвечающего за согласованность деятельности сотрудников различных, зачастую конкурирующих между собою учреждений. Каждый представитель различных министерств, комитетов и

ведомств пытался опередить соседа в проведении того или иного оперативного мероприятия и самостоятельно доложить о нем в Центр. Взаимодействие между послом, торгпредом и ВАТ, равно как и с представителями других ведомств, строилось не на основе совершенно четких директив и положений, обязательных для всех руководителей, а на личных отношениях и симпатиях. Считалось, что каждый из ответственных работников за рубежом преисполнен государственной мудрости, партийности, скромности, сознательности и сможет самостоятельно найти линию поведения в таком многоотраслевом коллективе.

К сожалению, на практике это часто было совсем не так. К примеру, посол Ф.Т. Гусев крепко держал всех «самостийных» начальников в нужных рамках, но и постоянно помогал им, предоставляя в их распоряжение нужную информацию МИД, систематически ориентировал в объеме основных задач, стоящих перед посольством, советовался по важнейшим вопросам работы с торгпредом, ВАТ и другими ответственными сотрудниками колонии. После отзыва Гусева по состоянию здоровья в Союз прибыл молодой посол из выдвиженцев Громыко - Н.Д. Белохвостиков. Он начал с общей для нас методы руководства - огульного охаивания всего, что было при предшественнике, запретил знакомить руководящих работников ВАТ и торгпредства с информацией МИД, считая себя значительно выше всех своих сотрудников по опыту, отменил практику коллегиального обсуждения ряда важнейших проблем, заменив ее личными докладами, подчеркивал разницу в положении сотрудников посольства и других ведомств в колонии, окружил себя любимчиками. Понятно, что в таких условиях взаимодействие в работе отдельных звеньев нашего зарубежного аппарата в стране заметно ухудшилось.

Швеция - страна с весьма высоким жизненным стандартом. Это объясняется в значительной мере тем, что она более чем 150 лет умела избегать военных потрясений, которые за это время неоднократно опустошали многие страны мира, в том числе и нашу. На многочисленных локальных войнах и в двух мировых катастрофах, разоривших десятки народов, Швеция, благодаря своему нейтралитету и умелой внешней политике, создавала свое благополучие, умножала богатства, выгодно торгуя с обеими воюющими сторонами или коалициями.

Даже во Второй мировой войне руководители этого государства сумели сохранить свой, хотя и враждебный СССР, нейтралитет, своевременно оценив авантюризм и бесперспективность агрессии Гитлера. Правда, они пропускали через свою территорию немецкие войска из Норвегии в

Финляндию и обратно - установлено, что каждый третий немецкий снаряд, выпущенный на Восточном фронте, был из шведской стали, - но формально и тогда они в войне участия не принимали, а пользовались ею для получения колоссальных прибылей на поставках военных материалов и гитлеровцам, и странам антигитлеровской коалиции. Сверхприбыли, которые получали шведские капиталисты от военных поставок, давали возможность выделить часть из них на удовлетворение социальных нужд трудящихся, которые таким образом косвенно подкупались правящей верхушкой за счет бедствий других народов.

Но не только эта причина дала возможность Швеции выйти на одно из первых мест в мире по среднему уровню материального благосостояния населения. Нужно отметить, что своим благополучием страна в значительной мере обязана высокому трудолюбию народа, его талантливым инженерам и ученым, давшим рабочим и крестьянам совершенную техническую базу, позволяющую обеспечивать высокую производительность труда в решающих отраслях народного хозяйства, его высокой организованности и дисциплинированности. Все это в совокупности дало возможность успешного развития на северо-западе Европы, в суровых климатических условиях, маленького капиталистического государства с архаической монархией, государства, почти не имеющего, кроме железной руды, водной энергии и леса, никаких природных ресурсов.

Еще со времен разбойников-викингов, открывших, как утверждают шведы, задолго до Колумба Американский континент, племена, населявшие территорию теперешней Швеции, вынуждены были вести ожесточенную борьбу за существование не только между собою, но и с природой, не баловавшей аборигенов своими благами. Это выработало у них силу воли, упорство, деловитость в сочетании с некоторой медлительностью, ставшие их национальными чертами характера.

В настоящее время Швеция, насчитывающая всего 7 млн. населения, располагающаяся на скандинавском гранитно-базальтовом монолите, является развитой в промышленном отношении страной, с передовым сельским хозяйством, почти полностью обеспечивающим страну основными продуктами питания.

Уровень промышленного производства и технического прогресса позволяет шведам быть на одном из первых мест по выпуску качественной стали, электротехнического оборудования,

машин, производить отличные автомобили («Вольво», «СААБ» с гарантией 200 000 км пробега без ремонта), самолеты типа «Дракен», «Виген», не уступающие американским многоцелевым истребителям, танки, артиллерийские системы известной фирмы «Бофорс», корабли торговые и

военные. Все это производится в объеме, значительно превосходящем внутренние потребности страны, и идет на экспорт, в том числе и в Советский Союз, вследствие чего внешнеторговый баланс шведов, как правило, активный.

Шведы расчетливые хозяева, и их капиталистам нельзя отказать в высокой организованности и умении планировать и рассчитывать экономичность производства. Они ввозят в страну ежегодно 14 млн. тонн сырой нефти, покупая ее, в том числе и у нас, по весьма низким ценам - 60 крон кубометр. Перегнав ее на своих заводах, они продают бензин по 1,7 кроны за литр, получая тысячи процентов прибыли и загружая большое число рабочих в химической промышленности. То же самое с древесиной. Около 40% всей территории Швеции покрыто лесом, но умные дельцы покупают у нас за бесценок неразделенный кругляк, производя из него мебель, фанеру. При этом используется все, до опилок включительно. Свой лес считается национальной ценностью, его берегут. Без лесного покрова тонкий слой почвы на камне легко разъест эрозия, обмелеют реки, изменится ландшафт, переведутся звери.

На переработке большого количества относительно дешевого сырья, ввозимого из-за границы, в дорогие промышленные изделия, идущие на экспорт, занято большое число квалифицированных рабочих, вследствие чего количество безработных даже в зимние месяцы относительно невелико. Это дает возможность шведам на особо тяжелой физической работе использовать иностранцев - финнов, эстонцев, латышей, литовцев и даже итальянцев.

С учетом создавшихся объективных возможностей в процессе длительных классовых боев с буржуазией шведские трудящиеся завоевали ряд существенных позиций, определенных в настоящее время в законодательном порядке. В стране введено всеобщее девятилетнее обучение с обеспечением за счет государства всех учащихся необходимыми учебными пособиями и горячими завтраками. На большинстве предприятий установлена 40-часовая рабочая неделя. С 1.05 до 1.10, в наиболее благоприятное для отдыха время, трудящиеся переходят на пятидневную рабочую неделю, продолжительность ежегодного отпуска для рабочих и служащих установлена в 30 дней. К Рождеству каждый работающий на предприятии или в учреждении получает от

администрации 13-й оклад. Женщины, занятые на производстве, помимо общих выходных, имеют один так называемый хозяйственный день в неделю для приведения в порядок домашних дел, стирки, уборки квартиры и т. д. Женам рабочих и служащих, не занятых на производстве, ежегодно выдается единовременное пособие в размере двухнедельного содержания мужа для предоставления им возможности провести отпуск вместе с главой семьи.

Все работающие должны состоять в страхкассе. В этом случае медицинская помощь им и членам их семей оказывается бесплатно, и за время болезни эти лица получают пособие по нетрудоспособности, размер которого зависит от стажа работы.

При потере рабочим и служащим по не зависящим от него причинам работы ему выплачивается пособие по безработице, размер которого зависит от многих условий: квалификации, состава семьи, стажа работы и др. На предприятиях и при учреждениях обычно имеется широко разветвленная сеть дошкольных учреждений для детей рабочих и служащих, занятых на данном производстве.

Все граждане Швеции, достигшие 67 лет, в том случае, если им не положено повышенной ведомственной пенсии по линии министерств, магистратов и предприятий, обеспечиваются так называемой «народной» пенсией в размере 400 крон на одного человека и 600 на супругов указанного возраста. Для получения такой пенсии достаточно предъявить одно пасторское свидетельство о рождении (достижении 67-летнего возраста). Шведы считают, что их граждане, достигшие такого преклонного возраста, вне зависимости от места работы, внесли свою лепту в государственную копилку, достаточную для их минимального обеспечения по старости.

Как в городах, так и в сельской местности для молодежи открыта сеть спортивных площадок, стадионов, клубов, имеющих целью не только физическое оздоровление молодежи, но и удержание ее под влиянием определенных политических партий, в ведении которых находятся эти спортивные сооружения. Для получения физически полноценного потомства в будущем предусматривается даже такая деталь, как продажа по льготным ценам с государственной дотацией оптовым торговцам овощей и фруктов, с тем, чтобы сделать их доступнее для массового покупателя и тем самым избежать хронического авитаминоза, ранее весьма распространенного в северных странах. Неудивительно, что апельсины, бананы, лимоны, яблоки стоят в Швеции зачастую дешевле, чем в тех странах, где они производятся.

Средняя заработная плата квалифицированного рабочего и служащего в начале 70-х годов была довольно высокой и колебалась в пределах 1500- 2000 крон (300-400 рублей), что давало возможность сносного существования семье в 3 человека при одном работающем. Покупательная способность кроны в то время была сравнительно большая, а курс ее стабильным. Так, мужской костюм стоил 250-300 крон, пальто - 300, ботинки - 40-50, масло сливочное - 5, мясо - 6-7, сахар - 0,75, апельсины - 1,5. Характерно, что при умеренных ценах на товары первой необходимости предметы роскоши стоили дорого, но все же, при соответствующей экономии, были доступны для среднего шведа. К примеру, легковая автомашина «Вольво», «Мерседес-220» стоила 14 000 крон, что составляло 2300 руб., и многие служащие и рабочие имеют личный автотранспорт. Общее число легковых автомобилей достигает 1,5 млн. единиц, что для семимиллионного населения не так мало.

Завидное изобилие всевозможных товаров в многочисленных кооперативных и частных магазинах городов и сел поражает незначительным количеством покупателей. Полностью отсутствуют очереди за чем-либо. Их можно наблюдать лишь ранней весной и поздней осенью в промтоварных магазинах, где в это время проводится распродажа со значительной скидкой соответственно зимней и летней одежды и обуви, которая в межсезонье может выйти из моды и нанести убыток торговцам. Они предпочитают любой ценой сбыть на зиму летние и на лето зимние товары, хотя бы по себестоимости. Этим обычно пользуются малосостоятельные шведы, для которых вопрос моды не всегда является главным.

Швед экономен, он бережет копейку про черный день и не стремится закупать вещи впрок. Он знает, что за имеющиеся у него кроны он может даже на самом Крайнем Севере, в Хапаранде, купить ананасы, а если их случайно там не окажется, покупателю по требованию доставят все, что нужно, в указанный срок, в указанное место, без обсчета и недовеса.

Ко всем этим социальным завоеваниям, удобствам и сервису шведы привыкли как к должному. Проблемы что-либо достать при наличии средств для них не существует. Основная проблема - заработать деньги, а для этого рядовому шведу нужно много и производительно трудиться. И шведский рабочий трудится упорно с большой отдачей. На заводе без сдельщины он не теряет минуты служебного времени на личные дела, разговоры, перекур. Без соревнования и громких обязательств им выполняются высокие по точности и качеству работы. Культура труда стоит весьма высоко. В авторемонтных мастерских работают в белых

халатах не служащие, а слесари и автомеханики. Печально признать, но чувство рабочей гордости, ответственности за выполняемое дело и, самое главное, производительность шведского труженика значительно выше, чем у нас в социалистическом государстве.

Вероятно, сказывается выработанная многими годами привычка опасаться безработицы - этого бича капиталистического общества, возможности быть уволенным по любому поводу, а иногда и без такового. Правда, сейчас на защите рабочего стоит профсоюз, весь коллектив предприятия, но возможность потерять место существует и теперь. А с его потерей сразу рушится все привычное благополучие, начинается бедность, нищета, поскольку при всех стараниях шведского трудящегося откладывать что-либо на черный день далеко не всем это удается. Система благоустроенного государства требует больших расходов от граждан, и первая статья этих расходов - квартплата. Она отнимает не менее 25-30% заработной платы, затем налоги: подоходный, церковный, в страхкассу, - и остается при всех высоких ставках не так много на питание, одежду и минимальные культурные потребности - кино, газеты.

За свое рабочее место поэтому каждый держится всеми силами, дорожит им и пытается работать как можно лучше, совершенствовать свою квалификацию до такой степени, чтобы стать мастером, которого на улице не найдешь и при незначительных изменениях конъюнктуры не уволишь. Длинный «рубль», вернее «крону», рабочий поэтому ищет на своем предприятии путем делового роста, а не перехода с одного предприятия на другое. Даже при незначительной безработице это опасно.

Жизнь шведского крестьянина-фермера по уровню цивилизации мало чем отличается от жизни среднего горожанина. Его дом - это хорошо благоустроенная, зачастую двухэтажная вилла с газом, ванной, канализацией, электрическим освещением, а иногда и отоплением, с обязательным телефоном, по которому он может связаться с любым населенным пунктом страны и даже за границей.

Тяжелый труд без надежд на милости природы, умноженный на рациональное использование современной агротехники и науки, дает возможность шведскому фермеру в условиях северной страны, на скальном грунте, выращивать урожаи пшеницы свыше 25 центнеров с гектара по стране и 50 центнеров по южной провинции Сконе, обеспечивая почти целиком потребности шведов в хлебе.

Когда один наш искренний друг - коммунист Юнсон, много

лет живший в СССР, прочел в 1962 году указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда передовикам сельского хозяйства Украины за стопудовые урожаи, он с грустью заметил, что при таких низких результатах крестьянского труда их фермер через пару лет разорился бы и пополнил резерв безработных или поступил в батраки к более преуспевающему земледельцу.

Для достижения высокой продуктивности своего хозяйства шведский крестьянин и его домочадцы вынуждены трудиться от зари и до зари, умело применяя современную технику, минеральные удобрения, рациональные севообороты, используя каждый клочок земли, каждую свободную минуту, каждую возможность произвести что-то, приносящее доход. Помимо зернового хозяйства, крестьяне имеют, как правило, крупный рогатый скот, содержащийся в стойлах. Под пастбища, обычно с электрическим «пастухом», используются лишь неудобные земли, которых становится все меньше. Портить хорошую, удобную землю под выпас считается нерациональным. При умелой ее обработке она может дать в достаточном количестве кормов скоту и продовольствия для людей.

Скот кормят на научной основе, концентрированным фуражом: жмыхами, турнепсом, силосом, бардой.

М.А. Шолохов, приезжавший в Швецию в 1962 году и знакомившийся между дел с причинами высокой продуктивности животноводства в стране (писатели у нас занимаются и этими вопросами), в беседе с сотрудниками нашего посольства в Стокгольме в шутку заявил, что эти причины ясны сами собою, поскольку то, что шведы скармливают скотине, он сам, может быть, и не ел, но жену всегда кормил.

Уровень механизации и производительность труда в сельском хозяйстве весьма высоки. На один трактор приходится не более 15 гектаров земли. Много специализированного автотранспорта, широко внедрена малая механизация: электродоилки, автоматические кормушки, клубнерезки, электропилы, агриетты - ручные тракторы с набором миниатюрных приспособлений для прополки, пропашки и культивации, транспортеры и др. Все это дает возможность достигать невиданной у нас производительности труда. Так, птицеферма в 50 000 кур обслуживается семьей крестьянина в 2-3 человека. Хозяин является директором, механиком, шофером-грузчиком, упаковщиком готовой продукции и экспедитором. Жена выполняет всю остальную работу - следит за инкубатором, кормит птицу. В лучшем случае ей помогают дочь или сын. За исключением птичьего крика, на ферме все идет в дело, вплоть до

куриного помета. У нас такая птицефабрика имела бы 15-20 человек рабочих и служащих (заведующего, бухгалтера, механика, шофера, подсобных рабочих, птичниц и т. д.).

Зажиточные крестьяне, имеющие большие земельные угодья, зачастую нанимают батраков. Это, как правило, разорившиеся крестьяне или городские безработные, вынужденные искать любого применения своим силам в поисках хлеба насущного. Нередко среди батраков можно встретить студентов университетов, подрабатывающих в период летних каникул, поскольку за обучение в высшей школе нужно платить, и немало.

Батраки обычно заключают с хозяином официальные трудовые соглашения, в которых оговаривается размер денежной платы, обеспечение жильем, питанием и т. д. Положение этой категории трудящихся незавидное. У них, за исключением студентов, практически нет перспективы подняться до уровня самостоятельного хозяина, и они уже обречены всю жизнь находиться на низшей ступени шведской социальной лестницы, не имея постоянной гарантии в получении какой-либо работы под старость. Понятно, что их положение не такое нищенское и бесправное, как батраков в бывшей царской России. Они члены профсоюза, заработная плата им устанавливается не по произволу хозяина, а в пределах узаконенных общих лимитов. Но батрак все же при всех условиях остается батраком. Хотя он и получает зарплату в пределах 600-800 крон в месяц.

В Швеции довольно интенсивно ведется жилищное строительство, и тем не менее в стране ощущается недостаток квартир. Правда, заметка, помещенная однажды в газете «Известия», о том, что в Стокгольме свыше 100 000 бездомных, безусловно, преувеличивает бедственное положение в шведской столице. Для города в 800 000 населения - каждый восьмой бродяга - это звучит неправдоподобно.

В действительности дело обстоит несколько иначе: женатый швед никогда не будет жить в одной квартире с семьей отца, и поэтому при наличии нескольких подрастающих сыновей милые родители ставят их в очередь на получение жилплощади, вернее, отдельной квартиры, в магистрате, хотя бы у папы имелся свой многокомнатный дом. Таких бездомных действительно собираются в крупных городах многие тысячи, и шведская статистика не стесняется показывать их остро нуждающимися. Понятно, что имеются и действительно бездомные - это, как правило, старики, которые за свою «народную» пенсию не могут содержать квартиру и вынуждены пользоваться периодической благотворительностью, а то и просто определяться в богадельни.

Имеются в стране и нищие, открыто просящие милостыню (их

немного) и скрытые, торгующие на улицах сосисками, спичками и прочей мелочью. Они прилично одеты, в выглаженных, аккуратно заштопанных старых костюмах, но это нищие, которым государство «всеобщего благоденствия» все же не смогло обеспечить сносные условия существования.

Шведы большие патриоты. Они любят свою суровую страну, гордятся ею, и многие из них считают свою королевско-парламентскую демократию образцом государственного устройства для других стран.

ГЛАВА 24. Коротко о вооруженных силах Швеции

Шведские вооруженные силы строятся на основе всеобщей воинской повинности, которой подлежат все граждане Швеции мужского пола с 19 до 47 лет. С 16 до 19 лет в порядке допризывной подготовки юноши состоят в хемверне - добровольной военизированной организации, носящей массовый характер.

Срок действительной военной службы для рядового продолжается 304 дня (10 месяцев), после чего он увольняется в запас, в котором состоит до 47 лет, по достижении которых снимается с воинского учета и, как правило, зачисляется без ограничения времени в хемверн. Лица, состоящие в запасе, один раз в 6 лет призываются на трехмесячные сборы в те же полки, в которых они проходили действительную службу.

Подготовка призывников осуществляется в 47 депо-полках, имеющих постоянный офицерский, унтер-офицерский инструкторский состав. В число этих полков входят пехотные (мотопехотные), артиллерийские, инженерные, танковые, связи. По мобилизационному плану полки за счет приписанных к ним лиц развертываются в бригады, которые сводятся в дивизии и корпуса. Корпус является высшим оперативным объединением сухопутных войск. В мирное время сухопутная армия насчитывает около 51 тысячи человек.

Вся территория Швеции в военно-административном отношении разделена на 7 военных округов, которые, в свою очередь, разделяются на 30 более мелких, так называемых оборонных округов.

Вооруженные силы включают в себя, помимо сухопутной армии, ВВС и ВМС.

ВВС Швеции по численности парка боевых самолетов - свыше тысячи единиц - занимает 4-е место в Европе, а по их качеству - одно из первых. Всего имеется 20 воздушных флотилий (11 истребительных, 4 штурмовые, 2 разведывательные и 3 учебные). Флотилии сведены в 4 авиационные эскадры (2 истребительные, 1 штурмовая и 1 разведывательная).

Многоцелевые истребители типа «Дракен» и «Виген» могут нести ядерные заряды. Всего в ВВС находится около 18 тысяч личного состава. ВМС состоят из военно-морского флота и береговой артиллерии. ВМФ организационно разделяется на 4

военно-морских командования (Норд, Зюйд, Ост, Вест). Всего флот имеет около 200 кораблей, в том числе один легкий крейсер, оставленный преимущественно в представительских целях, 20 эскадренных миноносцев и миноносцев, 22 подводные лодки, торпедные катера, минные заградители, тральщики. Береговая артиллерия включает 3 артиллерийских полка и 2 отдельных артиллерийских дивизиона, образующих в шхерах укрепленные опорные позиции. Для кораблей до эсминцев включительно в шхерах имеются скальные укрытия, позволяющие маскировать основные силы флота от внезапного удара с воздуха. Личный состав ВМС насчитывает около 14 тысяч человек. Общее число личного состава шведских вооруженных сил в мирное время не превышает 84 тысяч человек.

Верховным главнокомандующим является король, который руководит вооруженными силами через министра обороны по административным и главнокомандующего по оперативным вопросам. Главнокомандующий по предложению правительства назначается королем на 6 лет. Он осуществляет руководство вооруженными силами через штаб обороны. Виды вооруженных сил имеют своих командующих и штабы (сухопутные войска, ВВС, ВМС). При короле имеется его небольшой штаб с его личными адъютантами. В министерстве обороны имеется так называемая Командная экспедиция, выполняющая функции отдела внешних сношений и руководящая аппаратами военных атташе Швеции за рубежом.

Не имея в течение 150 лет собственного боевого опыта, шведские генералы упорно стремятся получить его на Западе, в первую очередь в армиях стран НАТО, для чего посылают в США, ФРГ, Англию, Францию, Италию офицеров-стажеров в войска, военные школы и академии. Число таких стажеров достигает нескольких сот человек в году. Они не только изучают новую военную технику, но и знакомятся с оперативно-тактическими взглядами западных военных теоретиков, базирующимися на использовании в будущей войне средств массового поражения. В этих же целях - изучения боевого опыта - шведы в любую точку земного шара, где ведутся военные действия, пытаются послать своих наблюдателей, включая их в различные международные комиссии.

В 1962 году министр обороны Швеции Свен Андерсон на одном из приемов по собственной инициативе обратился к советскому военному атташе с предложением обменяться на паритетных началах слушателями военных академий, мотивируя это желанием демократизировать офицерский состав своей армии за счет обучения части его в военных школах самой

демократической армии в мире. Он не отрицал, что шведским офицерам пора перейти от односторонней ориентации на западный опыт ведения войны к изучению советской победоносной стратегии, чему в значительной мере могло помочь обучение части шведских офицеров в советских военных академиях. Наше руководство не пошло на это предложение, рассудив вполне здраво, что нашим офицерам едва ли можно было найти что-либо поучительное в шведских военных школах. Кстати, при очевидном отсутствии чего-либо поучительного в шведском военном искусстве при подготовке военных кадров, в вопросах организации учебного процесса и его техническом обеспечении шведы, несомненно, ушли от нас далеко вперед. И здесь у них было чему поучиться.

При посещении военно-морского училища мы имели возможность наблюдать проведение уроков по навигации в специальном планетарии. Для изучения иностранных языков уже в то время широко использовались лингафонные кабинеты, закрепленные за каждым курсантом. В учебный процесс глубоко внедрено кино. Мореходная практика, в том числе обязательная заграничная, занимала большой объем учебной программы. Для этой цели школа имела специально оборудованный учебный корабль.

Большое внимание уделяется физической подготовке будущих моряков. Школа имеет все для занятий многими военно-прикладными видами спорта, в том числе гребного, подводного, парусного, моторного. Помимо программных занятий физической культурой, обучающиеся обычно состоят в различных спортивных секциях, где проводят все свободное время.

Превосходно оборудована также школа пилотов в Люнбихеде. Помимо отличных учебных и спортивных комплексов, особых тренажеров, специально оборудованных классов: штурманских, летных, вооружения, - школа имеет свой, оборудованный по последнему слову техники, современный аэродром с большим парком поршневых и реактивных самолетов, а также самостоятельную ремонтную базу. Характерно, что за счет отличного обеспечения учебного процесса материальной частью, наглядными пособиями и квалифицированным инструкторским и техническим персоналом шведы готовят рядовых пилотов реактивных истребителей за 11 месяцев. Понятно, что такие темпы подготовки авиаторов возможны лишь в результате высокой общеобразовательной подготовки, наличия хорошего начального военного обучения в хемверне, солидных технических знаний шведской молодежи, связанной, как в городе, так и в деревне, еще до призыва в армию с. автомобилем, трактором,

мотоциклом, а в ряде случаев и со спортивным самолетом.

С учетом всего этого обучение в армии начинается не с длительного курса молодого бойца, а непосредственно со специальных дисциплин, тактической и огневой подготовки. Новобранцы обычно приходят в части с хорошими знаниями стрелкового оружия и основами строевой подготовки, которой в шведской армии отводится второстепенное место. Шведы считают, что в машинной войне успех боя решает не строевая выправка, а отличное знание техники и оружия. В военных школах недостающие знания, в том числе и общеобразовательные, обучающиеся получают в широкой сети факультативных кружков и семинаров. Так, в авиационной школе желающие посвятить себя службе в ВВС, но не окончившие гимназического курса, могут подготовиться и сдать экстерном экзамены на аттестат зрелости, поскольку без среднего образования стать офицером нельзя ни при каких обстоятельствах.

Мирное развитие страны в течение 150 лет наложило свой отпечаток и на армию. Она чрезмерно избалована комфортом, начиная от питания, которое по качеству и изобилию похоже на санаторное (в рацион солдата входят фрукты, соки, яйца, шоколад, жаркое), и кончая солдатскими общежитиями, более похожими на шикарную гостиницу, чем на казарму. Экипирован рядовой солдат шведских вооруженных сил в добротное шерстяное обмундирование серого цвета, отличается оно от офицерского только знаками различия на погонах. В шведской армии можно наблюдать любопытные, с нашей точки зрения, картины.

Широкая площадь перед казармами полка уставлена сотнями разнообразных автомашин, как у стадиона «Динамо» или в Лужниках во время футбольного матча. Что это? Очевидно, всеармейское совещание по вопросам повышения боевой готовности, и автомашины принадлежат руководящему составу, прибывшему на это совещание. Но почему не видно шоферов? Оказывается, это личные автомобили многих солдат части, которые в субботу уезжают на них к семьям, а в понедельник, к подъему, возвращаются на службу. На время праздников в частях иногда остаются лишь лица суточного наряда и дежурные подразделения.

За работавшим до призыва на военную службу шведом, в том случае, если на его иждивении находились родители или жена с детьми, государство сохраняет среднюю зарплату за весь срок службы кормильца в армии. В течение десятимесячной службы королю и отечеству шведский солдат получает 2 или 3

краткосрочных отпуска на 5-10 дней не в порядке поощрения за отличную службу, а в соответствии с законом о ее прохождении. Учитывая, что в течение дня можно попасть почти в любой пункт Швеции, - это немало.

В 1960 году в Стокгольме произошло событие, о котором несколько дней писали почти все шведские газеты. Один из корреспондентов «Дагенс Нюхетер» в погоне за сенсацией разоружил часового, стоявшего у королевского дворца. Подойдя к солдату, он заговорил с ним о тяготах армейской жизни и попросил посмотреть автомат. Солдат в простоте душевной выполнил его просьбу. Можно ли было отказать в таком пустяке солидному, любезному господину. Корреспондент, получив автомат, пустился с ним бежать в свою редакцию, а вслед за шутником, бросив пост, мчался безоружный часовой, умоляя вернуть автомат. Газеты, не без основания, утверждали, что такое вопиющее нарушение дисциплины могло произойти лишь в армии с весьма низким уровнем воинского воспитания. Ведь охрана священной особы короля доверяется лишь лучшим подразделениям в полках. Каковы же худшие?

Отсутствие боевого опыта и вытекающих из него воинских традиций шведы пытаются возместить помпезностью, воспоминаниями о былой славе шведского оружия, воспитанием у народа чувства уважения к военнослужащим как к защитникам самого демократического в мире государства, государства всеобщего благополучия.

Большую роль при этом играет церковь, имеющая в армии своих пасторов. Этим же целям служит проводимый ежегодно 6 июня День флага, в который король в присутствии большого числа зрителей, обычно на стадионе, вручает национальные флаги представителям вновь созданных частей и учреждений, а также организаций, в том числе и гражданских. Во время этой церемонии короля сопровождают «драбанты» - телохранители в мундирах времен Карла XII, играются старинные марши, получившие из рук главы государства знамена маршируют по стадиону. Характерно, что в 1962 году такой флаг был вручен ассоциации «ветеранов-добровольцев, сражавшихся против СССР на стороне финнов в 1940 году». Эта процедура проходила под бурные аплодисменты всех зрителей, которые стоя приветствовали колонн у битых вояк, возглавлявшуюся полковником Графстремом, при совершении ею «круга почета» под государственным флагом, полученным от Густава VI Адольфа. Все используется для внушения шведам мысли о том, что у них самая надежная оборона, бравый и храбрый солдат, умные офицеры. Для этого, очевидно, с особой помпой

проводится ежедневно развод дворцовых караулов, выглядящий как опереточное представление и привлекающий большое число зрителей. Взвод солдат, зачастую в кирасах с медными шлемами и султанами, с большим оркестром проходит через весь центр города. Развод проводится на дворцовой площади с выносом знамен и парадом. Характерна в этом же смысле церемония ежегодного выпуска рядовых-летчиков в люнбихедской школе. На это торжество приглашаются все ВВАТ, аккредитованные в Швеции. Присутствие большого количества иностранных представителей придает ему особую торжественность и значимость. В этот день на школьном аэродроме выстраиваются выпускники для сдачи последних летных испытаний на реактивных истребителях. С лучшим по успеваемости курсантом первым вылетает командующий ВВС, который обязательно присутствует на выпуске. После демонстрации одиночных и групповых фигур высшего пилотажа, которые вызывают непритворное удивление присутствующих своим мастерством, с учетом краткого срока подготовки, молодые летчики выстраиваются во дворе школы, где командующий вручает им дипломы об окончании училища и нагрудные значки пилотов королевских ВВС. После чего в краткой речи поздравляет их с окончанием учебы и благодарит за старание. После командующего с длительной проповедью выступает пастор, призывающий воинов быть всегда готовыми умереть за веру, короля и отечество. Особенно странно бывает слушать из уст шведского священника известное нам, но несколько видоизмененное изречение, что поднявший на Швецию меч от меча и погибнет. После проповеди всеми присутствующими поется молитва-гимн, и колонна пилотов проходит торжественным маршем мимо командования и гостей. На торжества приглашаются все бывшие начальники этой школы и ее выпускники, прослужившие в ВВС не менее 25 лет, ленсманы (приставы), бургомистры окрестных населенных пунктов, представители прессы. Каждый выпускник имеет право пригласить на торжество своих родителей и невесту. Официальная часть заканчивается банкетом и танцами, в которых активное участие принимает и командование.

Окончившие школу пилоты, кроме изъявивших желание учиться на унтер-офицеров ВВС, увольняются в запас на общих основаниях с рядовыми прочих видов вооруженных сил. Безусловно, такой выпуск остается в памяти курсантов на всю жизнь, праздник школы становится широко известен в стране.

В обычные дни в Стокгольме и других городах с большими гарнизонами на улицах относительно мало людей в военной

форме. Это объясняется тем, что не только офицеры, но и рядовые вне расположения своей части имеют право носить гражданскую одежду, а в штабах многие генералы и офицеры постоянно ходят в штатском платье. Это делается не без умысла, чтобы не вызывать у налогоплательщиков слишком часто напоминаний о больших статьях военного бюджета, который систематически растет из года в год.

Несмотря на заверения министра обороны Андерсона о его попытках демократизации офицерского корпуса, он все еще сохраняет, особенно в старшем и высшем звене, признаки кастовости. Многие генералы и офицеры считают себя потомственными вояками, уходят своими родословными в Средневековье и являются отпрысками старинных дворянских фамилий (Левенхаупт, Пальмшерна, Драгель, Графстрем, Хеннинг), гербы которых до сих пор красуются в рыцарском соборе в Стокгольме. Правда, значительная часть этих «рыцарей» уже разорилась, и военная служба является для них не только почетным делом, но и средством существования. Тем не менее носить, например, фамилию ближайшего соратника Карла XII - Шлиппенбах в Швеции престижно.

При прохождении службы у шведов действует неплохое правило: офицер может получить очередной чин только в том случае, если он командовал соответствующим подразделением или частью. Капитан в штабе может занимать любую должность много лет и не получить очередного чина майора, если ему не пришлось командовать батальоном хотя бы на стажировке в войсках. Вследствие этого честолюбивые служаки засиживаться в штабах не любят.

В армии строго выдерживаются сроки прохождения службы офицерами и генералами. Предельный возраст для полковников 55 и для генералов 65 лет. По достижении этого возраста, в день рождения, офицеру или генералу указом короля объявляется благодарность, и он, как правило, награждается орденом. Иногда ему присваивается очередной чин. В войсках в честь убывающего в отставку проводится парад той части или подразделения, которыми он командовал. Сослуживцы устраивают ему торжественный обед и преподносят памятный подарок, обычно какую-либо серебряную вещь (шкатулку, портсигар, поднос), на которой гравируются их подписи.

Еще до приказа об увольнении армейские кадровые органы предлагают офицеру несколько вариантов трудоустройства по вольному найму в учреждениях вооруженных сил или в гражданских ведомствах, куда охотно берут бывших военнослужащих с учетом их подготовки. Ограничений в

заработной плате при этом не существует.

Поскольку сроки увольнения из вооруженных сил определены законом, их не может изменить никто. Каждый офицер знает их с момента зачисления на военную службу, и уход в отставку не носит элементов драматизма, т. к. увольняемые к этому времени бывают достаточно подготовлены и морально, и материально. Да и материально отставник практически не страдает, т. к. получает пенсию в размере не менее 80% оклада на последней должности. Если же офицер или генерал увольняется из армии по не зависящим от него причинам, не достигнув возрастного лимита, размер пенсионного обеспечения выплачивается ему полностью вне зависимости от выслуги лет.

Следует заметить, что в денежном содержании военнослужащих у шведов нет слишком большого диапазона. Солдат получал около 200 крон (35 руб.) на мелкие карманные расходы. Фервалтаре (старшина-сверхсрочник) - 2400, полковник, начальник сектора в штабе обороны - около 5000, министр - 7000 крон в месяц. При этом высшие чины, кроме денежного содержания, не получают никаких дополнительных материальных благ (пайков, жилья). Бесплатное обмундирование и снаряжение офицер получает раз в жизни - при выпуске из офицерской школы. В последующем он ежегодно пополняет самостоятельно свой гардероб за

счет денежной дотации. Служебный автотранспорт может быть использован всеми категориями военнослужащих лишь по прямому назначению - поездки на инспекцию, учения, к месту службы.

Нередко можно было видеть министра обороны Свена Андерсона за рулем личной автомашины, едущего на отдых, а иногда и на официальные приемы. Служебным автотранспортом даже для такой категории чиновников в частных целях пользоваться запрещено. Все военнослужащие, кроме солдат, платят прогрессивный подоходный налог, размер которого возрастает, по соответствующей шкале, резко увеличиваясь для высокооплачиваемых категорий. Так, у фервалтаре он достигает примерно 400, а у министра - более 2500 крон.

Служба в королевских вооруженных силах считается почетной не только по форме, но и по существ у. Молодежь охотно идет по окончании обязательного десятимесячного срока в ВМС и ВВС на сверхсрочную службу и в офицерские училища. Немалую роль при этом играет, несомненно, высокий уровень материального обеспечения личного состава армии, ВВС и ВМС.

Несмотря на периодически поднимаемую прогрессивными кругами кампанию за упразднение монархии, авторитет короля в

вооруженных силах достаточно высок. На вопрос нашего представителя шведскому майору, выходцу из крестьян, Бьюле: «Чем объяснить, что в такой передовой стране, как Швеция, до сих пор сохранилась наследственная монархия?» - он ответил: «Для нашей маленькой страны король является самым дешевым президентом. Его предки, Бернадоты, создали ему достаточные материальные блага в прошлом, и расходы на содержание двора у нас весьма незначительны - не больше, чем на содержание канцелярии любого президента. Сохранив монархию, мы имеем ряд неоценимых преимуществ. Король у нас бессменный верховный главнокомандующий, что сохраняет стабильность в развитии нашей армии. Теперешний король - сын умершего, и он хотя бы из родственных чувств не станет огульно охаивать все законы своего предшественника, обвиняя его в злодеяниях, ошибках, создании культа личности. А это весьма важно для сохранения престижа власти в государстве. Королю нет необходимости изыскивать высокие посты в государстве для своих многочисленных родственников, поскольку по положению члены царствующей фамилии не могут быть министрами и другими высшими чиновниками. Устраняется принимающая в некоторых странах скандальные формы борьба за власть». Намек был весьма прозрачным, но вместе с тем отвечал действительному положению вещей в стране. Король у шведов почитается, и для большинства его авторитет непогрешим. Можно ругать министров, премьера, партии, критиковать порядки, но не затрагивать короля. Его персона священна. Характерно, что на массовых собраниях, в государственные праздники появление премьера и министров не вызывает никаких эмоций и проходит незаметно для присутствующих. При появлении же короля все встают, раздаются аплодисменты, приветственные восклицания. Не случайно шведские коммунисты говорили в шутку, что в Швеции, как в Англии, коммунизм может быть принят народом лишь при условии сохранения монархии.

Повседневную боевую подготовку вооруженных сил шведское руководство завершает обычно ежегодными осенними маневрами с отработкой элементов противоатомной зашиты. Им обычно предшествуют полковые учения. Проводя периодически демонстрацию достижений в оснащении и подготовке своих вооруженных сил на учениях, парадах, армейских праздниках, шведское военное руководство охотно приглашает на них представителей общественности, корреспондентов своих и зарубежных буржуазных газет, военных атташе западных стран и весьма неохотно допускает на такие мероприятия советских граждан.

В сухопутных войсках большое внимание уделяется лыжной подготовке. Зимой нередко можно видеть целые подразделения солдат, передвигающихся на лыжах за транспортерами. Держась за буксирные канаты, лыжники делают таким образом броски со скоростью 15-20 км в час. Тяжелое оружие, запасы продовольствия, вещевые мешки и боеприпасы находятся при этом на машине.

До настоящего времени у шведов в разведывательных подразделениях сохранились команды самокатчиков (самокат - устаревшее название велосипеда). Летом, в стороне от дорог, в условиях пересеченной местности или редколесья, передвижение мелких подразделений на велосипедах считается рациональным.

Периодически по указу короля в штабе обороны проводятся командно-штабные стратегические учения, в которых, помимо генералитета, принимают участие министры во главе с премьером, руководители соответствующих

ведомств, владельцы концернов, деятельность которых прямо связана с обороной («Бофорс», «Эриксон» и др.). На этих учениях разбираются мобилизационные вопросы, участие в обороне отдельных министерств и ведомств, определяются оптимальные соотношения людских ресурсов для армии и народного хозяйства, возможности снабжения населения продовольственными и промышленными товарами, потребные запасы стратегического сырья, анализируется состояние технического оснащения армии, авиации, флота, хемверна, гражданской обороны. По итогам таких учений даются директивные указания министерствам, ведомствам, видам вооруженных сил по устранению отмеченных недостатков.

Руководит такими учениями или сам верховный главнокомандующий, или по его поручению министр обороны или главнокомандующий.

Ракеты оперативно-тактического назначения для своих вооруженных сил шведы изготавливают сами по английским и американским лицензиям. Это современное оружие широко внедряется во все три вида вооруженных сил. Ядерного оружия Швеция пока не имеет, хотя уровень промышленного производства, науки и техники позволяет начать его изготовление в любой момент. Необходимые расщепляющиеся материалы шведы накопили в своих атомных реакторах, а институт ядерных исследований с сильными научными кадрами изучает не только мирные проблемы, связанные с атомной энергией.

Еще в 1962 году министр обороны Швеции Свен Андерсон доверительно заявил нашему представителю, что его страна во всех отношениях готова к созданию собственной атомной бомбы.

Правые круги и реакционное офицерство упорно толкают его на это. Но до тех пор, пока у власти находятся социал-демократы, он не допустит вступления Швеции в клуб ядерных держав, т. к. это подорвет политический престиж страны как нейтрального государства и ляжет тяжким бременем на плечи трудящихся.

В шведской армии нет политического аппарата, но вся система воспитания будущего призывника в семье, школе, на производстве происходит под известным реакционным влиянием буржуазного государства, церкви, которые убеждают мальчика, юношу, солдата в исключительности шведской нации, ее таланте, преимуществах шведского демократического государства всеобщего благосостояния перед другими, и в первую очередь социалистическими, странами. Шведскому благополучию грозит коммунизм, и в первую очередь русские, лишившие могущественных в прошлом потомков викингов их законных прав на финские, эстонские, литовские, латвийские и другие земли.

В некоторых деревнях, граничащих с Финляндией, до сих пор русскими пугают детей, а в стокгольмском естественно-историческом музее еще в 1963 году в разделе «предки человека», после черепа неандертальца, в качестве переходного неполноценного антропоида, как отдаленная ступень к цивилизованному человеку Хомо сапиенс, стоял череп с надписью «rysk» (русский).

Поступив в армию, молодой швед не выходит из общей для страны атмосферы неприязни к СССР и странам социалистического лагеря. В частях она носит еще более утонченный и всеобъемлющий характер. Она умело разжигается антисоветскими тактическими вводными занятиями, направленностью обороны, беседами офицеров, проповедями пасторов, измышлениями радио, прессы, телевидения, и, поскольку наш народ и страну, ее политику, культуру, историю знают весьма немногие из числа молодых шведов, повседневные усилия властей подогреть у солдат неприязнь к советам, коммунизму достигают своей цели. Слабая и идейно разобщенная Компартия Швеции не в состоянии пока противопоставить мощным средствам воздействия своих идеологических противников достаточно убедительной контрпропаганды.

Шведы много говорят о том, что их армия стоит вне политики. В частях и подразделениях запрещена деятельность каких-либо партий. В действительности же такой порядок лишь усиливает возможности воздействия на умы молодежи в нужном для правящих кругов направлении.

Подытоживая изложенное, можно сделать вывод, что шведские вооруженные силы, несмотря на их малочисленность в

мирное время, могут легко развернуться за счет обученного резерва и хемверна в миллионную армию, вооруженную современным оружием. Это даст возможность, как считает военное руководство, продержаться до прихода вероятных союзников, которыми шведы считают западные державы, и в первую очередь США.

ГЛАВА 25. Некоторые вопросы гражданской обороны Швеции

В предвидении ракетно-ядерной войны шведское правительство и военное руководство в начале семидесятых годов проверяли на практических учениях и в теоретических исследованиях эффективность двух направлений в организации и осуществлении зашиты гражданского населения и промышленных предприятий в военное время.

1. Путем укрытия людей и важных гражданских объектов в широко разветвленной сети бомбоубежищ. При этом под землей планировалось размещение, при возникновении опасности, не только людей, но и различных складов, хранилищ горючего, электростанций, гаражей, отдельных предприятий. Поскольку страна располагается на сплошном гранитно-базальтовом монолите, покрытом лишь незначительным слоем почвы, сооружение убежищ на глубине несколько десятков метров должно было, по мнению шведов, надежно гарантировать безопасность укрывшихся в них людей и оборудования.

В связи с этим все вновь строящиеся в Стокгольме жилые дома и административные здания должны иметь многоэтажные вырубленные в скальном грунте подвалы с мощными бетонными перекрытиями, способными выдержать тяжесть обвалившегося в результате воздействия взрывной волны наземной части здания. Некоторые из таких подземных сооружений уже сейчас оборудованы тамбурами, вентиляцией с очисткой воздуха, запасными выходами, сообщающимися с системой сложного городского подземного хозяйства. В мирное время такие подвальные помещения используются в качестве подсобных помещений для жильцов, хранилищ различной утвари, общественных прачечных. В военное время они планируются как убежища для лиц, проживающих не только в данном доме или блоке домов, но и населения соседних домов, не обеспеченных такими убежищами.

Характерно, что даже длинные переходы-туннели между улицами, проходящие иногда глубоко в скалах, оборудованы скрытыми тамбурами и герметически закрывающимися воротами. С учетом уже имеющегося фонда убежищ, практически каждый житель такого крупного города, как Стокгольм, насчитывающего свыше 800 тысяч человек, знает уже, где он и его семья должны укрываться при воздушной тревоге.

Понятно, что все эти домовые и блочные убежища не могут спасти от прямого попадания не только ядерной, но и тяжелой фугасной бомбы, но они достаточно надежно защитят от обвалов разрушенных при взрыве сооружений, находящихся на известном удалении от эпицентра взрыва, уносящих обычно значительное число жертв при бомбардировках. В интересах гражданской обороны особая комиссия стокгольмского магистрата утверждает все проекты новых жилых и промышленных сооружений лишь в том случае, если в них запланировано строительство убежищ.

В связи с этим, ввиду чрезвычайно большого объема скальных работ, выполнявшихся с давних времен в стране, шведы достигли большого мастерства в сооружении котлованов, туннелей, переходов под землей. Для этих целей ими создан ряд специальных машин, облегчающих проходку в скалах. Взрывные работы при подобном строительстве ведутся в населенных пунктах без прекращения уличного движения в его районе. Для обеспечения безопасности пешеходов и транспорта часть скалы с буровыми скважинами, снаряженными взрывчаткой, покрывается при этом толстыми матами, которые заглушают звук взрыва и не дают разлетаться осколкам камня. Расчет ВВ делается настолько точным, что оно лишь отрывает нужное количество грунта от материка, не сообщая ему метательного усилия. Осколки камня после взрыва убираются из котлована экскаваторами и транспортерами, и процесс повторяется до тех пор, пока не будет достигнута нужная глубина выемки.

Для армейских КП, штабов, военных складов и даже укрытия целых эсминцев и подводных лодок имеется военная сеть скальных укрытий на материке и в шхерах, но поскольку она не входит в систему гражданской обороны, останавливаться на ней нет необходимости.

Понятно, что строительство больших общественных убежищ, ведущееся за счет государства, требует весьма значительных средств. Но предприимчивые шведы пытаются даже из них извлечь выгоду и добиться их окупаемости еще в мирное время. Они размещают в них платные гаражи на тысячи автомашин, зимние спортивные залы, кинотеатры, крупные склады, мастерские, магазины и др.

2. Сторонники эвакуации крупных городов.

Это направление в гражданской обороне исходит из положения, что система убежищ в термоядерной войне не может защитить население городов от массового уничтожения и единственно радикальным средством сохранения людей может быть только их эвакуация из крупных населенных пунктов в сельские местности и рассредоточение там же отдельных

наиболее важных предприятий при первых симптомах так называемого угрожаемого положения в стране.

Для практического осуществления эвакуации большой массы людей из таких городов, как Стокгольм, Мальме, Гетеборг, нужна солидная предварительная подготовка, плановость и большая организованность населения. Как следует из проводимых периодически в Стокгольме учений по эвакуации населения целых районов, подготовка органов гражданской обороны ведется и по этой второй линии. Граждане крупных городов расписаны по определенным поселкам, бургомистраты которых знают, сколько и откуда эвакуированных они должны принять, расквартировать и снабдить минимумом необходимого для жизни. Примечательно, что, по некоторым данным, в стране с высоким жизненным стандартом и изобилием уже сейчас заготовлены карточки для рационирования продуктов и промтоваров на случай войны. И создаются их мобзапасы на местах.

В свою очередь, горожане знают, в какую деревню им положено ехать в эвакуацию и каким маршрутом. Об этом в каждом доме города напоминает прикрепленный на видном месте план с указанием красными стрелами улиц, по которым разрешено следование из города жителям данного района. И можно быть уверенным, что дисциплинированный швед другим маршрутом не поедет, хотя бы он и был короче.

В популярных брошюрах типа «Что должен знать каждый о гражданской обороне», помимо общих данных о мерах защиты, сказано, что должны взять с собою в эвакуацию лица, имеющие свой автотранспорт (в стране с 7 млн. населения около 1,5 млн. автомобилей), а также граждане, эвакуирующиеся на общественном транспорте, подача которого на такой случай также запланирована, и т. д.

Практически гражданская оборона у шведов имеет свой мобилизационный план, который, в отличие от плана мобилизации войск на военное время, предусматривающего развертывание депо-частей, определяет рассредоточение гражданского невоеннообязанного населения из крупных городов с тем, чтобы предостеречь его таким образом от неизбежных массовых потерь, как это было в Дрездене, Лондоне, Ковентри и других крупных населенных пунктах при массовых бомбардировках в период Второй мировой войны.

Следует отметить высокую техническую оснащенность подразделений гражданской обороны. Команды на заводах и фабриках, в городах и поселках имеют санитарные установки, транспортные автомашины, экскаваторы и транспортеры, перфораторы для разборки развалин, пожарные установки,

средства сигнализации и связи. Помимо этого, с объявлением чрезвычайного положения все пожарные команды, а в отдельных случаях и подразделения хемверна поступают в распоряжение местных штабов гражданской обороны. На учениях особое внимание уделяется спасению людей из завалов, оказанию им первой помощи, развертыванию сети госпиталей и больниц в полевых условиях.

Гражданская оборона имеет свою центральную школу, готовящую младший и средний командный состав.

Гражданской обороне в стране придается весьма большое значение. Ею руководил через министра внутренних дел премьер-министр, а на местах высшие чиновники местных органов самоуправления, вследствие чего все распоряжения по этому ведомству принимали характер государственных актов, подлежащих безусловному исполнению.

ГЛАВА 26. Стиг Веннерстрем

Период моей деятельности в начале 1960-х годов был, пожалуй, одним из самых плодотворных. И во многом благодаря сотрудничеству с замечательным человеком - Стигом Веннерстремом.

Мне, его будущему куратору, еще до командировки было известно, что он активно работает на нас, что к сотрудничеству с советской военной разведкой в 1948 году его привлек полковник ГРУ И.П. Рыбаченков.

Официальная передача на связь была осуществлена в конце октября 1960 года, когда мы с моим предшественником посетили Командную экспедицию, где Стиг занимал должность начальника военно-воздушного сектора. Прямо там, в рабочем кабинете, Веннерстрем мне передал первую партию отснятых фотопленок, содержащих секретные документы, касающиеся военного строительства ВС США и НАТО.

Это был стройный, подтянутый офицер. Несмотря на то, что ему уже было за пятьдесят (родился в 1906 г.), он оставался мастером спорта, отличным стрелком, пилотом. Веннерстрем владел дюжиной языков, в том числе и русским. У него к тому времени уже было две взрослые дочери, а жена, как поговаривали, состояла в дальнем родстве с королем Густавом VI Адольфом. Обширные связи Веннерстрема в военных кругах и при королевском дворе открывали ему превосходные возможности для ведения разведки. Стиг имел практически неограниченный доступ к секретным материалам, касавшимся не столько Швеции, сколько США, Англии и ФРГ. Вероятно, со времен вербовки полковника австро-венгерского Генштаба Альфреда Редля русская и советская военные разведки вряд ли имели более ценного агента.

Ценность Веннерстрема возрастала еще и потому, что официальное положение обеспечивало ему беспрепятственные, прочно легендированные контакты с советскими военными представителями. Ведь с ними он по долгу службы должен был встречаться по нескольку раз в неделю.

За годы работы на ГРУ он передал тысячи совершенно секретных документов, касающихся прежде всего стран НАТО. Все связи и сотрудничество Министерства обороны Швеции с натовцами, благодаря Веннерстрему, осуществлялись на виду у нашей службы. Особенно ценными оказались добытые Веннерстремом документы по ракетному вооружению США и

Англии.

Тогда, напомню, разгорался карибский кризис, и мир оказался поставленным на грань ядерной войны.

И именно через Стига советское высшее политическое руководство получило ценнейшие на тот момент сведения о приведении военно-морского флота США в состояние боевой готовности, выходе американских подводных лодок в Северную Атлантику для возможного блокирования нашего Северного флота, дабы не допустить его выхода в Атлантику к Кубе. Передача срочной, сверхсекретной и важнейшей для судеб мира информации произошла, кстати, в условиях, совершенно недопустимых с точки зрения элементарной конспирации. Вечером Веннерстрем позвонил в посольство и пригласил меня в ресторан. Естественно, он не мог не знать, что все посольские телефоны прослушиваются. При встрече за обедом пришлось учинить ему разнос за нарушение конспирации. Возможно, это было сделано грубо. Но мне от души было жаль ставить его под удар, несмотря на всю ценность сообщенной им информации. Мне было его жаль не только как агента, но и просто как человека.

А что Стиг? Лишь беззаботно рассмеялся в ответ на мои упреки и сообщил, что контроль связей советского военного атташе с местными жителями и иностранцами - это его личные должностные обязанности. Дескать, он, как «жена Цезаря», вне подозрений. К сожалению, дальнейшее развитие событий показало, что уверенность в этом оказалась чрезмерной и в последующем подвела его.

Чрезмерная «раскованность» Стига порой просто поражала. Вот еще случай… Военные атташе нередко организовывали кинококтейли для коллег из страны пребывания. На один из таких «малых приемов» прибыл начальник шведской военной контрразведки контр-адмирал Хеннинг. И во время комментирования адмиралу фильма мне, сидя между ним и Веннерстремом, пришлось получить от полковника несколько кассет с материалами. Конечно, это был самый «оригинальный» способ контакта с агентом за всю мою деятельность. Кому еще доводилось получать информацию от агента в присутствии начальника контрразведки? Веннерстрему ничего не стоило заехать за советским военным атташе на служебной машине, «перехватить» его по пути следования на работу…

Не откажешь ему и в чувстве юмора. Припоминаю, как одно время он передавал мне фотопленки через тайник, оборудованный в медицинской аптечке, висящей на его вилле. Изъяв на одной из вечеринок предназначенную мне посылку, я

дождался, пока уйдут гости, и под громкую музыку шепотом шутливо спросил Веннерстрема, для чего он наклеил на аптечный ящичек красный крест - чтобы глупые шведы поняли, что это аптечка? Он так же шепотом ответил: нет, чтобы умные русские поняли, что это тайник…

Что толкнуло шведского офицера на сотрудничество с советской военной разведкой? Деньги? Вознаграждение от нас он получал почти символическое - 3000 крон. Для сравнения: портье в моем доме получал 1400. Мы понимали, что, помимо симпатий к СССР, шведским полковником двигало в условиях холодной войны еще и стремление не допустить превращения ее в «горячую», мировую. Он, аристократ, понимал свой долг честного человека как необходимость достижения паритета сил между двумя блоками, что только и могло гарантировать мир. Веннерстрем, передавая нам важную информацию, тем самым помогал «уравновесить» военную активность стран НАТО с нашей.

В июне 1961 года Веннерстрем в соответствии с действующим в шведской армии положением уволился по возрасту. Ему предложили две гражданские должности - консулом в Испанию и советником в Министерство иностранных дел. Центр остановил свой выбор на МИД. По моему мнению, было бы обоснованным дать агенту заслуженный отдых, но Центр настаивал на немедленном продолжении работы. Хотя время-то было горячим. С переходом Стига на новую должность резко изменились условия связи. Сократились и возможности получения военной информации. Пришлось чаще довольствоваться информацией политической и научно-технической.

Сейчас трудно назвать причины или виновных в провале одного из видных агентов советской военной разведки 19 июля 1963 года. Следует отметить, что в работе с ним мы, наверное, допустили ряд ошибок, которые могли повлиять на его безопасность. Прежде всего мы старались получить от Стига как можно больше информации, в том числе и такой, к которой у него был крайне ограниченный допуск. Это могло навлечь подозрения со стороны контрразведки. Получаемая от него информация использовалась не только непосредственно в ГРУ, но и поступала в различные заинтересованные ведомства, к примеру в Государственный комитет по науке и технике. К этой информации могли, вероятно, иметь доступ в числе прочих и предатели Пеньковский и Поляков. Конечно, они не знали конкретно, от кого поступают такие-то материалы, но вычислить источник, проведя скрупулезный анализ, наверное, было все же возможно.

Был еще достаточно неприятный эпизод в работе с агентом, связанный с организацией встречи с ним в Хельсинки. Там встречу представителя Центра обеспечивал наш контрразведчик, а через несколько дней именно этот контрразведчик бежал в Англию. Конечно, не стоит и сомневаться, что он наверняка обрисовал внешность Веннерстрема. Вообще, чем больше огрехов вспоминаю, тем большую вину испытываю перед этим человеком…

На мой взгляд, видимо, не совсем оптимальным было наше решение о дальнейшем использовании агента после увольнения с военной службы. Уехал бы он в Испанию, осел там и продолжал бы оказывать нам прекрасную долговременную помощь. Однако было принято другое решение. Так как теперь поддерживать с ним контакты мне стало затруднительно, из Москвы прибыл новый наш сотрудник под прикрытием первого секретаря посольства (Георгий Павлович Барановский). Центр полагал, что Веннерстрему в его новом качестве будет легче встречаться с дипломатом. Контактов со Стигом с этого момента я уже не поддерживал.

До сих пор меня удивляет, почему после неожиданного ареста никто палец о палец не ударил, чтобы облегчить его судьбу. За прошедшую треть столетия это можно было бы сделать. Вариантов было множество… А как получилось в действительности? Сразу же после ареста о его судьбе никто даже не подумал.

Думали об одном: как избежать крупного скандала. Помню, когда шведы после ареста Веннерстрема пригласили 22.07.1963 г. нашего консула и заявили, что высылают военного атташе и первого секретаря посольства - то есть меня и Барановского, - нашими были приняты самые срочные меры, чтобы выполнить чужое требование, хотя шведы не указали конкретных сроков отъезда. Смешно рассказывать, но для этого срочно разгрузили сухогруз «Репнино» водоизмещением аж в пять тысяч тонн! Такое указание по просьбе моих коллег дал министр морского флота СССР, и этот пароход повез через Балтику всего двух пассажиров - меня и моего товарища.

Суд приговорил Стига Веннерстрема за шпионаж в пользу советской военной разведки к пожизненному тюремному заключению. Примечательно: в последнем слове он отрицал вину в нанесении ущерба безопасности Швеции (за раскрытие натовских планов его, естественно, не могли судить) и заявил, что история рассудит, был ли он прав, борясь за предотвращение новой мировой войны.

Думаю, последующее развитие событий оправдало жертву,

которую принес Веннерстрем. Карибский кризис не перерос в мировую термоядерную войну, которая не обошла бы стороной и нейтральную Швецию. Да и все послевоенные годы, не без усилий разведчиков, удавалось избежать худшего для судеб мира.

Веннерстрем по достижении преклонного возраста был все-таки освобожден из заключения. Хотелось бы выразить ему благодарность за бескорыстную помощь делу сохранения мира в годы холодной войны.

Будем помнить, что в истории наших тайных деяний есть такое имя - Стиг Веннерстрем. К сожалению, о нем пока не было ни книг, ни фильмов. А давно пора бы иметь.

После моего возвращения в Москву начались серьезные расследования провала. Как всегда, стали искать виновных. Разумеется, после высылки из Швеции я уже никуда больше не выезжал. А в 1968 году был уволен на пенсию.

1

Оскар Ансович Стигга (1894-1938) - ответственный сотрудник военной разведки с 1922 года. Нелегальный резидент в Германии (1930-1935), начальник 3-го (военной техники) (1935-1937) и 1-го (западного) (1937) отделов Разведупра РККА. Комдив (1936). Репрессирован в ноябре 1937. Расстрелян. Реабилитирован в 1956 году. (Прим. ред.)

2

Харальд Тынисович Туммельтау (1899- 1938) - ответственный сотрудник военной разведки с 1922

года. Военный атташе в Италии (1932-1934), заместитель начальника 3-го (военной техники) отдела Разведупра РККА (1936-1937). Комбриг (1936). Репрессирован в декабре 1937. Расстрелян. Реабилитирован в 1956 году. (Прим. ред.)

3

В.А. Никольский зачислен в распоряжение РУ РККА приказом НКО СССР № 0081 от 13 марта 1938 г., а К. Л. Ефремов - приказом № 00236 от 21 сентября 1937 г.

4

Бывший 3-й (военной техники) отдел стал 4-м в августе 1940 г. (Прим. ред.)

5

Л.З. Мехлис был начальником Главного политуправления Красной Армии и заместителем наркома обороны СССР. (Прим. ред.)

6

Полковник в отставке З. М. Гутин умер в 1968 г

.

7

Борис Яковлевич Наливайко был сотрудником советской внешней разведки. (Прим. ред.)

8

В.И. Шелапутин (И. Романов, В. Грегори) служил в органах американской разведки в ФРГ, работал на радиостанциях Би-би-си и «Свобода», после выхода в отставку жил в Ирландии. (Прим. ред.)

9

Павел Николаевич Паппе (1907-1988), полковник, после окончания в 1939 году Военной академии им. М. В. Фрунзе сотрудник

РУ-ГРУ. (Прим. ред.)

10

Сверхвысокочастотная
электронная лампа. (Прим. ред.)

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

8/30/2009